

Владимир Мединский

СКЕЛЕТЫ

из шкафа
русской
истории

Annotation

Русская история таит в себе много неожиданного: скелеты бывают спрятаны и в книжном шкафу... Здесь собраны самые интересные эпизоды и самые важные заключения. Благодаря новому изданию у вас, читатель, есть возможность познакомиться со всеми мифами о России быстро, легко и, надеемся, с удовольствием.

«Мифы о России» были признаны «Коммерсантом» самой популярной исторической книгой современной России, Михаил Леонтьев назвал их самым толковым пособием по западной русофобии, а Николай Расторгуев сказал, что они должны быть в школьной программе. Отметила этот проект и «Нью-Йорк таймс».

Подключайтесь к обсуждению! Читайте, думайте, спорьте.

- [Владимир Мединский](#)
 - [ПОМНИТЬ ХОРОШЕЕ](#)
 - [ПЕТР ВЕЛИКИЙ. И НЕ ОЧЕНЬ](#)
 - [Завещание Петра Великого и Soviet Story](#)
 - [Петра переворот... И миф про флот](#)
 - [«Богопротивная картовь» и лучший в мире чай](#)
 - [Необыкновенно болезненные стоны](#)
 - [Страшный удар по русской демократии](#)
 - [«Подкинутае сословие» и перевернутое сознание](#)
 - [Царь, который пьет как плотник](#)
 - [Всепьянейший собор](#)
 - [НАПОЛЕОН. ВЕЛИКИЙ ЛГУН](#)
 - [На любую глупость найдутся свои дураки](#)
 - [Кто победил 200 лет назад — на Бородинском поле?](#)
 - [У Кутузова не было «генерала Мороза»!](#)
 - [Откуда взялись на Руси шаромыжники и казак Иван Жантров?](#)
 - [Агитпроп Бонапарта](#)
 - [Русские и французы — на равных](#)
 - [Как Бонапарт породил миф о русской угрозе](#)
 - [Мифы и реальность войны 1812 года](#)
 - [Русская армия в самом сердце Европы](#)
 - [ОХ УЖ ЭТИ СКАЗОЧКИ!](#)

- [«Веселие Руси есть пити»](#)
- [«Воруют-с»](#)
- [«У России две беды — дураки и дороги»](#)
- [«Ленивы мы и нелюбопытны»](#)
- [«Прощай, немытая Россия»](#)
- [«Страна рабов»](#)
- [«Народ безмолвствует...»](#)
- [«Русский бунт, бессмысленный и беспощадный»](#)
- [«Тюрьма народов» + «Снизу доверху — все рабы»](#)
- [ОХ УЖ ЭТИ СКАЗОЧНИКИ!](#)
 - [Легенды о сказочной «Стране городов»](#)
 - [Путешествующие русофобы?](#)
 - [Сигизмунд Горберштейн, XVI в. Посол](#)
 - [Генрих Штаден, XVI в. Опричник](#)
 - [Да посмотрите, кто пишет!](#)
 - [Злая француженка, добрый англичанин](#)
 - [Здесь птицы не поют... Боятся полиции](#)
 - [О странах хороших и плохих](#)
 - [Про Сталина, соху и конкуренцию](#)
 - [Чем провинились классики?](#)
- [ВСЁ, ЧТО ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ ПРО ВОДКУ](#)
 - [От Хингана до Пярну](#)
 - [Что доказал и чего не доказал Вильям Похлебкин](#)
 - [Менделеев водку не изобретал](#)
 - [Приключения водки на Руси](#)
 - [Лояльное пьянство Европы](#)
 - [Три шестьдесят две, далее везде](#)
 - [Полная \(водкой\) нелепость](#)
 - [Бутылка «посольской»](#)
- [ПРО ПЫТКИ И КАЗНИ](#)
 - [Лобное место и виселица](#)
 - [Казни как норма жизни](#)
 - [За что казнили?](#)
 - [Как казнили? Обычное европейское зверство](#)
 - [Как относились к казням?](#)
 - [Еще две порки](#)
 - [Музеи пыток](#)
 - [Суд Линча — американская традиция](#)
- [ИВАН УЖАСНЫЙ И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ](#)

- [Грозный царь](#)
- [Сравним?](#)
- [В прекрасной Франции](#)
- [Уроки Бастилии](#)
- [В «цивилизованные» времена...](#)
- [Святая Русь. Покаяние и очищение](#)
- [СОСЕДИ, СОПЕРНИКИ, ВРАГИ](#)
 - [Русские о французах и немцах](#)
 - [Англичане сами о себе](#)
 - [Французы об англичанах и немцах](#)
 - [Немцы о русских](#)
 - [Все обо всех](#)
 - [Все сами о себе](#)
 - [Мы сами о себе](#)
 - [Свободные потомки свободных новгородцев](#)
- [О ДУШЕ И ДУШЕ \(ударение ставьте сами\)](#)
 - [Особенности национального водопровода](#)
 - [Почему европейцы не мылись?](#)
 - [Европейские города-душегубки](#)
 - [Неизбежные последствия](#)
 - [Аромат Версаля](#)
 - [О парфюмерии и эпидемиях](#)
 - [Экограды Руси](#)
 - [В здоровом теле](#)
 - [А ведь и сегодня...](#)
- [ПРО БОГАТЫХ И ЗНАМЕНИТЫХ](#)
 - [Репутация купцов: русским — верить](#)
 - [Биржа в трактире](#)
 - [Патологически доверчивые миллионеры](#)
 - [Немного о замках и ключах](#)
 - [Репутация дворян. Эталон чести](#)
 - [Как канцлер Бестужев оказался «продажным»](#)
 - [Репутация чиновников, или Поразительная закономерность](#)
 - [Казус Щепочкина](#)
 - [Репутация царей: «настоящие» и нет](#)
- [ЗАБЫТЫЕ ВОЙНЫ И ВЕЛИКИЕ ПОБЕДЫ](#)
 - [Мифы Древней Руси и битвы разных времен](#)
 - [Русские герои Грюнвальдской битвы](#)
 - [«Оршанская пропаганда» и Ливонская война](#)

- [Украину и Крым нам простили](#)
- [Семилетняя война](#)
- [Перед Крымской войной](#)
- [После Крымской войны](#)
- [Разрядка № 0](#)
- [КАКАЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ! \(Демократия\)](#)
 - [Что же такое демократия?](#)
 - [Отдушина: непосредственная демократия в городах](#)
 - [Генеральные штаты против ордена тамплиеров](#)
 - [Солнце абсолютизма и ирония элит](#)
 - [Демократия или плутократия?](#)
 - [Была ли демократия в Древней Руси?](#)
 - [Наши Генеральные штаты лучше](#)
 - [Как избирали Романовых](#)
 - [Николай I «Палкин» и его «вертикаль власти»](#)
 - [Троя — на деньги, украденные у русских](#)
 - [Храм Христа Спасителя на Воробьевых горах](#)
- [САМАЯ ЛУЧШАЯ ИМПЕРИЯ](#)
 - [Дар цивилизации — рабство](#)
 - [Восстание сипаев и судьба Шамиля](#)
 - [Национальность? Не имеет значения](#)
 - [Как татары Казань брали](#)
 - [Как казаки в Индию ходили](#)
 - [Рождение Новой России](#)
 - [Разный Кавказ](#)
 - [Средняя Азия: один против ста](#)
 - [Как продавали Аляску](#)
- [ПОБЕГ В ТЮРЬМУ](#)
 - [Не Рафшан с Джумшутом, а Фриц с Иоганном](#)
 - [Армяне — из Турции в Россию](#)
 - [Чеченцы — из России в Турцию](#)
 - [Про евреев](#)
 - [Россия берегла](#)
 - [Россия кормила](#)
 - [Россия уважала](#)
- [СОВЕТСКАЯ МИФОЛОГИЯ](#)
 - [Двадцать лет между двумя фотографиями](#)
 - [Последнее прибежище большевиков](#)
 - [В. Мономах и т. Зиновьев](#)

- [Антирусская страна](#)
 - [Мифы о Гражданской войне: Чапай думать будет](#)
 - [Переворот Сталина](#)
 - [«Подкидыши» советской эпохи](#)
 - [Патологически честные советские люди](#)
 - [Демократия в СССР. Возможно ли?!](#)
 - [Сущность советского строя](#)
 - [Социальная защищенность](#)
 - [Социальная мобильность](#)
 - [«Целились в коммунизм, а попали в Россию»](#)
 - [Правильная страна](#)
 - [WE ARE THE CHAMPIONS!](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Владимир Мединский
СКЕЛЕТЫ ИЗ ШКАФА РУССКОЙ
ИСТОРИИ

ПОМНИТЬ ХОРОШЕЕ

(Вместо предисловия)

Здравствуйте, читатель!

У вас в руках не одна книга, а сразу три. Я пролистал полторы тысячи страниц своего трехтомника «Мифы о России» и выбрал для этого издания то, что мне кажется самым интересным... Ну, или просто больше всего нравится самому автору. Если честно, меня давно просили о таком издании.

Хотя четверть миллиона проданных экземпляров «Мифов» — свидетельство того, что книга нравится народу и целиком... И я благодарен за это каждому читателю.

Так или иначе — у вас в руках «Мифы»-light, книга-дайджест. Надеюсь, потом вы решите познакомиться с «Мифами о России» и в полном объеме — тем более что в 2010 году вышло полностью обновленное издание этой серии.

Она вызвала массу читательских откликов. И восторженных, и возмущенных. Признаюсь, не ожидал столь бурной реакции. Это доказывает, насколько важными для всех нас оказались вопросы, поднятые в «Мифах».

Спасибо всем, кто меня поддержал. Но остановлюсь на критических письмах, которые пришли ко мне и в издательство.

Читатели указывают на неточности, какие-то описки, оговорки. Сразу подчеркиваю: я не писал узко-историческое исследование. Историки работают с первоисточниками. «Ворошат летописцы», по выражению Ивана III, рассматривают в лупы берестяные грамоты, опрашивают участников Куликовской битвы...

Я же не открываю Атлантид (и даже Трой). Просто подбираю факты в определенной последовательности и преломляю их под определенным углом зрения.

Вот, например, в интервью «Комсомолке» по поводу выхода книги вспомнил историю, как в 1812 году в сражении под деревней Красное (по другим сведениям — Дашковкой), когда русские солдаты — вчерашние мужики, крепостные, засели под шквалом французской картечи в окопы и головы боялись поднять, их командир — генерал Раевский взял за руки двух своих служивших (!) при штабе армии несовершеннолетних сыновей — одному было 10 лет, другому 14 — и сам пошел с ними в атаку. Один из

мальчиков поднял знамя Смоленского полка, и весь полк ринулся за ними в штыковую. Известный исторический эпизод Отечественной войны. Об этом писали Пушкин, Жуковский.

После этого интервью я получил массу читательских писем.

Забавно, но нашлись знатоки, которые стали уточнять, что сыновьям Раевского было, по «их информации», 11 и 15 лет, что знамя они не несли и что якобы в атаку с отцом шел вообще только один его сын... Да, есть разные свидетельства, я это знаю. Но что для нас важно? Для нас важен не десяток версий, в которых историческая правда порой блуждает как в темном лесу. Это-то как раз значения не имеет. Зато есть яркий пример, который должен быть в каждом учебнике для курсантов российских военных училищ.

Который нужен, например, чтобы пристыдить тех современных политиков и генералов, которые прятали за широкими спинами своих сыновей от Чечни.

По моему убеждению, не имеет значения, говорил ли в действительности Александр Невский: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет», или эту фразу можно оставить на совести сценаристов гениального фильма 1938 года. Не имеет значения, было ли сказано в 1941-м политруком Клочковым его ставшее знаменитым: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади — Москва». И было ли героев-панфиловцев именно 28, а не «целая» рота, как утверждают некоторые новомодные «историки Великой Отечественной».

Вот свежий пример. Когда было принято решение о создании президентской Комиссии по противодействию фальсификации истории, «Ежедневный журнал» выступил с комментарием: «Теперь нужно понять, что комиссия будет считать фальсификацией. Всякую ли информацию, представляющую советскую армию в дурном свете, а отдельных немецких солдат обычными людьми без склонности к зверствам? Или, может быть, напротив, комиссия обратит внимание на то, что повсюду по-прежнему тиражируются мифы вроде истории о 28 героях-панфиловцах, давно уже признанные вымыслом?» (ej.ru, 19 мая 2009 г.)^[1]

Этих бы «исследователей», да туда, под Волоколамск, как говорится, «с одной гранатой против двух фашистских танков». Там бы и поупражнялись в арифметике. Или — под Дашковку. Помочь

«мифическому» отроку — сыну Раевского держать «мифическое» русское знамя, шагая навстречу шрапнели.

Речь в нашей книге не об «исторических деталях».

Речь о том, как наши представления влияют на сознание людей.

Как формируется то, что называют духом нации.

Доведу этот тезис до крайности. Оставляю историю историкам. Мои книги — историко-публицистические. И слово «публицистические» должно было бы стоять на первом месте.

Дюма говорил, что для него история — лишь гвоздь, на который он вешает свою картину. Разовью ту же мысль: для меня историческая фактура — это рамка для картины. Главное действие моих книг развивается не в далеком прошлом, а сегодня, в наших собственных головах. И шире — в общественном сознании сегодняшней России.

У США, считайте, просто нет истории. По сравнению с нами хотя бы. Каких-то 200 лет. Но как же американцы умело, с любовью создавали ее, мифологизировали, вытаскивая на свет Божий все мало-мальски героическое и позитивное.

У нас история есть — великая, мудрая и богатая. Есть аристократ генерал Раевский, шагнувший, чтобы поднять мужиков в атаку, навстречу смерти, со своими сыновьями. Есть никому до того неведомый политрук Клочков с его 28 чудо-богатырями. Примеров множество. Есть, наконец, «сиволапые» русские крестьяне, которые своими трудами столетиями создавали нашу страну. Тот самый русский народ, который веками подвергался оболганию.

И поверьте, мотивы тех, кто плодил мифы о России, значения не имеют.

Иван Солоневич пишет в «Народной монархии» про «германскую экспертизу» — про то, как немцы оценивали своего противника, СССР, перед войной: *«Основной фон всей иностранной информации о России дала русская литература: вот вам, пожалуйста. Обломовы и Маниловы, лишние люди, бедные люди, идиоты и босяки... На этом общем фоне расписывала свои отдельные узоры и эмиграция: раньше довоенная революционная, потом послевоенная контрреволюционная. Врала обе. Довоенная (имеется в виду, конечно, Первая мировая война — В. М.) болтала об азиатском деспотизме, воспитавшем рабские пороки народа, послевоенная — о народной азиатчине, разорившей дворянские гнезда единственные очаги европейской культуры на безбрежности печенежских пустынь...»*

Таким образом, в представлении иностранцев о России создалась

довольно стройная картина... В частности, для немцев Россия — «колосс на глиняных ногах». По Солоневичу, Гитлер сделал ту же ошибку, что и Наполеон. Тоже думал, что русские терпеть не могут свое государство и своих правителей, и стоит их от этой ненавистной власти освободить, как колосс Империи падет.

Сталин при всем своем тираническом и преступном складе характера оказался мудрее. Он вовремя понял, что под одним знаменем коммунистической идеи победить в Мировой войне невозможно, и извлек из большевистского забвения и Александра Невского, и Петра Первого, и полулегальную Русскую Православную церковь. Страна ощутила под ногами почву, родную землю, фундамент нашей героической истории.

Ошибочность своей «Германской экспертизы» вермахт ощутил уже в первые дни войны, под Брестом. Брестская крепость вообще-то бралась штурмом дважды. Поляки в 1939 году ведь тоже не капитулировали. Они защищались и продержались в ней 2 дня. Советский гарнизон — без комиссаров, заградотрядов, без воды и без надежды, на одном русском мужичьем упорстве против стократного превосходства немцев — 2 месяца.

Мы не имеем права думать о себе плохо. Мы не имеем права думать плохо о нашем народе. Это — основа основ.

Не «говор пьяных мужичков» с их пляской, топаньем и свистом остался в истории, а величайшая страна в мире, которую мы от этих русских мужиков унаследовали. Низкий им поклон.

Это надо понимать и ценить. Нужно говорить о кулаках, о крепких хозяйственниках, о тружениках. Помнить надо хорошее и доброе. А те, кто рвет рубаху на груди: «Я люблю Россию люблю — и грязную и пьяную люблю, вот и этого пьяненького, уснувшего на паперти, люблю...» Что про них сказать? Я тут вижу только интеллигентское юродство и кокетство. И, кстати, леность мысли. Такое впечатление, что последнее, что читали эти риторы, — журнал «Огонек» образца 1990 года.

«Значит, никакой критики?» — немедленно раздастся ехидный вопрос. Ну почему же? Самокритика нужна, важна и все, что хотите. Но не надо в самокритике, как говорится, доходить до хамства. Нельзя выплескивать вместе с водой ребенка. Прошлое формирует наше сознание. И этот процесс требует бережного отношения.

Я изложил свое кредо.

Но все вышесказанное совсем не означает, что историческая точность для меня как автора не имеет значения. Все факты проходят скрупулезную проверку, которая требует поистине энциклопедических знаний.

Поэтому у этой книги есть научный редактор — ученый, доктор наук,

профессор Андрей Михайлович Буровский и научный консультант — Геннадий Владимирович Потапов. Отдельная благодарность за помощь в подготовке этой книги журналисту Андрею Назарову. Если читатель найдет, что уточнить в фактической части, пусть пишет мне на форум по адресу: *forum.medinskiy.ru* Ошибки будут исправлены, пожелания учтены — хотя не обещаю, что со всем сказанным буду соглашаться. В любом случае — обсудим.

Владимир Мединский

ПЕТР ВЕЛИКИЙ. И НЕ ОЧЕНЬ

Завещание Петра Великого и Soviet Story

С иностранными державами обходися с учтивостью и ласкою, но не давайся им в лапы, и да не управляет ни единая держава твоими делами.

Все они завистливы и потаенные злодеи твоего благосостояния и твоих подданных.

Из легендарного политического завещания Екатерины II внуку Александру («Антология мудрости», М., 2007)

В записках французского шпиона и агента влияния кавалера д'Эона (да-да, того самого мужчины, почти всю жизнь вынужденного переодеваться женщиной, героя телесериала «Пером и шпагой») можно найти упоминание о том, что в 1757 году он, благодаря тесной дружбе с царицей Елизаветой Петровной, получил доступ в архивы. Там он скопировал «Завещание Петра Великого» — инструкцию Петра наследникам, как надо стравливать европейские державы, расширять пределы Российской империи, дабы в конечном счете достичь мирового господства. Якобы д'Эон отдал это «Завещание» королю Людовику XV в Париже.

В 1778 году отставленный от двора и потерявший былое влияние д'Эон пытался напомнить о себе, для чего был найден отличный предлог — раздел Польши между Россией и Пруссией. Именно его кавалер д'Эон интерпретирует как реализацию «излюбленного плана Петра Великого, страстно желавшего приблизить свои границы к Германии, чтобы играть там серьезную роль». Вот! Вот! Слышите! Ведь он, он! д'Эон, давно предсказывал раздел Польши в своем докладе королю!

Итак, что такое «Завещание Петра Великого»? Это только слух, и не более. Слух, запущенный политическим авантюристом для того, чтобы вернуться в политику.

Но вот в 1807–11 годах Наполеон готовил общественное мнение Европы к походу на Россию. Сначала в Париже были запущены в обращение две брошюры, включавшие вариант текста «Завещания», который был взят из сочинения некоего очередного польского эмигранта М. Сокольникового, написанного в 1797 году.

Потом, по прямому заданию Наполеона, французский чиновник Мишель Лезюр, историк по образованию, написал книгу «Возрастание русского могущества с самого начала его и до XIX века».

В ней, помимо прочего, было сказано: *«Уверяют, что в частных архивах русских императоров хранятся секретные мемуары, написанные собственноручно Петром Великим, где откровенно изложены планы этого государя»*. Текст «Завещания» не опубликован, и Лезюр использует слухи, чтобы убедить европейскую публику в наличии агрессивных и наступательных устремлений российской внешней политики. Суть слухов такова: якобы Петр подробно спланировал территориальную экспансию в северном, южном и западном направлениях, вплоть до покорения значительной части Европы, Персии и Индии. Как же с такой страной не воевать?! А затем появилась и сама фальшивка, завершавшаяся «страшными» словами: *«Так можно и должно будет покорить Европу»*.

Специалисты давно доказали, что так называемое «Завещание Петра Великого» — грубая фальсификация. Но в нее многие поверили! Не одно поколение уже не европейских, а российских и советских историков искали «Завещание Петра Великого».

Так миф начал самостоятельную жизнь, совершенно независимо от того, что было в реальности.

Повторю, в Европе лучше, чем в любом другом месте, знают: это фальшивка. Ведь д'Эон на самом деле вообще **никогда не привозил** во Францию ни авторский документ Петра Великого, ни его копии. Он только составил для короля меморандум об основных внешнеполитических аспектах политики Российской империи. Записки кавалера д'Эона и сейчас хранятся в архивах французского МИДа, и французам прекрасно известно, что в них написано.

Тем не менее фальшивка вытаскивалась на свет всякий раз, когда недругам России надо было оправдать свои агрессивные замыслы и действия. Так, интерес к ней усилился в 1854–55 годах.

Англо-французская пресса тогда объясняла агрессию союзников в Крыму необходимостью пресечь «старинные захватнические планы потомков Петра».

О «Завещании» вспомнили еще раз в 1876 году в связи с началом освободительного движения балканских народов: вот, мол, Россия опять наступает, мирового господства хочет.

В 1915 году снова-здорово: немцы инспирировали публикацию «Завещания» аж в иранских газетах. Замысел был прост: вызвать страх и недоверие к России в соседней, очень лояльной к ней стране. Берегитесь!

Скоро придут русские казаки! Мало не покажется! Будут мыть сапоги в Индийском океане!

В ноябре 1941 года, когда стал очевиден провал «блицкрига», немецко-фашистские газеты вновь повсеместно публикуют «документ», предваряя его крикливым заголовком: «Большевики выполняют завещание Петра Великого о мировом господстве».

Известно, что обвинения в адрес Советского Союза в стремлении к «мировому господству», в намерении выполнить «завещание Петра Великого» раздавались и в годы «холодной войны»...

И уже в XXI веке экс-министр обороны США Дональд Рамсфелд заявлял, что «Россия — это новая угроза», и ссылался на «Завещание».

Начиная со второго президентского срока Путина в США стало просто дурным тоном не кричать на каждом углу об «имперской политике» России. При этом любят подчеркивать одну деталь: сам Путин — из Петербурга, любит все связанное с памятью Петра, даже у себя в кабинете Президент Российской Федерации повесил портрет первого русского императора.

Или порассуждать о том, как в реконструкции Константиновского дворца в Петербурге явно прослеживается своего рода реинкарнация эпохи и личности Петра I. Константиновский дворец изначально предназначался для принятия иностранных послов и делегаций, затем был заброшен... Что же плохого в восстановлении дворца и в реанимации активной европейской политики? В том, что В. В. Путин откровенно старается показать себя преемником *роевропейской* политики Петра I? Казалось бы, такую позицию можно понять лишь как верность политике европеизации страны, сближения с Западом...

Но раскручивается маховик политической истерии: раз президент повесил портрет Петра, значит, верен идеям его завоевательной политики. И посему опять всплывает «Завещание». Юристы называют такое «презумпцией виновности». Что бы ни делали русские, это наверняка что-то плохое.

На этом небольшом примере хорошо видно, как на уровне политического противостояния постоянно используется заплесневелый миф, которому уже больше двух веков. Меняются государства, грохочут войны и революции, изменяется облик Земли, а миф «благополучно» сохраняется и используется снова и снова.

А другие мифы и стереотипы трансформируются в новые. Они лишь в главном похожи на старые. Возьмите старый миф о «тюрьме народов» или «империи зла» — теперь в современной интерпретации он раскручивается

в некоторых наших бывших союзных республиках.

В 2006 году довелось мне с делегацией Госдумы России посетить Латвию. Прямо перед началом официальной (!) встречи между парламентариями двух стран в стенах Латвийского сейма нам вручили по экземпляру бесподобной книжицы: «Три оккупации Латвии». Книга выпущена в черно-красно-белом переплете: четкая фашистская колористика. Ее издание — часть государственной политики, книгу непременно вручают всякому официальному лицу, приехавшему из России. Образец дипломатичности и просто вежливости...

Под тремя оккупациями имеются в виду последовательно: советская оккупация 1939 года, оккупация нацистами в 1941–44 годах и советская оккупация 1944–91 годов. Первой оккупации посвящено страниц 10, германской — 2–3 странички, а основная часть книги, страниц 100 — исключительно о «третьей оккупации».

Забавно, что о немецко-рыцарской оккупации со времен XIII века в книге не говорится ничего. Видимо, превращение земель древних латгалов в колонию Тевтонского ордена, Ордена меченосцев и потом Ливонского ордена оккупацией не считается. Также ни слова об оккупации шведами в XVII–XVIII веках.

Ни слова о теплой и сытой жизни за пазухой Российской империи с начала XVIII столетия и по 1917 год.

Думаю, читатель догадывается, что испытывает всякий нормальный русский человек, полистав этот местный образчик евроагитпропа. В душе закипает... В общем, парламентские переговоры не задались.

В той же Латвии на создание «документального» фильма «The Soviet Story» выделяются средства из бюджета страны и из бюджета Европарламента. Главная задача авторов «Советской истории» — изменить отношение молодых европейцев и прибалтийских народов не только к Советам и коммунистам — ко всей России и всему русскому. Видимо, эта задача оказалась настолько важной, что никаких денег не жалко.

Ни о какой другой стране не сочинено столько политических черных мифов, как о России. В этом отношении мифы о России — явление в мировой истории уникальное. Эти мифы настолько живучи, что невозможно объяснить их появление и сверхдолгую жизнь простой случайностью.

Сами по себе, независимо от породившей их реальности, они — важный фактор международной политики.

Объяснить явление можно следующим: Россия уже двести пятьдесят лет, с середины XVIII века, является главным конкурентом и

геополитическим противником Запада. Как только стала «противником», так сразу и возник комплекс черных политических мифов. Поскольку Россия до сих пор конкурент и противник, то и мифы — никуда не исчезли.

Петра переворот... И миф про флот

Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам?

Н. М. Карамзин

Переворот Петра — один из решающих моментов в становлении негативных мифов о России. Не потому, что при нем и после него Россия все больше обращается в сторону Запада. Дело в том, что до Петра это делается совсем не так, как при Петре и при его преемниках.

До Петра весь XVII век Русь заимствует технологии, технику, способы организации армии. В этот славный и сложный век русской истории закладывается почти все, что впоследствии приписывается Петру.

Создается военный флот. Торговые флоты были в России и до того.

С XV века существует очень неплохой рыболовный и торговый флот поморов, который базируется в Холмогорах и в Архангельске (точнее, близ Михайло-Архангельского монастыря, положившего начало городу).

Кочи — российские суда, полностью отвечали всем требованиям, которые предъявлялись в Европе к океанскому кораблю: с килем, палубой, фальшбортом, одной-двумя мачтами, системой парусов. Эти суда могли выходить в открытый океан. Размерами кочи были не меньше каравелл, на которых Колумб открывал Америку, и уж точно больше суденышек Северной Европы — построенных в Швеции, Норвегии, Шотландии, Англии.

Петр I. 1723 г.

Яркий пример того, как дурное окружение и отсутствие всякого воспитания и образования могут испортить жизнь даже столь одаренному от природы человеку. А также того, как благими намерениями мостится дорога в ад.

О качествах коча говорит хотя бы то, что на этих судах поморы регулярно ходили к архипелагу, который норвежцы называли Шпицбергенем. У русских для этого архипелага, лежащего на 75–81 градусах северной широты, было свое название: Грумант. Плыли к нему около 2000 километров от Архангельска, из них 1000 километров по открытому океану, вдали от берега. «Ходить на Грумант» у холмогорских моряков было занятием почетным, но достаточно обычным.

Кочи были почти идеальными судами для мореплавания, рыболовства, добычи морского зверя в северных водах.

Этот флот возник совершенно независимо от флотов других европейских держав и без малейшего заимствования у них.

Считается, что Ричард Ченслор в 1553 году «открыл» устье Северной Двины, Архангельск и Холмогоры.

Виллем Баренц в 1595–97 годах «открыл» море, которое носит его имя, «открыл» Шпицберген и погиб, «открывая» Новую Землю.

Приходится брать в кавычки слово «открыл», потому что все эти острова, проливы и моря были давным-давно известны русским мореходам. Не говоря о том, что «открытие» Архангельска англичанами выглядит ничем не смешнее, чем «открытия» нами Лондона или Глазго.

Если Ченслор «открыл» русское Поморье, то и русские «открыли» многие европейские земли. Первые следы пребывания русских на Груманте известны с X века. С XII–XIV веков они добираются до Новой Земли. С начала XV века русские моряки Севера регулярно плавали вдоль всего Мурманского побережья.

Огибая самую северную точку Европы, мыс Нордкап, они добрались до Норвегии и наладили с норвежцами торговлю.

В 1480 году русские моряки первый раз попали в Англию — между прочим, за 70 лет до Ченслора. Они и потом посещали Англию неоднократно. Я несколько не умаляю славы Ченслора, Баренца и других отважных моряков Англии, Голландии, Норвегии. Но, простите, кто кого открыл? Наверное, лучше и честнее всего учесть и признать все открытия. Все открывали всех, плавая по морям навстречу друг другу. Но ведь и в этом случае мы «открыли» британцев на 70 лет раньше, чем они нас.

Кочи предназначались для северных морей. Их корпус был устроен не так, как у судов, ходивших в незамерзающих морях: обводы судна в поперечном разрезе напоминали бочку. Форма изгиба рассчитывалась так, что если судно затирало льды, то эти же льды, стискивая борта судна, приподнимали его, выталкивали вверх. Течение продолжало толкать лед, льдины продолжали теснить и толкать друг друга, но судну это уже не было опасно.

Таким образом были рассчитаны обводы полярного судна «Фрам» («Вперед»), построенного по проекту Ф. Нансена. Нансен использовал национальный, норвежский вариант «северной каракки». Его расчет оправдался. «Фрам» в полярную зиму затерли льды, корпус его поднялся почти на полтора метра, и как ни бесновался лед, он не смог раздавить корпус судна.

Наши кочи были ничуть не хуже! А наш каспийский бус, плававший по Волге и Каспию? Кочи строили в Холмогорах и в других городках по Северной Двине. Каспийские бусы строили в нескольких местах по Волге и по Оке. России XVII века совершенно не были нужны никакие иностранные инструкторы, никакие мастера из Голландии, чтобы строить корабли.

В этом издании я решил, несмотря на протесты научного

редактора, убрать данные о водоизмещении кочей и бусов. А. М. Буровский настаивает, что это 100 тонн и 2000 тонн соответственно. Проверить его данные я не могу, а критические высказывания из-за этих двух чисел мне выслушивать надоело. Важно другое: у России были собственные разработки, свои технологии, и ее не похожие на голландские корабли в российских климатических условиях себя прекрасно оправдывали.

Но во время своей поездки на Север Петр в 1691 году обнаружил «ужасную» вещь: дикари из Холмогор делали «неправильные» обводы судна! Не такие, как в Голландии! То ли Петр не слушал никаких объяснений, то ли никто не решился объяснить Петру, что так и нужно строить корабли для плаваний по ледовитым морям. Ведь голландский флот севернее Эдинбурга и Осло никогда не забирался. Он никогда не смог бы плавать в таких широтах и в такой ледовой обстановке, как кочи.

Специальным указом Петр повелел прекратить строительство всех «неправильных» кораблей и строить взамен только «правильные», с такими же обводами корпуса, как в Голландии. А каспийский флот?! Там тоже неправильные обводы судов.

Сломать! При Петре по его прямому указу бросают гнить, а то и просто ломают прекрасные корабли, которым плавать и плавать, уничтожают два превосходных флота. Из сырого леса, наскоро начинают строить другие — под руководством иноземных специалистов.

Но когда построили новые суда, то оказалось, что мореходными качествами прежних кочей они не обладают. Россия, русское Поморье, навсегда потеряла свой приоритет в северных морях, свое «ноу-хау», позволявшее ей уверенно конкурировать с любыми иноземцами на Севере. А флот каспийских бусов так и не восстановили — ведь иностранцы никогда не умели строить такие большие и надежные «неправильные» суда.

А. Строк «Фрегаты „Святой апостол Петр“ и „Святой апостол Павел“».

Петр строил фрегаты, но главную свою морскую победу (при Гангуте) одержал с помощью гребных галер. Обратите внимание на цвета флагов над РУССКИМИ кораблями.

Да, Петр I строил флот. Для Черного моря под Воронежем, для Балтики — во многих местах. Да, строил... Строил под чутким руководством иноземных мастеров, «разбазаривая на них валютные средства», игнорируя свой национальный опыт. И к тому же невероятно торопился.

При таком подходе к делу ничего хорошего не получалось. Корабли строили не вольные мастера Холмогор, а согнанные «даточные люди», толком не понимавшие, что они делают и зачем.

Корабли сколачивались на скорую руку, без всякого соблюдения технологии. Большинство кораблей, построенных Петром, сколочены в ударно короткие сроки из сырого леса, черт-те из чего и представляли собой еле державшиеся на поверхности воды плавучие гробы.

Это как если бы вместо поддержки отечественного автопрома вдруг решено было бы выпускать только «линкольны». И без всякого учета того, что «линкольны» не предназначены для наших дорог: на морозе у них стекла изнутри вообще-то покрываются коркой льда. Без всякого представления, что те же «мерседесы» для Швеции, Германии и Эмиратов — это три совершенно разные машины.

В общем, обычное для Петра отсутствие стратегического мышления и любовь к символам. Таким, как «самая блестящая из ошибок Петра», по словам Карамзина, — Петербург. Почему было не запланировать

стратегически — взятие, скажем, Риги с ее портом, который в те гораздо более суровые в смысле климата времена на два месяца дольше был свободен ото льда? Выгнать из Риги немцев, а лучше их ассимилировать и закладывать новую столицу не на болоте, а считай, прямо в Европе... Почему этого Петр не сделал, хотя Ригу он все равно спустя несколько лет взял и столицу все рано из Москвы перенес, — загадка.

Ф. Рокотов «Портрет Екатерины II». 1770 г.

Будучи немкой по крови, Екатерина смогла стать глубоко русской по духу.

Такая же, как строительство флота под Воронежем силами никогда не выдавших моря русских мужичков.

Указы Петра уничтожили строительство русских кораблей.

Построенный им флот уже при Анне Иоанновне, в 1730-е годы, не мог в боевом составе выйти из Финского залива. Флот большей частью пришлось создавать заново уже при Екатерине.

«Богопротивная картовь» и лучший в мире чай

Очень характерно для мифологии того периода: достижения русского народа и Государства Российского до Петра не замечаются, признаются как бы и не существующими.

Сказанное касается даже времени появления на Руси картофеля, подсолнечника, табака, кукурузы. Их внедрение приписывается лично сельскохозяйственному гению Петра.

Да вот беда: еще в 1634 (!) году Михаил Федорович запрещает курение табака по всей России. «Соборное Уложение» 1649 года снова запрещало «табак курить, пить и вообще держать у себя».

«Пить» — это пить настойку на табаке. Ее пили вместо хмельных напитков или подмешивали в них, чтобы крепче получалось.

Тогда же, при Алексее Михайловиче, в садиках появляются подсолнухи. Они используются и как декоративные растения, и для семечек. Как огородное растение разводят и кукурузу. Полевой культурой она стала только в начале XIX столетия, но уже в середине XVII века никого не удивляют русские ребятишки, грызущие кукурузные початки.

В XVII веке появился и чай. В 1638 году монгольский хан прислал царю Михаилу Федоровичу подарок — 4 пуда чайного листа.

Если верить историческому анекдоту, русские никак не могли взять в толк, что с этим листом делать. Никаких рецептов по его приготовлению им почему-то не оставили. В общем, пробовали жевать-невкусно. Добавлять в кашу али щи — тоже ерунда получалась. Наконец догадались заваривать крутым кипятком, но поначалу с заваркой явно перебарщивали.

Получалось что-то типа южноамериканского травяного матэ (ударение ставится, как и у Тарле, на первом слоге) — чашка листьев на чашку воды.

Вернее, похоже на тюремный «чифир».

То-то, видно, бояре помучились бессонницей, пока наконец по наитию не определили «правильную» пропорцию.

М. Клод «Алексей Михайлович Романов». «Тишайший» или «добрейший». В общем, «дорогой Леонид Ильич» на троне XVII в.

Вот с этих-то пор, т. е. еще со времен первого из Романовых, постепенно чай завоевывает все новых поклонников на Руси. В 1679 году заключили договор с Китаем о его регулярных поставках. Чай в Европе называется «тэ» или «ти». Название восходит к речи южных китайцев: в Европу чай шел с юга Китая, морем. На севере Китая, откуда чай получали мы, напиток назывался «ча», что и дало начало нашему названию.

С конца XVII века в Московии появляются заварочные чайники (в том числе знаменитая гжель). Вскоре появились и самовары, вот они-то — действительно типично русское изобретение.

Любопытнейшее замечание англичанина Джеймса Александра (1829 год) о русском чае: «А слуги в это время раздувают samovar (англичанин пишет, как слышит — „самовар“), готовя восхитительный чай, действительно, сознаюсь, **самый вкусный чай в мире**».

Он вообще много и подробно пишет о чае — ну, англичанин, ясное дело. О том, что русские тратят очень много денег на чай... «Чай, который я пил в России, всегда превосходен. Его продают здесь свежим, из Китая, не то что в Англии, где он по два-три года лежит на складе. Русские пьют

чай в течение всего дня и в огромных количествах. Часто в трактире можно услышать: „*Шесть стаканов сразу!*“» И никакого, заметьте, пьянства.

Картофель... Созданное в 1765 году Вольное экономическое общество утверждало: будучи в конце XVII века в Голландии, Петр послал в Россию мешок семенного картофеля и тем самым познакомил отсталых москвитов с новой культурой. А до того, как нетрудно понять, о существовании картофеля в России никто и не подозревал.

Вот только как быть с речью патриарха Никона, который в 1666 году... обрушился на тех, кто курит табак, лузгает семечки, употребляет в пищу «богопротивную картовь»? Никон боролся с курением табака не потому, что познал лично вред и опасность этого занятия, и воевал с картошкой не потому, что по дикости своей и невежеству не проникся еще пониманием, до чего же полезна эта культура. Просто и табак, и подсолнечник, и картошка были для него своего рода символами, очередными проявлениями отхода от «истинной старины», «выходцами» из западных неправедных стран, и подвергались гонениям только по этой причине.

Но получается, картошка-то водилась. И необходимости Петру ввозить ее из Голландии не было. Если Петр все же ввозил из Голландии картошку (а он, судя по всему, ввозил), это может иметь три разных объяснения:

1. Петр не имел никакого представления о том, что в России уже сажают картошку. В этом случае окружение ему или подыграло, или, что еще проще, никто не посмел повести царя в огород и показать ему там кустики картофеля.

2. Петр игнорировал то, что картофель в России уже давно есть. Ему необходимо было представить дело так, что это он ввез в Россию новую культуру, а остальное не имело значения.

Петр творил легенду, навязывал стране и народу свою версию истории.

3. Петр хотел выращивать только голландскую картошку.

Французская, немецкая, рязанская и прочая его не устраивала по вкусовым качествам.

На самом деле, если он и привозил в разовом порядке какие-то пакетики картофеля из Голландии, давая рекомендации везде это рассказывать, то это были отдельные примеры и характера государственной политики при Петре это не приобрело. По крайней мере, никаких указов на эту тему он не издавал, а Петр I, как мы помним, любил издавать указы по любому поводу — обширные и пространные. Так что в число большого количества добрых — и не очень — дел нашего государя картошку ему явно добавили. В действительности официальные рекомендации сажать картошку были даны при Екатерине II. Ей же приписывается гениальный

пиар-ход: поскольку картошку народ сажать не хотел, Екатерина повелела несколько государственных полей засеять картофелем и выставить охрану солдат. Ну, крестьяне рассуждали так: если что-то охраняют, значит, оно имеет большую ценность, и стали воровать клубни и сажать их у себя. Так безболезненно кое-где картофель и привился.

Правда, я думаю, что это выдумка — прежде всего потому, что точно такой же полуанекдот я вычитал в одном из учебников по истории Франции. Там тонкий пиар-ход приписывался генеральному министру Франции Тюрго — якобы именно он таким образом добился того, что французские крестьяне полюбили «земляные орехи». Однако Екатерина, надо отдать ей должное, насилия в распространении картофеля не проявляла. Зато его проявил впоследствии ее внук Николай I — человек прямой, — и именно в эпоху его правления случались так называемые картофельные бунты. Усмирять их посылали солдат. Николай I как человек просвещенный настоятельно советовал крестьянам отводить под картошку лучшие земли. Крестьяне противились. Но почему? А потому, что земли под посадки отбирали, а вот посадочного материала в достаточном количестве не выдавали. Земля пустовала — и именно это крестьян возмущало. То есть не все так просто, как это толкует молва.

Необыкновенно болезненные стоны

Много раз в русской истории народ бросался на колени перед царями и царедворцами с классическим: «Не вели казнить, вели миловать». В большинстве случаев царь все же скорее миловал, чем казнил. Исключений два: Иван IV Грозный казнил московских дворян, когда они на коленях просили его отменить опричнину. Второй случай — массовая казнь стрельцов в годы правления Петра I, в 1698 году.

В сущности, никакого «стрелецкого бунта» не было и в помине. Стрельцов Петр сильно не любил с тех пор, как они во время очередного возмущения убили на его глазах любимого дядьку Матвеева. И став неограниченным монархом, велел разослать стрельцов подальше от Москвы. Семьи с собой брать запретили, жалованье задерживали, временами и вовсе не выдавали.

Стрельцы двинулись на Москву — рассказать царю о своих бедах. А царь тем временем был в Голландии.

Стрельцов на подходе к Москве остановили, рассеяли буквально первыми же залпами пушек. Признаков бунта не нашли, а неподчинение приказу — совсем другой проступок. Тем не менее 56 стрельцов все же «для острастки» повесили, остальных разослали обратно, по гарнизонам.

Следствие вел князь Ромодановский, «И. о. Царя» в период отсутствия Петра. «Зело жесток, лицом страшен, пьян беспробудно» — это современники о нем. Кого-кого, а Ромодановского заподозрить в милосердии и либерализме было трудно.

Но Петру не хотелось, чтобы дело обернулось такой банальностью. Ему нужен был страшный заговор в армии, мятеж, бунт, попытка свержения конституционного строя, сношения с ненавистной Софьей, английской и японской разведками, троцкистско-зиновьевской оппозицией, попытки прорытия канала Лондон-Бомбей через Кремль... ой, что-то я увлекся... Это уже из следственной практики другой эпохи... В общем, едва Петр вернулся из Голландии, стрельцов с места службы потащили обратно в Москву.

Многое в дальнейшем объясняется личными особенностями характера Петра и его иррациональной ненавистью к стрельцам. Петр был

исключительно пристрастен. Стрельцов пытали страшно, причем царь делал это собственноручно. Дело было настолько отвратительное, что Петр из всех сил пытался скрывать от иноземцев и масштаб, и методы следствия.

Сотрудники датского посольства как-то проявили любопытство: проникли в Преображенское, чтобы подсмотреть, что же там делается, насколько правдивы почти невероятные слухи о пытках фактически невинных людей.

Казни стрельцов в 1698 г. Гравюра из «Дневника путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.)» И. Г. Корба.

Гравюра на первый взгляд не производит устрашающего впечатления. Как будто какой-то орнамент. И только приглядевшись, понимаешь, что детали «орнамента» — бесконечные виселицы и плахи.

Датчане осмотрели несколько пустых изб, где нашли лужи крови на полу и в сенях и заляпанные кровью орудия пыток, когда «крики, раздирательнее прежних, и необыкновенно болезненные стоны возбудили в них желание взглянуть на ужасы, совершающиеся в четвертой избе. Но лишь вошли туда, в страхе поспешили вон», потому что застали Петра с приближенными, который стоял возле голого человека, вздернутого на дыбу.

«Царь обернулся к вошедшим, всем видом показывая свое недовольство, что его застали за таким занятием». Иноземцы выскочили прочь, но князь Нарышкин побежал за ними, спрашивая, кто они такие, откуда взялись и зачем пришли? Датчане молчали, и Лев Кириллович им

объявил, что они должны немедленно идти в дом князя Ромодановского.

Чиновники посольства, осознавая свою неприкосновенность, *«пренебрегли этим довольно наглым приказанием. Однако в погоню за ними пустился офицер, намереваясь обскакать и остановить их лошадь»*. Датчан было много, и они все-таки убежали.

Когда в пытошные избы на другой день пришел Патриарх просить пощады для стрельцов, Петр буквально вышвырнул его вон.

Как нетрудно понять, в личном участии царя и его ближайших подручных в пытках никакой практической государственной нужды не было. Не удивительно, что Петру хотелось это скрыть от европейцев, как скрывают постыдную страсть половые извращенцы. Петру попросту *хотелось* пытать ненавистных стрельцов.

Так же иррационально жестоко вел себя Петр и во время знаменитой стрелецкой казни. Не было никакой государственной необходимости в том, чтобы любоваться всем процессом — как везут, как отрывают от жен и детей, как волокут на плаху.

В те страшные дни убили 799 человек. Сохранилась легенда, что один из первых в истории Орловых, некто Степан Орел, откатил ногой уже отрубленную голову, чтобы пройти. Этот жест до такой степени понравился царю, что он тут же, на залитой кровью площади, велел Степану Орлу явиться в Преображенский приказ и стать одним из его гвардейцев.

Петр присутствовал на площади от начала до конца и приказал боярам лично участвовать в казнях. Не привычные к палаческим должностям бояре и не умели толком убить человека, и испытывали более чем понятные нравственные затруднения (которых было тем больше, чем больше было сомнений в виновности стрельцов).

В результате после того, как некоторые бояре убивали стрельцов, их потом уводили с площади под руки и укладывали в постель. Князь Долгорукий неловко ударил «своего» стрельца посередине спины и перерубил его почти пополам. Стрелец претерпел бы ужасные муки, но рядом оказался Меншиков, который быстро и ловко отрубил несчастному голову.

Нескольких полковых священников казнили только за то, что они молились за несчастных. Казнили их на специальной виселице в форме креста, а палачом был придворный шут, ряженный попом.

Жена мелкого чиновника, проходя мимо трупов стрельцов, повешенных на стенах Кремля, бросила: «Кто знает, виноваты ли вы?» — и перекрестилась. На несчастную донесли, ее и ее мужа пытали; вина их в чем бы то ни было не доказана, но обоих выслали из Москвы.

Петр хотел, чтобы стрельцы дали показания против Софьи, чтобы побег из голодной Астрахани выглядел попыткой государственного переворота. Конечно же, вскоре Ромодановский принес необходимые «доказательства»: мол, переписывались стрельцы с царевной Софьей! Тогда взялись за людей, близких к царице, в том числе и за двух ее сенных девушек. Тут Петр выступил прямо-таки как гуманист — велел не сечь кнутом одну из них, находившуюся на последней стадии беременности. Правда, повесили потом обеих, в том числе и беременную. За что? Совершенно непонятно... Связь Софьи со стрельцами не доказана, в «бунте» девицы никак не могли участвовать.

Что характерно, ни одно письмо от стрельцов к Софье и наоборот в руки следствия не попало. Классическая история: мол, Петр велел повесить трех самых злых стрельцов под окном у Софьи, чтобы она все время видела своих «сторонников». А к рукам стрельцов он велел привязать ее, Софьи, письма... Все это правда и именно так все изображено на картине Репина. Только вот одна деталь не соответствует истине: не было собственноручных писем. К рукам стрельцов прикрутили не письма Софьи, а листы бумаги с их показаниями насчет того, что были такие письма...

Так печально кончился стрелецкий «бунт на коленях».

Страшный удар по русской демократии

Петр I совершил непоправимое: разорвал нацию надвое, противопоставив дворянство народу.

Он же установил на Руси рабство, введя так называемую «подушную подать», ввел порку и продажу людей, увеличил налоги в шесть с половиной раз, а численность нации сократилась при нем на одну пятую.

Лев Гумилев

Реформы Петра I вызывают очень разное отношение. Для одних они — прорыв в будущее. Для других — разрыв культурной традиции, отказ от духовной самостоятельности России.

Но ВСЕ историки сходятся в двух важных пунктах: 1) Петр I преобразовывал общество и систему управления под влиянием идеи «регулярного государства».

2) Петр I окончательно разделил русское общество на две неравные части: на дворянство и на народ.

Идею «регулярного государства» разрабатывали немецкие ученые, среди которых главным следует назвать Готфрида Лейбница. По словам последнего, «как в часах одно колесо приводит в движение другое, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если все устроено с точной соразмерностью и гармонией, то стрелка жизни будет показывать стране счастливые часы».

Фактически Петр перенял не только идеи «регулярного государства», но и идею колониализма. А как еще назвать политическую систему, при которой возвращается общество времен Судебника 1497 года с его разделением всего на два класса да еще с новой идейной подоплекой? Служилые люди в России Петра I объявляются носителями идей европеизации «кондовой и дикой» России. Они по долгу службы личным примером должны загонять в Европу всех остальных. Обязаны брить бороды, носить европейскую одежду, знать немецкий, голландский и французский языки.

И *служить* с пятнадцатилетнего возраста до глубокой старости или до смерти. Потому они и служилые.

Тяглые люди — это все, кроме дворян и священников. Они потому и

тяглые, что дикие и отсталые, им надо тянуть ярмо, а по ходу дела — просвещаться и цивилизовываться.

Произошло колоссальное упрощение структуры общества и государственного управления. Страна оказалась отброшена почти на два столетия назад.

Цель Петра состояла в том, чтобы взять у Европы ее технические достижения, какие-то внешние формы и осуществить мечту о построении «регулярного государства».

За 36 лет его правления, с 1689 по 1725 год, было уничтожено многое, что развивалось весь долгий XVII век, — ростки рыночной экономики, начатки личной свободы человека, разработанный свод законов, проекты освобождения крепостного крестьянства.

Российская империя 1725 года станет страной, в которой несравненно меньше свободы, порядка, богатства, чем было в Московии до Петра.

Дума, существовавшая с X века, упразднена. Личная свобода уничтожена во всех слоях, в обоих оставшихся общественных классах. Горянин отмечает: *«Петр отдал крепостных на произвол своих помещиков уже тем, что возложил на последних ответственность за поставку рекрутов и за сбор подушной подати. Еще важнее было то, что при Петре свободу действий утратили почти все. Дворяне под страхом наказания не имели права уклоняться от государственной службы, не могли перемещаться по стране по своему усмотрению».*

В разоренной стране исчезнет пятая (по некоторым оценкам — даже четвертая) часть населения, множество людей побежит в Сибирь, на Дон, в Речь Посполиту — куда угодно, только подальше от правительства России, ее столицы, ее царя, в 1721 году ставшего императором.

Б. Франк «Лейбниц».

Большой любитель «идеального» государства, где все министерства-ведомства-службы «аки колесики в швейцарских часах» друг за друга цепляются и приводят в движение. В современных российских условиях мог бы претендовать на должность советника премьера по «административной реформе».

Громадность изменений налицо, нет более возможности спорить о принимаемых государственных решениях. Оспаривать можно только направление этих перемен и их ценность. Поражает масштаб бедствий и творимого почти открыто зла и разрушений. Не случайно же в народе, вовсе не в одной старообрядческой среде, Петра упорно называли Антихристом.

Размер ущерба особенно поражает, если принять изначально точку зрения противников Петра и считать направление «реформ» выбранным неправильно, а уничтожение наработанного за весь XVII век ничем не оправданным. Получается, что 36 лет страна шла в совершеннейшее никуда, постепенно разрушаясь, теряя сотни тысяч людей и расточая накопленные раньше богатства. Сегодня почему-то больше и больше исследователей соглашаются с такой оценкой, и нехорошее слово «антихрист» утрачивает эмоциональность, становясь чуть ли не диагнозом.

Европой мы так и не стали, но дух нации — растоптали, свободу — почти потеряли.

«Петровская армия вела себя в России, словно в завоеванной стране», — ставит свой диагноз современный писатель Александр Бушков.

Бушков, например, описывает следующие случаи. В Костроме полковник Татаринов выгнал за город всех членов городского магистрата, то есть высшего органа городской гражданской администрации. Коломенского бургомистра некий драгунский офицер в невеликих чинах велел своим солдатам высечь, что и было исполнено. Доходило и до смертоубийства.

Во время какого-то из бюрократических экспериментов в провинцию были посланы гвардейцы с предписанием: губернаторам непрестанно докучать, чтобы они готовили ведомости. В противном случае гвардейцы должны были губернаторов, вице-губернаторов и прочих подчиненных сковать за ноги и на шею намотать цепь, и по то время не освобождать, пока те не изготовят отчетность.

Такая вот армейская дисциплина.

В результате за пределами крупных городов, в стороне от больших дорог царила почти полная анархия, и были уезды, по которым вообще нельзя было проехать. Никак. Число разбойников в этих уездах, как горько шутили, превосходило число законопослушных подданных.

Иные разбойничьи шайки контролировали приличные куски территории Российской империи — целые волости. Эти шайки вели неплохое хозяйство, а некоторые атаманы вводили в бой сотни людей. Известны случаи, когда разбойники брали уездные города и освобождали своих захваченных солдатами товарищей (при этом часть солдат уходила с ними). В таких случаях утрачивается вообще представление, где тут разбойничьи шайки, а где — повстанческие армии...

Местных крестьян эти разбойники чаще всего не трогали, ограничиваясь поборами, но всех проезжих грабили неукоснительно, а дворян вообще не выпускали живыми.

Если назвать вещи своими именами, то получится — несколько десятилетий правительство Российской империи контролировало только часть своей территории, и даже те, которые вроде бы подчинялись Петербургу, делали это очень относительно.

28 января 1725 года закрыл глаза царь Петр I, которого еще при жизни одни подданные нарекли земным богом, а другие, как уже говорилось, — Антихристом. После этой смерти Российскую империю трясло еще несколько десятилетий: буквально от самого часа смерти Петра и до того,

как в 1762 году жена его внука, Петра III, убила мужа и сама заняла престол. Ведь и правда — период истории Российской империи с 1725 по 1762 год вполне официально назывался «периодом дворцовых переворотов».

По словам вполне прозападного и пропетровского историка-либерала В. О. Ключевского, Петр *«надеялся грозюю власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку... хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешаемая у нас со времени Петра два века и до сих пор неразрешимая»*.

Добавлю — эта квадратура неразрешима и по сей день, через 100 лет после Ключевского.

«Подкинутае сословие» и перевернутое сознание

Слой в одинаковой степени беспочвенный и бестолковый...

И. Л. Солоневич

Одним из своих подданных Петр приказал стать европейцами. Другим он велел остаться туземцами. Никакой добровольности.

Ни малейшего права выбора.

Европейцам было велено сесть на шею туземцам и никогда с нее не слезать. Туземцы обречены были оставаться туземцами без малейшего шанса как-то изменить свое положение. Их дело — работать и обеспечивать русских европейцев.

Начался фактический раскол нации на два субэтнуса, а то и два народа. И один из них находился в полном подчинении, в истинном рабстве у другого.

Русских европейцев даже к 1917 году было очень немного. Дворян при Петре — всего порядка 100 тысяч человек. К началу XIX века их уже тысяч 300–320. К началу же XX столетия — порядка 1 миллиона 300 тысяч. Если в 1700 году на одного дворянина приходилось примерно 140 худородных русских людей, то к 1800 году уже только 100–110 человек, а в 1900-м — 97–98 человек.

Интеллигентов, то есть неродовитых русских европейцев — побольше. Это верхушка купечества, предприниматели, весь образованный слой, начиная с окончивших гимназии. Всякий служилый и всякий образованный традиционно, со времен Петра — «европеец» по определению. «Европейцев» к 1917 году уже порядка трех миллионов. Фактически именно они и только они имеют монополию на всякую вообще интеллектуальную деятельность.

Мы до сих пор изучаем историю всех 100 % россиян по высказываниям и мнениям этих 1–2–3 % населения. И каким мнениям! Сама наука как форма общественного сознания родилась в среде русских европейцев. И родилась в России в ту эпоху, когда многие «русские европейцы» перестали не только писать и говорить, но и думать по-русски.

Психология Московии определялась позитивным мифом: о Москве — Третьем Риме, Москве — Новом Иерусалиме, о величии своей

национальной идеологии и превосходстве над иноземцами. Достаточно сказать, что на иконах и на фресковых росписях в церквах бесов изображали бритыми и в немецких кафтанах. У бесов изо рта и носа шел дым.

Когда Петр шел по Москве в немецком мундире с трубкой во рту, он не мог придумать более выразительного образа, который бы напрямую указывал, что он — воплощение Антихриста.

Когда солдаты Преображенского полка тащат в тюрьму старообрядца, что видят люди? Что существа в немецких мундирах, с не православному выбритыми подбородками, изрыгая дым из пастей, ругаясь матом, волокут на муки, в своего рода «земной филиал» ада, русского человека... И за что волокут-то? За веру! Русский европеец мог быть вполне искренним патриотом, верным слугой Царя и Отечества. Он испытывал к своей стране естественные сыновние чувства и от души стремился исполнить свой долг. Но страна и народ делились для него на две части: на русскую Европу, к которой он принадлежал и с которой был связан тысячами нитей. И на русскую Азию, которая окружала со всех сторон его Россию, но оставалась чужой.

Русский европеец хорошо видел туземную Россию и знал туземцев (простолюдинов) как помещик — крестьян, офицер — солдат, предприниматель — рабочих, чиновник, врач, учитель — тех, для кого он работал. Хуже всех знал туземцев научный работник или преподаватель университета — он мог месяцами и годами вообще не видеть никаких туземцев, кроме прислуги.

Русские европейцы по-другому одеваются, живут в иначе организованных домах, иначе едят иначе приготовленную пищу.

Я не рассказываю ничего нового.

Профессор Преображенский из булгаковского «Собачьего сердца» — попович, а отнюдь не столбовой дворянин. Очень симпатичный персонаж. Но при всей своей остроумной антибольшевистской риторике и он рассуждает о людях, которые на триста лет отстали от Европы и не научились уверенно застегивать штаны.

Лев Гумилев рассказывал, что в начале XX века, перед Первой мировой войной, очень увлекался «дикарями» Америки и Африки, часто читал о них книжки. И одна из подруг его мамы, Анны Ахматовой, как-то недовольно заявила мальчику: *«Да что ты все с этими дикими носишься, Левушка?! Они же такие же, как наши мужики, только черные».*

Очень хорошо заметно, что сначала дворянство, потом и интеллигенция чувствуют себя европейцами. Они вроде бы русские... и в

то же время они эмигранты, живущие в туземной стране. Они со всех сторон окружены дикими туземцами.

В XVIII веке говорили «дворянство и народ». В XIX и XX веках — «интеллигенция и народ». Интеллигенция оказывалась как бы не входящей в народ или каким-то особым тоже русским, но другим русским народом.

Денди.

Этакий «гламур» XIX в.

Выразительна щемящая цитата из Василия Розанова: «Русь слиняла в два дня... Поразительно, но она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей... Остался подлый народ...». Трудно понять соотношение этого «подлого народа» и Руси... Если Русь «рассыпалась в два дня», если «подлый народ» сам не Русь, то кто он? Объясняет Иван Бунин: «*Есть два типа в народе. В одном преобладает Русь, в другом — Чудь, Меря*». Как всегда в таких случаях, возникает вопрос о способе, как их различить, Русь и Мерю? Измерять параметры черепа, как в Третьем Рейхе? Делать анализ крови? Анализ мочи? А Бунин различает...

«Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские. Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: „Save furet“. На эти лица ничего не надо ставить, и без всякого клейма все

видно».

Это не просто дрожь отвращения при виде политических врагов. Ни один красный не оценивается так же, с такой же мерой чисто физического отвращения. Да ведь Урицкий и Троцкий — тоже люди своего круга, пусть и политические враги.

А люди из «подлого народа»... Вот они: *«мерзкие даже и по цвету лица, желтые и мышинные волосы». «Все они (лица людей. — Авт.) почти сплошь резко отталкивающие, пугающие злой тупостью, каким-то угрюмо-холуйским вызовом всему и всем». Даже «глаза мутные, наглые».*

Дело не в том, что Бунин — скверный человек и не любит русский народ. Бунин по-своему предельно жестко отразил следствие этого трехсотлетнего разделения народа на правящих дворян, вечно всем недовольных интеллигентов... и всех остальных.

Бунин — зеркало трехвекового раскола нации. Того страшного раскола, который, думаю, и начался тогда, когда «лучшим людям города» было приказано брить лицо и курить трубку.

Русских европейцев Иван Солоневич жестко характеризовал как «подкинутае сословие». У него получалось, что они вроде кукушат, подброшенных в гнездо певчей птички. Это сословие оказывалось в двойственном, очень неопределенном положении.

Они не были европейцами, и в Европе их совершенно не ждали.

А от родной почвы они тоже оторвались и судили о России с позиций иностранцев.

Как правило, судили с недоброй иронией, осуждением. А если даже и без неприязни, с искренним интересом и сочувствием — все равно с иностранных позиций.

Самые лучшие русские историки, включая Карамзина, видели в истории России сплошную цепь заимствований: из Византии, от варягов, из Польши, от шведов, от немцев, голландцев и французов. Получалось, только после этих заимствований Россия могла перестать быть варварской.

«Наши классические историки жили на духовный чужой счет и никак не могли себе представить, что кто-то в России мог жить на свой собственный. Занимаясь систематическими кражами чужих идей, они не могли допустить существования русской собственной идеи» (Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 2005).

Мало того, что «подкинутае» охотно подхватывали и распространяли мифы, идущие из-за рубежа, они и сами напридумывали много интересного.

Царь, который пьет как плотник

Утверждение о том, что «ни один народ так не пьет, как русские» — иноземная выдумка. Но тут наши «враги внешние» неожиданно получают огромную поддержку — начинается эпоха Петра I.

Ах, этот царь-плотник, царь-пекарь, царь-механик. Первопроходец и прорубатель окон. Плохое воспитание! Не научили ходить через двери и как минимум с уважением относиться к своим дедам-прадедам.

Все-таки велика роль личности в истории, что ни говори по этому поводу. В советское время моральный облик царя-батюшки заклеямили бы выпиской из партийного протокола, «идолопоклонничество перед Западом». Причем поклонялся Петр тому, что попроще: внешнему и броскому. Очень любил человек фантики, даже не задумываясь о конфете. О такой поддержке иноземные критики России даже не смели и мечтать.

В определенной степени Петра можно даже пожалеть. Рос без отца, матери до него не было дела. В детстве испытал тяжелую психологическую травму: близких ему родственников (боярина Матвеева, Нарышкина) на глазах у мальчишки-царя буквально разорвали на части обезумевшие стрельцы. Предоставленный сам себе, он и не мог приобрести разумного отношения к окружающему. Фактически сирота...

В «прорубленное» этим высокопоставленным «сиротой» «окно в Европу» в Россию в XVIII веке хлынула очередная волна иностранцев — «немцев». «Немцами» в те времена называли всех иностранцев, ибо они «немые» — по-русски не говорят. В Немецкой слободе проживали ремесленники, торговцы, военные, лекари, переводчики. Россия стала для них второй родиной.

В Россию в поисках счастья приезжали разные люди. Приезжали и «немцы» с темным прошлым, авантюристы. Немудрено, что основным занятием многих из жителей Немецкой слободы в свободное время было неумеренное пьянство. Иностранцы, причудливо смешав разноязыкие слова, дали русской водке название, под которым она приобрела известность в Европе — hwasser.

Русские не остались в долгу и, глядя, как жители слободы энергично потребляют водку, придумали этому синоним — «квасить».

Москвичи сторонились Немецкой слободы. Молодой Петр, напротив, — заимствовал стиль жизни ее жителей, а затем перенес в свою компанию, позже — в среду российского дворянства, а следовательно, и в

Россию в целом. Не понял будущий царь-преобразователь, что веселые посиделки в Немецкой слободе, частым и желанным гостем которых он был сам, не составляли смысла жизни местных обитателей, поскольку они все-таки были «...ремесленники, торговцы, военные, лекари, переводчики» и именно этими трудами зарабатывали себе на жизнь.

Впрочем, понятие «заработать на жизнь» для царей вообще не знакомо.

Образ «истинно европейского» времяпрепровождения сформировался у Петра уже в юном возрасте и аукнулся России позднее «Всешутейшим Собором», пьяными ассамблеями и постоянными принудительными застольями, которые «гламурно» заканчивались под столом. Ведь требовал же, настаивал! До пороссячьего визга, в «зюзю», в «хламину», чтобы себя не помнить! Не просто становиться европейским народом, ох не просто. А кто сказал, что будет легко? Вот тут-то и почувствовали на себе многочисленные иноземные послы всю мощь и своеобразие российского гостеприимства.

Всепьянейший собор

Это был «Сумасброднейший, всепьянейший всешутейший собор» — так официально и полностью называлось это учреждение. Всепьянейший же собор был не просто пьяной компашкой. Это была многолетняя игра со своими правилами и законами.

В этом клубе Петр тоже имел скромный чин — дьякона, а главой его сделался Никита Зотов — «Всешумнейший и всешутейший отец Иоаникит, пресбургский, кокуйский и всеязузский патриарх», называемый еще «князь-папой».

Собор был своего рода «общественной организацией» и имел даже свой устав. Его написал лично Петр, и читатель не ошибется, предположив, что это был очень длинный и невероятно детальный документ. В уставе подробнейшим образом определены чины собора и способы избрания «князь-папы» и рукоположения всех чинов пьяной иерархии. Да, рукоположения! Собор полностью воспроизводил церковную иерархию и церковные обряды.

Главное требование устава было просто: *«Быть пьяным во все дни, и не ложиться трезвым спать никогда»*. Ну и требование подчиняться иерархии собора — его 12 кардиналам, епископам, архимандритам, иереям, диаконам, протодиаконам. Все они носили нецензурные матерные клички. Были и «всешутейшие матери-архиерейши и игуменьи». Облачения всех чинов, все молитвословия и песнопения, весь порядок «службы Бахусу и Ивашке Хмельницкому» и «честного обхождения с крепкими напитками» прописывались самым подробным образом.

При вступлении в Собор нового члена его спрашивали: «Пиеси ли?» — в точности как в древней церкви новичка: «Веруеши ли?» Когда Никита Зотов, пьяный, естественно, в дупель, сидел на винной бочке с «крестом», сделанным из двух табачных трубок, в одежде монаха, но с прорезью на заднем месте, неофита подводили к «Папе», и тот «благословлял» — махал «крестом», отпихивал ногой и бил о темя «посвящаемого» сырым куриным яйцом. Налетали прочие, так сказать, рядовые участники «собора»; с мяуканьем, воплями, ржанием, топотом, визгом волокли человека упаивать до морока, до рвоты.

Низости, творимые Петром и его сподвижниками, вполне подобны всему, что выделывали члены «Союза воинствующих безбожников» в 1920-е годы. И с черепами на палках бегали, и матом орали в церкви, и блевали

на алтарь, и...

Впрочем, описаниями дикостей «всепьянейшего собора» можно заполнять целые книги, только стоит ли? Вроде бы уже и так все ясно.

Об итогах царствования «гражданина Романова П. А.» можно говорить разное, но в отношении российского пьянства усилия царя-преобразователя точно даром не пропали. Миф о том, что русские охочее других этносов до спиртных напитков, наконец-то получил самое высочайшее подтверждение. Так и сформировался стереотип об «извечном пьянстве русских».

Отметим, царь был человеком очень нескладным физически, если не сказать непропорциональным. Невысоких (средний рост мужчины — 165 см) современников внешний вид Петра потрясал.

Представьте: рост 204 см (!) — он на две головы выше толпы! При этом узкие плечи — 48 размер, странно маленький размер ноги: 38-й размер. Может, именно поэтому царь всегда так стремительно ходил, почти бегал — и обычно с тростью. Просто стоять ему было неудобно.

Но при всем при том огромная физическая сила — Петр реально мог узлом завязать кочергу любил шутки ради согнуть пальцами одной руки монету и подарить ее потом приглянувшейся даме. Пусть, мол, твой кавалер щипцами разгибает!..

Питерские историки говорили мне, что кажущийся уродливым и сюрреалистическим шемякинский памятник Петру в Петропавловской крепости, на коленях которого так любят сидеть в солнечный день ребятишки, в действительности самый точный портрет взрослого Петра Романова.

Так вот, уже на пятом десятке Петр начал страдать от тяжелого расстройства печени и мочеполовой системы. Царь ездил в Карловы Вары на воды, выпивал по ведру минеральной воды, надеясь очиститься и избавиться от спорадических жутких болей в паху, но тщетно. Организм не выдержал пыток всепьянейшими соборами. Иммуниетет рухнул.

Страдания влияли на политику государя и делали ее нервной и непоследовательной. Каждое новое воспаление приводило к новым вспышкам царственного гнева, новым недодуманным решениям. Болезни великих мира сего и их влияние на судьбы человечества — это воистину благодатная тема для отдельного труда! Если бы Помпей не мучился от болезненной опухоли в битвах древнеримской гражданской войны против Юлия Цезаря! Если бы у Карла XII не воспалилась раненая нога перед Полтавой?! Если бы не скрутило Наполеона, вплоть до потери сознания, при Ватерлоо? Если бы Маркс, Муссолини и Мао Цзэдун так не страдали геморроем и запорами?! В общем, тему можно продолжать до

бесконечности.

Умер ли бы Петр Романов в 52 года, веди он хоть чуть более «здоровый» образ жизни?

Еще один миф о смерти Петра, спасавшего от наводнения, стоя по пояс в ледяной воде, простых петербуржцев, и последовавшего вслед за этим воспаления легких. Петр действительно сильно заболел, после того как залез в ледяную воду, правда помогая морякам и своим офицерам, что, безусловно, не в меньшей степени делает ему честь. Он вообще любил все доказывать личным примером. Но «смертельной» пневмонии после этого случая не было. Было резкое обострение от переохлаждения запущенных болезней. Современная медицина вылечила бы Петра в пять минут, проведя хирургическое вмешательство, как спустя 100 лет вылечила бы и Пушкина после дуэли с Дантесом, но, увы, увы...

НАПОЛЕОН. ВЕЛИКИЙ ЛГУН

На любую глупость найдутся свои дураки

В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона... И хорошо бы кабы нас тогда покорили эти самые французы. Умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с...

Русский народ надо пороть-с, как правильно говорил вчера Федор Павлович.

Смердяков, «Братья Карамазовы»

Что бы ни писали французы и англичане про немцев, сами немцы никогда не соглашались с тем, что они — садисты и полудурки. Как бы ни рассказывали у себя дома французы о запойных пьяницах-англичанах, в Британии отвечали не киванием головы, а возмущением и протестом. И сочиняли ответные мифы, «обидные» для французов. «Мы — пьяницы?! А „зато“ вы — болтуны, напыщенные галльские петухи, развратники и вообще мелкие, мелочные людишки!»

В России не так. Какую бы глупость ни придумала пропагандистская машина Запада, у нас обязательно находятся те, кто поддерживает этот миф. Иногда так «поддерживает» и творчески развивает, что уже непонятно, где этот миф и родился, по какую сторону границы. Например, миф о том, что русскую армию всегда били. Мол, небоеспособна она по определению. Если русские и побеждали, то исключительно ценой колоссальных потерь, заваливая трупами вражеские траншеи.

Происхождение именно этого мифа известно: он сочинен в 1820-е годы бывшими офицерами армии Наполеона, участниками похода 1812 года. Они приписывали русской армии совершенно фантастические потери, в сотни тысяч и миллионы людей.

У меня на стене в кабинете висит старая географическая карта Российской империи — печати, кажется, 1821 года. Люблю я рассматривать старые карты, есть такая слабость. Особенно читать подписи к ним, а иногда, как в данном случае, это даже не подпись — а просто краткое популярное описание нашей страны: от климата до особенностей национального костюма. Видимо, в оригинале это был разворот какого-то английского страноведческого атласа, запаянный потом в рамку как

настенная карта.

Так вот, привожу раздел «Русская армия» близко к тексту по памяти. Повторюсь еще раз — *это 1821 год*. Наполеон на Святой Елене. Казаки в Париже. Император Александр назначил недавно и. о. премьер-министра Франции Дюка Ришелье, бывшего до того губернатором Новороссии в Одессе. Такое вот провел «кадровое передвижение по горизонтали».

На Венском конгрессе Россия и Британия на пару перекраивают послевоенную карту Европы.

Но читаем английский атлас: *«Русские солдаты и офицеры отличаются пассивностью и медлительностью, хотя... в нескольких последних войнах показали себя столь же активно, как и любая другая армия Европы»*.

Ну что еще должен был продемонстрировать русский солдат, чтобы доказать, что все-таки он **чуть более активен и эффективен, чем любой другой?** Но англичане, видимо, вслед за французами искренне верили, что даже победа над Бонапартом, поставившим до того на колени всю Европу, — лишь следствие численности, а не умения русских воинов, заваливших своими жертвенными скифскими трупами героических французов.

Эта байка не выдерживает никакой даже самой поверхностной критики. Пример из того же времени. В Бородинском сражении, по данным БСЭ, погибло 58 тысяч французов, в том числе 47 генералов. Русские потери — 44 тысячи человек, в том числе 23 генерала. (Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3. Ст. «Бородинское сражение 1812». М., 1969–78).

У академика Евгения Викторовича Тарле (ударение в его «французской» фамилии на самом деле ставится на первый слог) несколько иные данные: *«Наполеон объезжал вечером поле битвы, глядя воспаленными глазами на бесконечные груды трупов. Император еще не знал вечером, что русские потеряли из своих 112 тысяч не 30 тысяч, а около 58 тысяч человек; он не знал еще и того, что и сам он потерял больше 50 тысяч из 130 тысяч, которые привел к Бородинскому полю. Но что у него убито и тяжело ранено 47 (не 43, как пишут иногда, а 47) лучших его генералов, это он узнал уже вечером. Французские и русские трупы так густо устилали землю, что императорская лошадь должна была искать места, куда бы опустить копыто меж горами тел людей и лошадей»*.

Это из книги нашего лучшего специалиста по Бонапарту, которая называется «Нашествие Наполеона на Россию», изданной в 1941 году.

Данные в чем-то отличаются, в чем-то совпадают... А привожу я

именно это издание просто потому, что приходилось слышать: Мединский занимается пропагандой, используя данные сталинской БСЭ. В самом первом издании этой книги, действительно, цифры потерь при Бородино я брал из второго издания нашей лучшей энциклопедии. Теперь используется третья БСЭ.

И что? В книге историка, изданной в грозном 41-м, — а уж тогда-то любая пропаганда была святым делом! — соотношение потерь даже **хуже для нас**, чем в благополучных 60–70-х, когда издавалась третья БСЭ.

Неожиданную — а может, наоборот, предсказуемую — поддержку относительно этих цифр я получил от известного эрудита и блоггера Анатолия Вассермана. Он оказался среди читателей на презентации «Мифов» в одном из книжных магазинов Москвы (а где еще встретишь эрудита?). В завязавшейся тогда дискуссии Вассерман встал на мою сторону. А потом долго отстаивал истину у себя в ЖЖ.

За всю же кампанию 1812 года потери русской армии не превысили 80 тысяч человек ранеными и убитыми, 100 тысяч заболевшими и обмороженными, 5 тысяч пленными. Потери же французов — не менее 200 тысяч убитыми и ранеными, 100 тысяч обмороженными и заболевшими и до 250 тысяч пленными, дезертирами и просто разбежавшимися. Добавлю — почти все раненые тоже попали в плен.

Фактически вся армия, все 600 тысяч, перешедших русскую границу 12 (24) июня 1812 года, были уничтожены и пленены. После катастрофической для французов переправы через Березину в ноябре 1812 года бежало из России не более 7 (по французским подсчетам — 25) тысяч человек. Уже не армия, даже не остатки ее, а толпа, кучка случайно спасшихся.

В. Верецагин «На Большой дороге. Отступление, бегство». 1887–1895 гг.

Кстати, по реальным свидетельствам, знаменитые морозы наступили в европейской части России в 1812 г. лишь в конце (!) октября. Так что Бонапарт кривил душой: русский «генерал Мороз» не победил его Великую армию, а скорее добил ее остатки.

Так вот, большая часть французов — создателей этого мифа — сами прошли русский плен, в котором, кстати, далеко не бедствовали. На поле боя, да и после в основном вели себя достойно и «Наполеон капут» вроде не кричали. Но, вернувшись в «прекрасную Францию», не удержались от мелкой виртуальной мести победителям. В самой Франции их рассказы, между прочим, не вызывали большого доверия. После драки кулаками не машут, — у французов, кстати, тоже есть эта пословица.

Кто победил 200 лет назад — на Бородинском поле?

Мелочные до несолидности попытки реванша за 1812 год во Франции видны порой и сегодня. В Париже на выходе из знаменитого Музея инвалидов я увидел на прилавке сувенирного магазина шикарно изданную книгу, которая начиналась словами: *«В России и сегодня есть люди, которые верят словам советских школьных учебников о том, что русские под Бородино победили или, по крайней мере, заслужили почетную ничью. Но все серьезные историки знают — русские на самом деле были разгромлены...»* Вот так! Называлась эта богато иллюстрированная книга «скромно»:

Даже Наполеон в собственных воспоминаниях не решился намекнуть на свою победу под Бородино! По его словам, «французы были достойны того, чтобы победить, а русские — снискать славу непобедимых».

Тот альбом в Инвалидах — нечто типичное для Запада. Серьезная история востребована специалистами. А для массового потребителя — поток патриотических, греющих сознание мифов.

Например, о французской победе под Бородино.

Р. Волков «М. И. Кутузов». 1813 г. (последний прижизненный портрет).

Непревзойденный в русской истории полководец по умению добиваться максимальных результатов при минимальных потерях.

Один из величайших военных теоретиков немец фон Клаузевиц сам участвовал в Бородинской битве, будучи молодым офицером. Так вот, даже Клаузевиц, не питая никакой симпатии к России, когда писал в старости воспоминания, признавал, что сражение под Бородино велось «на равных». И смешно французам считать эту битву победой.

Обидно, что сейчас у нас самих появилось много доморощенных «историков», которые в свойственном русскому характеру мазохистском порыве... безоговорочно признают победу Наполеона под Бородино.

Что же касается потерь... Обе армии понесли под Бородино страшный урон. Каждая сторона потеряла практически треть войска.

Это — чудовищные цифры, выходящие за грань разумного.

В военной науке XIX века считалось — собственно, это правило действует и по сей день, что ни одну даже самую дисциплинированную, самую организованную, самую сплоченную и подготовленную воинскую часть нельзя заставить продолжить атаку, если потери в ее личном составе превышают 20 %. Бородинская битва в какой-то мере даже опровергает это утверждение. Французы продолжали атаковать, потеряв 30 %. Русские продолжали защищаться и контратаковать, потеряв также каждого третьего солдата.

Вне всякого сомнения, это было самое крупное однодневное сражение XIX века. У нас нет точных данных о древней истории — что там было с Аттилой, когда он воевал с последними силами Великого Рима на границе, по-моему, Галлии и Германии. Говорят, в битве участвовало до миллиона человек. Но кто тогда мог посчитать? Среди боев, подтверждаемых достоверными источниками, битва под Бородино — самое масштабное однодневное сражение — вплоть до Первой мировой войны.

Со стороны Наполеона в бою принимало участие 135 тысяч человек и примерно 600 орудий, со стороны русских — 130 тысяч человек и чуть больше 600 орудий. При этом из наших 130–140 тысяч — вместе с казаками — было 30 тысяч московских и смоленских ополченцев (смешных вояк типа Пьера Безухова), которых, честно говоря, можно смело вычесть. Таким образом, численно перевес был у Наполеона.

Но сказанные им на склоне лет слова о том, что русские снискали право считаться непобедимыми, в устах самовлюбленного до

эпилептических припадков Бонапарта, вне всякого сомнения, — высшая возможная похвала.

На Бородинском поле необыкновенный героизм, фантастическое остервенение проявляли обе стороны. Русский полководец Барклай де Толли почему-то менее известен и любим, чем его напарник Багратион. У нас есть десятки ресторанов грузинской кухни «Багратион», мост Багратиона в Москве, памятник Багратиону на Кутузовском проспекте, станция метро «Багратионовская» и прочая, прочая, прочая. Но вот с Барклаем де Толли что-то я ничего подобного не встречал.

Хотя его роль в победе кампании 1812 года, несомненно, значительнее, чем у Багратиона, и сопоставима только с ролью Кутузова. Что же касается личного героизма, этот потомок шотландцев на русской службе проявлял его ни на йоту не меньше, чем Багратион. Генерал Багратион был смертельно ранен во время Бородинской битвы, находясь в самом пекле, на Багратионовых флешах. Генерал де Толли, по воспоминаниям, вообще ни разу не уходил с передней линии, носясь на лошади, подбадривая войска, организуя постоянные контратаки. И это официально второе (!) лицо в русской армии! Под ним было убито три лошади. Погибли семь сопровождавших его ординарцев. Сам Барклай не получил даже царапины.

Господь берег. А может, это была просто Божья благодарность за его ум, доблесть, помощь России? Моральная компенсация за весь тот поток несправедливостей и унижений, которые пришлось пережить ему за предыдущие месяцы отступления? Совершенно несправедливых унижений!

Кстати, о потерях высшего командного состава французов. Напомню: почти 50 (!) генералов наполеоновской армии погибли под Бородино. Это самый высокий показатель потерь среди командного состава в одном сражении за всю историю наполеоновских войн.

Ж.-Л. Давид. «Наполеон в своем кабинете».

Личная скромность и даже прижимистость Бонапарта никак не отражалась на чудовищных затратах на содержание императорского двора. Кстати, корсиканец весьма нелицеприятно отзывался об итальянцах — потомках гордых римских воинов: «Вы воображаете себе, что свобода подвигнет на великие дела этот дряблый, суеверный, трусливый, увертливый народ. В моей армии нет ни одного итальянца, кроме полутора тысяч шалопаев, подобранных на улицах, которые только и делают, что грабят, и ни на что не годятся».

И еще раз о Бородино и интернете. После выхода первого издания книги, вызвавшей большую полемику в интернете, самые жаростные дебаты — кстати, со ссылкой на Тарле — развернулись вокруг соотношения численности погибших при Бородино русских и французов. Именно к этим цифрам так называемые «интернет-историки» придирались до безумия. Полное ощущение, что они лично находились в похоронных командах и сами считали потери. Хочу им подсказать несколько других, более интересных тем из истории 1812 года, пусть займутся.

Тема номер 1.

Загадка истории: куда делся золотой обоз Наполеона? Известно, что из Кремля он вывез тонны золота, брильянтов, драгоценностей, изрубленных

окладов икон, пасхальных яиц, золотой и серебряной посуды и так далее. Тонны и тонны. Из Москвы золотой обоз вышел, а дальше — пропал. До Березины не дошел.

Куда исчез — непонятно. Денег стоит — я думаю, по нынешним временам, с учетом исторической ценности минимум миллиард долларов. Вот пусть займутся поисками. Дорога понятная. Москва — Смоленск — Березина. Отыскать, наверное, легче, чем библиотеку Ивана Грозного.

Или вот тема номер 2.

Одна из заявляемых французами причин поражения Наполеона — гибель большей части поголовья крупного рогатого скота, которое он вел с собой для пропитания армии в дороге. Погибли сотни, тысячи голов скота — в основном быков. Погибли быстротечно, уже летом 1812 года, не дойдя до Москвы. Почему? Что с ними случилось? Что за чудовищный вирус их подкосил — прямо как в романе Герберта Уэллса «Война миров»? Ведь это даже были не французские быки и не английские. Интенданты Наполеона — люди умные, специально закупали фуражный скот в близких к России климатически странах. В Пруссии и в Герцогстве Варшавском. Однако весь скот разом погиб, обрекая армию на голод... Загадка...

У Кутузова не было «генерала Мороза»!

О гениальности наших полководцев в самой России говорят очень мало. Например, у Льва Толстого Кутузов — это такой патриархальный дедушка. Не деятельный военачальник, а просто какой-то Илья Муромец на печи. Главное его достоинство, что он ни во что не вмешивается, давая событиям течь естественным образом...

Но как же блистательно он действовал осенью 1812 года! Русская армия шла параллельно французам и не давала уйти из ими же разоренной местности! А в нужный момент, под Березиной, Кутузов ударил изо всех сил с разных направлений. Разгром под Березиной не отрицают даже те французские историки, у которых хватает совести писать о победе под Бородино.

Кстати, сам факт переправы через Березину — а это глубокая осень, фактически зима 1812 года — подтверждает, что никаких таких смертельных морозов и не было.

«Переправа наполеоновской армии через Березину 14–17 (26–29) ноября 1812 г.» Литография по оригиналу П. Гесса. Середина XIX в.

К концу этой, последней на территории России битвы Бонапарт уже не командовал армией. В сопровождении нескольких офицеров он инкогнито бежал в Париж.

Считается, что температура тогда не опускалась даже в самые холодные ночи ниже минус восьми. Конечно, для европейцев это все равно очень холодно, но не настолько, чтобы проиграть из-за этого войну. При этом саму тему о том, что русские способны побеждать только в экстремальных условиях, на Западе муссировали постоянно. И Гитлер, которого победил генерал Мороз, и Наполеон, который сетовал на это в своих воспоминаниях, и англичане.

Последние во время крымской войны, избрав мишенью своих шуток Николая I, говорили, что у русских нет шансов победить англо-французский десант в Крыму, поскольку у Николая отсутствуют два его лучших генерала — генерал Январь и генерал Февраль.

«Генерал Мороз» в той войне особой роли не сыграл. Ведь вот что интересно: на Березине не было льда. И именно в этом одна из причин того позорного поражения, того разгрома, который потерпела французская армия у этой речушки. Понтонеры навели мосты, а переправиться по ним армия просто не успела... Если бы было так холодно, как описывал потом Наполеон в своих воспоминаниях, они просто перешли бы по льду.

Эта речушка навсегда вошла идиомой «Березина» во французский язык. «Березина» в современном французском — это катастрофическое, полное поражение. «Березина» — так французские футбольные болельщики сегодня называют разгром с большим счетом.

Откуда взялись на Руси шаромыжники и казак Иван Жантров?

Термин «Березина» во Франции так же устойчив, как в России — шваль и шаромыжник. Слово «шаромыжник» произошло от «мон шер ами» — «мой дорогой друг»: так обращались к русским крестьянам умирающие с голоду французы. Ну а особо кичливых плененных «французиков из Бордо», видимо претендовавших на куртуазное дворянское обхождение, наши заскоружные смоленские мужички стали называть грубее — шваль — от шевалье (всадник, дворянин, помните — «шевалье д'Артаньян»). Видимо, были основания.

Еще во время Бородина Наполеон удивлялся — и спрашивал своих генералов, почему так мало пленных русских. Штабисты объясняли ему, что дело не в какой-то особой стойкости, просто русские не сдаются в плен, потому что всю жизнь воюют с турками. А турки, как известно, пленных не берут. Это, конечно, неправда от первого до последнего слова. Русские воевали не только с турками, они не менее успешно воевали с французами, итальянцами, немцами, шведами и прочая. Турки пленных брали и, отметим, довольно прилично к ним относились. А вот в плен русские не попадали, потому что это была Отечественная война — и они бились до последнего. Достаточно сказать, что рядовые русские солдаты во многих частях отказывались подчиняться офицерским приказам оставить Смоленск, и их приходилось уводить с передовой чуть ли не силой.

На 1 января 1813 года — война еще идет, наша армия в Европе — число французских (не в смысле национальности, а по принадлежности) пленных составляло приблизительно треть численности Великой армии. Более 216 тысяч человек. Они не все разбрелись по России, таких неорганизованных — как их называли «шаромыжников» — было 50–60 тысяч. Еще 140–150 тысяч находились в специальных лагерях для пленных. По тем временам это две полноценные армии по 100 тысяч человек или же население одной столицы Российской империи (и Санкт-Петербург, и Москва насчитывали тогда, накануне нашествия, по 200 тысяч жителей).

Не случайно правительство России, население которой тогда было

порядка 35 миллионов человек, рассматривало такую огромную массу французов как потенциальную военную и социальную угрозу. Основной контингент этих пленных прошел через революционные изменения в Европе, и санкюлотские настроения в их среде были довольно сильны. Судьба этих пленных сложилась по-разному. Кого-то даже записывали в крепостные.

Кого-то выкупали и брали на службу.

Были попытки сформировать из них антинаполеоновские легионы — как правило, из числа итальянцев, испанцев, немцев, не французов. Бравые немцы вообще сдавались нам в плен коллективно — например, два баварских кавалерийских полка организовано сложили оружие уже в июле 1812 года, за ними последовали некоторые баварские пехотные части. Из большого числа дезертировавших немцев был сформирован целый русско-немецкий легион, впоследствии воевавший против Наполеона I.

В честь императора Александра был также сформирован так называемый Александровский полк — по численности он походил больше на дивизию — из пленных испанцев и португальцев.

Не дураки, кстати, были наши правители, понимали, кто из «союзников» Бонапарта в душе обозлен на него до предела. Так вот, несколько тысяч солдат Александровского полка, организованных и вооруженных, в 1813 году на семи английских судах отправили из Риги в Испанию — для войны в тылу против французских войск.

Также был сформирован франко-итальянский легион, в котором, правда, голландцев, бельгийцев, швейцарцев и даже хорватов было гораздо больше, чем самих французов. К чести французов, они в массовом порядке Наполеону не изменяли. Предполагалось, что этот легион возглавит один из популярных генералов Первой французской республики, который в свое время эмигрировал в США, а потом вернулся в Европу в разгар наполеоновских войн, — Жан Виктор Моро.

После того как стало ясно, что с оставшимися пленными надо что-то делать, было решено разрешить им остаться в России и заняться сельским хозяйством и частным предпринимательством — как иностранным колонистам. Эта традиция приглашать иностранных колонистов повелась в России еще со времен Екатерины II.

В общем, закончилась история с наполеоновскими солдатами тем, что Александр I подписал специальные правила приема военнопленных в подданство России (1813 год, опубликованы в 1814 году). Правила екатерининских колонистов распространялись на всех военнопленных Великой армии. Пожалуйста, оставайтесь в России! Вам гарантируется: а)

личная свобода: б) полная свобода вероисповедания — нигде же в мире такого не было, нигде в мире! в) освобождение от рекрутской повинности навечно — это важно, все-таки они были профессиональные солдаты и боялись быть «забритыми» теперь в русскую армию; г) десятилетнее освобождение от всех налогов.

Таким образом Россия и приобрела больше 100 тысяч свободных европейцев, которые пожелали остаться в России, никуда не уехали, работали, пахали землю, служили (добровольно!) в армии, становились поэтами — как Фаддей Булгарин, гувернерами, учителями французского и прочая, прочая, прочая.

Более того, эти правила всячески стимулировали пленных к приобретению конкретной профессии, потому что мастеровые, фермеры, работники сапожных мастерских, ателье, парикмахерских и так далее освобождались от налогов. В общем, все, кто мог создать свое дело и новые рабочие места, получали льготы. Боже мой! Какие простые вещи, как легко принимались! А мы, российские власти, уже 20 лет мурыжимся с нашим многострадальным малым бизнесом: то ослабим удавку — дадим чуть льготный режим, упрощен-ку или ЕНВД, то тут же — два шага назад, или еще УБЭПом по башке... Стыдно и горько...

Далее. Все это происходит, пока Наполеон еще у власти и идет война. Но вот Наполеона свергают — и восстановленная французская монархия требует от Александра «вернуть пленных». Тогда появляется новый царский циркуляр: всем, кто еще не успел принять российское подданство, всячески это дело задерживать, в присяге Императору Российскому — отказывать, к подданству не допускать, поскольку Александр, увы, вынужден пообещать Бурбонам вернуть французов на родину. А дальше происходит самое интересное. К удивлению прибывших в Россию иностранных эмиссаров, которые должны были обеспечить репатриацию переселенцев, никто ехать обратно не захотел! Наверное, при тогдашнем уровне СМИ многие шаромыжники, которые разбрелись по России и успели обзавестись семьями, своим делом, могли не знать не только о репатриации, а даже об окончании войны. Но главное другое. Подавляющее большинство из них — это молодежь, у которой в Европе не было ни семьи, ни детей, которая провела всю жизнь в походах, на бивуаках, — они отлично себя здесь чувствовали и никуда не хотели уезжать!

Надо сказать, что этот случай с массовым *оставанием* пленных в России был тут же использован европейской пропагандой. Газеты Франции, Англии, Германии запестрели десятками статей о том, что Россия насильно удерживает у себя пленных, в кандалах, прикованных к тележкам

на Демидовских заводах как бесплатную рабочую силу. Царь даже начал колебаться, уж не выгнать ли их всех насильно? Иначе можно потерять лицо... А Александр, как известно, был человеком честолюбивым. Но с другой стороны — столько квалифицированных, толковых рабочих рук. Ну зачем самому от них отказываться? В итоге новым специальным указом 1814 года было объявлено: кто хочет остаться — остается, кто не хочет остаться — буде пожелают — могут уехать в свое отечество. Не чинить к этому никаких препятствий.

Есть любопытные воспоминания Владимира Даля. Автор «Толкового словаря живого великорусского языка» побывал в 1833 году на Урале и встретился там с целым рядом Яицких казаков с необычными фамилиями... Это были настоящие казаки, в тулупах, на лошадях, с пиками, бородами — все как положено.

А фамилии у них были следующие: Шарль Бертов, Иван Жантров и так далее. Эти лихие французские кавалеристы — любимцы Мюрата, не просто приняли российское подданство, они еще и влились в казачьи войска! Так шаромыжники и селились на всей территории России: от Украины до Алтая. Далек же француз загнал Кутузов! Будь в России такое же отношение к истории, как в Европе, у нас памятники Кутузову стояли бы в каждом городке по Минской дороге, а историю крепости Слободзея знал бы каждый мальчишка. А у нас, похоже, и Березину забывать начали.

Но о русской армии, которую все и всегда били, слышать периодически приходится. Когда мне рассказывают, что Великая Отечественная война унесла то ли 50, то ли 60 миллионов жизней, я не могу не вспоминать, где родился этот миф — в воспаленных умах тех, кого мы же беспощадно били на полях сражений! Причем били, неся намного меньшие потери.

Агитпроп Бонапарта

В представлении большинства французов Бонапарт нес народам Европы освобождение и более справедливый общественный строй, то, что сами народы Европы могли думать иначе, во внимание не принималось.

Не зря же в обозе Наполеона по России до самой Москвы везли два изваяния: белокаменные скульптуры Наполеона в тоге и в лавровом венке. Наполеон изображался со свитком законов в руке, властителем строгим, но справедливым. Этаким Цезарем Августом XIX века. Отменить крепостное право и ввести в России Кодекс Наполеона Бонапарт так и не рискнул. Но идея не просто войны, а войны за «справедливость» просматривается.

А. Гро «Наполеон во время боя на Аркольском мосту (1796 г.)».

Не только величайший правитель, но и величайший мифотворец во французской истории. Этот стройный высокий длинноволосый юноша — тоже, кстати, миф.

Бонапарт гораздо раньше и в гораздо большей степени, чем многие титулованные монархи, постиг значение агитации и пропаганды. Лишь только он принял командование армией в Италии, он сразу издал знаменитую прокламацию от 26 марта 1796 года. В частности, в ней

говорилося: «Солдаты! У вас нет ни сапог, ни мундиров, ни рубах. Вам не хватает хлеба, а наши склады пусты. Тем временем у врага все имеется в изобилии. От вас лишь зависит, чтобы всё добыть. Вы хотите и можете это сделать. Итак, вперед!»

Пока Наполеон еще не император, а скромный генерал Директории. В этой роли он регулярно посылал членам Директории бюллетени — краткие справки о боях и походах.

В октябре 1796 года вышел первый бюллетень в виде печатной листовки: это уже не для членов правительства, а для народа.

Бюллетень был украшен профилем Бонапарта, увенчанного лавровым венком и императорским орлом, держащим в когтях гром и пучок ликторских розог. Весь бюллетень состоял всего лишь из одиннадцати строк. Он вкратце описывал переправу через Рейн, окружение австрийских войск, названия взятых городов.

Простая форма и короткий текст с картинками помогали понять солдатам, в каких славных исторических событиях они только что участвовали. А обыватели видели, какие великие дела совершает армия под командованием Наполеона.

Помимо каждодневной агитации в армии Бонапарт предпринял все усилия для того, чтобы «правильная информация» всеми способами распространялась и среди местного гражданского населения. Он добивался этого посредством изданий специальных газет, плакатов и листовок, передаваемых из рук в руки.

Первоначально Наполеон хотел издавать бюллетени еженедельно как газету. Но потом решил, что лучше делать это реже, но лучше — уделять больше внимания великим битвам и взятым городам. Быстро сформировалась целая серия бюллетеней Великой Армии. В последующих походах в лагере армии шли целые походные типографии. Бюллетени уходили во Францию прямо с поля боя.

Опыт оказался бесценным. Бюллетени выпускали и в кампаниях, которые вел уже Наполеон-император: в 1805, 1806–1807, 1809, 1812 и даже в 1813 году.

Наполеон, как правило, сам диктовал тексты бюллетеней, а редактировали их секретарь или начальник штаба. Первые экземпляры печатались прямо в полевых типографиях. Затем бюллетени распространялись в войсках, причем младшие офицеры или сержанты читали их вслух перед строем. Раздавать бюллетени в виде листовок «на руки» не было принято из-за относительно небольшого их количества.

Затем наиболее удачные бюллетени переиздавали в виде плакатов,

которые расклеивали на стенах по городам, прибивали к деревьям в деревнях. С самого начала Наполеон издал указ о перепечатывании бюллетеней государственными типографиями и официальными газетами. И не только в Париже и Франции, но и во всех покоренных или зависимых странах.

В 1811 году Наполеон приказал Александру Бертье собрать все бюллетени предыдущих походов и издать их в виде книги.

Бюллетени трактовали исторические события так своеобразно, что в войсках скоро появилась поговорка: «Врет, как бюллетень». Тем не менее быть упомянутым в нем считалось великой честью даже для генерала или маршала. А солдаты искренне гордились, если бюллетень упоминал их дивизию или корпус.

Под конец Итальянского похода, в 1797 году, Наполеон основал собственную «корпоративную» газету *Le Courier de l'Arme d'Italie* («Курьер Итальянской армии»). С тех пор в армиях под командованием Наполеона, а затем и во всей французской армии полевые типографии печатали не только императорские прокламации и бюллетени, но и постоянную военную прессу.

У него в руках оказался мощнейший аппарат пропаганды. Аппарат, который он сам придумал и создал, и который делал из него живую легенду. И из него лично, и из тех солдат и офицеров, которые были верны Бонапарту и шли за ним.

Пропаганда укрепляла связь Главнокомандующего и армии и делала всех участников событий участниками одной пропагандистской легенды.

Наполеон был мастером информационных войн. В частности, это касалось специально организованных утечек информации, точнее, дезинформации, которые Бонапарт регулярно забрасывал через Фуше и других своих агентов в европейские правительства.

Скажем, первоначальным успехом египетского похода Наполеон был обязан грамотной организации утечки информации в адрес Лондона, будто французы планируют захватить Гибралтар. А после на своих судах обогнуть Европу и высадиться в Ирландии, где поднять восстание против англичан. Ну, ирландцы всегда и в любой момент были на это готовы, и ирландской «пятой колонны» Лондон боялся как огня. В результате адмирал Нельсон, вместо того чтобы легко и изящно перехватить Наполеона в Средиземном море, без толку барражировал вдоль берегов Испании. В то самое время, как Бонапарт безопасно доплыл на своих утлых полутранспортных суденышках с Юга Франции непосредственно до Александрии.

Вот, кстати, одна из фатальных случайностей, которые поворачивают ход истории. Нельсон в конце концов сообразил, что его одурачили и на всех парусах бросился догонять Наполеона, который, как он правильно предположил, плывет в сторону Александрии. Но тут произошло нечто уникальное: англичан подвела решительность Нельсона и быстроходность их судов. Несмотря на изначальное сильное отставание от Наполеона, они умудрились по ходу движения флот Бонапарта обогнать и прибыть в Александрию на два дня раньше! В порту они принялись расспрашивать, где французы. Перепуганные египтяне, естественно, пожимали плечами.

И Нельсон решил, что Наполеон высадится не в Александрии, а в Стамбуле. Не мешкая ни часу, он развернул паруса и ломанул к Стамбулу. Что же дальше? Не прошло и 48 часов, как в том же александрийском порту увидели транспортные суда французов. Если бы Нельсон перехватил Наполеона на пути, с вероятностью в 99,9 % французская эскадра была бы потоплена, Наполеон был бы пленен либо погиб, ну и вся мировая — по меньшей мере вся европейская — история пошла бы по другому пути.

Шельмованию своих врагов Наполеон уделял столь же пристальное внимание, как и пропаганде своего величия, могущества своей армии, справедливости введущихся войн. Французская пресса изображала всех его противников и внутри страны, и за ее пределами личностями совершенно ничтожными, жалкими и недостойными.

Наполеон постоянно следил затем, чтобы французские газеты перепечатывали передовицы и статьи о войне, о внешней и внутренней политике из главной парижской газеты «Монитор».

Газет он оставил всего несколько — по пальцам пересчитать: «Журналь де Пари», «Газетт де Франс», «Журналь де Л'Амбир», «Монитор», «Меркюр Галан», «Меркюр де Франс».

На оккупированных территориях все газеты должны были поступать точно так же. При малейшей попытке вести собственную линию они немедленно закрывались.

Это была первая в мире система управляемой прессы.

Принципы пропаганды Наполеона были просты: постоянно «опускать» врагов; запаздывать с сообщением плохой новости или не сообщать ее вовсе; давать строго дозированную информацию.

До какой степени была выдрессирована им французская пресса, говорит хотя бы такой известный факт. 26 февраля 1815 года Наполеон бежал с острова Эльба и вскоре с отрядом в 1000 человек высадился во Франции. По мере его триумфального шествия к Парижу резко изменялся тон газет и отзывы о нем. Вот хрестоматийная подборка сообщений парижской прессы в начале знаменитых наполеоновских ста дней.

Первый заголовок: *«Корсиканское чудовище высадилось в бухте Жуан».*

Второй: *«Людоед идет к Грассу».*

Третий: *«Узурпатор вошел в Гренобль».*

Четвертый: *«Бонапарт занял Лион».*

Пятый: *«Наполеон приближается к Фонтенбло».*

Ну и последний... *«Его императорское величество ожидается сегодня в своем верном Париже».*

Наполеон не ограничивался печатной пропагандой. По его личному приказу лучшие художники Франции и Европы писали портреты самого Наполеона и его маршалов.

По «госзаказу» писались батальные полотна, прославляющие эпизоды из наполеоновских кампаний. Так возникла впечатляющая картина Антуана-Жана Гро «Битва при Эйлау» с центральной сценой ухаживания хирургов Великой Армии за ранеными — французскими и русскими. Сразу видно, какие они гуманные, эти французские врачи, — оказывают помощь и врагам.

Кисти того же художника принадлежит и знаменитая картина «Наполеон в госпитале чумных в Яффе». Вот штабной офицер с отвращением, не в силах вынести омерзительную вонь, отворачивает голову, прикрывая рот и нос платком. А Бонапарт, изображенный в центре, бесстрашно протягивает свою руку одному из больных. Эта картина заняла особое место в истории военной пропаганды, ибо должна была разоблачить английские обвинения в том, что Наполеон приказал расстрелять всех больных при отступлении из Яффы.

И ведь не было дыма без огня! Яффа — крепость в Палестине.

В предместье Яффы укрепилось около четырех тысяч турок, и французские офицеры в отсутствие Наполеона вступили с ними в переговоры. Турки сложили оружие, при условии, что им будет сохранена жизнь. Итак — обещание было дано.

А. Гро «Наполеон в госпитале чумных в Яффе» («Зачумленные в Яффе»), 1804 г.

Беседы с больными чумой солдатами требовали от Наполеона не меньшей храбрости, чем личное участие в боях в Северной Италии. Если эти беседы, конечно, были в реальности...

Когда прибывший к армии Наполеон узнал об этом, он пришел в бешенство: пообещать-то пообещали, а что ему делать с четырьмя тысячами пленных турок? Ни воды, ни пищи не хватало самим французам. Более того, у них не было возможностей даже приставить к туркам нормальную охрану. А пленные турки — это не пленные немцы, я бы сказал, это скорее пленные японцы. Смотрят искоса. Слова не держат и при первом же случае зубами вцепятся тебе в глотку. Промучившись три дня в размышлении, куда ему деть четыре тысячи нахлебников, Наполеон в конце концов приказал их всех расстрелять.

Конечно, потом он писал в мемуарах, что это было самое тяжелое решение в его жизни, сознался, что это было бесчестно, — и прочая, прочая. Но... что было, то было. Хотя нужно сказать, что это был единственный зафиксированный в истории случай, когда Бонапарт столь жестоко обошелся с пленными в нарушение всех правил ведения войны.

В общем, от обвинений англичан пришлось защищаться с помощью изобразительного искусства. Подобные картины (и их многочисленные копии) в обязательном порядке выставлялись на художественных салонах.

Свою роль в деле пропаганды играли и знаменитые т. н. миниатюры, лубочные гравюры на дереве, сюжетами которых становились победы Наполеона и его армия. Эти копеечные гравюры поступали в широкую

продажу, раздавались детям в награду за школьные успехи или мелким служащим за прилежную работу.

Простолюдины охотно покупали дешевые миниатюры и украшали ими свои жилища. Так легенда о Наполеоне и Великой Армии приходила буквально в каждый дом.

Бонапарт знал толк и в монументальной пропаганде. При нем Париж серьезно перестроили. В круговерти кривых средневековых улочек прорубали новые широкие авеню, построили два моста и каналы для подачи воды в городские фонтаны. Но главное, в городе появился целый ряд пышных монументов, прославляющих боевые победы армии Наполеона. Бонапарт стремился превратить Париж в эдакий «второй Рим», столицу еще одной «вечной» империи. Приемы античного зодчества использовались в архитектуре Триумфальной арки, здания Биржи, фонтанов и мостов.

Пропаганда Наполеона внушала французам идею особой миссии Франции и непобедимости армии, ведомой императором.

О том, как сильно воздействовала пропаганда на людей, какие фантастические представления о мире она сеяла, говорит хотя бы такой факт: уже после оккупации Франции союзниками англичане были крайне удивлены. Оказалось, что французы даже не слышали о битве при Трафальгаре (!), в которой адмирал Нельсон разгромил французский флот. Им об этой битве решительно ничего не сообщили.

Особая роль в создании политических мифов отводилась Наполеоном России. Ведь русские и французы скрестили оружие задолго до 1812 года.

Русские и французы — на равных

Еще до 1812 года российская армия нанесла французам несколько тяжелых поражений. С ней волей-неволей, а приходилось считаться.

Наполеон прекрасно умел сочетать политику кнута и пряника — и грех тут не вспомнить об одном эпизоде, когда он совершенно очаровал Павла I, почти сделав его своим союзником. Как? Элементарно — Бонапарт приказал освободить всех русских пленных, захваченных при поражении армии Римского-Корсакова под Цюрихом. Того самого Корсакова, на спасение которого спешил Суворов во время своего знаменитого перехода через Альпы, спешил, продемонстрировав всему миру «чудеса мужества и героизма» русского солдата и свой полководческий гений, но, увы, не успел. Римского-Корсакова разбили.

Французы тогда взяли в плен около шести тысяч русских солдат. Наполеон, интуитивно чувствуя характер Павла I и понимая, на каких его чувствах можно сыграть (не случайно Павла называли последним рыцарем из европейских монархов), — сделал следующий жест. Он приказал за французский счет пошить всем русским пленным новую форму в соответствии со всеми регалиями, вернуть им оружие, выдать новую обувь и вернуть их всех за счет казны в Россию.

Благородный жест вызвал просто-таки восторг Павла Петровича, результатом чего вполне могло стать объединение с Наполеоном в военном союзе против Англии, — и опять вся мировая история пошла бы иначе.

В качестве ответного жеста Павел и послал тогда донских казаков атамана Платова завоевывать Индию. Но тут, как справедливо пишет Михаил Леонтьев, началась очередная серия «БОЛЬШОЙ ИГРЫ» — извечного геополитического противостояния Российской и Британской империй.

Бац-бац, и, не без участия английского посольства в Михайловском замке Петербурга, у Павла I неожиданно случается апоплексический удар — табакеркой по виску. Так русско-французский военный союз, к большому сожалению, и скончался...

Скоропостижно.

Сын Павла I Александр был слишком обязан англичанам, слишком проанглийски настроен... Соответственно, далее ни о каком союзе с Францией и речи идти не могло.

А всей этой коллизии предшествовала знаменитая «итальянская

кампания» Бонапарта. В начале 1799 года Франция оккупировала Северную Италию. Официальным предлогом была объявлена «необходимость» воевать с австрийской армией на ее территории. Реально Франция насаждала везде свои порядки, а заодно грабила всё, что только мыслимо разграбить. До сих пор во многих французских музеях есть сокровища, вывезенные из разгромленной Италии.

«Верный союзническому долгу» Павел I Петрович послал наших солдат в помощь австрийцам, а также, по настоянию союзников, вызвал из ссылки Суворова и назначил его главнокомандующим русским экспедиционным корпусом.

В Северной Италии Суворов действовал ничуть не хуже, чем ранее против турок или поляков. Когда французский генерал Макдональд наивно вообразил себя в безопасности, Суворов за 48 часов прошел 85 километров и ударил столь неожиданно, что французы бежали, потеряв половину армии.

Отметим, что «стандартный» военный переход для армий того времени не более 25 км в день. И это немало, т. к. в среднем составляет 6–7 ч самым быстрым солдатским шагом по бездорожью с полной выкладкой (в русской армии, повторяю, это обычно 1–1,5 пуда на человека), плюс 1–2 ч на «перекур», 2–3 ч на обустройство (снять-развернуть) походного лагеря, а еще подтянуть артиллерию, помочь обозу, — вот и закончен световой день.

30 км в день проходила только хорошо организованная и подготовленная пехота. Поэтому стремительные «рывки» суворовских чудо-богатырей, без обоза, напрямую, минуя окружные мощные дороги, повергали в шок всю Европу.

Осенью 1799 года Суворов полностью очистил Северную Италию от французов.

По его мнению, пора было идти во Францию, на Париж.

*Крейцингер. Портрет Александра Васильевича Суворова. 1799 г.
Общеизвестно, что энергичный Суворов обычно вставал в 4 утра.
Малоизвестно: ложился спать в 8 вечера.*

Пора закончить войну, и закончить победоносно! Но повторилась история времен Семилетней войны: усиления России испугались наши собственные союзники.

С точки зрения союзников-австрийцев Суворову было больше нечего делать в Европе. Он, мол, сделал свое дело, разбил французов... Теперь может уйти, а во Францию австрийцы вполне могут двинуться и сами.

Чтобы Суворову легче было принять нужное им решение, австрийцы фактически предали русских: вывели свои войска из Швейцарии. Корпус А. М. Римского-Корсакова (24 тыс. чел.) остался один на один с превышавшим его в два раза корпусом наполеоновского генерала Массены.

Суворов решает двинуться на соединение с Римским-Корсаковым. Австрийцы обещали предоставить вьючных мулов, обеспечить русскую армию продовольствием... Ни одного из своих обещаний они не выполнили. В сердце вражеской земли он остался без обоза, без продовольствия, без лошадей. Кроме того, союзники врали, будто через Альпы есть «хорошая дорога». А дороги там не было вообще. Перед русской армией вставали почти непроходимые горы. Австрийцы писали,

что у Суворова нет другого выхода, кроме плена.

Но Суворов сделал ход, которого никто не ожидал: ни французы, ни союзники. Он принял решение перейти через Альпы — перевести всю армию с артиллерией, конницей и остатками обоза по горным тропкам, где и местные жители порой боялись ходить.

Швейцарский поход покрыл имя Суворова неувядаемой славой.

Сен-Готард, Унзерн-Лох, Чертов мост — эти названия звучат как музыка для военного историка. Блестящие победы русского оружия, взлет воинской славы, проявления лучших качеств русского солдата! У Чертова моста солдаты Багратиона вскарабкались по почти отвесной скале. Так и лезли на высоту порядка 400 метров, на морозе и страшном ветру. Вскарabкались, на чудовищной крутизне зашли в тыл, ударили по французам, погнали штыками неприятеля. Если верить легенде, то сам Наполеон, узнав о сражении из донесений, воскликнул: «Этого не может быть!» А оно очень даже могло... В исполнении русских солдат.

Победы — да еще какие! Около Швица сам знаменитый главнокомандующий Массена едва ушел от русских солдат: русский солдатик даже схватил уже было Массену... Да тот вырвался, убежал, и остался в руках у солдата «всего только» эполет от мундира.

С этим эполетом связана история, очень в духе Суворова: увидел генералиссимус солдата, который смотрит на этот эполет, и чуть не плачет...

Суворов его обнял и тут же произвел солдата за подвиг в офицеры. И сразу к Суворову явилась целая делегация офицеров: мол, им же обидно! Вонючий мужик, а в офицеры... Непорядок! И вообще, что же тут за подвиг? Солдат ведь Массену не поймал, он только эполет его принес...

Суворов слушал, не перебивал, а потом тихо спросил: — А если бы солдат привел в плен Массену, надо было бы его произвести в офицеры? — Тогда надо было бы! А тут — всего только эполет...

— Хочешь быть генералом? — так же тихо спросил Суворов у полковника.

Полковник щелкнул каблуками.

— А ты хочешь быть полковником? — повернулся Суворов к штабс-капитану.

То рывкнул нечто бравое, патриотичное.

— Тогда идите, — так же не повышая голоса, сказал

Суворов, — идите и принесите мне второй эполет Массены. Принесете — твердо мое слово, быть вам всем с повышением.

Итальянский и Швейцарский походы — слава России, ее достойнейшее прошлое.

В Сен-Готарде до сих пор есть домик-музей, в котором жил Суворов. А день начала Швейцарского похода, 21 сентября, современные швейцарцы отмечают как местный праздник. Русских помнят очень хорошо, и не только как славных воинов.

Русские никого не обижали, интенданты Суворова за все скрупулезно платили, не то что австрийцы и французы.

В окрестностях Сен-Готарда до сих пор много русоволосых, рослых людей с явно славянскими чертами лица. Сами швейцарские барышни это объясняют без особого смущения: нашим прабабушкам нравились русские солдаты.

Это веселый праздник, и приятно, что наших соотечественников помнят так долго и по-хорошему. Только вот почему мы сами так беспамятны?! Почему в России так плохо помнят о Швейцарском походе Суворова, почему не празднуют годовщин сражения у Чертова моста? Что, совсем не гордимся победами наших предков? Мне довелось как-то гостить в Берне у посла России в Швейцарии, бывшего ректора МГИМО МИД СССР, большого ученого и патриота Андрея Степанова. Он много и с любовью рассказывал, как искренне чтят Суворова швейцарцы, особенно в южной, «итальянской» части конфедерации. Хранят реликвии того времени. До сих пор показывают туристам: вот кровать, где ночевал великий полководец, вот за этим столом потчевал, а вот горный ручей, где 70-летний полководец с утра обливался ледяной водой. Только удивительно, говорил посол, что наше государство делает меньше для сохранения этих памятников, чем Швейцарская Конфедерация. А наши туристы, особенно последних, российских времен, уже явно хуже и хуже помнят великие дни, когда русские офицеры, даром что дворяне, связав своими шелковыми шарфами десяток бревен, под кинжальным «огнем» перебирались по импровизированному «мосту» через пропасть, дабы показать личным примером солдатам: не страшитесь, чудо-богатыри, вперед, в штыки! И с ходу атаковали засевших на казавшихся неприступных горных хребтах французов.

Я рассказываю об этих событиях не только потому, что приятно вспоминать наши славные подвиги. Героизм русских солдат, самоотверженность офицеров, гений Суворова имеют самое прямое

отношение к политической пропаганде. Франция убедилась, что имеет дело с равным противником. С таким, которого приходится опасаться. Никак не получалось сохранять к русским пренебрежение времен Корба и служилых иноземцев времен Петра.

К тому же корректное поведение русской армии располагало к ней людей, что само по себе служило лучшей агитацией. А вдруг Россия захочет присоединить какие-то земли в Европе?! А вдруг местные жители будут не против?! Как и во время Семилетней войны, ТАКУЮ Россию испугались и союзники-австрийцы.

Опасный и грозный враг заставлял Наполеона сосредоточить особое внимание на пропаганде против России.

Как Бонапарт породил миф о русской угрозе

Наполеон провозгласил себя императором в 1804 году.

В круговерти европейской политики Россия стала важнейшим участником целой серии антифранцузских коалиций. Именно что важнейшим! Наполеон постоянно и жестоко бил австрийские и прусские армии. Из всех противников только две европейские державы наносили ему поражения: Британия и Российская империя.

Это при том, что войны велись на территории Европы. Война шла далеко от дома. Но разбить русских никак не удастся, Россия проводит независимую политику, сближается с Англией.

Россия была ОПАСНА. Настолько опасна, что Наполеон начал постоянно обвинять ее в агрессии.

Вот важное замечание. Пик русского могущества в первой четверти XIX века вызывает аналогию с пиком советского могущества середины XX века. В обоих случаях подписывались похожие мирные договоры между будущими противниками и воюющими сторонами.

Я имею в виду пакт Молотова-Риббентропа накануне Великой Отечественной войны и Тильзитский мир — договор между Наполеоном и Александром. Оба договора были подписаны в канун Отечественных войн — 1812 года и Великой Отечественной.

В Тильзитском мире, о чем очень мало известно, так же, как позднее в пакте Молотова-Риббентропа, содержались секретные пункты. Был подписан так называемый секретный протокол. По этому протоколу российская сторона — я имею в виду императора Александра — получала свободу действий в зонах своих интересов. А именно, на севере в направлении Швеция-Финляндия и на юге в направлении Турция-Молдавия.

Результатом этих секретных пунктов стало то, что Франция нисколько не вмешивалась в победоносную русско-шведскую войну, увенчавшуюся окончательным разгромом Швеции. Российская империя пополнилась Финляндией, а Александр I стал не только государем Великая, Малая и Белая Руси, но также и великим князем Финляндским. А в результате последовавшей

российско-турецкой войны к России отошла Молдавия и некоторые прилегающие к ней территории. В общем, история повторяется.

«Видите? — говорили его журналисты и литераторы. — Видите, русские опять побеждают. Так они скоро и вообще всю Европу завоюют».

Логика Наполеона принципиально ничем не отличалась от логики поляков времен московитско-польских войн за Смоленскую землю.

«Оршанская пропаганда» была обращена против сильного и опасного противника, который к тому же на глазах становился все сильнее и сильнее.

Также и пропаганда Наполеона была направлена против врага опасного и сильного. Оставайся Российская империя такой, какой была Московия в XVII веке, никому бы она не была интересна.

А тут из «нафталина» вдруг было заботливо извлечено «Завещание Петра Великого». Еще в 1797 году о «Завещании» и о враждебности России к Европе писал польский эмигрант М. Сокольницкий. Тогда на его брошюру мало кто обратил внимание.

Но в 1807–11 годах, готовясь вторгнуться в Россию, Наполеон начал готовить общественное мнение Европы к этому походу.

И опубликовал брошюру Сокольницкого большим для тех времен тиражом.

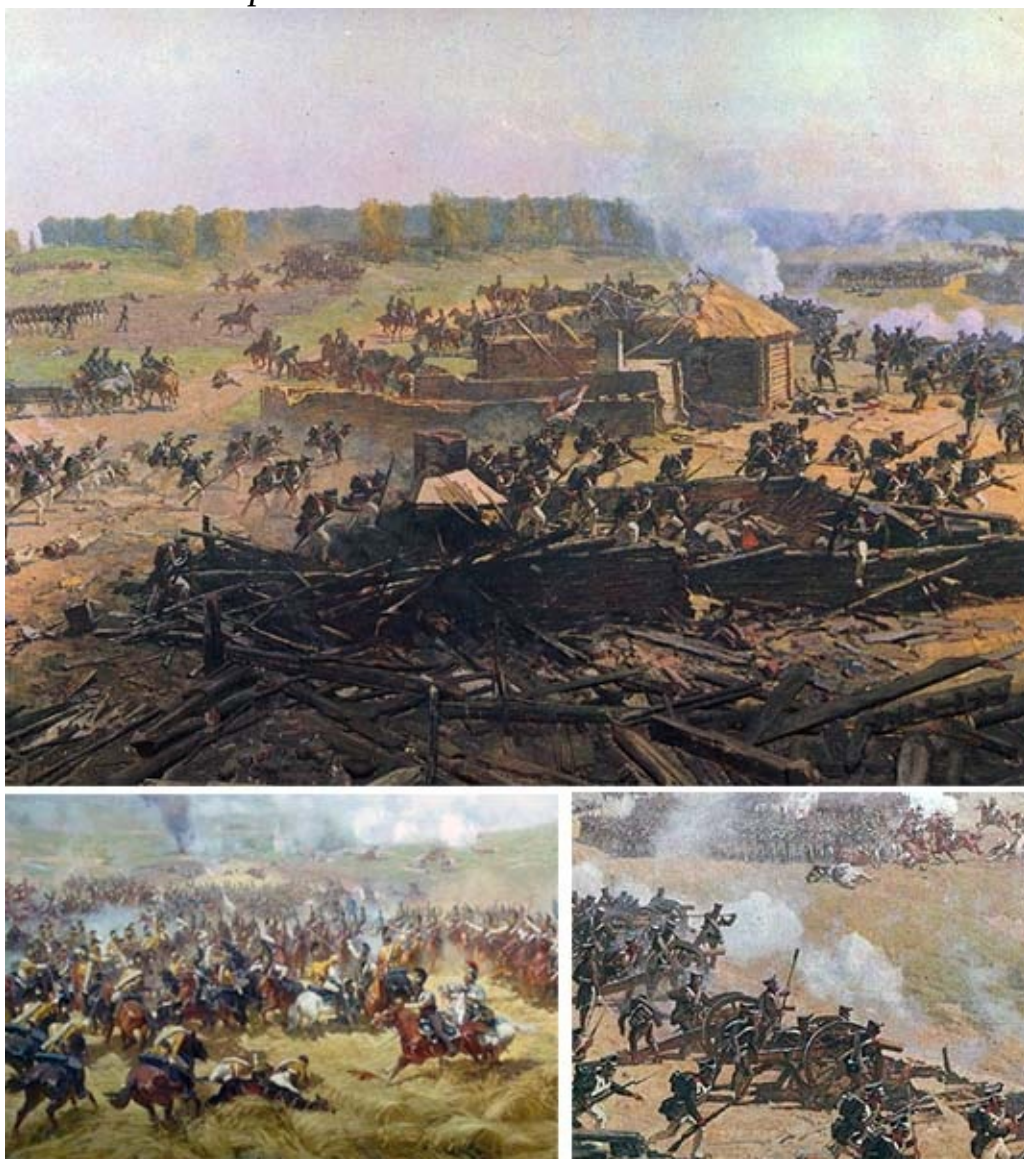
Потом, по прямому заданию Наполеона, французский чиновник Мишель Лезюр, историк по образованию, написал книгу «Возрастание русского могущества с самого начала его и до XIX века».

В книге, помимо прочего, было сказано: *«Уверяют, что в частных архивах русских императоров хранятся секретные мемуары, написанные собственноручно Петром Великим, где откровенно изложены планы этого государя».*

При этом текст «Завещания» Лезюр не опубликовал, он опирался на сплетни, слухи, домыслы, анекдоты. Главная цель — убедить европейскую публику в наличии агрессивных устремлений российской внешней политики, ее готовности и желании завоевать всю Европу.

Мифы и реальность войны 1812 года

Из приказа Наполеона по армии 22 июня 1812 года: *«Рок влечет за собой Россию. Ее судьба должна совершиться. Мир, который мы заключим, положит конец гибельному влиянию, которое Россия уже 50 лет оказывает на дела Европы».*

Ф. Рубо. Фрагменты Бородинской панорамы.

24 июня 1812 года Россию постигло величайшее несчастье: наполеоновское нашествие. Наполеон собрал для русского похода со всей Европы огромные силы — так называемую Великую Армию. По пыльным

дорогам Европы, а затем России двигались французские, итальянские, прусские, баварские, австрийские, испанские, швейцарские, голландские, датские, фламандские, польские, венгерские, хорватские воинские части. Поистине, говоря словами Пушкина, «не вся ль Европа здесь была?» В Великую Армию Наполеона вошли полки и батальоны двадцати стран. Французы составляли только четверть «личного состава», основой были немцы и поляки, а также итальянцы, испанцы, португальцы, хорваты, датчане, мамелюки.

С. Федоров «Сражение при Бородине 26 августа 1812 г.». 1858.

Жесточайшая мясорубка войны 1812 г. по-русски называется «Битва под Бородино». Рассматривается как боевая ничья и моральная победа Кутузова. По-французски значит как «Битва под Москвой». Рассматривается как сокрушительное поражение русских войск.

При всей своей походной актерской вспыльчивости, Наполеон никогда не принимал не продуманных заранее решений.

Он по меньшей мере два года готовился к русскому походу.

Готовился серьезно, не только отливая новые орудия. Готовилось общественное мнение. Интенсивно работала дипломатия.

К лету 1812 года Наполеон заставил все европейские страны, за исключением Англии и Швеции, принять участие в предстоящей кампании.

Более того, Бонапарт (малоизвестный факт!) добился вступления США в войну против союзника Российской империи — Англии. 18 июня 1812 года, то есть накануне нападения на Россию, Соединенные Штаты Америки неожиданно объявили войну Великобритании. Факт, кстати, имел большое значение для сковывания английских сил на море.

Русская пропаганда совершенно справедливо говорила о «нашествии двенадцати языков». Во всей 600-тысячной Великой Армии было их от силы тысяч 150. Многонациональное сборище общалось на странном армейском жаргоне, на основе французского, но с включениями слов из разных немецких диалектов, польского, испанского, итальянского языков.

При бегстве Наполеона из России многие офицеры этой армии отбились и остались в России. Прибывались они и к помещичьим имениям, дворянским гнездам. Настоящий французский офицер... Это же прекрасный гувернер, он научит Петеньку и Коленьку французскому и хорошим манерам, французскому изяществу и высокой культуре. Но очень часто пленный или беглый ветеран Великой Армии был фламандцем или немцем из Гамбурга, который за годы жизни в казарме и свой родной язык подзабыл, и французского толком не выучил, говорил на кошмарном грубом жаргоне, сморкался в два пальца, жрал руками, зато ругался на всех европейских языках одновременно.

Тоже идилия по-своему: наполеоновский ветеран отдыхал, отъедался, реализовывал свой отцовский инстинкт в общении с барчуками, честно учил чему умеет... И совершенно не был виноват, что французский язык Коленьки и Петеньки сильно отличался от языка Дидро и Рабле. Помните эту иронию Грибоедова про «смесь французского с нижегородским»? Так что сам французский, запомним, был в России «великой смесью», этакий тексмекс из всех европейских языков.

Но все же не будем забывать: накануне нападения на Россию солдаты Великой Армии подвергались самой массированной наполеоновской пропаганде, и поначалу у них был довольно своеобразный взгляд и на Россию, и на то, что они в ней делают.

«Для победы необходимо, чтобы простой солдат не только ненавидел своих противников, но и презирал их», — говаривал Наполеон. Так вслед за Наполеоном рассуждали его генералы.

Простой солдат презирал и Россию, и русских. Он был воспитан в этом презрении. Он знал, что русские — опасные полудикари, рабы своего начальства, враждебные Европе, всегда угрожавшие Европе. Победы они, и тут же принесут всюду страшные нравы русского мужлана.

Есть очень интересные исследования, показывающие: пропаганда Наполеона считала, например, ислам более совершенной, более «цивилизованной» религией, чем русское православие.

У нас до сих пор считается, что армия «супостата Буанапартэ», в отличие от немцев в 1941 году, была цивилизованной, культурной. Это потом, после пожара Москвы, она превратилась в сборище мародеров и

дезертиров.

Но это не совсем так. Армия Наполеона с самого начала грабила всё, что под руку попадало. Только на первом этапе войны грабеж шел более организованный.

Не буду голословным, приведу факты.

1. 3 сентября 1812 года, на следующий день после входа Великой Армии в Москву, солдаты получили *официальное разрешение* грабить. Творившиеся варварство, жестокость и насилие не были случайными действиями мародеров, которых якобы наказывали официальные власти. Это была политика Франции и самого Наполеона.

2. Великий московский пожар французы рассматривали как попытку местных жителей сжечь свое имущество, но не отдать неприятелю. Примеры такого поведения они уже видели по пути к Москве.

Потому они и расстреливали «поджигателей» — по большей части совершенно случайных людей. Как тех, кто как бы отнимал у французов то, что принадлежало им «по праву».

3. Приказами командования французской армии московские монастыри использовались под жилища для солдат, причем престолы употреблялись вместо столов, а в алтарях стояли кровати.

Церкви Заиконоспасского, Покровского, Новоспасского, Симонова, Крестовоздвиженского, Донского, Рождественского и других монастырей были превращены в конюшни.

В Высокопетровском монастыре оккупанты устроили скотобойню, а соборный храм превратили в мясную лавку. Весь монастырский погост был покрыт спекшейся кровью, а в соборе на вколоченных в иконостас гвоздях висели куски мяса и внутренности животных.

4. Мародеры дочиста ограбили все монастыри. Прежде всего их интересовали драгоценности, украшавшие священные предметы. Они сдирали с икон серебряные оклады, собирали лампы, кресты. В поисках спрятанных сокровищ грабители взламывали в храмах полы, простукивали стены.

5. Часто оккупанты не столько грабили, сколько оскверняли и уродовали святыни. В Андрониевском, Покровском, Знаменском монастырях французские солдаты кололи на дрова иконы, лики святых использовали как мишени для стрельбы.

В Чудовом монастыре французы, надев на себя и на своих лошадей митры и облачение духовенства, ездили так верхом и очень смеялись.

В Можайском Лужецком монастыре и сегодня хранящаяся здесь икона святого Иоанна Предтечи имеет следы от ножа — французы использовали

ее как разделочную доску, рубили на ней мясо.

Оскверняли не только предметы культа — всё, связанное с русской историей. В конце концов, святыни — это ведь не только иконы. Зачем-то разгромили старинные царские палаты в Саввино-Сторожевском монастыре: кровать царя Алексея Михайловича была сожжена, дорогие кресла ободраны, зеркала разбиты, печи просто разломаны, редкие портреты Петра Великого и царевны Софьи похищены — это побывал на постое «элитный» 3-й кавалерийский корпус генерала Груши.

И в этих действиях, и в каком-то убежденном, систематическом грабеже трудно не видеть следствие активной антирусской и антирелигиозной пропаганды.

6. Французы грабили и монахов, и священников, и мирных жителей. При малейшем сопротивлении избивали и даже убивали.

Известна попытка Наполеона взорвать Кремль. Под башни, стены и здания символа русской государственности заложили пороховые мины. Великая Армия, превращавшаяся на глазах в беспорядочно бегущее сборище, выходила из города, а саперы маршала Мортье поджигали фитили.

Но, видимо, французы чувствовали себя так неуютно в Москве, что сделали дело половинчато, ненадежно: запалив длинные фитили, они ушли. Побежали догонять своих. В эту ночь шел сильный проливной дождь, он погасил часть фитилей, а другие горели медленнее обычного.

Жители Москвы стали собираться к оставленному Кремлю...

Они заметили тлевшие фитили и кинулись их тушить.

Менее известно другое: взрывом Кремля дело не ограничилось.

Уходя из Москвы, французы пытались взорвать еще и Новодевичий, Рождественский, Алексеевский монастыри. Монахам удалось вовремя потушить огонь и тем самым спасти свои обители.

Приведу небольшую выдержку из письма поэта Константина Батюшкова, одного из прототипов Евгения Онегина... Он был известным франкоманом, однако, приняв участие в войне 1812 года, сей поклонник всего франко-итальянского вернулся домой в глубоком душевном кризисе.

Итак, он пишет: *«Ужасные поступки этих вандалов, или французов, в Москве и в ее окрестностях, поступки беспримерные и в самой истории вовсе расстроили мою маленькую философию (речь идет о франкомании). И мы до того были ослеплены, что подражали им ранее как обезьяны. Хорошо же они нам заплатили!»*

Император Николай Павлович в Зимнем дворце держал огромную красочную картину «Парад Старой Гвардии в Тюильри». Это было

типичное произведение наполеоновской политической пропаганды. На картине был изображен Бонапарт, принимающий в окружении маршалов парад своих «усачей-гренадеров».

При этом Николай I Павлович порой очень конкретно объяснял, зачем ему нужна эта картина: *«Хочу каждый день видеть этого сильного и опасного врага, которого, благодаренье Богу, мы сокрушили».*

Так Сталин мог бы повесить у себя в кабинете картину «Гитлер принимает парад эсэсовцев».

Русская армия в самом сердце Европы

Россия сыграла главную и исключительную роль в итоговом разгроме Наполеона. Но ни это обстоятельство, ни зарубежные походы русской армии 1813–14 годов не сделали Российскую империю в большей степени популярной в Европе.

Очень уж она большая и страшная. Как и в 1799 году, русская армия действует в сердце Европы. Но тогда Суворов только собирался идти на Париж и не смог из-за предательства австрийцев. А теперь русская армия без помощи всяких австрийцев вступает в Париж.

На Венском конгрессе 1814–15 годов, определявшем политическое устройство Европы, Российская империя — участник № 1, она же — гарант выполнения принятых решений. Суть идеи Александра I сводилась к тому, чтобы создать в постнаполеоновской Европе некий священный союз монархов и народов на базе конституционных монархий. Добиться всеобщей отмены крепостного права, в том числе и в России. Создать некие миротворческие «международные войска», своего рода голубые каски, которые бы поддерживали общеевропейский порядок.

При этом главная — глобальная — идея Александра I заключалась в том, чтобы провести конвергенцию всех трех ветвей христианства — православия, католичества и протестантизма — в одну.

Английские карикатуры XIX в.

Русский медведь в исполнении западных карикатуристов XIX в. представлял очень по-разному. От вполне отвратительной твари до достаточно симпатичного персонажа. Все зависело от политической обстановки.

Русский император придавал исключительное значение идее такого религиозного слияния. Дело в том, что в трех империях — в Российской, Австрийской и Османской — тогда юридически национальность как таковая не принималась во внимание. Учитывалось только вероисповедание.

Александр I видел бесперспективность создания общеевропейского государства военным путем, как это попытался сделать Наполеон, поэтому старался действовать не военными оккупационными методами, а методами дипломатическими и политическими.

Никто не мог понять, почему Александр не оставил русских военных

баз и оккупационных войск по всей Европе, хотя имел на это полное право.

Только во Франции до 1818 года стоял русский корпус в 30 тысяч человек. Для «поддержания мира и стабильности».

По решениям Венского конгресса Российская империя присоединяла Варшавское герцогство — территорию с населением в 3 миллиона человек.

Вот этого ей никак не простили! При Екатерине II Польшу делили три хищника, и ни один из них не мог обойтись без двух других. А теперь Россия присоединяет к себе огромный кусок Польши, уже не спрашивая ни у кого. Она обгоняет союзников, оказывается первой среди равных и сильнейшей среди победителей.

Князь Москворецкий, он же Принц Московский — этот титул Ней получил за Бородино.

После отречения Наполеона перешел на сторону роялистов. Когда его бывший шеф бежал с Эльбы («100 дней»), сначала публично обещал Бурбонам «привезти Бонапарта в Париж в „железной клетке“», потом резко перешел на сторону Наполеона и командовал частью армии при Ватерлоо. Расстрелян в 1815 как государственный изменник. Чествуется французами сегодня как национальный герой.

Вроде бы антирусскую пропаганду начал общий враг — Наполеон. Но эта пропаганда быстро пришлась по вкусу нашим вчерашним союзникам.

Слишком сильной оказалась Россия в 1815 году. И вот ведь парадокс. Бонапарта только что повергли, но один из его любимейших мифов, про агрессивную и опасную Россию, продолжил свою жизнь уже без него...

ОХ УЖ ЭТИ СКАЗОЧКИ!

«Веселие Руси есть пити»

Вся Россия — пьющий Гамлет.

Фазиль Искандер

Родную историю мы по большей части знаем плохо. Издалека всплывает что-то вроде: «...Веселие на Руси есть пити...» и прочее «гой-еси». Кажется, в связи с анекдотом о выборе веры: якобы князь Владимир именно потому не захотел принимать мусульманство, что оно запрещает употреблять спиртное... Если мы ищем корни пьянства во временах Владимира Святого, как зафиксировали летописцы якобы его слова: «Веселие Руси есть пити, и нельзя без этого быти», — то все, приехали — всеобщая алкоголизация населения и полное вырождение русского народа не за горами.

Вообще весь летописный рассказ о выборе веры Владимиром — настоящая художественная литература. Он носит легендарный характер — в этом не сомневается никто из историков. А судя по тому, что мы знаем о Древней Руси, эпизод с «пити-быти» — более поздняя вставка какого-то остряка предка.

Да, в былинах повествуется о веселых пирах при дворе Владимира Красное Солнышко (собираемый образ Владимира I Святого и Владимира Мономаха). Но нет в них описания напившихся, валяющихся на земле, теряющих человеческий облик гостей. Во всех западных эпосах они есть: и в «Старшей Эдде», и в «Младшей Эдде», и в «Песне о Нибелунгах». А в былинах — нет! Вообще единственный случай упоминания пьяниц и пьянства на Древней Руси — это история про Садко и голь перекадную. Но, во-первых, это эпос Новгорода — самого европейского города Руси, члена Ганзы. Во-вторых, бесконечные приключения Садко содержат только один «пьяный» эпизод. Остальные примеры гульбы — не пьянка, а скорее безудержное, разудалое веселье, такое, как пляски морского царя под гусли Садко.

Обратим внимание еще вот на какую примечательную и важную деталь: в русском законодательстве нет никаких ограничений пьянства и не предусмотрены наказания для пьяниц. Ни в «Поучениях» Мономаха, ни в святоотеческой религиозной литературе, ни в других книгах Древней Руси нет осуждения этого порока, рассказов для детей о его вреде. Нигде нет

упоминаний о пагубных последствиях пьянства. Предки пили мало, пьянство и его последствия не представляли собой общественной проблемы.

Там же, где производили вино и сложились традиции винопития, приходилось обращать внимание на отрицательное влияние алкоголя на здоровье и характер человека.

В странах с развитой винодельческой культурой издавна обсуждались вопросы, передается ли алкоголизм по наследству и как влияет пьянство родителей на физическое и психическое состояние детей. Эта проблема, к слову, стояла еще у мифологических героев. Из римской мифологии известно, что от пьяного Юпитера и его супруги Юноны родился хромой Вулкан. Это своего рода предупреждение пьющим — вот что может произойти! В славянской мифологии ничего подобного нет даже отдаленно.

В государствах, где были распространены пьянство и запои, появлялись различные правила и ограничения. Известна общая суровость ранних римских нравов. Но и на их фоне законы о винопитии очень строги. По законам Ромула мужчинам до 35 лет вообще запрещалось употреблять вино, не разрешалось пить вино женщинам. Если римлянка допускала до себя пьяного мужа, ее закапывали живой (!).

В Древней Греции был издан закон, запрещающий новобрачным употреблять вино в день брака. В Карфагене запрещалось пить вино в те дни, когда исполнялись супружеские обязанности.

В Древнем Китае только в 60 лет человек получал три привилегии: отпустить бороду, ходить с палочкой и пить вино.

В Древней Индии, если уличали в пьянстве представителя высшей касты — брамина, то заставляли пить из раскаленного металлического сосуда кипящую жидкость до тех пор, пока он не погибал. Жены браминов, нарушившие обет воздержания от алкоголя, изгонялись из дома, души их присуждались к переселению в собаку или стервятника, а на лбу у них каленым железом выжигали изображение бутылки.

«Германия зачумлена пьянством», — восклицал в XVI веке реформатор церкви Мартин Лютер. Но разве одна Германия? «Мои прихожане, — жаловался одновременно с ним английский пастор Уильям Кент, — каждое воскресенье смертельно все пьяны».

Еще до вторжения норманнов в 1066 году жители Британии, в основном саксы, завоевали репутацию горьких забулдыг.

А все из-за пива, которое стали потреблять вместо воды, потому что, как мы отмечали ранее, в воде находились возбудители опасных болезней. Накануне прихода в Англию норманнов уже при каждом монастыре и

аббатстве был свой пивной заводик.

Туманный Альбион занимал лидирующую позицию в вопросе пьянства долгие столетия. Проблема оказалась настолько серьезной, что в VI веке правитель бриттов Гольдас Мудрый издал декрет, по которому «... каждый монах, напившийся до того, что не в состоянии будет петь во время службы — будет оставаться без ужина». В XIV веке экспорт из Бордо в Англию был настолько значительным, что его средний годовой оборот был превышен лишь в 1979 году — рекорд шестисотлетней выдержки! Английский король Эдуард II заказал по случаю своего бракосочетания с Изабеллой Французской вино в количестве, эквивалентном более чем миллиону (!) современных бутылок. Да, на этой свадьбе англичане и французы наверняка погуляли от души.

«Простая вода нездорова для англичан», — писал в XVI веке английский ученый Эндрю Бурд. Впрочем, не он один отметил эту удивительную непопулярность «простой воды».

В «Истории» Тэннера так описывается английский труженик времен Ричарда III: «Англичане пьют воду только в наказание за что-нибудь...» То есть «обычно» английский труженик воду не пьет, только алкоголь! И его легко понять! Не будем слишком придирчивы к бедным жителям старой Европы: зловонные города, скученность, грязь, отсутствие элементарных гигиенических бытовых привычек, потоки гниющих отбросов, летящих из окон прямо на улицу — все это создавало самую благодатную почву для распространения заразных болезней: оспы, холеры, бубонной чумы.

Воду кипятить было не принято. Стаканы, понимаете ли, тоже особо не стерилизовали. Поэтому алкоголь был, по сути, для городского населения Европы до XIX века ЕДИНСТВЕННОЙ дезинфекцией. Лучше медленно мучиться от посаженной печени, чем, выпив «простой воды», сразу загнуться от дизентерии или холеры.

А на Руси не было и не могло быть ничего подобного.

«Русь вступила в Средневековье трезвой», — утверждают специалисты, изучавшие этот вопрос. С этим согласны, в принципе, многие. Но дело в том, что Русь и вышла из Средневековья трезвой.

Появление крепкого алкоголя в России зафиксировано только в XV веке, и одарила им нас Европа. А употребляли его на Руси поначалу исключительно для приготовления травяных настоев, лекарств и компрессов.

Русские до XVI века пили в основном мед, пиво и, отчасти, привозное вино.

Мед являлся экспортным товаром, и на Руси к нему было особое отношение. Голландец Альберто Кампенезе, собиравший сведения о Московии из вторых рук, писал, что дупла для ульев выдалбливались как можно выше, чтобы их не разоряли «волки и медведи». Вероятно, так и было, хотя волк, лезущий на дерево за медом, — это сильно. От такого Винни-Пух точно сошел бы с ума.

«Воруют-с»

Князь Горчаков: И что же происходит в России?

Карамзин: Как обычно... Воруют-с...

Исторический анекдот-с

Скажу сразу: нет никакой уверенности, что диалог состоялся именно между Горчаковым и Карамзиным. Передают его именно так, со старинным простонародным «с» на конце... Только собеседников называют очень разных. То дело происходит в Париже, и действительно давно живущий в этом городе Горчаков спрашивает у только что приехавшего Карамзина о том, что происходит на Родине. То такой же вопрос задает князь Барятинский князю Гагарину, и тоже в Париже. В другой версии этого исторического анекдота разговор происходит в Петербурге, а беседуют то ли граф Орлов с князем Куракиным, то ли князь Гагарин с графом Бобринским.

Короче, Бобчинский с Добчинским. В общем, все точно как с бессмертным афоризмом о «двух бедах России — дорогах и дураках». Фраза есть. Целая идеология, построенная на ней, — есть. Автора — нет.

Неизменно одно — многозначительное «воруют-с».

Указание на то, что ничего иного в России происходить и не может. Что у нас самое главное в русской жизни? Что «воруют-с». Все воруют-с. Везде воруют-с. Всё воруют-с.

Нормальнейшее повседневное явление.

Рассказами о стяжательстве, воровстве, хищениях из казны полным-полна русская классика. Она как сговорилась: если царедворец — то казнокрад. Если чиновник — то взяточник. Если купец — то жулик и вор.

Если принять эту позицию русской литературы всерьез, то получается: сакраментальное «воруют-с» — и вправду есть самое честное, фотографически точное определение сути русской жизни.

В этом не вина никого лично из великих русских писателей. Литература — зеркало жизни, точнее, зеркало представлений литераторов о жизни. Соответственно, литература лишь отразила некое народное убеждение в том, что Россия — очень вороватая страна. Насколько это убеждение свойственно «широким народным массам» — отдельный разговор, но образованный слой Российской империи, те несколько

десятков — ну, сотен тысяч человек, для которых и творили Гоголь, Толстой, Островский, Некрасов, — они явно такое мнение разделяли. «Воруют-с» — мнение не только и не столько о каком-то отдельном слое народа или какой-то группе людей, это выраженное в одном кратком афоризме представление об особой вороватости народа в целом, об «особом» характере русского предпринимательства, воровстве, как неотъемлемой части русского государства и общественных отношений.

Ни один народ никогда, ни в какие времена не мог бы изначально относиться к самому себе как к вороватому и нечестному. Иначе он просто не мог бы совершить решительно ничего не то что великого, а даже самого обыденного повседневно-бытового.

Как практически во всех случаях, генезис и этого мифа восходит к описаниям иностранцев: путешественников XVI–XVII веков.

«...Они очень склонны ко злу, легко лгут и воруют», — сообщал Барберини.

«Они отличаются лживым характером... Москвичи считаются хитрее и лживее всех остальных русских...», — уверенно пишет Герберштейн.

Штаден полагает, что купцы и деловые люди Московии *«все время лгут, и очень легко обманывают»*, что им нельзя давать в долг — не вернут, а всякие оставшиеся на миг без присмотра ценности непременно будут разворованы.

О нравственных качествах русских есть и совершенно другие высказывания иностранцев. Но именно негативные оценки (по большей части малодоказательные и пристрастные) были любовно собраны, сочтены за истину в последней инстанции и легли в основу мифа о неискоренимой русской вороватости.

Почему? Есть люди, иногда непонятливые иностранцы, а иногда разобиженные на жизнь соотечественники, которые сказали о нашей стране и нашем народе некие обобщенные гадости. И есть другие люди, которые их с большим мазохистским удовольствием повторяют, постепенно превращая чужую злобную остроту или литературный анекдот в истину в последней инстанции.

Со временем мы даже научились не только жить с таким представлением о самих себе, но даже ловко выворачивать этот миф, превращая русскую склонность к криминалу чуть ли не в достоинство.

Возьмем хотя бы «Алтын-толобас», книгу господина Чхартишвили. Повествование в романе ведется в двух временных пластах: в XVII веке и в наши дни. В XVII веке в Россию приезжает завербованный иноземец,

немец Фон Дорн. Не успел он пересечь границу, как на первом же постоялом дворе его обокрали. Фон Дорн находит один выход из положения: принимается продолжительно и пребольно дубасить вероятного преступника. И возвращает украденное! В XX веке отдаленный потомок Фон Дорна, британский подданный Фандорин опять приезжает в Россию.

И с ним происходит то же самое! Не успели колеса поезда застучать по русской территории, как его обокрали. Действия те же: насилие над предполагаемыми ворами, возвращение украденного. И далее — невероятное количество криминальных приключений.

Приключения и предка, и потомка выглядят скорее весело, чем страшно, но образ страны рисуется... понятно какой. Получается, мы и правда отличаемся от Запада невероятной криминогенностью да многовековыми преступными наклонностями. Нигде нет и никогда не было ничего подобного нашему «беспределу».

Жить здесь нужно не по законам, а только «по понятиям», приспособившись к «вековым» обычаям русских.

Здорово придумано! Не отрицая того, что русские — вор на воре, никакого закона в стране не было и нет, автор умудряется все равно создать привлекательный образ России, только как бы «от обратного». Диву даешься.

Да вот только само это «краеугольное» слово «воруют-с» никто из известных исторических персонажей не произносил.

«У России две беды — дураки и дороги»

Эх, дороги...

Л. Ошанин. Песня военных лет

Миф о дорогах российских всегда рядом с мифом о дураках. Две беды — дураки и дороги, — отметил русский классик. Гоголь, конечно? Нет. Никаких свидетельств о принадлежности афоризма великому русскому писателю не имеется.

Еще эту убийственную фразу приписывают Салтыкову-Щедрину. Желчный был господин, но и у него об этом ни слова.

Называют автором и Карамзина — классика историографии.

Только и у Карамзина вы нигде этой фразы не найдете. Есть даже милая версия о том, что это сам император Николай I, ознакомившись с книгой маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», воскликнул в сердцах: «Бл... да в России всего две беды — дураки и плохие дороги!» Психологически достоверно, но не более того...

Как говорят в таких случаях ученые: «Авторство не подтверждено и маловероятно».

А может, Вяземский? Язык у него был, конечно, ядовитый, да и в стихах Петр Андреевич про русские дороги отзывался крайне нелюбезно:

Нужно ль вам истолкованье,
Что такое русский бог?
Вот его предначертанье,
Сколько я заметить мог.
Бог метелей, бог ухабов,
Бог мучительных дорог,
Станций — тараканьих штабов,
Вот он, вот он, русский бог...

Но и у Вяземского этой фразы нет. В общем, вопреки всеобщему заблуждению, автор крылатого выражения неизвестен.

Однако безымянность автора не мешает журналистам всех мастей бесконечно повторять про эти две беды. «Классик» остался неизвестным, а

его выражение стало одним из самых классических.

«Мне никогда не приходилось ездить в жизни по худшей дороге, чем из Гамбурга в Любек. На всем протяжении дорога эта — чередование песка, глубоких рытвин и разбитого *chaussee* (по-французски „шоссе“ — это мостовая)», — пишет за десять лет до француза Кюстина англичанин Александер о том, как ехал к нам из Англии. Пишет, кстати, уже после того, как объездил всю Россию. Ни одна дорога у нас, самая плохая, не произвела на него такого удручающего впечатления, как та в Германии.

Но вот вопрос: мы уже сравнивали и не раз Российскую империю и Римскую. Рим славился своими знаменитыми дорогами, сделанными на века. Ни Московия, ни Россия ничего подобного не сделали. Почему? Ответ кроется глубоко в истории и очень прост. Точно в той степени, в какой Риму каменные дороги были целесообразны, у нас веками в них не было ни военного, ни особого экономического резона.

Рим строил дороги не от избытка «бюджетных средств» и тяги к землеустройству. К этому его подталкивала экономическая и в первую очередь военная необходимость.

С экономической необходимостью все понятно: а) ускорение торговли, б) обеспечение стройматериалами и продовольствием самого «вечного города» и центров крупных провинций.

Крупные имперские города, как вакуумный пылесос, «всасывали» в себя со всех окраин безграничной империи материальные ресурсы и продовольствие. Одно снабжение миллионного (!) населения столицы хлебом, всегда было нестерпимой головной болью всех правительств и правителей Рима. Отсюда, кстати, столь «особые» в прямом и переносном смысле отношения римских цезарей с главной житницей империи — Египтом.

История России знает один пример подобного мегапроекта-«пылесоса» — строительство Санкт-Петербурга Петром Великим.

Со строительством дорог Петр особенно не торопился: не было ни времени, ни денег, так что тысячи мужиков тащили волоком со всей России-матушки в Петров град камень и лес. Напомним, что на период строительства Санкт-Петербурга иным городам было запрещено любое (!) каменное строительство вообще. По всей стране! Но была и вторая, более суровая причина, заставлявшая Рим активно заниматься строительством

дорог, — военная. Самые лучшие римские дороги — не те, что связывали сам Вечный город с провинциями. В первую очередь строились дороги, которые шли как бы по периметру империи. Их прокладывали вдоль череды крепостей и оборонительных валов — не только в Британии (Адрианов вал), но и в Германии, в Дакии и так далее — именно для ускоренной переброски легионов с одного участка государственной границы Римской империи на другой. Дороги такого рода — каменные, широкие — выполняли исключительно военную функцию.

Небольшая Италия, а точнее Римская область, до начала I тысячелетия завоевала огромную даже по современным понятиям территорию. При этом основу армии составляли свободные италийские граждане. «Варваров» стали призывать на военную службу уже при поздней республике и во времена империи. Поэтому армия Рима была относительно небольшой.

Однако и призыв варваров не позволял увеличивать армию до принятых на Востоке (Персии и Индии) гигантских размеров.

Во-первых, в Европе попросту не хватало людских ресурсов.

Во-вторых, легионер после реформ Мария стал профессиональным солдатом, как в наше время солдат армии США, и его ратный труд стоил недешево. Даже во времена расцвета империи Рим содержал не более 20–25 легионов одновременно.

Стандартная численность легиона — 6 тысяч человек, плюс обслуга около 2–4 тысяч. Итого армия Рима составляла максимум 200 тысяч профессиональных военных. Не так много для охраны протяженных границ империи.

Именно поэтому и нужны были удобные внутренние дороги — для молниеносной переброски легионов с одного участка границы к другому, из одной провинции — в соседнюю. Без дорог Рим не смог бы никогда столь долго противостоять внешнему давлению по всему периметру империи.

На Руси же история другая. Здесь как раз наш суровый климат позволял обходиться вообще без дорогостоящих дорог. Наоборот, в том, чтобы их не строить, имелась экономическая целесообразность. Большую часть года, на несколько месяцев от осени до весны, когда замерзали реки, вся страна покрывалась сетью отличных гладких великолепных шоссе. К тому же абсолютно бесплатных.

«Трудно сказать, что было ближе русскому человеку, сама река или земля по ее берегам. Он любил свою реку, — никакой другой стихии своей страны не говорил он в песне таких ласковых слов, и было за что. При

переселении река указывала ему путь... он жался к ней, на ее берегу ставил свое жилище, село или деревню». Так писал В. Ключевской о роли реки в жизни россиянина.

Он же в своих лекциях по русской истории отмечал «фантастическую» сеть рек европейской части России, подобной которой не было нигде в Центральной и Западной Европе.

Столь удобную для передвижения, что по рекам с небольшими волоками можно было попасть из Балтийского моря в Черное и в Каспийское, или наоборот...

Ну и кто бы стал строить дорогу там, где сама природа устраивает прекрасный путь: в ладьях летом, в санях по льду зимой? Голландцы тоже ведь не строили дорог с каменным покрытием, как римские. Они весело мчались на коньках по замерзшей воде своих каналов.

Народный календарь в России очень четко указывал хронологию движения на Руси: на Казанскую 22 октября (4 ноября н. ст.) выезжали на колесах, а полозья обязательно клали с собой в телегу. С Козьмы и Демьяна 1 (14) ноября реки обязательно вставали, и открывался санный путь. На санях по зимникам ездили еще до конца марта.

«В зимнее время русские ездят на санях и в городе, и в деревне, так как дорога крепкая и гладкая от снега; все воды и реки замерзают, и одна лошадь, запряженная в сани, может провезти человека до четырехсот миль в три дня», — с удивлением писал английский посол Дженкинсон во второй половине XVI века.

У Герберштейна, кстати, есть еще одно интереснейшее наблюдение, связанное с русскими дорогами. Он детально описал то, что неожиданно увидел в Московии воочию: прекрасно организованную при Василии III почтовую службу. Со станциями, сменными свежими лошадьми и постоянными тарифами. Так как ни электронной почты, ни даже обычной авиа тогда не существовало, вся деятельность почтового ведомства была нанизана на дорогу.

То же у Александра: «Путь в 2300 верст от Одессы до Петербурга курьеры покрывают за 7 дней, надо сказать, что во всей России почта работает безукоризненно».

Правда, и здесь Герберштейн умудрился отметить с очевидной глупостью. По его наблюдениям, русские... не умеют подковывать лошадей, а потому те не могут безопасно ездить по льду.

Это было ерундой. Но это кочевало из книги в книгу на протяжении

десятилетий и даже столетий, пока борзые русские кони, звеня стальными подковами по льду, лихо покрывали огромные расстояния.

Кстати, именно поэтому и русские князья выезжали для сбора дани — это называлось «в полюдь» — в холодное время — зимой, и зимой же совершала набеги — по льду замерзших рек — многотысячная монголо-татарская конница. Летом им мешали засечные черты — непроходимый ров и вал, сложенный из стволов и кольев.

Невежды утверждают, что Россия вовсе не знала мощеных дорог. Мол, строить такие дороги не умели. Это неправда. Там, где было целесообразно, т. е. в городах, там строили.

Археологами найдены в культурном слое Великого Новгорода 28 (!) ярусов добротных еловых тесаных мостовых. Методом дендрохронологии — по годичным кольцам — установили, что первый ярус был положен в 953 году. Следующий — через девятнадцать лет. И так век за веком.

Позволить себе такое мог не только богатый Новгород. Москва, Владимир, Псков — во всех этих городах существовали добротные мощеные улицы, подобные которым были не во всех европейских городах той поры. Только были они не каменные, как в Риме, а деревянные — потому что дерева было много, и в обработке оно легче. Матвей Меховский писал: *«Москва вся деревянная, а не каменная. Имеет много улиц, притом, где кончается одна улица, не сразу начинается другая, а в промежутке бывает поле. Дома также разделены заборами, так что непосредственно не примыкают друг к другу. Дома знати большие, дома простых людей низенькие»*. Все вроде логично. Но что это за поля посреди города углядел поляк? Да ведь это просто площади, неведомые экономным европейцам! Так что у нас в городах были не только улицы, но и площади.

А строить деревянную дорогу от села Посконное до села Суконное, — на это не хватило бы не только денег в казне, но и леса во всей округе. Твердого же камня, пригодного для строительства мощеных дорог в равнинной средней России тогда просто не было.

Использование рек в качестве естественных транспортных артерий, причем практически всепогодных, — очень остроумное и экономически выгодное решение. Отнюдь не случайно большинство русских поселений и городов располагалось по берегам рек и озер.

Самые же большие города — Новгород, Смоленск, Владимир, Нижний Новгород... — вставляли на перекрестье водных дорог.

Приводить можно и другие примеры.

Поселенцы, прежде чем вбить первый кол на месте будущего жилья, скребли в затылке и внимательно оглядывали окрестности — как бы

половчее использовать все возможности окружающего мира, с минимальными затратами добиться максимальных результатов.

Наши предки, говоря современным языком, всегда стремились к экономической эффективности. Заметьте, это показатель правильности и оригинальности мышления, а не лени. Смекалистость, творчество и трудолюбие — это то, что досталось нам от наших предков. Поистине надо быть не только ослепленным и враждебно настроенным по отношению к России, написав следующее: *«Национальным героем по-прежнему остается сказочный Емеля. Этот лежебока получил все, о чем мечтал, не вставая с печи — „по щучьему велению, по моему хотению“, а не добыл упорным трудом, как герои немецких сказок»* (Газета. ру, 21 марта 2006 г.).

«Ленивы мы и нелюбопытны»

А вот у этого выражения автор известен. И это не кто иной, как Пушкин Александр Сергеевич.

Тут как бы в скобках замечу, что для русской культуры характерно иронично-критическое отношение к самим себе, своей истории и достижениям. С одной стороны, это неплохое качество, своеобразная гигиена души, благодаря которой делается прививка от зазнайства, спеси и мании величия. Но, как известно, лекарство от яда отличается дозой.

Самокритику не надо доводить до самобичевания. Сказал как-то Пушкин: *«Мы ленивы и нелюбопытны»* — и мы эти слова приняли как приговор. Да, поганый народец. Ленивый, нелюбопытный — ни тяги к знаниям тебе, ни ума. Этому печальному диагнозу вторит из-за границы мощная группа поддержки: *«Ну, граждане алкоголики, хулиганы, тунеядцы... Кто хочет сегодня поработать?!»* И мы все дружно, потупив глаза, шагаем. Они не клеветают, просто цитируют «наше все». Тут мы и повесили носы, сгорбились от стыда — лентяи. А еще припомнили и Емелю, и Ивана-дурака, и работу, которая «в лес не убежит»...

Ну, полно, господа, убиваться! Александр Сергеевич, конечно, «наше все», достояние отечественной и мировой культуры, но далеко не каждое его высказывание было историческим и объективным. Ведь он и с женой разговаривал, и с друзьями, и с детьми. Деловые переговоры вел с издателями, при этом раздражался непременно и спорил о гонорарах — кормилец большой семьи, куда деваться. О ком говорил Пушкин — «мы»? Кого имел в виду? Арина Родионовна оплошала или придирчивый цензор довел? Может быть, просто паршивое настроение случилось, и все вокруг стало «и кюхельбекерно, и тошно»?

Да нет, все проще. Сетовал Пушкин, что некому написать биографию Грибоедова. Вот цитата целиком: *«Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...»*

Вполне конкретная ситуация, а выводы из этих слов сделали сами знаете какие... Масштабные.

«Прощай, немытая Россия»

Здесь тоже автор хорошо известен: Лермонтов Михаил Юрьевич. Эта строка знаменитого стихотворения, рожденного поэтом в первой половине XIX века перед отъездом в ссылку на Кавказ, стала одним из аргументов и художественной метафорой «мифотворцев» в пользу подтверждения тезиса о грязи и неопрятности русских.

Как всегда в таких случаях не учитываются ни обстоятельства написания стихов, ни кому именно адресовал автор слово «немытая». Если заняться «скучным» анализом, быстро выясняется: это оскорбительно-дерзкое, экспрессивное определение лирический герой относит скорее к вполне конкретной, «официальной» России. То есть никак не ко всему русскому народу, а только к тем, кто обвинил и сослал поэта.

Но, как и водится, в этом никто не стал разбираться. И строки, в которых поэт признается в любви к Родине, проникновенно пишет о своих патриотических переживаниях, у нас практически не цитируются. А определение «немытая Россия» было подхвачено и приклеено ярлыком ко всем русским, ко всей стране.

М. Ю. Лермонтов. Акварель Е. Тремера.

«Прощай, немытая Россия...» — бросил в сердцах молодой офицер

Лермонтов, уезжая из столицы на Кавказ. И мы до сих пор соглашаемся: «Да, мы такие, мужичье сиволопое, борода во щях, грязь под ногтями...»

Теперь это очередной аргумент в пользу традиционной русской нечистоплотности. «Вот видите? Даже патриот Лермонтов так полагал!» Итак, что есть Россия? Деревня. Лапотник-мужик.

Что есть мужик? Грязь, вонь, вши. Спят вповалку, не раздеваясь на полу. Совокупляются в грязной общей и единственной комнате в деревенской избе. Сальные волосы, всклоченные бороды.

Дырявая рубаха, подпоясанная веревкой, да рваные лапти. Зубов нет. Из рта — вонь. Дети — засранцы — возятся где-то вперемешку со скотом. Вот вам — Святая Русь! Все: «Прощай, немытая Россия», гуд бай, май лав, гуд бай!..

Этот миф оказался настолько глубоко внедренным, что даже тогда, когда русский путешественник сталкивался с особенностями европейской «гигиены», у него не возникало соблазна уличить европейцев в нечистоплотности. В книгах, написанных русскими о Западе, есть много просто устрашающих описаний антисанитарии и грязи. Но нигде вы не найдете и тени сомнения по поводу чистоплотности европейцев в целом.

В свое время меня поразило описание, сделанное русским эмигрантом Борисом Завадским. Пять лет провел он в Северной Америке, с 1927 по 1932 год. Работал там и грузчиком, и поломойкой, слесарем, механиком, пекарем, и в числе прочего — ковбоем. Итак, конец рабочего дня...

«Джек вынес ведро, табуретку, большой таз, мыло и полотенце. Первый из подоспевших ковбоев насосом... накачал ведро воды, напился из него, наполнил таз, основательно вымыл в тазу руки и затем этой же, уже грязно-серой водой умыл свое пыльное лицо и вспотевшую шею. За ним подошел второй, потом сразу трое. Умывались все вместе, не меняя воду, вытирались общим мокрым и серым полотенцем. После ковбоев умылся Джек.

— Ну что же ты? — обратился он ко мне, приглашая последовать общему примеру.

Я выплеснул грязную воду, ополоснул таз и, наполнив его свежей водой, умылся. Взгляды окружающих, тяжелые и насмешливые, как бы говорили презрительно: „Эх ты, чистюля!“».

Спать парню пришлось положив носовой платок на серую от грязи наволочку, не раздеваясь: тут так полагается. Стоит ли тратить время на то, чтобы снимать и надевать одежду? Во сне парень видел ковбоев, «умывающихся черной водой из грязного таза». Утром он достал зубную

щетку и пасту, мыло и полотенце, пошел умываться и чистить зубы.

«Хозяин смотрел на меня неодобрительно. Будто я занимался колдовством.

— Ты чего это до работы умываться вздумал?.. Все равно сейчас вымажешься.

— А я тогда еще раз умоюсь.

— Вздумал! Это у нас не принято! Еще зубы чистить — подумаешь, лорд какой».

Представляю, какие далеко идущие выводы сделал бы иностранец, наблюдая такого рода сцены в России. И как долго его цитировали бы, в том числе сами русские. А вот у Завадского нет ни малейших попыток анализа и обобщения. И никто в США не цитирует его книгу, повторяя: «Видите! Видите, какая она грязная, эта наша дикая страна, отсталая от России — образца чистоплотности!» Кстати, нет ничего более далекого от реальности, чем ковбой из кино, символизирующий свободный дух Америки. Похоже, про них придумано просто все.

Родео.

Cowboys («коровьи мальчики») были совсем не такими молодцами, как обычно изображаются в вестернах. Достаточно отметить, что примерно половина ковбоев были... неграми и индейцами. Этого «Коламбия пикчерс» точно «не представляет».

В фильмах ковбой изображаются гарцующими на красавцах-рысаках, хотя на самом деле скакать на таких конях им было не по карману и не очень удобно. Ездили они на маленьких выносливых лошадках, меняя их по несколько раз в течение дня. Обычно это были пони — так, кстати, пишут сами американские писатели. Но для киномифа ковбой на пони — это не круто.

Прицельная дальность стрельбы из револьвера того времени — до десяти метров. Поэтому стрельба от бедра, равно как и с двух рук, по-македонски — тоже чисто киношная фантазия. Это просто смешно. Любопытно, что по этическим соображениям того времени носить два револьвера считалось моветоном. Примерно как сегодня ходить с несколькими мобильниками сразу, говоря по ним одновременно.

Поэтому носить два револьвера могли себе позволить только военные — но не для того, чтобы стрелять с двух рук перед кинокамерой. А для того, чтобы не перезаряжать револьверы — это очень муторное занятие, особенно в движении. Стреляли сначала из одного — шесть патронов. Потом доставали второй, и стреляли из второго.

Многочисленные перестрелки в салунах, которые являются неизменным атрибутом любого вестерна, также относятся к разряду абсолютнейших фантазий. Просто потому, что качество пороха было тогда такое, что после первого же выстрела образовывался клуб очень едкого дыма. Два-три выстрела, и весь салун был бы в дыму. Этот черный ядовитый дым заволакивал бы помещение и выгонял бы всех стрелков и посетителей вместе с барменом на улицу.

Зато совершеннейшая правда, что именно в США во второй половине XIX века в войсках появились первые **комиссары** — во время войны Севера и Юга. Комиссаров назначали в помощь командирам воинских частей, и они были ответственными за моральный и политический дух своих солдат. Идиотского двоевластия, как в Красной армии, правда, не было, власть принадлежала командиру. Но институт комиссаров, считавшихся как бы заместителями командира, был — и примерно с тем же функционалом. Так что «комиссары в пыльных шлемах», точнее в пыльных шляпах и сомбреро, — американское изобретение.

Так что, сказав «Прощай, немытая Россия», еще можно было уехать на русский фронт — Кавказ, но оправляться в Штаты точно не стоило.

«Страна рабов»

Повезло Лермонтову! Или наоборот дико не повезло... Из одного стихотворения создали сразу два устойчивых негативных клише. «Страна рабов», — любят у нас бездумно повторять про «немытую Россию». Конечно, поэт, говоря «Страна рабов, страна господ», явно имел в виду близкий и понятный ему высший свет и царившие там нравы. Но советское образование услужливо подсказывает: тут надо вспомнить о русских крепостных. О помещичьих рабах.

Вот откуда наша рабская психология! Вот где корни личной несвободы! Вот почему Россия — по-прежнему страна рабов...

Все это ерунда. Набор этих мифологем не имеет никакого отношения к реальности.

Хотя реальность, если по-честному, неоднозначна. С крестьянами вообще все было непросто. Очень, очень все было запутанно. Поэтому не нужно упрощать и делить русское крестьянство (а это до 90 % населения в разные века) на две неравные части: львиную долю крепостных рабов и чуть-чуть пока еще свободных землепашцев.

Итак, во-первых, почему-то на «черных землях» жили государственные крестьяне, а на «белых землях» — подданные феодалов. При этом «черносошные» вольные крестьяне были прикреплены к земле, а крепостных барских землепашцев защищал закон. То есть все совсем не так, как нам представляется.

Надо разобраться.

Итак, на государственных «черных землях» сидели крестьяне-домохозяева. Они входили в тяглые «общества» и записаны были в податные списки. «Тяглые и письменные люди» прикреплялись к обществам и не могли покидать свои дворы и земельные участки, не найдя заместителей.

Ограничения свободы — налицо. Но вот Ключевский полагал, что *«такое прикрепление, разумеется, не имело ничего общего с крепостным правом»*. И с ним надо согласиться.

«Закрепощался» на государственных землях только сам тяглец-домохозяин. Каждый крестьянский двор представлял собой что-то вроде артели, состав которой был разнообразным и сложным. Кроме хозяина, как я уже говорил, там жила огромная семья — очень часто вплоть до внуков и правнуков.

А также родственники или работники — «захребетники», «суседи», «подсуседники»... Положение «закрепощенного» большака представлялось для них крайне престижным. Если бы хозяин пожелал, он без малейшего труда поставил бы вместо себя кого угодно из этой «меньшой братии», а сам стал бы «свободным» человеком. Только вот он этого почему-то не хотел.

Что же до самой братии, жившей в хозяйстве, то она была вольна как ветер. Никому и в голову не пришло бы удерживать любого из них, вздумай уйти хоть все, хоть по одному. Разве что сам глава этой патриархальной крестьянской артели, большак, огорчился бы временному отсутствию рабочей силы.

Среди черносозных крестьян встречались и весьма богатые.

Занимались они не только земледелием, но и торговлей, и разными промыслами. Михайло Васильевич Ломоносов происходил как раз из черносозных крестьян и подростком ходил с отцом на собственных судах охотиться на морского зверя за сотни километров. Туда, где были принадлежавшие им охотничьи угодья.

Естественно, богатые «рабы» — а ведь мы продолжаем считать ими крестьян, правда? — обычно пользовались наемным трудом. Рабы-капиталисты.

Кроме собственно крестьян-тяглецов в черносозных общинах жили еще так называемые «бобыли». Только не путайте: это отнюдь не непутевые холостяки, а ремесленники или наемные работники, то есть не тяглое сельское население. Частные индивидуальные предприниматели. Имелись и «пашенные бобыли», владельцы участков земли.

Этот крестьянский капитализм зашел так далеко, что возникли своего рода «общества на паях», союзы «складников», или совладельцев, в которых каждый имел свою долю и мог распоряжаться ею как угодно — продавать, сдавать в аренду, покупать доли других совладельцев, а мог и требовать выделения своей собственной из общего владения. Получались такие закрытые акционерные общества, ЗАО. Другие аналогии как-то на ум не приходят. Да и зачем что-то придумывать, если все очевидно?

Александр Исаевич Солженицын восхищался швейцарской «демократией, прямо вытекающей из традиций общины», считая ее самой совершенной и, так сказать, самой «народной». В представлении современного россиянина община и демократия есть две вещи никак не совместные.

Но абсолютно прав Александр Исаевич — вся европейская

демократия выростала из вот таких общинных форм самоуправления. Сначала были территориальные общины, умевшие выбрать для самих себя и из собственной среды «добрых и излюбленных» управителей, а потом уже и в масштабах государства появилась «палата общин» (так ведь и называется, как назло!).

Констатирую факт: в Московии XVII века все более укрепляется именно такая «низовая» демократия; общины все активнее принимают на себя функции низовых органов управления.

Напомню, что все эти процессы идут не в городах, в среде высоколобых интеллектуалов и богатых людей, а как раз в основной массе тогдашних москвитов, в крестьянстве.

И этих крестьян очень много — более 50 тысяч дворов, то есть артелей, патриархальных предприятий. Всего никак не меньше полутора миллионов человек. И они умеют охранять свои права, в том числе и силой оружия.

На Севере, правда, черносошных несравненно больше. Есть даже такое понятие, как «черносошные волости» — то есть обширные области, где владельческих крестьян вообще нет, все исключительно вольные.

В центре страны черносошные и владельческие крестьяне живут чересполосно. Но, во-первых, вольные «государевы хрестьяне» там тоже есть. А во-вторых, положение владельческих крестьян не так уж сильно отличается от положения черносошных. И непонятно, в какую сторону. Государственные подати владельческих крестьян значительно меньше, чем у черносошных, но суммарно они все-таки платят больше.

То есть в этом незначительном отличии в области персональных финансов и заключается разница между вольными и «рабами». *«Государство и после Уложения (1649 г. — В. М.) не отказывается видеть во владельческих крестьянах своих подданных: они платят государевы подати, они не лишены личных прав; помещикам запрещается „пустошить“ свои поместья; правительство не отказывалось от своего права наказывать злоупотребления помещичьей властью».*

Владельческие крестьяне были кем угодно, но не рабами, и их «крепость земле» вовсе не означала одновременной «крепости владельцу».

Да, помещики и хозяева вотчин де-факто постоянно нарушали их права — продавали без земли, меняли на холопов, разбивали семьи. Историки справедливо отмечают, что таких случаев становилось все больше к концу XVII столетия. Но помещик, разлучавший супругов, чтобы

повернее добратся до понравившейся ему молодки, и вотчинник, менявший крестьянина на холопа, очень хорошо знали, что они теперь — преступники. И что если они не поберегутся, их действия будут иметь для них же самих весьма плачевные последствия.

Зверюга Салтычиха была, кстати, приговорена к смертной казни.

Салтыкова Дарья Николаевна, правда, окончила жизнь не на плахе, а в тюрьме — смертная казнь вполне в духе сегодняшних гуманных времен была заменена пожизненным заключением. В тюрьме она провела 33 года. Умудрилась даже нажать ребенка от тюремщика.

Правительство за такие антикрестьянские преступления и ссылало, и секло кнутом, и уж во всяком случае, отнимало земли. А с их исчезновением у помещика пропадали и средства к существованию, и общественное положение. Закон владельческого — крепостного крестьянина в определенной степени ЗАЩИЩАЛ.

Но по большей части защищать никого и не приходилось.

Наши представления о крепостном праве весьма далеки от действительности.

Уже сейчас некоторыми исследователями высказывается мнение, что крепостное хозяйство было скорее крестьянско-помещичьим кондоминиумом, что крестьяне и помещики, встречаясь в одной церкви, не могли всерьез быть нетерпимыми антагонистами, по крайней мере такими, какими их представляла марксистская историческая наука.

Каждый делает свое дело, у каждого своя ответственность и свои обязанности перед страной. И все это понимают.

Логика первоначально была такая: крестьяне у помещика — как бы «временно» не во владении, а в управлении, чтобы опять же государю было легче армию содержать. И землю («двор») государь своему служилому человеку тоже «временно» дает, пока тот служит. Если сыновья пошли служить, оставит «поместье» за ним и дале.

Нет сыновей, так выделит вдове с дочерьми десятую долю мужева имения на прокорм, остальную землю вместе с крестьянами отберет в казну. Притом испокон веков было так: чем больше у дворянина земли, тем больше он и вооруженных ратников должен на войну отправить. Больше доходов — больше расходов.

Справедливость.

И сам помещик непременно должен воевать, а в мирное время —

служить. И сыновья также. Особо строго при Петре стало: коли донесут, что уклоняется дворянин от государственной службы или сына скрывает, не хочет отроком на учебу в столицу отправлять, — все, конец ему.

«Уклониста» — в кандалы, имущество — пополам: в казну и доносчику.

Получалось, что жизнь у дворян сытая, да опасная. А свободы — не сильно больше, чем у крестьянина на земле.

Потому, когда 18 февраля 1762 года был объявлен Манифест о вольности дворянства, крестьяне этого не поняли. Точнее, сочли странным то, что теперь дворяне превращаются в узаконенных бездельников, не обязанных служить. Им, значицца, воля вышла, а нам что? Впрочем, обида пришла позже, а поначалу были ожидания — вполне логичные. *«Многие крестьяне посчитали, что с этого момента крепостное право стало незаконным, и стали ждать следующего указа — о вольности крестьянства, — отмечает исследователь Александр Горянин. — Ждать им пришлось 99 лет и один день».*

Хотя, конечно, не у всех хватило передаваемого из поколения в поколение терпения. Через десять с небольшим лет огромные территории — Оренбуржье, Урал, Западную Сибирь, Среднее и Нижнее Поволжье — охватило восстание Пугачева.

Крестьяне не простили нарушения неписаного общественного договора. Такие странные «рабы». Из такой странной страны.

«Народ безмолвствует...»

*Богу было угодно наказать Россию через мое
окаянство.*

*Емельян Пугачев. Из показаний на первом
допросе*

Бояре во главе с князем Мосальским входят в дом, где находятся вдова и взрослые дети Бориса Годунова. Народ слышит из дома женский визг, пытается вмешаться, но двери заперты.

«(Отворяются двери. Мосальский является на крыльце)

Мосальский: Народ! Мария Годунова и сын ее Федор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы. (Народ в ужасе молчит.) Что ж вы молчите? Кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!

Народ безмолвствует».

Пушкинское «народ безмолвствует» в «Борисе Годунове» используется и историками, и литературоведами как доказательство покорности и кротости народа, его безразличия ко всему.

Но молчат-то когда? Когда только что объявлен новый царь! Здесь крик народа просто обязателен, он входит в принятый сценарий политических игр.

Так французские дворяне, узнав о смерти короля, произносили принятую традицией формулу: «Король умер, да здравствует король!» Эта формула возглашалась на собраниях дворянства при больших скоплениях людей.

А. Головин «Портрет Ф. И. Шаляпина в роли Бориса Годунова». 1912 г.

Народ не одобрял ни этого, по сути, неплохого царя, ни тех, кто расправился с его семьей.

Слова «Да здравствует король!» полагалось подхватывать хором, обращая к будущему королю лица, простирая правые руки. Многие в таких случаях опускались на левое колено, в том числе и дамы — необходимая демонстрация лояльности. И попробовал бы дворянин не участвовать в подобном церемониале! Позвольте... Но ведь точно такое же действие и совершает народ в произведении А. С. Пушкина. Народ прекрасно понимает, что он делает, и логика его поведения была хорошо понятна во времена Пушкина, — это к нашему времени она подзабылась. Народ **ДЕМОНСТРАТИВНО** отказывается кричать свое «Да здравствует!» царю, которого сажают на престол бояре и князья... но которого народ не считает **ИСТИННЫМ**. Настанет день, и народ взбунтует, предельно ясно показывая, что он думает об узурпаторе. Пока он «всего лишь» молчит.

Восстание становится логическим продолжением нравственного осуждения — то есть «безмолвствования народа». Громовой выстрел из пушки пеплом Гришки Отрепьева, того самого, которого Мосальский велел величать государем Дмитрием Ивановичем, и есть прямое продолжение

этого ледящего, мертвого молчания.

«Русский бунт, бессмысленный и беспощадный»

«Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный...» А. С. Пушкин, «Капитанская дочка», черновая редакция. Снова Пушкин! Все-таки он не даром «наше все». За последние двадцать лет эти слова цитировали столько, что они уже стали народной поговоркой.

И почему-то никому из тех, кто глубокомысленно повторяет эти строки, не приходит в голову вопрос: если русский бунт — бессмысленный и беспощадный, то бунт нерусский что — осмысленный и гуманный? Вы вообще представляете себе хорошо продуманный и бескровный бунт? Бунт, участники которого ласково улыбаются друг другу? А. С. Пушкин сурово относится к бунту. Не нравится он ему.

Отметим и это как особенность его собственного мировосприятия. И как часть мировоззрения россиян — мы ведь так нервно и с готовностью выслушали Пушкина и согласились: «Не приведи Бог...».

Не принимает наша душа бунта. Отметим это.

А чтобы сравнить «наши» бунты и бунты европейцев, посмотрим: а как в те же времена бунтовали в Европе?

Стоит бросить взгляд, и выясняется: в Европе и правда бунтовали совсем не так, как у нас. Уже восстания рабов в Римской империи — нечто не очень понятное для России и куда более жестокое.

Широко известно восстание Спартака 73 (или 74) — 71 годов до н. э. До 60 тысяч рабов участвовало в восстании, 40 тысяч из них погибли в сражениях и были истреблены победителями, 6 тысяч (!) рабов были распяты вдоль Аппиевой дороги и висели, пока их истлевшие и разложившиеся тела не попадали с крестов по частям.

В России известны восстания, сравнимые по масштабу с восстанием Спартака. До 40 тысяч человек вел за собой Степан Разин. До 60 тысяч было в армии Пугачева. Но большая часть из них дожила до конца восстания. Никогда ни Суворову, ни графу Панину не пришло бы в голову поставить вдоль Московской или Смоленской дороги 6 тысяч виселиц.

Собирая материал для своей «Истории пугачевского бунта», А. С. Пушкин и через 50 лет после казни Пугачева встречался со стариками, которые открыто рассказывали о своем участии в восстании. Римский историк не имел бы такой возможности.

III и IV века — это сплошное полыхание народных восстаний в Риме, в Сицилии, на Востоке. Общее число погибших историки называют разное.

От «десятков тысяч» до «около миллиона».

И в Византийской империи плебс восставал не раз и не два. Наверное, это были восстания осмысленные и гуманные... Во время одного из них — «мятежа Ника» (побеждай!) в 532 году только в Константинополе погибло, по разным данным, от 30 до 300 тысяч человек. Из них несколько десятков тысяч император Юстиниан заманил на стадион, и попавших в ловушку людей перерезали поголовно, как баранов.

Жакериями назывались вообще всякие восстания крестьян, постоянно вспыхивавшие во время Столетней войны 1337–1453 годов. От пренебрежительной клички крестьянина Жака. Среди этих восстаний выделяется Большая жакерия 1358 года. Сначала парижане во главе с Этьеном Марселем, главой городского самоуправления и богатым сукноделом, восстали. Они выгнали наследника короля из Парижа, и двор обосновался по необходимости на севере Франции. Потом крестьяне остановили и разбили очередной королевский отряд, посланный грабить деревню. С невероятной скоростью вспыхнули восстания в Иль-де-Франсе, Пикардии, Нормандии, Фландрии. Стихийные восстания. Никто не возглавлял повстанцев. Крестьянский вождь Гильом Каль командовал только несколькими отрядами.

В конце концов феодальное войско двинулось на Париж.

В решающий момент горожане отошли за городские стены, а городская верхушка стала юлить перед дворянами, уверяя в своей невиновности, пока наконец не нашелся предатель, убивший вожака горожан Этьена Марселя. Париж открыл королю городские ворота.

Обращаю внимание — расправа над горожанами состоялась по тем нравам очень умеренная. Так часто поступали с повстанцами этого рода ДО Большой жакерии, также будут поступать с ними и ПОСЛЕ: феодалы все же считали горожан если не равными себе, то людьми, достойными применения к ним хоть каких-то законов.

С горожанами договаривались, горожан привлекали на свою сторону, горожан, по крайней мере, не резали, как баранов.

На крестьян же правила рыцарской войны не распространялись, по отношению к ним не действовали вообще никакие правила и ограничения.

Чудовищный разрыв в образе жизни, во внешности, в уровне доходов, образования, культуры между дворянством и простонародьем был продиктован отчасти и тем, что крестьяне и торговцы являлись, как правило, галлами, представителями покоренной нации, в то время как дворяне большей частью представляли франков. То есть германцев.

Отношения между хозяевами и арендаторами, собственниками и

рабами, власть имущими и просто неимущими — это еще и отношения завоевателей и покоренных. Именно здесь кроются психологические корни феерической надменности французских дворян. Их неспособности принимать крестьян не то чтобы за равных (об этом не смели помыслить даже великие французские гуманисты XVIII века — Вольтер, Руссо, Дидро), — но и просто-таки за людей.

Даже если посмотреть поэзию трубадуров, поэтов того времени, которые в основном были людьми благородного происхождения, диву даешься, откуда у этих творческих людей такое невероятное классовое презрение, непонимание простонародья. Средневековые поэты относятся к крестьянам хуже, чем к животным.

Ответом на такое отношение была чудовищная, невероятная жестокость крестьян в ходе крестьянских войн по отношению к дворянству. Та жестокость, которой никогда не было не то чтобы на Руси, но даже в Германии.

Любопытно, что, даже проявляя чудовищное зверство — совершенно оправданное, надо сказать, — французские крестьяне традиционно уважительно относились к королю. Крестьянские отряды беспощадно расправлялись с дворянами, жгли замки и поголовно истребляли их обитателей без какого-либо снисхождения к полу и к возрасту, обрекая их на самую мучительную смерть, но на крестьянских знаменах при этом были нашиты королевские гербы.

Наконец настал момент решающей битвы крестьян с феодальной армией. Войско Гильома Каля оставалось неорганизованной, плохо вооруженной толпой. Неожиданно, когда армии уже построили, лидер феодалов Карл Злой объявил перемирие: якобы он получил новые сведения о причинах восстания. Он хочет поговорить с крестьянским вождем, и может быть, заключить с ним договор...

То ли Гильом Каль оказался невероятно наивным человеком, то ли очень уж его очаровала перспектива, что с ним будут разговаривать, вести переговоры на равных — прямо как с дворянином (!) — во всяком случае, он явился в лагерь дворян, и почти сразу же его схватили, а немногочисленную свиту перебили. По легенде, вожака крестьян посадили на раскаленный докрасна железный трон, а на голову надели также раскаленную докрасна железную корону. Вот так изобретательно.

По обезглавленному крестьянскому войску, не ждущему атаки, ударила, без предупреждения, нарушив перемирие, дворянская конница. Началась жуткая резня, за считанные часы погибло несколько тысяч человек. Потери рыцарей — не более 20 человек.

Несколько месяцев шла ужасающая бойня. По данным французских историков, Большая жакерия унесла жизни 10 тысяч дворян. Тоже немало. Взаимная ненависть всколыхнула самые жестокие животные инстинкты доведенных до отчаяния людей. Крестьяне убивали дворян с отвратительной жестокостью. Дворянская Франция откликнулась на эти события истреблением до 100 (!) тысяч крестьян, и это при численности населения всей территории нынешней Франции в XIV веке в 10–12 миллионов.

В Европе не было, как на Руси, феномена самозванства. Движущей силой восстания становились не «настоящие короли», а народные ереси, когда восставшие брались довольно своеобразно трактовать Священное Писание. «Когда Адам пахал, а Ева пряла — кто был дворянином?» — спрашивали они. Раз некому быть дворянином, так и дворянства не надо. Надо вернуться к временам Адама и Евы, жить просто и нравственно. Сожжем замки, убьем дворян, поделим их землю, ведь имущество придумал сатана. Зачем Богу имущество? Оно ему совершенно не нужно и так все кругом Богово. Надо все поделить, отменив собственность и деньги, чтобы Божья земля обрабатывалась правильными людьми, правильно почитающими Бога.

Примерно под такими лозунгами выступали, например, повстанцы из отряда Дольчино (Италия, 1304–07 гг.). В России это имя известно благодаря книге Умберто Эко «Имя розы». Воины одного только Дольчино истребили до 10 тысяч человек, уничтожая дворян, богатых мещан да и просто горожан.

Приведу еще пару типичных примеров. Восстание Уота Тайлера в Англии в 1381 году, охватившее большую часть Англии.

Восставшие ворвались в Лондон (!), вели битвы с правительственными войсками. Историки называют до 10 тысяч жертв.

Крестьянская война в Германии 1524–26 годов. Единого командования не было, в разных областях действовали свои командиры. Частью крестьян-повстанцев командовал некий барон Гец фон Берлихинген. Убедившись, что феодальная конница берет верх, он быстро перебежал обратно на сторону собратьев по классу. Крестьян перебили почти поголовно.

Существует любопытная легенда, что правая рука Геца фон Берлихингена была сделана из железа. То ли кузнец ее отковал, то ли сам дьявол подарил. А живая левая рука требовала пищи — человеческого мяса. Как «ела» рука, легенда не уточняет. Она только говорит, что без человечины и человеческой крови рука хирела и начинала двигаться медленнее. Если верить легенде, вплоть до XVIII века у потомков Геца эта

рука жила в клетке.

Кормили ее... привычной пищей.

В Тюрингии отряды Томаса Мюнцера превратились в настоящие армии, выступавшие под знаменами, на которых был изображен башмак, ведь сапоги носили феодалы и богатые горожане, а крестьяне — деревянные башмаки. Армия под знаменем с башмаком сжигала замки, вешала рыцарей, грабила горожан.

Германия — не Франция. Дворяне не воспринимались крестьянами как завоеватели, крестьяне не были для дворян рабами-животными. Но и здесь жертвы с обеих сторон были чудовищны.

Многие народные движения на Западе организовывались поклонниками дьявола и сектами, ненавидевшими материальный мир. Лев Гумилев удачно назвал такие учения «антисистемами», то есть врагами реально существующего мироздания.

Катары, патарены, вальденсы и альбигойцы в X–XIV веках считали, что Бог и дьявол играют в этом мире одинаковую роль. При этом Бог властвует в мире чистых идей, вне материи, а материальный мир создан сатаной. Дьявол — князь мира сего. Человек должен как можно быстрее избавиться от плоти и от всего, что привязывает его к земному.

Все эти малопонятные современному даже верующему человеку сектантские изыски не было бы смысла упоминать в этой книге, если бы различное толкование библейских текстов не вылилось в страшные Альбигойские войны. Альбигойцы в XII–XIII веках захватили несколько городов в Северной Италии и на юге Франции. Количество истребленных альбигойцами католиков и потом — католиками — альбигойцев шло на десятки тысяч человек.

Страшные цифры для малонаселенной средневековой Европы.

Кстати, знаменитая своим запредельным цинизмом фраза «Убивайте всех, Господь на небе отберет своих» (она существует в разных вариациях) относится именно к периоду Альбигойских войн. Так ответил один из прелатов католической церкви, когда его спросили, как в захваченном городе отличить еретиков — тех самых альбигойцев — от правоверных католиков.

В общем, не дай Бог увидеть французский, итальянский, немецкий, английский бунт.

«Тюрьма народов» + «Снизу доверху — все рабы»

В Интернете я насчитал несколько сотен текстов, где сочетание слов «тюрьма народов» упоминалось в связи с Россией или СССР. Народ спорит в основном о том, был ли «тюрьмой народов СССР» или же все-таки этим грешила именно царская Россия.

А еще народ спорит, кто ввел в публицистику эту мрачную метафору «Россия — тюрьма народов».

Большинство уверены, что это сделал Ленин в статье «О национальной гордости великороссов». Как часто бывает, многих этот факт устраивает. Ленин для них — неопровержимый первоисточник всего. Наше все. Прямо как Пушкин.

Что ж, Ленин действительно написал такую статью, опубликовав ее в декабре 1914 года в газете «Социал-демократ». Однако в ней слов про тюрьму народов не было. Ленин использовал это определение примерно в это же время, но в другой статье: «К вопросу о национальной политике». Собственно говоря, это даже не статья, а рукопись, к тому же сохранившаяся не полностью.

Рукопись «К вопросу о национальной политике» является наброском речи, с которой должен был выступить в IV Государственной думе большевистский депутат Г. И. Петровский. Впрочем, произнести эту речь ему так и не удалось в связи с изгнанием из Думы левых депутатов 22 апреля (5 мая) 1914 года. Рукопись проекта речи сохранилась не полностью.

В этот период В. И. Ленин неформально руководил большевистской фракцией IV Государственной думы. При пересечении границы империи Ульянову грозил арест, поэтому роль «серого кардинала» фракции он исполнял то из Цюриха, то из Лондона.

В. И. Ленин.

Владимир Ильич ловко перефразировал Маркса, который, в свою очередь, позаимствовал звучную фразу у Астольфа де Кюстина. Так появился штамп «Россия — тюрьма народов».

Тем, кто рассуждает о «тюрьме народов», обычно невдомек, что впервые назвал Россию «тюрьмой» французский писатель и путешественник маркиз Астольф де Кюстин (1790–1857).

Книга Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» впервые увидела свет в Париже. Из этого опуса российский читатель узнал много любопытного о своей стране. Оказалось, что *«сколь ни необъятна эта империя, она не что иное, как тюрьма, ключ от которой хранится у императора».*

Наша интеллигенция с упоением начала повторять почти готовые афоризмы: «Россия — тюрьма», «Император — тюремщик России». Не участвовать в легком интеллектуальном диссидентстве было, конечно же, очень неинтеллигентно. Благодаря частому повторению и постоянному цитированию, образ России как «тюрьмы» вошел в русский язык в качестве метафоры.

При этом де Кюстин вообще ничего не говорил о межнациональных отношениях. Тем более он не осуждал угнетения нерусских народов

империи да, похоже, и ничего о таком положении не знал. Если учесть, что маркиз просто с упоением хватался за любую, даже самую незначительную возможность сказать о России хоть какую-нибудь гадость, это очень характерно. Если уж Кюстин ничего не сказал о национальной политике Российской империи, значит, действительно не нашел, к чему прицепиться.

А мужчина он был вьедливый. Удивительно, но к самому русскому народу — в смысле к простонародью, маркиз относится очень неплохо.

Астольф де Кюстин.

«Вся Россия — тюрьма, — писал французский аристократ, — ключ от которой хранится у императора». Николай I, «как честный офицер», был столь потрясен неблагодарностью француза, что не нашел ничего лучшего, чем запретить его книги в России. Чем сильно добавил ему популярности в кругах отечественной интеллигенции.

«Национальное для общества, — не устает повторять он, — то же, что природное для местности; существуют первобытная краса, сила и безыскусность, которые ничто не может заменить». Может, и тут дело не столько в политике, сколько, скажем так, — в чисто физических характеристиках народа? То-то он с откровенным восторгом живописует именно ВНЕШНОСТЬ крестьян. Ни культуры, ни психологии, ни поведения — ничего этого, не зная русского языка, он не ведает. Но с

удовольствием описывает «античные» профили крестьян, их мускулистые тела и «восточную негу» крестьянок.

Кюстину, как никому другому, удалось создать яркий и по-своему публицистически талантливый образ гигантской империи страха, — страны, где человек полностью беззащитен перед государственной машиной. *«Российская империя, — пишет он, — это лагерная дисциплина вместо государственного устройства, это осадное положение, возведенное в ранг нормального состояния общества».* Через всю книгу лейтмотивом проходит тема страха перед Сибирью, хотя, признается автор, *«и сама Сибирь — та же Россия, только еще страшнее».*

«В России, — говорит Кюстин, — я стал демократом».

После него про «Россию как громадную тюрьму» говорили и Герцен, и другие «борцы за народное дело». Примерно в тех же выражениях высказывался о России и русских и один из самых известных русофобов XIX века — господин Карл Маркс.

Вполне в духе Кюстина писал о русских Н. Г. Чернышевский: *«Жалкая нация... Нация рабов, — снизу доверху, все сплошь рабы»* (именно так правильно звучит эта цитата). Роман Чернышевского «Пролог» давно и безнадежно забыт. Но эту фразу о «рабах» вспоминают регулярно — хотя, как правило, неточно.

Вольно цитируя де Кюстина-Герцена-Маркса, Ленин был очень конкретен. Он говорил именно о национальной политике царизма, имея в виду угнетение нерусских народов в России.

По его мнению, тирания царизма по отношению к этим народам делает нерусских подданных все более революционными: *«Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной... мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя... После этой меры миллионы... „обывателей“ стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть „тюрьма народов“».*

И пошло! Про «тюрьму народов» большевики стали говорить не в переносном смысле слова. Вся дальнейшая национальная политика — это истовое рвение «освободить из этой тюрьмы заключенных», т. е. огромное количество национальных этносов.

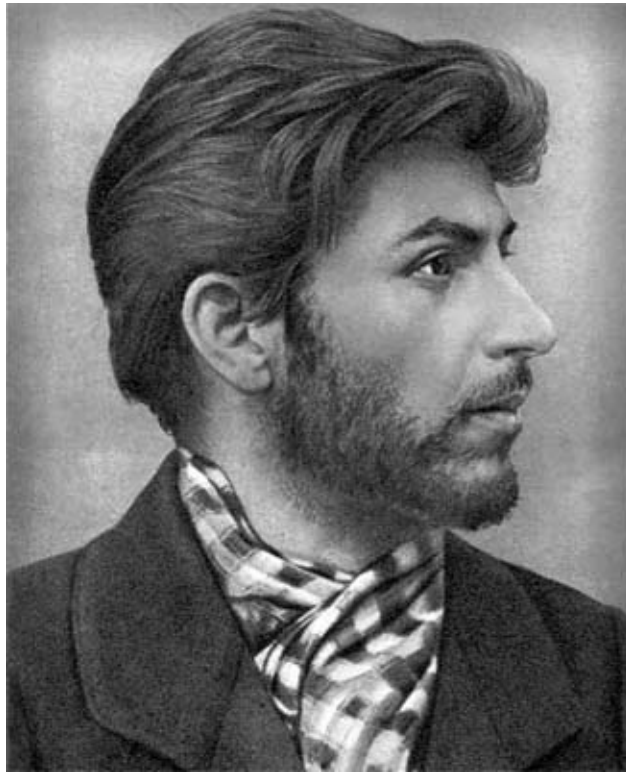
Вернее, все национальные образования, от самых малочисленных. Причем обычно ценой одного, самого многочисленного этноса — русских.

Это были не просто слова. Подкладка у тезиса — самая кровавая. Тезис накладывался на терроризм сепаратистов. Летом 1905 года во главе боевой организации Польской социалистической партии встал Юзеф

Пилсудский, и начался террор против представителей российской администрации. Было совершено покушение на варшавского генерал-губернатора, последовали убийства полицейских чинов. Журнал «Эксперт» писал, что еще перед русско-японской войной Пилсудский ездил в Токио с предложением сформировать польский легион для японской армии, организовать шпионскую службу и диверсионные отряды для взрыва мостов в Сибири. Взамен просил у японцев оружие, снаряжение, деньги и гарантии, что при заключении мирного договора с Россией Япония потребует предоставления Польше независимости.

В Финляндии сепаратистами был убит генерал-губернатор Бобриков.

В Закавказье при подстрекательстве «революционеров» кавказской национальности (это если кому не икается называть этим овеянным романтикой словом банальных бандитов, убийц и воров-«экспроприаторов», самый известный из которых впоследствии возьмет себе звучный «русский» партийный псевдоним — СТАЛИН) в начале войны состоялся ряд манифестаций с требованиями независимости от России.

На этом фото — еще не «отец народов» Сталин, а бандит-«экспроприатор» Джугашвили.

Все эти зерна дадут обильный урожай в 1917 году.

Ленин и большевики быстро поняли, какой громадный потенциал кроется в «национально-освободительном движении».

Уже в ходе Гражданской войны 1918–1922 годов они сумели блестяще разыграть крапленую национальную карту, искусственно стимулируя «центробежные силы», разогревая воображение местных национальных элит, всячески разжигая их стремление выйти из состава Российской империи и, соответственно, безраздельно завладеть властью и — ГЛАВНОЕ (!) — собственностью на «своих территориях».

Белые хотели восстановления империи и потому все время вступали в конфликт с новыми национальными государствами.

Даже если новые правительства стран, входивших в Российскую империю, предлагали им помощь, белые зачастую отказывались от совместных действий против большевиков.

Например, Маннергейм был готов силами финской армии нанести удар на красный Петроград. В случае успеха независимая Финляндия могла рассчитывать на то, что в будущем громадная Россия будет ее союзником. А могучий сосед-союзник был очень нужен этой небольшой стране. Иными словами, если белые, как сделал Ленин, тоже признают независимость Финляндии, Маннергейм готов сотрудничать с белой армией. Думаю, бывшему генералу царской армии Маннергейму наверняка было бы приятнее получить независимость из рук близких ему по духу, стилю жизни, образованию, кругу общения царских генералов Деникина и Колчака, чем от «дикарей-большевиков». Но увы... увы...

Честный офицер, но слишком прямолинейный, негибкий и потому, признаем, совершенно неэффективный политик Колчак на предложение Маннергейма отвечает крайне уклончиво.

По сути — отказ. Мол, давайте мы сначала разобьем большевиков, потом соберем Учредительное собрание, оно и решит вопрос о возможности (!) отделения Финляндии от России. Бывший министр иностранных дел Временного правительства Сазонов, находясь в это время в Париже, вообще запрещает Юденичу вести с Маннергеймом какие-либо переговоры о признании независимости.

А главнокомандующий белой армией Юга России генерал А. И. Деникин, всегда вежливый и толерантный, на этот раз всерьез заявляет: войдя в Москву, первым, конечно, он повесит Ленина и его сообщников, но вторыми-то непременно будут члены правительства независимой Финляндии.

Разумеется, после этого финны на Петроград не пошли.

И Эстония не стала воевать с большевиками, когда белые отказались

признать ее независимость. Более того, потом Эстония начинает сепаратные переговоры с большевиками, а затем, получив от Троцкого-Ленина приличную сумму «кэшем», просто ударяет в спину своему вчерашнему союзнику — Северо-Западной армии генерала Юденича. Предательство Эстонией белого движения, измывательство эстонского правительства над оказавшимися на их территории русскими офицерами, концлагеря для «русских перемещенных лиц», — не буду уходить в детали, — все это довольно подробно описывается сегодня нашими историками.

На Северном Кавказе Деникин вынужден был держать особые войска, чтобы отражать постоянный сепаратистский натиск горских народов. Подробнее об этом — чуть ниже.

Только поляки из всех народов бывшей Российской империи одинаково воевали и с белыми, и с красными. Деникин считал, что это именно они помешали ему взять Москву, в решающий момент «московской операции», в октябре 1919 года.

А потом Польша начала войну и с большевиками...

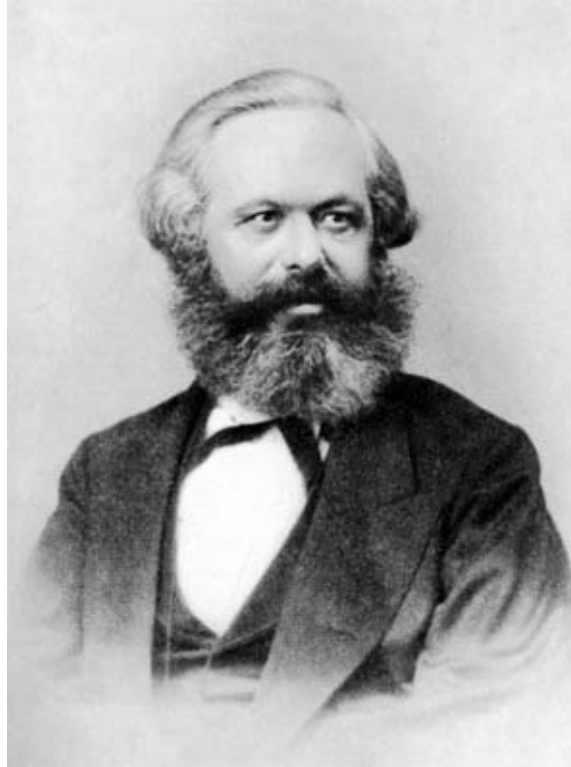
Серьезные ученые давно обратили внимание на то, что победа красных в Гражданской войне объясняется, кроме других причин, удачной ленинской национальной политикой.

«Это была ленинская импровизация, — считает профессор Георгий Дерлугьян. — Осенью 1918 года добровольческая армия Деникина громила красных на Кубани и Тереке. Их остатки укрылись в горах Кавказа, где Киров и Орджоникидзе вступили в незаурядный диспут с исламскими авторитетами чеченцев и ингушей. В результате сравнения учений Маркса и Мухаммеда появилась удивительная фетва, признавшая дело большевиков равным джихаду за справедливость. Когда Деникину оставалась всего сотня верст до Москвы, в тыл ему ударили „красно-зеленые“ партизаны Кавказа, а также украинские повстанцы Нестора Махно. Точно так же переход башкирских отрядов к большевикам подорвал наступление атамана Дутова, латышские стрелки остановили Колчака, армянские дашнаки-маузеристы обороняли Бакинскую коммуну от турок и азербайджанских мусаватистов, абхазские „киаразовцы“ помогли справиться с грузинскими меньшевиками».

В первые годы советской власти вообще откровенно говорили о «колониальной революции» — то есть об «освободительной борьбе» нерусских народов. На первый взгляд Ленин просто продолжает идеи Карла Маркса, воплощает их в жизнь. Но Ленин намного больший реалист, чем Маркс! Ленин видел, что Россия чем-то разительно отличается от

европейских империй. В ней что-то «не так», как в Европе. Маркс видеть этого не мог или не желал, всякое своеобразие России категорически отрицал. Россия для Маркса была не «другая», а просто «плохая», неправильная, недоразвитая.

Русских Маркс не любил и считал народом «неисторическим».

Карл Маркс. 1867 г.

Мало кто знает, что великий бунтарь, экономист и философ страдал настолько тяжелой формой геморроя, что половину «Капитала» был вынужден написать... стоя за конторкой. Вот откуда проистекает иногда лютая классовая ненависть.

Даже история средневековой Руси ему была противна. Ивана Калиту Маркс характеризовал как «смесь татарского заплечных дел мастера, лизоблюда и верховного холопа». Таких образных оценок у него не удостоился ни один монарх Запада, а среди них были личности совершенно жуткие.

Применительно к истории XIX века Маркс всерьез утверждал, что «ненависть к русским была и продолжает быть первой революционной страстью», и в 1848 году призывал немецких и австрийских милитаристов «растоптать нежные цветки славянской независимости». Ведь «мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в

австрийских славянских землях, и никакие фразы, никакие указания на неопределенное будущее этих земель не возбранят нам считать врагами наших врагов».

В общем, я уже начал представлять не только сказочки, но и сказочников. Карл Маркс из них — самый бородатый.

ОХ УЖ ЭТИ СКАЗОЧНИКИ!

Легенды о сказочной «Стране городов»

Власть не должна придумывать народу национальную идею. Достаточно просто любить свой народ.

Генерал Лебедь

Чтобы быть честным, начать надо с того, что все известные нам отзывы чужеземцев о Древней Руси — только положительные.

Это даже неожиданно, потому что черные мифы сочиняли порой друг о друге разные земли Руси. Такое бывало «чисто по-соседски». Новгород и Киев спорили о том, кто из них главнее. Киевляне считали, что их город основал князь Кий. И что жил он в городе вместе с братьями Щеком и Хоривом и сестрой Лыбедью.

Новгородцы думали иначе. В новгородских летописях этого самого загадочного Кия называли... перевозчиком. Якобы Кий перевозил людей и груз через Днепр, покрикивая при этом: «На перевоз, на Киев!» Откуда и пошло: Киев перевоз, потом просто Киев.

В других новгородских текстах Кия и его братьев представляли как лютых разбойников, которых князь в Новгороде заточил в темницу. Потом князь сжалился, отпустил их, и разбойники ушли к Днепру, где основали Киев.

Ни историки XIX века, ни их современные коллеги не хотят принимать этой версии всерьез. Перед нами — черный миф, который пытались запустить в одной части Руси про другую.

Что же до отзывов иноземцев...

Летописец Титмар Мерзебургский (975–1018 гг.) подчеркивал богатство Руси и ее торговые обороты. По его словам, он не видел нигде в Европе города больше и красивее Киева. Города, где было бы больше красивых церквей, жители которого были бы богаче и достойнее.

Каноник Адам из Бремена в книге «Деяния епископов Гамбургской епархии» называл Киев соперником Константинополя и украшением христианского мира.

«Анналы» Ламберта Херсфельда (написаны около 1077 года) дают много сведений о Руси и в самых лучших красках.

Впрочем, нас знали не только в Германии — Русь и русские часто

упоминаются во французской поэзии XI–XII веков. Также самым положительным образом.

Стоит ли перечислять все сочинения византийцев, немцев, поляков, арабских и персидских путешественников, хроники стран, в которых побывали русские, — все они очень уважительны к нашим предкам.

В этих сочинениях царит дух спокойно-объективного описания, как в Вертинских анналах — французской монастырской летописи на латинском языке, посвященной истории государства Каролингов (741–882 гг.). Дух уважительной оценки русских — как сильных торговых партнеров (в анналах германских городов, торговавших с Новгородом) и сильных воинов (в хрониках Польши и Венгрии).

О Руси слагались легенды как о сказочно богатой «стране городов».

В скандинавских сагах читатель найдет красочный образ Руси, где правят мудрые князья, где сильные воины, богатства которой неисчислимы, а города велики и красивы. Да и много их, городов — *«больше во много раз, чем во всем остальном мире»*.

Как видно, для современников Древняя Русь была вполне хороша.

Путешествующие русофобы?

Десять заповедей потому так лаконичны, ясны и понятны, что были написаны без помощи советников и экспертов.

Генерал Де Голль

XVI–XVII века — начало становления бытовых черных мифов о России. Возникают они на Западе и основываются на записках и воспоминаниях европейских путешественников: Сигизмунда Герберштейна, Альберто Кампенезе, Генриха Штадена, Буссова, Флетчера и др.

Может сложиться впечатление, что стоит любому западному человеку приехать в Россию, и он тут же напишет что-то гадкое.

Примерно такой вывод и делают горе-патриоты, считающие любого иноземца по определению врагом России.

У человека же умного тут же появляется мысль: а может, мы знаем не все сочинения иностранцев? Ведь не может быть, чтобы все так просто...

Стоит начать изучать источники, как все оказывается еще более сложным. Мало того, что не все знаем, так и не все авторы, названные «русофобами», на самом деле таковыми являются.

Но и те, кто были таковыми, писали не так однозначно, как кажется.

Пожалуй, зачинателем тут был Герберштейн...

Сигизмунд Горберштейн, XVI в. Посол

В России барон Герберштейн (Херберштейн, Herberstein), дипломат и путешественник, был два раза. Крупный чиновник, он выполнял деликатные поручения императора Максимилиана I. Император хотел, чтобы великий князь Василий III Иванович выступил против Турции вместе с Польшей и Священной Римской империей.

Итак, Герберштейн дважды был в Московии в роли официального посла: в 1517 и в 1526 годах. Обе его миссии, как и следовало ожидать, не увенчались успехом.

По возвращении домой Герберштейн выпустил книгу «Записки о московитских делах». Основная часть посвящена «не политическим», как бы сейчас сказали, вопросам, а землеописанию России: ее городов, торговых путей, сел, рек. Тут же описываются экономика, быт, религия страны, поведение русских, дается конспективное изложение русской истории.

Герберштейн первым, как считается, написал, что русские патологически нечестны и не способны порядочно вести дела. Они не умеют работать и все время пытаются что-нибудь выклянчить или украсть. В торговле они нечестны, лживы и всегда пытаются обмануть покупателя и продавца. К тому же они пьяницы и безответственные типы, им нельзя доверять совершенно ни в чем.

А самые отпетые жулики из русских — это именно москвичи.

Сочинение Герберштейна стало настоящим бестселлером своего века. При жизни автора оно переиздавалось несколько десятков раз, и бесчисленное число — после его смерти. Любопытно, что Герберштейн, по сути, писал эту книгу всю свою жизнь, дополняя и переделывая ее к каждому изданию. Поэтому современные издатели зачастую не знают, какое из прижизненных изданий взять за образец: так сильно они отличаются друг от друга и по полноте, и по резкости суждений.

В своем трехтомнике «Мифы о России» я разбираю все, на мой взгляд, достойные внимания сочинения иностранцев о России. Здесь же ограничусь еще одним ярким представителем Западного мира...

Генрих Штаден, XVI в. Опричник

Генрих Штаден родился в Вестфалии. Бедная семья бюргера, нищета... Активный юноша нанимается в полуразбойничий отряд, идущий в Ливонию. Как он служил в немецкой Ливонии, мы не знаем, но по его собственным словам, «бежал под страхом виселицы».

Бежит он своеобразно: предлагает свою службу русскому царю. Приняли его в Московии более чем хорошо, даже дали имение. Правда, сам Штаден тут же начал в своих имениях гнать водку — русским это запрещалось, а иноверцам было можно. Впрочем, бутлегерством дело не ограничивалось.

Служба в опричнине давала и другие способы обогащения.

Штаден откровенно рассказывает об этом в связи с походом Ивана IV на Новгород:

«Тут начал я брать к себе всякого рода слуг, особенно же тех, которые были наги и босы; одел их. Им это пришлось по вкусу. А дальше я начал свои собственные походы и повел своих людей назад внутрь страны по другой дороге. За это мои люди оставались верны мне. Всякий раз, когда они забирали кого-нибудь в полон, то расспрашивали чество, где — по монастырям, церквам или подворьям — можно было бы забрать денег и добра, и особенно добрых коней. Если же взятый в плен не хотел добром отвечать, то они пытали его, пока он не признавался. Так добывали они мне деньги и добро».

В общем, шайка-лейка, а-ля «Черная кошка». Только «Горбатый» — главарь — параллельно состоит на довольствии непосредственно в «службе безопасности Президента», то бишь в опричном войске царя Ивана.

Кстати, о «горбатых» и топорах. Среди разбойничьих набегов Штадена описывается такой случай:

«Из окон женской половины на нас посыпались каменя. Кликнув с собою моего слугу Тешату, я быстро взбежал вверх по лестнице с топором в руке. Наверху меня встретила княгиня, хотевшая броситься мне в ноги. Но, испугавшись моего грозного вида, она бросилась назад в палаты. Я же всадил ей топор в спину, и она упала на порог. А я перешагнул через труп и познакомился с их девичьей». Ну, прямо кино!..

Однако спустя год опричные войска не смогли отстоять Москвы, и татары сожгли ее дотла. После этого доверие царя к опричнине пошатнулось.

Начался новый «перебор людишек», по выражению Грозного, то есть пересмотр военных списков. У опальных опричников отнимали поместья и возвращали прежним собственникам. Штаден не был принят ни в один из новых списков, лишился всех своих владений, но, благодаря своей изворотливости, избегнул прямой опалы.

После разных нечистоплотных приключений в России и за границей Генрих Штаден составил описание Московии, а также план ее военной оккупации, представленный императору Рудольфу II Габсбургскому. Суть плана довольно проста: союз с Польшей и Швецией, а Московию подчинить Германии. Как? Тоже просто.

«Потребная для того первоначальная сумма равна 100 000 талерам. И воинские люди должны быть снаряжены так, что, когда они придут в страну (великого князя), они могли бы служить и в коннице. Это должны быть такие воинские люди, которые ничего не оставляли бы в христианском мире: ни кола, ни двора. Таких ведь много найдется в христианском мире. Я видел, что такое великое множество воинских людей побиралось, что с ними можно было бы взять и не одну страну.

И если бы великий князь имел в своей стране всех побирох из военных, которые шатаются по христианскому миру — причем некоторые из них поворовывают, за что кое-кого вешают, — то он захватил бы все окрестные страны, у которых нет государей и которые стоят пустыми, и овладел бы ими».

Вот и весь план! Собрать побольше бездомных авантюристов, «побирох» и на кораблях вывезти их в Русское Поморье. Там пересядут на коней... И порядок. Россия завоевана и становится колонией Священной Римской империи германской нации.

Ивана IV надо вывести в Германию и держать под сильным надзором, чтоб не сбежал.

В книге о Московии Штаден пишет прямо-таки обвинительный акт против московского царя.

Какое моральное право имеет Штаден это делать — отдельный вопрос. Он ведь не только очевидец, но и участник, даже организатор ужасов и злодейств, которые описывает. Нет у него ни чести, ни совести: наживши и награбивши в Москве кучу добра, он не питает к народу и государю, его приютившим, иных чувств, кроме презрения и ненависти.

Избегая называть Ивана IV царем и применяя к нему только прежний титул великого князя, Штаден старается возбудить против него общественное мнение в Европе. Это своего рода подстрекательство государей и всего дворянства к борьбе против восточных «нехристей».

Книга Штадена вполне достигла этой цели. Она много содействовала тому, что в дипломатии, публицистике и литературе Запада за Иваном IV утвердилась невыгодная репутация... Даже на фоне массовых казней при Генрихе VIII в Англии, Варфоломеевской ночи во Франции Ивана Грозного стали считать кровожадным чудовищем.

Опричник-«обличитель» бросил мрачную тень на весь русский народ. Ведь кто такие москвиты у Штадена? Это дикие и грубые невежды, которым нравится насилие и которых чарует жестокость. Которыми можно управляться только палкой. Это толпа дикарей, грабителей и насильников.

Да посмотрите, кто пишет!

Выясняя, правду или неправду писали о нас иноземцы, полезно посмотреть: а откуда, из каких стран они сами-то происходили. Странно, что русские исследователи не догадались этого сделать — ведь тогда очень многие вопросы отпали бы сами собой.

Действительно — кто первым стал говорить о плохих дорогах в России? А это, оказывается, итальянец Поссевино! Интересно, а дороги еще каких стран не нравились итальянцам? Оказывается, не нравились им дороги в Британии, Германии, Польше и даже в Северной Франции. Кстати, жители юга Франции тоже считали дороги на севере своей страны очень плохими. «К северу от Луары не проехать», — говаривали в Тулузе.

Стоит выяснить этот вопрос, и многое становится ясно — возмущался дорогами житель Средиземноморья, той области, в которой осталось много римских дорог. Поднятых над местностью, вымощенных камнем, удобных дорог, которые не топило во время паводков, не заливало и не размывало дождями, которые стояли без ремонта уже полторы тысячи лет...

Не итальянцы и не народы юга современной Франции строили эти дороги, но они привыкли ими пользоваться. И соответственно оценивали дороги всех стран, где не было подобного чуда.

Поляки и немцы ничего не писали о скверных дорогах России. Но немцы тогда жили в маленьких, вечно враждовавших друг с другом княжествах. Польское же государство было поражено анархией из-за неслыханных вольностей шляхты.

Поляки и немцы с недоверием относились к централизации государства, и особенно к бюрократии. Поляки тем более привыкли, что любой шляхтич намного значительнее любого чиновника. Им было дико смотреть, что «люди государевы в России» важнее родовитых бояр, и дьяк вполне может указывать знатному человеку даже с княжеским титулом.

Но ведь Россия во много раз больше Польши и Германии. Каждому монарху в громадной стране нужен такой штат доверенных людей. И у более поздних царей был свой аппарат, с помощью которого они собирали нужные им сведения, организовывали деликатные дипломатические миссии, тонко управляли, внося в работу государственного аппарата свою волю.

При Екатерине II такой аппарат назывался Тайной канцелярией. В царствования Александра I и Николая I это была Личная его

императорского величества канцелярия с ее страшным «Третьим отделением», которое ведало политическим сыском и отслеживало настроения подданных.

Наиболее образованные из нынешних сотрудников ФСБ и СВР гордо считают себя продолжателями лучших традиций «Третьего отделения». Действительно, пресловутые «мундиры голубые» генерала Бенкендорфа, прославившегося, кстати, абсолютной личной честностью и неподкупностью, во многом выполняли функции, сходные с задачами современной политической разведки и контрразведки. Правда, отметим, что «Третье отделение» Собственной Его Императорского Величества канцелярии, олицетворявшее собой т. н. «чудовищную систему царского сыска, произвола и политического террора» при Николае I, насчитывало в своем составе... всего несколько десятков офицеров. И как-то, знаете, справлялись для своего времени. Сегодня в системе российских органов госбезопасности служит что-то около 120 тысяч (!) человек.

Если соотносить с современными реалиями, то московские дьяки из центральных приказов были чем-то вроде современной Администрации Президента.

Но что характерно — персы наоборот, совершенно не удивлялись централизации управления. Их поражало, как вольно ведут себя россияне с боярами и даже с самим царем, сохраняя личное достоинство в их обществе.

Во время бунта 1648 года царь Алексей Михайлович выходил на площадь, беседовал и договаривался о чем-то, а потом «по рукам бил» с «народом» — то есть с людьми из скопившейся перед Кремлем толпы. Для поляков как раз не было ничего нового в такой сцене. А вот персы были буквально потрясены.

И правда — представьте себе персидского шаха, который на площади спорит о чем-то с людьми, договаривается с ними, бьет рука об руку.

И о пьянстве русских байку пустили не немцы — хотя бы потому, что пили столько же, если не больше, и примерно те же напитки. Вот французам и итальянцам было странно видеть действие крепких напитков. То ли дело виноградное вино! Потягивай весь день, мозги в тумане, а со стороны ничего, не особо заметно. Держишься вертикально, громко не

орешь и не шатаешься... Благодать! Заметим, этот стереотип в странах Южной Европы действует не только по отношению к России. Если посмотреть комедийные французские фильмы 1950–60-х годов, особенно с участием Луи де Фюнеса, то увидим, что в этих фильмах англичанин непременно алкоголик. Причем тонкие, изящные вина ему не интересны, а обнаружив в своем номере гостиницы бутылку с иным напитком, оскаливается и берет ее трясущимися руками: — О-о-о!!! Виски!!! Для непьющих же мусульман, турок и персов все были одинаковы — что французы, что британцы, что русские.

В общем, иноземцы творили не один какой-то миф, а великое множество, каждый в соответствии со своим архетипом. Каждый писал о том, что видел с точки зрения жителя своего государства, с точки зрения своего личного и исторического опыта.

Почему же настал тот момент, когда соединились бытовые мифы итальянцев и персов, немцев, британцев и французов? Ответ может быть только один: кому-то это очень было нужно.

Иноземцы отличались многообразием точек зрения на Русь, и зависели эти точки зрения от множества разных причин.

Во-первых, от причин, которые привели иноземца на Русь: от дипломатических и военных миссий до торговли и миссионерства.

Заметим, от миссионеров исходят самые негативные оценки Руси. Борьба за сферу конфессионального влияния была одной из основных причин рождения черных мифов о России.

Прямая причина русофобии — изначально нечестный подход к стране. Ватикан хочет унии с московским православием, хочет перекрестить Русь в католицизм, хочет подчинить ее духовную жизнь себе. Естественно, такое желание идет от изначального признания страны скверной и неполноценной. Вот удастся перекрестить — можно будет рассказать положительный миф в духе «Повести временных лет»: были русские «зловидны» и «зверообразны», а сделали католиками, и святые на небесах не нарадуются на их ангелоподобие.

Герберштейн также выполняет неблагоприятную миссию стравливания Московии и турок, после чего Священная Римская империя германской нации загребла бы жар русскими руками.

Отметим, что первые негативные книги о России написаны людьми, которые пришли на Русь далеко не как союзники.

Во-вторых, оценка Руси прямо зависит от успеха миссии иноземца.

Характерно, что один из самых «положительных» отзывов оставил профессиональный моряк — британский капитан Ченслор. Он попал на

Русь, совершив великое и рискованное плавание по совершенно не известным ему морям. Это ведь не совсем то, что ехать по дорогам Германии и Польши с пачкой дипломатических писем, поднося к носу надушенный платочек на постоялых дворах.

Миссии дипломатов оказались в основном неудачными потому, что они хотели переделать Россию, исправить ее, изменить.

Олеарию это свойственно меньше, поэтому его описание объективнее.

Ченслор же — моряк, первооткрыватель, торговец, приехал в новую для него и уже потому очень интересную страну. Пережил увлекательные приключения. Познакомился с новыми людьми. Хорошо заработал. Злобствовать вроде ни к чему.

Сравните русофилов и русофобов того времени: среди первых намного больше успешных людей.

В-третьих, оценка России напрямую зависит от личности пишущего.

Британцы Флетчер и Ченслор хотели примерно одного и того же, но у Ченслора все получилось, в том числе и потому, что он другой по своим человеческим качествам. А у Флетчера не получилось, потому что с первых часов пребывания на русской земле он противопоставил себя русским.

А тогда и Россия оказалась плохой, неказистой страной.

Француз Маржерет — профессиональный наемник. Жил наемником, умер наемником. Но он честен, разумен, справедлив. У него есть своя личная точка зрения на любые события, и он не идет против своей совести. В его биографии много битв, но нет ни одного палаческого приключения в стиле Штадена...

Штаден — тоже авантюрист и наемник, слуга многих государей.

Но в отличие от Маржерета это тип, которому в любые времена и при любом устройстве общества красное место на виселице.

Такой, как Маржерет, в чужой стране будет искать себе подобных, чтобы с ними объединяться и дружить. Он будет смотреть на другую страну и народ честным взглядом офицера, искать в них какие-то положительные черты. Ну, хотя бы черты не отвратительные. Ведь неприятно жить и умирать в стране идиотов.

А такие, как Штаден, будут как раз стараться увидеть вокруг грязь и сплошную гадость. Во-первых, по привычке: ведь для него грязь — привычная среда обитания. Во-вторых, для самозащиты — чтобы везде была грязь и мразь, чтобы не слишком выделяться на общем фоне. В-третьих, для самоутверждения: не я один такой. Все вокруг тоже дерьмо.

Вопрос: во что упрется, что выхватит взгляд иноземца? А выхватит он явно то, чего ищет.

Злая француженка, добрый англичанин

Россия — свинство. Друг мой, если бы ты знал, как я ненавижу Россию... То есть не Россию, а все эти пороки... А пожалуй, и Россию.

*Барин Федор Карамазов — сыну Ивану.
«Братья Карамазовы»*

Политический миф о России оформляется в момент высшего взлета русской государственности, на фоне побед русского оружия.

Страх вызывает отвращение к источнику страха. Если лев грозен и страшен, просто необходимо объяснить, как жестоко он терзает свои жертвы, как ужасно воняет из его пасти, как гниют остатки мяса под его когтями.

Дело за тем, кто сумеет создать политический миф из уже наличествующих бытовых и литературных мифов. Первой в плеяде «новых творцов» такого мифа стала баронесса Жермена де Сталь с книгой «Записки о России».

Анна Луиза Жермена, в замужестве Сталь-Хольштейн (1766–1817 гг.), принадлежала к верхушке европейской титулованной знати. Дочь барона Неккера — министра Людовика XVI. Талантливая писательница, она выпустила в свет несколько имевших успех романов, ее пьесы шли на сценах европейских театров.

Среди прочих книг Жермены де Сталь — «О Германии» (1810 г.), и «Записки о России» (1812 г.). Германия вызывает у Жермены самые положительные чувства: по ее мнению, немцы — непрактичны, жизнерадостны, романтичны. Поэтому у них плохие дороги (смешно читать с сегодняшних позиций, не правда ли?), их товары скверного качества, но зато жить в Германии легко и приятно.

А вот Россия... Русские по своему характеру деспотичны и жестоки, большая часть русских находится в рабстве. Дочь эпохи Просвещения, Жермена де Сталь придавала огромное значение переписке Екатерины II с Вольтером и Дидро. Вольтер советовал Екатерине освободить крепостных, она не слушалась.

Что можно еще сказать о народе, который не следует совету самого Вольтера?! Русские любят воевать, для них страшно важно завоевывать все

соседние народы (Жермена де Сталь поминает и «Завещание Петра Великого»). Потому их собственная земля лежит в запустении. В общем, у немцев дороги плохие от романтизма, а у русских — от свинства. И Екатерина II не раскрепощает крестьян, потому что она по духу русская, не немка.

В. Лебрэн «Мадам де Сталь в виде Коринны». Очень не любила Россию.

На этом примере хорошо видно, что политические мифы о России основаны на трансформации литературных и бытовых мифов. Ядро политического мифа составляет образ России как внутреннего деспота и внешнего врага.

Книга вышла очень своевременно: во время войн Франции с Россией, накануне нашествия «двунадесяти языков».

Потом на короткий срок общественность в Европе притихла...

Как-никак Россия была «дорогим союзником», да еще ее армия стояла в Париже.

Как раз тогда, после наполеоновских войн, появилась книга, автор которой был вполне доброжелателен в отношении России. «Россия глазами иностранца» Джеймса Александера (1803–85) впервые опубликована у нас почему-то совсем недавно, в оригинале именованная «Путешествие на

войну на Востоке через Россию и Крым». Тогда шла русско-иранская война, на которую, собственно, автор и ехал.

В 1829–30 годах Александр много попутешествовал по России, побывал в обеих столицах, проехал на санях через всю Украину, побывал в Крыму, в Одессе. Стал одним из немногих иностранных офицеров, получивших персональное разрешение Николая I побывать в закрытом городе — Севастополе и осмотреть корабли Черноморского флота.

Похоже, Александр путешествовал на деньги британской разведки или Адмиралтейства: его записки даже в официальной опубликованной версии содержат подробнейшие сведения о структуре российской армии, о силе наших кораблей. Остается только догадываться, какие «закрытые справки» он параллельно подавал в британское военное ведомство. Англичане серьезно интересовались русским военным потенциалом.

Александр на момент своего путешествия — молодой человек, ему неполных тридцать лет. Аристократ, старинного шотландского рода, окончил Эдинбургский университет, профессиональный военный, любитель путешествий (за свою долгую жизнь он объехал практически весь белый свет — служил в Индии, Бирме, Персии, Турции, Африке), много писал — в общем, интересный человек.

Его записки о России исключительно позитивны. Как-то из Крыма в Петербург он ехал в открытых санях при жестоком морозе. Морозы тогда были не такие, как сейчас, — до минус 30–35 градусов, так что лощеный британец успел познать все прелести русского климата. Был даже арестован по обвинению в шпионаже и выпущен только после личного вмешательства Николая I. Но удивительно — у него остались прекрасные впечатления и о России, и о русских. Почему? Еще только задумав посетить Россию, Александр стал изучать русский язык, прочитал массу произведений англичан о России, начиная с книги выше нами поминавшегося Ричарда Ченслора, который был в XVI веке еще при Иване Грозном. Но приехал тем не менее Александр без особых предубеждений. Что интересного он пишет? Прежде всего, он описывает армию. Крайне высоко как кадровый офицер оценивает систему военной подготовки. Его поражает неприхотливость и терпение русского солдата, привычка к скудной и однообразной пище. При этом ловкость, сноровка и быстрая обучаемость. По его словам, бородатый мужик до 25 лет может ни разу не видеть моря. Но вот его берут на флот, и он тут же научается карабкаться по корабельным снастям, «и через полгода этот бывший вольный хлебопашец становится отличным моряком».

«Русская армия поразила меня тем, что в любом месте империи, в

самых: удаленных друг от друга пунктах (от Финляндии до Севастополя), так же как и на театре военных действий, **солдатская форма выглядит так, как будто ее сшил один хороший портной**. Сколь совершенна — восхищается английский офицер, — должна быть система которая создает такое — качественное — единообразие в одежде и подготовке солдат!»

Конечно, он и критикует систему — критика касается повсеместного взяточничества при Николае и злоупотреблений чиновников. Однако тут же Александер, как человек уже поездивший по свету, замечает, что в этом нет ничего исключительного: «злоупотребления существуют во всех, особенно азиатских, странах».

Со свойственным англичанам чувством юмора он относится к российской специфике, в частности к особенностям коммуникаций в необъятной стране: «Для иллюстрации того, сколь трудно доставить в отдаленные уголки этой необъятной империи даже газеты, могу привести пример. Губернатор Камчатки генерал Риккардо получал газеты лишь дважды в год. Тем не менее он сумел использовать их самым лучшим образом: как только приходила почта (с полугодовой подшивкой), генерал складывал газеты по числам и ежедневно, за завтраком, прочитывал „свежую“, узнавая новости ровно годичной давности. Он никогда не нарушал этого правила. Генерал рассказывал, что он так переживал события, описываемые в газетах, будто они происходят в настоящий момент».

Вот такая была разница во времени — это вам не девять часов самолетом между Москвой и Петропавловском-Камчатским.

Недавно побывав на Камчатке, я как-то вообще не почувствовал особой оторванности от «материка». Разве что в московские офисы приходилось звонить ночью.

Александер высоко оценивает личные качества русских, много описывает бытовые сцены, народные обычаи. А покидая Россию, признается: «Никогда не забуду и очень ценю доброту и гостеприимство русских».

Поскольку автор владел русским языком, то общался не только по-английски и по-французски с дворянами, но и на улицах, с извозчиками, торговцами, таможенниками, солдатами. Внимательно изучал русскую историю перед поездкой. В его книге есть упоминания русских писателей, художников, архитекторов, ученых. Довольно подробно описывает он историю гибели Грибоедова в Персии, давая свою версию событий, полагая, что русские даже не подозревали, насколько озлоблены против них

персы, испытавшие от России унижительное военное поражение. Но оправдывает наш МИД, ибо: *«с восточными людьми вообще очень трудно иметь дело»*. Кстати, Александер — первый из англичан, кто упоминает о личных встречах с Пушкиным. Александер представил Александру Сергеевичу стихи популярных тогда в Англии поэтов и, возможно, именно это знакомство оставило «английский след» в творчестве нашего национального гения. В целом русские для него — «великая нация».

Провинциальные помещики для простоты переименовали его полное имя Джеймс Эдвард на русский лад и звали Яков Дмитрич. И видя его позитивный настрой, сразу посчитали «своим».

Конечно, вся та пирамида негативных представлений о России и русских, которая складывалась веками благодаря книгам предшественников Александера, довлела и над ним. И только, думаю, благодаря своему достаточно молодому возрасту, свежести взгляда и характерному здоровому скептицизму, недоверию к авторитетам, англичанин смог взглянуть на нашу страну непредвзято.

Он даже критикует других иностранцев, оставивших книги о России.

«Пишущие путешественники должны избегать существующих (существующих! — В. М.) предрассудков и общих мест; не следует делать ни широких обобщений, ни скоропалительных заключений. Расскажу о причине несправедливого суждения о русских знаменитого путешественника Кларка, человека, вне всякого сомнения, очень способного и знающего. Его раздражение взяло верх над разумом, и он делал вывод на ложном основании: по одному судить обо всех».

Александер подчеркивает, что такие сочинения очень вредоносны, поскольку, *«давая волю раздражению, они ставят под удар не только своих соотечественников, следующих по их стопам, но и раздувают вражду между народами, забывая, что мирные отношения отвечают интересам всех стран»*.

Путевые заметки Джеймса Александера — замечательная книга, и жалко, что подобного рода сочинения за наш государственный счет не издавались и не распространялись тогда в Европе... Лишь десять лет спустя напишет свою 100 %-но противоположную книгу француз Астольф де Кюстин. И она, конечно, станет гораздо, гораздо более популярной.

Здесь птицы не поют... Боятся полиции

Небывалая толщина этого отчета защищает его от опасности быть прочитанным.

*Уинстон Черчилль «Почему рычит медведь».
Название статьи Ричарда Пайпса о
современной России*

Да не буду я понят так, что только плохому человеку может не нравиться Россия. Любовь — дело добровольное. В конце концов, не обязан никто любить Россию.

Но за что ж нас так ненавидеть-то? Нейл Смит Браун, в 1850–53 годах посол США в Санкт-Петербурге, писал о русской столице «как о живом трупе. Здесь даже птицы не поют, боясь, вероятно, что их может арестовать полиция». Так что корни устойчивого представления о русских, а позже о советских людях, как о рабах, людях с атрофированным чувством свободы — эти корни уходят далеко-далек о, в XIX, а то и в XVIII век.

Правда, другой посол США в России в 1840–41 годах — его предшественник, Черчилль Камберлинг, пишет обратное: что главным источником впечатлений о России являются «ежемесячные измышления английских и французских журналистов, которые считают очень прибыльным делом оскорблять Россию и русских. Сейчас почти что опасно говорить что-либо положительное о русских — так распространено в Европе и Америке представление о том, что они представляют собой нацию невежественных и диких варваров, не восприимчивых к цивилизации и пригодных только к цепям, в которых их по-прежнему содержат».

Было бы странно, если бы становление СССР не породило новых политических мифов о России за границей. Первые из них ввел еще У. Черчилль в 1918 году. Так сказать, «Это все придумал Черчилль / В восемнадцатом году». Обосновывая необходимость интервенции, он объяснял британцам, что воюют они с народом, который всегда противостоял Европе. Если не победят они, то Россия рано или поздно завоюет и их самих...

Гитлеровская Германия породила свои политические и исторические мифы о России. Эти мифы, в частности, выразились в знаменитом

«пропуске в плен». Советским солдатам советовали идти сдаваться со словами: «Бей жида-политрука, морда просит кирпича».

Потрясает немецкий фильм «На востоке», в котором убитый «комиссар» изображается с рогом на затылке. С самым натуральным рогом, как у динозавра.

Гитлеровская пропаганда была поразительно тупой и примитивной, она скорее смешила, чем пугала Россией. К тому же вскоре наступил 1945 год, история не предоставила шансов ведомству Геббельса реализоваться в полную силу.

Совсем другое дело — мифотворчество в США.

Не буду в этой краткой версии «Мифов о России» пересказывать голливудские фильмы с участием «русских». Ставлю кавычки сознательно. Думаю, читатель сам видел: «Империя зла» в них представлена одновременно дикой, пьяной и нелепой.

Редкий американец, побывавший в СССР, отказывал себе в удовольствии набросать образ советского неандертальца, гомо советикуса, который резко контрастировал с аналогичным портретом его упитанных и оптимистичных соотечественников. Наши гомо советикусы выглядели дикарями и вообще как бы не европейцами.

Прочитую книгу некоего советолога Дэвида Саттера «Век безумия»: *«Русские в массе своей невысоки, чтобы не сказать приземисты, неприхотливы, плохо одеты, к тому же это люди мрачные и не улыбающиеся с одутловатыми лицами и налитыми кровью глазами».*

Вот как! Этот же Дэвид Саттер, побывав помимо Москвы в нескольких провинциальных городах, в частности в Шадринске, описывает сцену в местном ресторане. Не испытываю никакой особой любви к советскому быту, особенно быту провинциальному — плохо мы жили, и власть людей за людей не считала, что было, то было, — но как это смакует американец, это же просто песня! Салтыков-Щедрин отдыхает! *«Приземистый красноармеец танцевал с полной девушкой в черно-белом платье в горошек. Другой военный с редкими волосами и вялым подбородком плясал с высокой черноволосой женщиной с мощными бедрами. Грузин с черными бакенбардами и угловатыми чертами лица танцевал с крашеной блондинкой в джинсовом костюме. А румяный мужчина со спутанными сальными волосами в синей спортивной рубашке, обтягивающей его огромный живот, — с крупной рыжеволосой девицей с яркой помадой на губах и золотым зубом. Один подпрыгивал, другой раскачивался, а третий скакал на месте, четвертый лапал партнершу пониже спины... Толстушки трясли бедрами. Пьяные отбивали ритм. Все двигалось с безумным видом*

в такт оглушающей электронной музыке, которая заглушала все разговоры. И даже стены от нее вибрировали».

Мда... Ну, много таких сцен можно было наблюдать в СССР. Во многих ресторанах, во многих городах. Но думаю, на дискотеках 70-х типа хиппо-панка-непонятно-чего в Америке тоже можно было много чего увидеть. Но, увы, само выражение «гомо советикус» — это не на Западе придумали. Не Бжезинский, не Пайпс. Это наши как раз придумали — «выдающиеся мастера культуры». Так назвал свою книгу философ Александр Зиновьев, автор «Зияющих высот».

Отметим, что такой особой, странною любовью американские политики Россию любили всегда, вне зависимости от идеологического противостояния, вне зависимости от текущей международной обстановки и от того, кто в этот момент Россией правил: царь или Генеральный секретарь.

Знаменитые слова голливудского актера и президента Рональда Рейгана, сыгравшего не в одном вестерне, про «СССР — империю зла», произнесенные в 1980 году, подводят итог созданию образа. Сказаны они были в начале афганской военной кампании, но имели в виду всю внешнюю политику СССР и весь образ СССР в целом.

Р. Рейган.

Кстати, самый популярный президент США в XX в. после Дж. Кеннеди.

Традиции первых средневековых исследователей России были подхвачены и политологами второй половины XX века.

Среди которых стоит выделить таких господ, как Маршалл Goldman, Джеймс Биллингтон, Ричард Пайпс, Роберт Такер и Збигнев Бжезинский. Отцы советологии, ну и, соответственно, русистики.

Миссионерский пыл некоторых американцев и англосаксов в отношении России — не угасает уже несколько сотен лет. Со времен Петра I они всячески пытаются цивилизовать варваров. В этой связи привожу слова одного бостонского политика, некоего Генри Патнема: *«Не должны ли мы, стремясь на Запад, вырвать из мрака Россию и позволить радостному свету свободы проникнуть в суровую крепость Сибири, а движущимся вперед знаменам демократии войти в угрюмую твердыню московитского деспотизма».*

Боже мой, как образно...

Или вот другой известный американский журналист, советолог Джордж Кэннон, автор книги «Сибирь и ссылка» (забавно: главная «русская» книга у Биллингтона — «Икона и топор» — у них там что, кто-то один названия штампует?): *«Русские страстно желают стать свободными и последовать примеру Соединенных Штатов».*

И с чего вы, спрашивается, это взяли? И кто вам сказал, что, став свободными, надо обязательно следовать примеру США? Других свободных стран история не знает? А вот что пишет по поводу современной России американская газета № 1 «Нью-Йорк Таймс» от 15 декабря 2004 года: *«По странам, называемым в России ближним зарубежьем, слышен стук копыт. Это едет Всадник без головы... Черной тенью в ночи скачет в поисках своей головы Владимир Путин... Путин ведет Россию к фашизму...».*

Майн Рид, ни дать ни взять, правда подписано: Кристоф Николас Д.

При особом желании меня можно обвинить в тенденциозном подборе цитат. Да пожалуйста! Все это опубликовано, все это не мной придумано и отражает видение исторической судьбы нашей глазами современных американских элит. А значит, по большому счету — всего Запада.

Еще один яркий пример — статья видного советолога Стивена Роусфилда, которая так и называется: *«Россия — ненормальная страна».* Роусфилд утверждает: *«Россия является ненормальной политической экономией, для которой маловероятны демократизация, вестернизация или развитие свободного предпринимательства в ближайшей перспективе. Нормальной страной следует считать страну с демократическим свободным предпринимательством или социальной демократией типа той, что существует в Европейском Союзе».*

Ну, это просто в духе Древнего Египта — феерическое самомнение!

Египет — Страна людей, все остальное — Страна псов, Страна озер, Страна дураков... Вот здесь живут люди, а там — нелюди. Америка, Европейский Союз — здесь нормальные люди. А все остальные — ненормальные.

Ну и, естественно, завершается все это у Роусфилда выводом о том, что в какой-то момент Россия могла одуматься и превратиться в нормальную страну, однако после дела ЮКОСа — вот такой он водораздел проводит — *«Россия возвратилась к Московии и, несмотря на демократическую риторику, не намеревается совершать переход к демократическому свободному предпринимательству»*. Я немного знаю изнутри работу Государственной Думы и других важных учреждений, а поэтому не тешу себя иллюзиями относительно эффективности российских демократических институтов и их идеальности. Много чего могу рассказать об этом деле плохого и порочного, но доходить в критике до хамства, как господин Стивен Роусфилд, — это совершенно в духе американского миссионерства.

Обобщая эту «миссионерскую» идею, я бы хотел процитировать норвежского историка Ивэра Нойманна, который много лет занимался исследованием того, как одни государства воспринимаются другими. Он пишет, что Европа на протяжении последних 500 лет — действительно, получается еще со времен Ченслора и Герберштейна — воспринимала Россию исключительно сквозь призму ученичества: *«Начиная с эпохи Просвещения она воспринималась как ученик. То хороший (доминирующая версия Просвещения), то наученный дурному (альтернативная версия Просвещения), то двоечник, который должен учиться, но не хочет (доминирующая версия XIX века), то лентяй (версия XX века)»*.

О странах хороших и плохих

Не дает мне покоя одна старая мысль... Мысль такая: древняя история честнее новой истории, а новая — честнее новейшей.

В той старой, древней истории были державы, которые выясняли между собой отношения путем конфронтаций — как правило, военных (мы не помним экономических конфронтаций в Древнем мире, и вряд ли они были в той форме, в какой привычны сейчас).

Рим воевал с Карфагеном или Александр Македонский воевал с Персией. Мы не рассматриваем эти державы с позиции кто-то плохой, а кто-то хороший. Как понять, кто был лучше: Римская республика или Карфагенская олигархия? Везде были хорошие и плохие люди, у них у всех были разные цели, разные традиции, и в общем шла борьба не на жизнь, а на смерть.

А вот в новейшей истории или, если вам угодно — в современной геополитике, в последние лет 50, а может, 100, происходит старательное навязывание идеи, что страны изначально бывают разными — хорошими и плохими.

Например, Северная Корея, Ирак, Иран — это плохие государства. Хорошие — это понятно, страны западной англосаксонской демократии, т. е. практически вся Европа плюс послевоенная Япония, Южная Корея, например.

Плохие государства — это Советский Союз и Третий рейх. Это большие плохие государства.

А есть маленькие хорошие государства — Эстония, Латвия, Литва. Маленькие, но гордые. Какая-нибудь еще Грузия или Чехия.

И если верить мировым СМИ, тут преследуется какая-то удивительная цель: вбить в голову всему обществу, в том числе и самому населению этих «плохих» стран стереотипные, мифологизированные представления о том, что нет национальных интересов, а есть «общечеловеческие». И в соответствии с ними весь мир поделен на хороших и плохих.

Поэтому даже если вы живете в России, ну не повезло вам, — то не надо иметь по этому поводу никаких патриотических иллюзий. Ибо Россия изначально относится к плохим государствам.

А с плохими честному человеку нужно бороться, бороться во имя «общечеловеческих ценностей».

Вот такое ущербно-извращенное сознание нам навязывается.

Это как в «Обитаемом острове» Стругацких — хочешь не хочешь, а ретрансляторы ментальной энергии включены и облучают они всех поголовно. Отключить их нам не дано, значит, просто будем давать себе отчет: это гипнотическое излучение есть, это надо знать.

Про Сталина, соху и конкуренцию

Ложь, повторенная тысячекратно, становится правдой.

Доктор Геббельс

До XVI–XVII веков Россия не была конкурентом для стран Запада. В эпоху Древней Руси разные области Европы жили слишком изолированно. В XIV–XV веках Европа только приближалась к границам Руси. А в начале XVI столетия, после завоевания Псковской земли, централизованное государство Российское, Московия, становится реальным конкурентом Запада. И экономическим конкурентом, и геополитическим.

Россию начинают бояться. И принимают меры, порой не особо корректные. В 1547 году Иван Грозный поручил послу Гансу Шлитте завербовать в Европе и привезти в Москву докторов, которые умеют ходить за больными и лечить их. Найти также книжных людей, понимающих латинскую и немецкую грамоту, мастеров, умеющих изготавливать броню и панцири, горных мастеров, знающих методы обработки золотой, серебряной, оловянной и свинцовой руды, людей, которые умеют находить в воде жемчуг и драгоценные камни, золотых дел мастеров, ружейного мастера, мастера возводить каменные и деревянные города, замки и церкви, полевых врачей, умеющих лечить свежие раны и сведущих в лекарствах, людей, умеющих привести воду в замок, и бумажных мастеров.

Примерно тем же занимались в большей или меньшей степени впоследствии все российские государи, наиболее активно, как мы знаем, — Петр I. Нанимали иностранцев, заимствовали технологии и старались взрастить и обучить с помощью иностранных мастеров свои «национальные» кадры.

Мало кто сегодня помнит об этом, но одним из важных факторов успеха стальной индустрии стало активное использование именно зарубежного опыта и технологий. «Покупали» не просто «специалистов» — инженеров из США и Европы, давали подряды западным индустриальным проектным бюро на проектирование и «архитектурный» надзор за сборкой и отлаживанием целых заводов, промышленных комплексов.

Мы все знаем о купленном в Италии и собранном в Тольятти «под

ключ» ВАЗе.

Но мало кто знает, что проекты десятков гигантов отечественной индустрии, основанных в 30-е годы XX века, тоже «под ключ» приобретались на Западе. Это был разумный шаг, пожалуй, единственная возможность не изобретая велосипед, в кратчайшие сроки совершить индустриальный рывок.

Недавно я побывал на знаменитом Волгоградском тракторном заводе имени Ф. Э. Дзержинского, когда-то — крупнейшем предприятии Поволжья. Да-да, это тот самый знаменитый Сталинградский (тракторный) танковый завод, на территории которого разворачивалась Сталинградская битва, и, собственно, на территории которого она и закончилась — пленением последних окруженных немецких частей, уже через несколько дней после официальной капитуляции Паулюса. Любопытно, что в течение всех долгих месяцев Сталинградской битвы линия фронта так и проходила — прямо по территории завода, ни одной из сторон не удавалось захватить его полностью. Так вот, директор рассказал историю предприятия: построено оно было в рекордные сроки полностью по американскому проекту, весь технадзор осуществляли 200 специалистов-иностранцев — из них половина осталась работать на заводе и после его запуска в 1932 году.

Именно по этой технологии Сталину удалось, по словам одного английского историка, «приняв Россию с сохой, оставить ее с ракетами» — хотя эта фраза, как многие другие, совершенно незаслуженно приписывается У. Черчиллю.

Знаменитая фраза про соху И. Сталина принадлежит на самом деле Исааку Дойчеру (см.: Deutscher I. Ironies of History: Essays on Contemporary Communism. Oxford, 1966); похожее выражение присутствует и в энциклопедии «Британика» 1956 г. — статья «Сталин», принадлежащая перу того же автора). В общественный оборот в качестве черчиллевской цитаты введена помощниками Е. К. Лигачева, написавшими не менее знаменитую статью Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами» (Советская Россия, 13 марта 1988 г.).

Будем объективны: то, что Россия в 1920-е годы оказалась «с сохой», с полностью разрушенной экономикой, транспортной системой, энергетикой и инфраструктурой — заслуга не в последнюю очередь самих большевиков, в том числе Джугашвили и сотоварищи. В общем, попыткам современной России произвести мену — «сырье в обмен на технологии»,

уже лет этак 600.

А тогда, в 1547 году, Шлитте выполнил задание царя, завербовав 123 человека. Однако Ливонский орден опасался того, что привезенные Шлитте мастера усилят военный потенциал Русского государства. Он попросил любекский магистрат сделать все возможное, чтобы не пропустить Шлитте и его спутников в Москву. В Любеке Шлитте задержали и посадили в тюрьму. Мастера, естественно, разошлись. Один из них попытался было самостоятельно пробраться в Россию, но был схвачен в двух милях от русской границы и казнен (!).

Вторую группу ремесленников, которую возглавляли доктор права Иоганн Цегендер фон Россенек и некий Вольф из Страсбурга, также постигла неудача. Их захватили в Вендене и продержали в заключении пять лет. Цегендера отпустили лишь в июне 1553 года, взяв с него клятву не пытаться пробраться в Московию. Ремесленники же остались на службе в Ливонии.

Эти истории типичны для того времени. Здесь ясно виден страх перед конкурентом.

Вообще все очень напоминает пресловутую американскую поправку Джексона-Вэника.

Поправка Джексона-Вэника была введена в 1974 г. в закон о торговле США по отношению к Советскому Союзу якобы по инициативе американских еврейских общин, возмущенных тем, что Советы препятствуют эмиграции евреев из СССР.

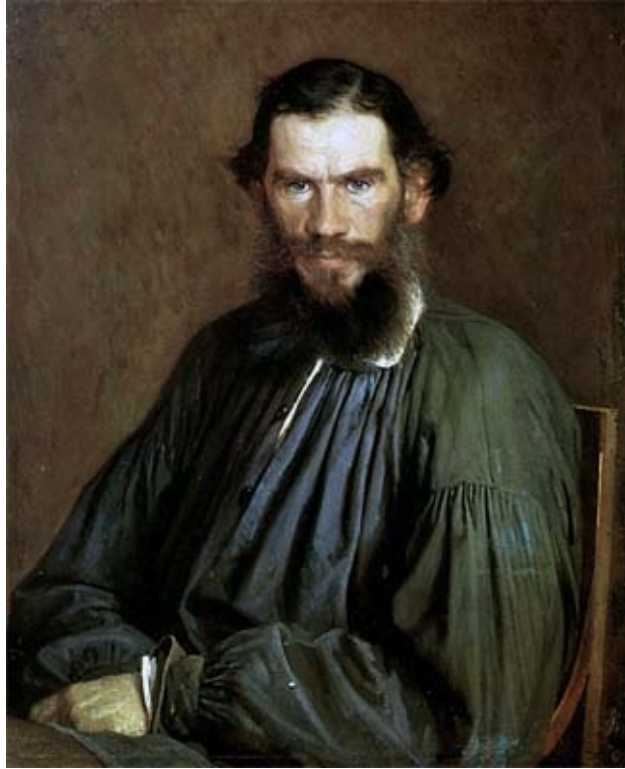
Чем провинились классики?

В конце XIX века население империи насчитывало около 140–150 миллионов человек. Столько же, сколько сейчас в Российской Федерации. Это при том, что территория империи тогда была, пожалуй, в два раза больше (почти весь СССР, Польша, Финляндия, «доминионы» — Монголия, Северный Китай (Харбин) и тогдашняя наша Аляска, вместе взятые) нынешней России. Всего этого «исполина» обслуживало 170 тысяч чиновников. Численность современного чиновничьего аппарата России (включая федеральный, региональный и муниципальный уровни) выше, чем в СССР, и составляет по разным технологиям подсчета более 1,5 миллиона человек! И это не считая бесчисленных сотрудников различных ГУПов, надзоров, «окологосударственных» разрешительно-согласовательных организаций и пр.

Получается, что в царской России на тысячу жителей приходилось 1,2 чиновника, в СССР на пике государственного строительства в 1991 году — уже 4,8, а в современной России — более 10.

И это при том, что мы взяли число российских чиновников по САМОМУ минимуму...

Выходит, что тот самый «типичный» Акакий Акакиевич в куцей шинельке, поскрипывая гусиным пером, работал в 10, а то и в 50 (!) раз эффективнее современного чиновника, со всеми его хрюкалками-мигалками, ксероксами, серверами, электронными почтами и фельдсвязью, то есть немислимыми, фантастическими по сравнению с XIX веком средствами коммуникации, накопления и анализа информации, способами повышения эффективности труда!

И. Крамской «Л. Н. Толстой».

Создал одного из немногих абсолютно положительных русских мужских литературных героев. До конца романа герой не дожил...

Но вернемся из фантазмагии настоящего в литературный XIX век. Возникает естественнейший вопрос: а как получилось, что русская классика практически не отразила образа типичных российских мещан и дворян своего времени? Или того же суперэффективного Акакия Акакиевича Башмачкина? Так мало создала положительных героев? Тех, о ком начал писать Пушкин, сделавших знаменитыми его «Повести Белкина»? Почему классическая литература в России не вела рассказ о людях, действительно сделавших что-то хорошее и важное? О героях 1812 года написано «Бородино» М. Ю. Лермонтова, о них немало писал и Л. Н. Толстой. Но ведь могли быть сотни книг! В Британии из книг о 1815 годе, о Ватерлоо собраны целые библиотеки. У нас подобного нет и в помине.

Существует гениальный британский сюжет о гибели чуть ли не всего элитнейшего 93-го кавалерийского полка под Севастополем — миф о том, как во время Крымской войны и осады англо-франко-турецкими войсками Севастополя некий полусумасшедший английский генерал приказал атаковать в конном строю русские позиции.

Кавалерийская атака при повышении местности более чем на 15 градусов была тогда прямо запрещена всеми уставами всех армий мира. Атака не могла не кончиться трагедией. Представьте: больше тысячи британских кавалеристов в красных мундирах медленно скачут к русским позициям под Севастополем. Медленно — потому что вверх! Под углом в 20 градусов! Описывает эту историю и Лев Толстой... «Мы плакали, когда в них целились».

В этой атаке погибли сыновья чуть ли не всех известных дворянских семей Британии, дети принцев, графов и лордов. Тем не менее в Британии внимание обращено не на идиотизм приказа, а на то, как полк беспрекословно и бесстрашно его выполнил. Поведением кавалеристов гордятся. Они знали, что идут на верную смерть, но честно выполнили свой долг. Киплинг написал об этом военном эпизоде прекрасную балладу «Атака красной кавалерии». В центре Лондона как-то случайно забрел я в «фирменный британский паб», который так и назывался: «Бар красной кавалерии». Повсюду в нем висят картины, на которых с экспрессией выписана эта атака, все каски, мундиры, подпруги, кивера, шашки. Старинные запыленные воинские атрибуты с любовью развешаны на стенах и расставлены на полках. Романтика невероятная: истинные англичане всегда готовы выполнить любой приказ и погибнуть во имя королевы и Британии.

А вот похожая русская история: 1805 год, под Аустерлицем два эскадрона русских кавалергардов получили приказ атаковать французское каре.

«Сражение при Аустерлице 20 ноября 1805 г.». Гравюра И. Ругендаса. 1810-е гг.

Кутузов, кстати, будучи под Аустерлицем «задом главнокомандующего Александра I», настаивал, что диспозиция проигрышная и австро-русским

войскам надо не сражение принимать, а отступить. Как всегда, он был обвинен в пораженческих настроениях и, как всегда, оказался прав.

Плотное скопление оцетинившихся французских штыков, на которое скачут всадники в шитых золотом белых мундирах. Красота неопишная! Ведь кавалергарды — самый цвет русской армии, брали туда исключительно детей дворян, да не простых — через одного князя, графы, бароны. Служить в кавалергардском полку было большой честью. Там, как и у англичан, «cream of the cream» высшего общества. Но, увы, приказ столь же идиотский (такой же, как и у англичан в Крыму спустя 50 лет), атака столь же бессмысленна, сколь и бесстрашна. «Кавалергарда век недолог...»

Справедливости ради стоит отметить, что в отличие от красной (иногда называют — «легкой») кавалерии атака кавалергардов не являлась полной бессмыслицей, хотя с военной точки зрения была совершеннейшим сумасшествием. Личная конная гвардия Александра все-таки принесла пользу: кавалергарды прикрыли граничившее с бегством отступление союзных русско-австрийских войск и не дали, таким образом, возможности вражеской коннице наброситься на бегущих с фланга.

Почти все погибли, единицы, сбитые с лошадей, попали в плен.

Наполеон сказал по этому поводу, что никогда не видел такой красивой и бессмысленной атаки. Он спросил у одного из уцелевших офицеров: зачем они атаквали в поле в конном строю каре? Тот ответил, что эскадрон получил приказ и должен был его выполнить. Наполеон смахнул скупую мужскую слезу профессионального солдата и всех пленных велел отпустить.

Отголоски этой истории есть у Льва Толстого — в описании сражения, в котором получает смертельную рану Андрей Болконский. В первых версиях романа он умирал. Но очень уж нужен был Толстому этот персонаж, не мог он его убить в начале книги. И в более поздних версиях романа Болконский выздоравливает.

В общем, история такая же, как с атакой красных королевских всадников на русские позиции. Результаты те же. Но выводы делаются иные.

В России говорят о безграмотном генерале, пожелавшем выслужиться

перед Главкомом русской армии под Аустерлицем — Императором Александром I, и делают выводы в духе: «только у нас такое возможно». Совершенно не желая говорить о мужестве и верности долгу, о героизме исполнителей.

А потом эту историю вообще совершенно забыли. То ли не могли мы после 1917 года спокойно признаться, что элита русского дворянства, все эти Фамусовы, Скалозубы, Онегины, Печорины ничуть не в меньшей степени проявляли мужество и «массовый героизм», чем воспетые Герасим Курин и Василиса Кожина, то ли просто не умеем гордиться самими собой.

И вот наша литература полна персонажами типа Раскольникова, Акакия Акакиевича, в лучшем случае мечущихся «лишних людей» а-ля Печорин. И почти никто из воистину великих писателей XIX века не хочет рассказать о других героях нашего времени. Не хочет или не может? Как у нас забыли о красивой и самоубийственной атаке кавалергардов, так и любые патриотические слова русских писателей на протяжении поколений замалчивались, вымарывались, «забывались».

Программа предмета «литература» призвана была служить коммунистическому воспитанию учащихся. И служила — как умела.

14 декабря 1825 года закончилось краткое время романтизма героев 1812 года. И в великой русской литературе начался век постоянного оппонирования с властью.

В. А. Тропинин «А. С. Пушкин».

Отношения гения литературы и Николая I — одна из загадок нашей истории.

Порой вообще кажется, что последним, кто с определенной симпатией относился к персоне Императора Всероссийского, был А. С. Пушкин.

Николай I, думаю, на самом деле был его искренним поклонником, в отличие от тех картинок «персонального цензорства», что рисовали нам школьные учебники.

Кстати, в отношении учебников. Подчеркну, мы с вами говорим, естественно, не обо всей русской литературе XIX века, а лишь о той ее части, что официально признана у нас и за рубежом классикой.

Это действительно великие мастера: Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Толстой, Чехов, отчасти Некрасов.

Список можно продолжить. Но беда в том, что осознавая себя «больше, чем поэтами», эти авторы невольно создали удивительно сложный, постоянно рефлексирующий, мечущийся и довольно малосимпатичный образ русского литературного героя. Это, несомненно, способствовало тому, что страна продолжала «самоубеждаться» в самых черных, негативных представлениях о самой себе.

Порой кажется, что во всей русской литературе того времени есть только один положительный герой, на которого молодежь могла бы равняться без оглядки — все тот же Андрей Болконский. Да и тот рано погибает.

Россия вела войны с Турцией, справедливые в большей или меньшей степени войны на Кавказе, в Средней Азии. Как получилось, что в литературе они не отражены, не воспеты их герои? В Британии на «индийскую тему» написаны тысячи книг разного уровня талантливости и успешности. А где в России романы, в чертах героев которых читатель угадывал бы сурового Ермолова, романтика Анрепа, ехидного «Грибоеда», блестящего покорителя Самарканда и Коканда генерала Скобелева? Где литература о трудностях дальних походов, о подвигах, свершениях, потерях и познании истин громадного и важного пути? «Туркестанские генералы» — название одного стихотворения Н. С. Гумилева. **ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ.** Не написано ни одного романа, героем которого бы стал какой-нибудь офицер, принимавший участие в среднеазиатских походах.

В XX веке у хитреца-беллетриста Бориса Акунина появляется положительный герой Эраст Фандорин. Самый ловкий, самый умный,

самый пронзительный. К тому же красавец и любимец женщин.

Г. Чхартишвили (Акунин) как-то подметил в своем интервью, что успех Э. Фандорина обусловлен именно полным отсутствием в русской литературе до и постсоветского периода положительного мужского персонажа.

Добавлю от себя: умница и тонкий стилист Акунин, конечно, имел в виду «ЛИТЕРАТУРУ».

«Шедевры» а-ля Фридрих Незнанский и Дарья Донцова, а также мегатонны макулатуры о «ментах», «ворах», «героях Чечни», «спецназе» и тому подобном мы будем относить к «другой стороне Луны».

Но, увы, и Эраст Фандорин по жизни обречен на одиночество, и непонятно: получает он воздаяние за свои качества или наоборот, наказан за свои достоинства? Не замечаем мы и своих открытий. Во время кругосветных путешествий Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева на шлюпах «Восток» и «Мирный» в 1819–21 годах русские совершили грандиозные открытия.

Джеймс Кук писал, что он проник на юг «так далеко, как это только под силу человеку».

Но русские проникли гораздо южнее Дж. Кука, в те области Южного океана, куда он считал «принципиально невозможным» попасть.

17 января 1821 года русские моряки первыми из всех людей Земли (!) увидели обледенелые откосы высокого берега Антарктиды и назвали ее «берег Александра I». По своему месту в истории этот подвиг близок к покорению полюсов, к выходу человека в космос. Он ничем не меньше подвига Колумба или Магеллана.

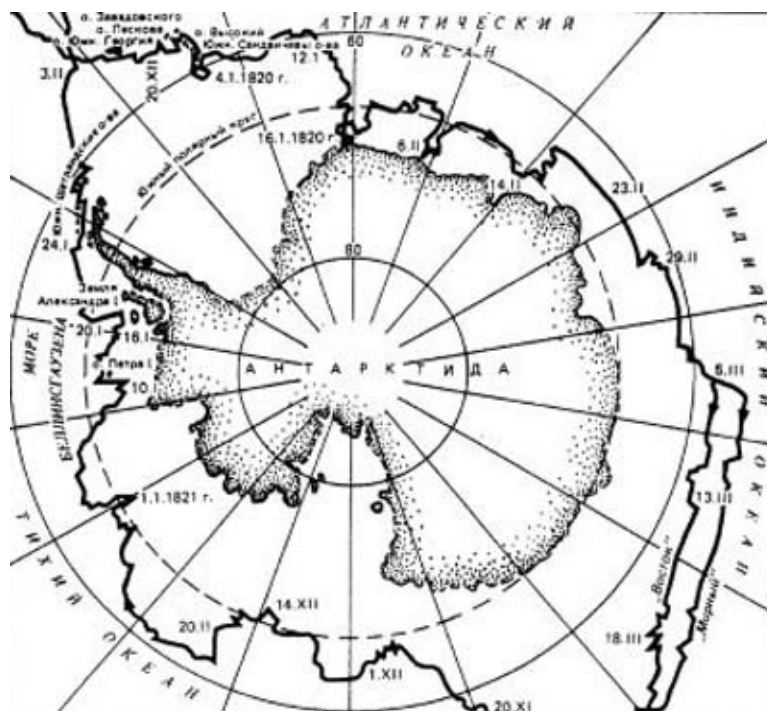
Впервые в истории мореплавания русские обогнули Антарктиду, установили размеры этого колоссального обледенелого материка.

Ф. Ф. Беллинсгаузен.

Имя его достойно стоять рядом с именами Д. Кука, Ф. Магеллана и Х. Колумба.

С тех пор на карте Антарктиды есть залив Новосильцова и мысы Демидова, Куприянова и Парадина, острова Анненского, Лескова, Высокий и Завадовского, море Беллинсгаузена.

Плавание Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева в Антарктиду.

В Тихом океане появились «острова Россиян» — архипелаг тропических коралловых островков. Отдельные атоллы в этом архипелаге названы именами Кутузова (Макемо), Крузенштерна (Тихекау), Румянцева (Тикеи), Лазарева (Матаива) и Баркляя-де-Толли (Рароиа).

В Англии писались приключенческие романы, ставились пьесы о китобоях, захваченных в плен дикарями, о пиратах Индийского и Тихого океанов, о мятеже на корабле «Баунти», то есть по поводам несравненно менее значительным. Тот же Джеймс Кук стал героем более чем 20 известных романов и около 40 драматических произведений.

А где в России пьесы и романы о капитанах Крузенштерне и Лисянском? Где пьеса — условно — «Середь льдов и ветров» или «Как русские открывают Великий Южный Материк»? Где повествования о плавании графа Резанова в Русскую Америку и о том, как русские осваивали Аляску и Калифорнию? Нет книг об этих подвигах ни в XIX веке, ни в начале XX (до 1917 г.) века. По крайней мере, в классике того времени, современнике великих русских географических открытий нет даже намёка на это. ПОЧЕМУ?! В конце XX века появилась «Юнона и Авось».

Хотя бы из этого рок-спектакля мы узнали, что русские осваивали не только Аляску, но и Калифорнию. В то же самое время сами американцы сняли целую «мыльную оперу» о приключениях графа Резанова.

Увы, ответ может быть только один, и ответ очень грустный: потому, что в этом снова проявилась раздвоенность сознания русского образованного слоя.

Ю. Ф. Лисянский. Командир корабля «Нева».

Русские невероятными трудами, героизмом и самоотречением строили громадную империю.

Они осваивали почти безлюдные, суровые пространства Севера, Сибири, побережья Тихого океана и Аляски. Все эти земли связывали дорогами, строили крепости, из которых вырастали целые города, — как из станицы Верной вырос город Алма-Ата, а из заложенной в 1818 году крепости Грозная — город Грозный, столица Чечни. Русские наладили управление этими территориями.

И если бы даже не все, если бы значительная часть чиновников была бы такой же, как герои Салтыкова-Щедрина и Гоголя, империя мгновенно развалилась бы. А она не развалилась.

Но вот парадокс: русскую интеллигенцию, образованный слой России эти достижения не интересовали. Классика отразила жизнь не такой, какова она была в реальности. А такой, какой ее хотел видеть русский образованный слой. Иностранцы наблюдатели в собственной стране.

ВСЁ, ЧТО ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ ПРО ВОДКУ

От Хингана до Пярну

Все сущее познается сравнением с себе подобным.

Аристотель «Об элементах»

До какой степени все национальные беды ассоциируются у нас самих с пьянством, иллюстрирует незабвенная «антиалкогольная кампания» 1985–86 годов. Тогда заботливый генсек Горбачев предложил гражданам свой радикальный вариант оздоровления общества: искоренить пьянство, для чего ввести мягкий вариант «сухого закона», прекратить производство вина и вырубить виноградники.

Практическая реализация проекта стала явлением настолько ярким и ошеломляющим, что круги по воде расходятся до сих пор.

*М. С. Горбачев — Президент СССР.
Первый и, к сожалению, последний.*

Никогда не забуду, как в 1988 году проходил практику после первого курса журфака МГИМО в качестве корреспондента районной газеты «Забайкалец». Дело было это в Читинской области, в городе Забайкальске,

стоящем прямо на советской границе.

Газета была, как полагается районке, «органом районного комитета КПСС и районного Совета народных депутатов», редакция располагалась в одном из немногих в Забайкальске 2-этажном каменном доме в двух минутах ходьбы от райкома и райисполкома и в пятнадцати — от погранзаставы № 16 Хинганского погранотряда Забайкальского погранвоенноокруга.

Кстати, то, что я сейчас написал, в 1988 году считалось страшной военной тайной: само упоминание слов «застава» и «погранотряд» приравнивалось к «разглашению засекреченной структуры погранвойск КГБ СССР» и никогда не могло появиться ни в одном материале на страницах местной прессы. Сейчас трудно в это поверить, но на столе у главреда, опытного и мастеровитого журналиста, всегда лежала книжица, не знаю, кем изданная, в которой содержался «полный перечень терминов, обозначений и выражений военно-технического и организационного характера», недопустимых для публикации в печатных СМИ приграничных районов «особого контроля». Поэтому, например, когда я готовил репортажи о товарищеском турнире пограничников по волейболу, это выглядело, в соответствии с рекомендациями сей книжицы, так: «Пограничники НАШЕГО РАЙОНА в полуфинале обыграли всухую пограничников СОСЕДНЕГО РАЙОНА и завтра в финальном матче, на заводском стадионе, встретятся с другой командой воинов-пограничников тоже из НАШЕГО РАЙОНА».

В общем, предполагалось, видимо, что все жители Забайкалья, уподобившись тем восточным обезьянкам, которые «ничего не видят, ничего не слышат и ничего никому не говорят», искренне не подозревали, что прямо у них под окнами проходит граница с Китаем. Еще много забавного можно было бы написать о славном городе Забайкальске, чей рассвет пришелся на времена, когда были «русский с китайцем братья навек», но в 1988 году городишко пребывал довольно в запущенном состоянии.

Но особенно жестоко ударила тогда по местному населению горбачевская «антиалкогольная кампания». В редакции мне поручили написать большой материал о борьбе местной милиции с расцветшим в то время самогонварением. О Боже! Чего только не пришлось повидать, поездив несколько дней с милицейским нарядом по местным «притонам» самогонщиков. Пили все: розовую воду, тормозную жидкость, просто фруктовую брагу, в которую «на глазок» «для эффекта» доливали технический спирт, ацетон и жидкость от тараканов. Но самое

неизгладимое впечатление оставили огромные 20-литровые бутылки, где гнали спиртное из «прошлогодных помидоров». Жаль, что с нами не ездил тогда дорогой Михаил Сергеевич, приобретший в то время в народе несмываемое прозвище «минеральный секретарь»! Горбачев многое успел: затеял перестройку и glasnost, вел активную международную политику, отсиживался в Форосе в дни ГКЧП. Но война с зеленым змием в памяти народной, пожалуй, перевесила все упомянутые деяния. Наступил-таки на большую мозоль.

Откуда же вера в то, что основная проблема Руси — именно повальное пьянство? Такая сильная вера, что Горбачеву искренне казалось: «вытрезви» страну — и все получится.

Как-то постепенно, исподволь укоренилась в общественном сознании идея традиционного российского пьянства. Эдакая историческая национальная особенность, отличительная черта, умилительная, как матрешка: «Россия — водка, валенки, Сибирь!» Удивительное это дело — процесс маркировки и раздачи ярлыков. Отчего те или иные черты и отметины остаются на народном лице, наследуются поколениями как данность? Чем, как говорится, обязаны? Крайне занимателен этот процесс, если задуматься и осмыслить! Знаменитые пивные фестивали наших тевтонских соседей, большие кружки и характерные животы (чехи умилительно называют эту черту своей мужской конституции «řivní-břivko» — «пивное брюшко», но при этом пьяницами себя, как и немцы, не считают) не сделали немцев, по общему мнению, закоренелыми пьяницами. Напротив, в этом народе отмечается педантичность, деловое усердие, умеренность и аккуратность.

В 1960-е годы в Финляндии пытались ввести «сухой закон».

И результат? «Горячие финские парни» регулярно посещали город трех революций. Целые караваны автобусов привозили финских паломников в Ленинград, но отнюдь не на экскурсии в Эрмитаж или в другие музеи. Финны приезжали пить «Московскую» и «Столичную», показывая в этом деле такое мастерство и неуемность, что бывалые ленинградские выпивохи уважительно снимали кепочки.

Более того. Отдельные, особо дружелюбные советские люди встречали страждущих прямо у пограничного контроля и на трассе на Выборг. Ведь финны готовы были платить валютой. Хоть своими марками, хоть долларами! Так что не всякая «финская птица» добиралась в здравом уме и твердой памяти до Северной Пальмиры, не всякая...

И вели себя финны так активно, до такой степени орали и сквернословили, что возмущенные горожане требовали принять меры:

наши «отечественные» пьяницы выглядели тише и спокойнее.

Удалось ли финнам за годы трудов несправедных убедить мир, что именно они и есть алкогольные чемпионы? Куда там! Так и остались в общем представлении флегматичными, трудолюбивыми и основательными: телефоны Nokia — самые надежные «Нокии» в мире.

Предвзятость постоянно дает о себе знать. В качестве иллюстрации небольшой сюжет. Побережье Эстонии, маленький курортный городок Пярну. Лето. В местном парке под кустами, на некотором расстоянии друг от друга среди бела дня лежат два очень пьяных человека. Эстонцы проходят мимо, многие — с комментариями. Под один куст говорят снисходительно и с симпатией: «Турмалайнен отдыхает!» Под другой — брезгливо и раздраженно: «Русская свинья валяется!» Каким острым «национальным» зрением надо было обладать, чтобы отличить одного выпивоху от другого! Хотя когда в 2001 году 68 жителей Пярнуского уезда умерли от употребления фальсифицированной водки, оказалось, что русских и эстонцев среди них как раз поровну.

Но это «Русская свинья валяется!» — привет нам через века от старых и глубоко укоренившихся мифов.

Что доказал и чего не доказал Вильям Похлебкин

Миф этот оказался очень дорог для некоторых читателей, ибо, как выяснилось, поддерживается авторитетом известного и по заслугам любимого исследователя — Вильяма Васильевича Похлебкина.

А миф такой: якобы Похлебкин доказал в международном суде, что водку изобрели русские.

В интернете ведется активная полемика вокруг «открытия» Похлебкина. Большинство ликует: ура! Вильям Васильевич утвердил русский приоритет.

Водка — наша!!! Знай наших, мы ее придумали! Мы — породили! Пусть она нас и убьет, зато не так обидно... Общая тональность сих поэтических высказываний о водке примерно такая: «не может такого быть, чтобы эту чистую, как слеза, водку придумали какие-то итальянцы или полячишки.

Кишка тонка. Только на Святой Руси с ее трескучими морозами, с ее необъятными просторами и тысячеверстными трактами, с широтой русской души мог возникнуть этот божественный напиток, способный мертвого поставить на ноги. Россия без водки — это не Россия. Не может такого быть. Нет, не может».

В этой связи моя позиция выглядит какой-то... недостаточно патриотичной, как бы лишаящей Россию одного из ее важных приоритетов. Рассказываю, понимаешь, что виноградный спирт, «аквавита» (вода жизни), завезен к нам с Запада. Что это вовсе даже не наше изобретение! Нехорошо-с... Но давайте внесем ясность в вопрос: что же вообще доказал, а чего не доказал всеми нами уважаемый и любимый Вильям Васильевич? Во-первых, никакой международный суд никогда не выяснял, кто изобрел водку. Речь вообще не шла о приоритетах в изобретательстве, если так можно выразиться. Предмет разборок был «чисто» коммерческий. Поляки решили доказать свое право на бренд. На торговую марку.

В 1978 году правительство Польши обратилось в международный арбитражный суд с требованием признать за ней исключительное право на название «водка». Запрашивалось это на том основании, что якобы на бывших территориях Королевства Польского (Польская республика считает себя его правопреемником), Великого Княжества Литовского и Русского (и его правопреемником заодно — тоже? ха-ха) и Речи Посполитой (ну и ее,

конечно, наследницей, само собой) водка начала производиться раньше, чем в Московии.

Выдвигалось требование, чтобы исключительное право продавать и рекламировать на внешних рынках под именем «водка» свой товар получила Польша, производящая «Водку выборов» («Wodka wyborowa»).

Все иные производители водки в мире должны были бы искать для своей продукции другое название или платить Польше за использование торговой марки.

Причина этого не особо корректного иска проста: стараниями «Пепси-колы», официального дистрибьютора в те застойные годы «Столичной», русская водка заняла неплохую нишу на американском рынке. Стоила она немало, помню сам: в среднем вашингтонском магазинчике литровая бутылка «Столичной» — 20 долларов США. Для сравнения в нашем посольском магазинчике в том же Вашингтоне, кажется, 3 с половиной. Это в 1991 году, еще при СССР.

Кроме того, наш Минвнешторг, почувствовав тенденцию, начал поставлять в США и другие сорта водки: «Московская особая», «Русская», «Лимонная», «Посольская». Все эти бренды приносили в Союз свободно конвертируемую валюту. Причем в большом количестве.

Думаю, не надо объяснять, насколько это лучше — продавать близкую к «0» по себестоимости госмонопольную водку, чьи природные запасы бесконечны как лента Мебиуса, а заодно спаивать потенциального противника — американцев, чем торговать лесом, нефтью и газом.

Успех внешнеторговой «водочной» деятельности СССР и спровоцировал правительство Польской Народной Республики на попытку перетянуть одеяло на себя.

Международный арбитражный суд выяснял, имеют ли Польша или СССР исключительное право на использование слова «водка». И только.

Далее. Подготовка к Арбитражному суду показала: в российских архивах нет документальных подтверждений точной даты начала производства русской водки. Более того — не существует сколько-нибудь серьезной литературы по истории отечественного винокурения.

«Союзплодоимпорт» (внешнеторговое госпредприятие в рамках Минвнешторга, формально обладавшее правами на торговую марку советских «экспортных» водок) обратился и в Институт истории Академии наук СССР, и во Всесоюзный НИИ Главспирта Минпищепрома СССР, но руководители обоих институтов просто отказались от участия в работе, сославшись на отсутствие специалистов нужного профиля. Тут на помощь и пришел известный кулинар и знаток русской кухни Похлебкин.

Кстати, давно уже установлены точные даты начала производства крепких напитков на Западе. Известно, что коньяк во Франции начали делать в 1334 году, английский джин и английский виски в 1485-м, шотландский виски в 1490–1494 годах, немецкий брантвайн (шнапс) — с 1520 по 1522 год.

Выводы? Наши предки почему-то мало заботились о своем приоритете в алкогольных делах. Все «доказательства» Похлебкина очень сомнительные и косвенные. Ученые называют такие доказательства «плюс-минус лапоть».

Похлебкин, как и подобает энергичному, умному и хорошо оплаченному эксперту, взявшись за госзаказ, истолковывает в нужном ему направлении ЛЮБЫЕ сведения. Лишь бы получалось, что водку на Руси гнали и пили испокон веков. Он использует даже историю употребления слова «водка». Хотя знает наверняка, что слово «водка», «маленькая вода», местами применялось и для самой обычной воды, той, которая из речки... В любом случае, применение этого слова, соответственно, ничего не доказывает.

Похлебкин начинает с того, что в 1386 году генуэзское посольство, следовавшее из Крыма в Литву, привезло с собой на Русь «аква виту», изобретенную европейскими алхимиками. Это был чистый виноградный спирт. Русский царский двор действительно ознакомился с этим экзотическим напитком, подумал и решил, что применять его можно... только как лекарство и только разбавленное водой!

Но раз так — вот он, толчок к созданию genuine Russian vodka.

Далее... В начале XV века на Руси перешли на трехполье... Значит, появился избыток зерна. Значит, часть зерна могли перегонять на спирт! Правда, никаких сведений о перегонке зерна на спирт в те годы нет. А виноградный спирт, завезенный генуэзцами, оставался заморской диковинкой и в Московии тогда не прижился. Но Похлебкин честно выполняет задание, данное ему партией и Министерством внешней торговли. Сказали доказать, что на Руси с древности гнали самогон, — он и доказывает.

К концу XV века происходит рост экономики Московии, и правительство отказывается от услуг иностранных купцов и посредников как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Почему? С точки зрения Похлебкина — потому, что теперь водка играет роль «жидкой валюты». Где тут логика, не очень понятно, но у Похлебкина — именно так.

Дальше — больше. Почему-то Похлебкин считает, что на церковные праздники пили в основном пиво. Не иначе слетал в XV век на «машине

времени».

Еще он думает, что «пивное» пьянство способствовало распространению эпидемий. Он даже знает, чем тогда болели! В летописях пишут несколько неопределенно: мор. Это могла быть и чума, и оспа, и холера... Но Похлебкин уверен: мор — это грипп. Далее, по его мнению, водка — мощное противовирусное лекарство. Пить пиво — значит распространять болезнь (хотя если каждый пьет из своей кружки — то с какой стати?). А пить водку — наоборот, не допускать инфекцию в свой организм (вывод спорный, чистый алкоголь наносит мощнейший удар по иммунной системе, а если к тому же пить из общей посуды, то пей хоть медицинский спирт, многие инфекции все равно передадутся).

В те годы на Западе Руси, в Новгороде и Пскове нередко свирепствовал мор... Но, по Похлебкину, это был грипп. А почему? Потому что пили много пива, а водку — не пили.

В то же время эпидемии не вспыхивали в Москве. Из этого факта Похлебкин делает вывод, что уже тогда в Москве была известна и популярна водка. Ее-то, любимую, и потребляли вместо всех лекарств. В летописях, кстати, упоминается «горячее вино». Сразу видно Похлебкину — это водка! Почему, правда, не глинтвейн? В общем, из всего этого следует вывод: место создания водки — Москва.

Время — первая половина XV века... Сила аргументации Похлебкина просто обезоруживает.

Читая Похлебкина, иные «патриоты» пошли еще дальше. Действительно, XV век — ну что это за срок для старинного русского самогонварения?! В интернете мне довелось обнаружить, например, такое «доказательство» того, что на Руси хлестали водку с куда более древних времен... В одной новгородской берестяной грамоте, датированной XIII веком, доверенный человек боярина отправляется в его вотчины с инспекционной поездкой. Среди всего прочего он пишет своему господину: «Аже вода по 3 рубля прода».

О чем речь? Скорее всего, о хорошем колодце с вкусной родниковой водой. Или о том, что жители вотчин боярина должны были платить за пользование некими «чужими» водами (не только чтобы пить воду, но и рыбу ловить, например, или на лодках плавать).

Но это короткое сообщение блоггеры трактуют по-своему, в алкогольном направлении. Словом «вода», по мнению иных любителей национального напитка, могла называться только... водка. Вот опираясь на какую «аргументацию», делаются выводы, и очень далеко идущие, о генетической, тысячелетней предрасположенности русских к пьянству.

Наконец, что же решил Международный арбитражный суд в Гааге в 1982 году? Только одно — он оставил иск поляков без удовлетворения. То есть счел, что Польша не доказала свое исключительное право монополично обладать брендом «водка». Могу себе представить аргументы поляков, если даже выводы, сделанные Вильямом Похлебкиным, они не смогли опровергнуть! Международный арбитражный суд закрепил за СССР право продажи водки за рубежом как русского оригинального напитка и исключительное право на ее рекламу под слоганом Only Vodka from Russia is Genuine Russian Vodka.

Итак. «Наезды» поляков на «нашу» водку были признаны неосновательными, но и пользоваться брендом им тоже никто не запретил. Впрочем, СССР не подавал встречный иск, требуя отнять бренд «WODKA» у наших братьев по Варшавскому Договору. Благородные мы... Brothers in arms...

«Три поляка, грузин и собака» — так, кажется, назывался в народе шедший в те годы на нашем ТВ сверхпопулярный сериал — «Четыре танкиста и собака», кто забыл. Забавно, кстати, фамилия киногероя красавца грузина в экипаже польской Т-34-ки... Саакашвили.

Но самое, самое главное... Допустим, и правда доказал бы В. В. Похлебкин, что водку якобы изобрели на Руси... И что? Что это доказывало бы? Да совершенно ничего! Ни один мой аргумент это не ставит под сомнение. Ни одно из положений книги не пришлось бы изменить.

Ни того, что в целом крепкие напитки изобретены не на Руси.

Ни того, что массово использовать эти крепкие напитки начали у нас позже, чем в Европе.

Ни того, что на Руси ВСЕГДА раньше, до второй половины XX века, пили не БОЛЬШЕ, а МЕНЬШЕ, чем в других странах.

В XVIII веке по количеству потребляемого алкоголя лидировали англичане. Потом, в XIX веке, лидерами стали немцы. В начале XX века желтая майка лидера по потреблению алкоголя перешла к Франции. Россия в 1913 году была на 18 (!) месте в мире (это — где велся учет, считай — в Европе плюс США) по количеству потребленного *чистого алкоголя* почти в 7 раз уступая прекрасной Франции. Притом отмечу, государств тогда в Европе было куда меньше, чем сейчас. Так что 18 место — это где-то в самом конце, примерно предпоследнее.

Потом пальма первенства сместилась в Северную Европу и обратно — в Англию, от которой мы отстаем в потреблении алкоголя даже сейчас, после неуклонного нарастания пьянства в СССР начиная с 1945-го.

И даже сегодня, после алкогольной катастрофы, обрушившейся на нашу многострадальную саморазвалившуюся страну в 90-е годы и не отпускающей нас из своих смертельных объятий по сей день, мы все равно не самые пьющие в мире.

Так что даже тем, кто верит, будто мы изобрели водку, придется признать — все равно большую часть нашей истории мы использовали «свое изобретение» слабо. Бог даст, наконец заработают в нас настоящие русские гены — не гены склонности к выпивке и тунеядству, а истинные: староросского мужества и северной неприхотливости, мужицкой упертости и лихой предприимчивости, и тогда — ничего, выкарабкаемся.

Победим и алкогольную болезнь. Переборем себя. Не впервой.

Менделеев водку не изобретал

Еще одно измышление В. В. Похлебкина, с радостью подхваченное PR-специалистами всех водочных компаний России: Менделеев — изобретатель настоящей, «правильной», истинно русской 40-градусной водки.

Якобы раньше на Руси пили всякую дрянь, и только Дмитрий Иванович, как истинно гениальный ученый-химик, смог вывести «правильную формулу» и разработать «оптимальное соотношение» воды и спирта в этом замечательном напитке. До него якобы смешивали воду и спирт по объему, а надо-то по весу! Менделеев показал, «как надо», и в результате после него и появилась на радость и утеху русскому человеку классическая русская водка в 40 градусов.

Сразу отмечу, что в этом месте уважаемый Похлебкин и иные «квасные», пардон, «водочные» патриоты вступают в противоречие с самими собой: ибо одновременно же они пылко доказывают, что изобрели водку у нас еще в самые старомосковские времена, а довели до привычного стандарта монахи Чудова монастыря в середине XV века.

Попробуем разобраться. Вообще, весьма странно взывать к авторитету Менделеева в уточнении «градусности» большинства водок. Дело в том, что во всех регионах мира крепкие напитки почему-то приведены к единому стандарту: 40–45 % содержания чистого алкоголя. Таковы и коньяк, и виски, и бренди, и арманьяк, и текила. Их что, тоже Менделеев изобрел?

Но начнем с главного — а есть ли вообще в трудах Д. И. Менделеева хоть одно упоминание водки? А вот и нет! Да, Менделеев экспериментировал с растворами. Соединения спиртов с водой были ему интересны по двум причинам. Одна состоит в том, что даже небольшое изменение объемов или весовых соотношений спирта и воды дает, по существу, другой раствор с иными химическими качествами.

В своей работе «Рассуждение о соединении спирта с водою» Дмитрий Иванович искал не вкусовых ощущений и последствий «воздействия правильной водки на организм»... Ибо Менделеев был именно величайшим русским ученым-химиком, но не шеф-поваром, не барменом — специалистом по коктейлям, а тем более — специалистом по лечению похмельного синдрома.

Он изучал именно физические и химические свойства растворов,

притом пользовался готовыми данными англичанина Джона Гильпина (1792) и француза Жозефа Гей-Люссака (1824). Менделеев честно, как и подобает серьезному ученому, сослался на них обоих: *«Я ограничился немногими определениями по той причине, что данные Гильпина в этом пространстве должны иметь меньшую погрешность»*.

Никаких вкусовых различий этих растворов Менделеев не искал, да их, в общем-то, и не существует. Ученый приводит многочисленные графики и таблицы, наглядно демонстрирующие, что в интервале концентраций от 17,6 до 46 % (по весу) никаких особенных изменений свойств растворов не наблюдается.

Так была ли у исследования практическая цель? Самое интересное, что да. Менделеев действительно преследовал некие прикладные цели, но никак не улучшения вкуса водки.

Кстати, его предшественник Гильпин тоже был не голым кабинетным теоретиком, он искал лучшие способы установить налоги на винокуренное производство. Его живо волновало, как правительственный чиновник может определить, сколько в продаваемой жидкости алкоголя, и с какого количества спирта брать налог.

Что же интересовало Менделеева? Ларчик открывается просто.

Спирты и их растворы испокон веков использовались для просушивания порохов. Убежденный патриот Российской империи, Дмитрий Иванович радел о производстве пороха, а не водяры... И пришел к выводу, что 40 % — идеальный раствор для некоторых военно-технических технологий.

Нормативная крепость водки в 40 % была установлена правительством России, тоже исходя не из вкусовых ощущений.

Эти 40 % стали стандартом ОДНОГО ИЗ СОРТОВ водки. Вовсе не единого и не образцового. У водок, находившихся в продаже в России в конце XIX века, была РАЗНАЯ крепость. «Полугар» — крепостью 38 % по объему, пенное вино — 44,25 % и двойной спирт — 74,72 %.

Похлебкин считает, что Д. И. Менделеев решительно отвергал все эти искусственные наименования и настаивал на введении единого официального названия — «водка», как наиболее полно отражающее характер напитка и одновременно являющееся наиболее национальным русским названием.

А это утверждение — и вовсе из области ненаучной фантастики.

Во-первых, и «полугар», и «пенное», чуть позже знаменитая водка «СмирновЪ», которая на этикетке вообще называлась «Столовое вино № 21» — такие же обычные названия, как и водка. Перестарался Вильям

Васильевич в раже полемики с поляками.

А во-вторых, сам Менделеев водку не пил, предпочитая хорошее виноградное вино. Никаких надежд на продажу водки как на источник государственных доходов не возлагал. Вот его мнение: *«Неужели, в самом деле, положение наше таково, что в кабаке, казенном или частном, должно видеть спасение для экономического быта народа, т. е. России, и в водке, да в способах ее потребления искать исхода для улучшения современного состояния дел народных и государственных?»* Так писал Менделеев в 1883 году. Из 130 полученных им дипломов за различные изобретения — ни одного за водку. Вот за производство мягкого сыра диплом есть! Потому что, если Дмитрий Иванович и производил что-то в своем имении, — так это сыр.

Но, конечно, Менделеев-сыровар — это неинтересно.

Как и Менделеев-патриот. Тоже неинтересно. Да, он был активнейшим членом Союза русского народа... Но это же почти неприлично! Черносотенец, вы только подумайте! Почти антисемит! А еще интеллигентный человек! Талантливый человек действительно талантлив во всем, и Менделеев — не исключение, это была яркая и многогранная личность.

Природа отпустила ему столько дарований, что хватило бы на пятерых. Любил он, например, мастерить чемоданы. Раз знакомые застали его, когда Дмитрий Иванович нырял в некую чемоданную лавку с двумя готовыми чемоданами. Вышел сопровождаемый уважительно кланявшимся приказчиком... Его друзья подходят к приказчику: — Вы хоть знаете, кто этот господин?! — Как не знать-с!!! Очень большой человек. Известный чемоданных дел мастер, господин Менделеев!

Но и Менделеев, тратящий свободное время на чемоданы, — это что... Лучше бы водку хлестал.

Увы, Менделеев — консерватор и патриот России — не тема мифологии «Краткого курса истории ВКП(б)», да и для современных водочных пиарщиков — как-то неприбыльно... Подумаешь, сидит такой трезвый, скучный, в чистой рубашке, думает, пишет, ставит тысячи и тысячи опытов в лаборатории... Скукотища.

Опять же скучнейшие размышления, например над Периодической системой элементов! *«Я над ней, может быть, двадцать лет думал... А вы*

думаете: сидел и вдруг... готово». Не тот типаж. Так продажи водки не поднимешь.

Только такая вот мысль появляется: может, нетрезвая публика все же отцепится от Менделеева? Найдет другую кандидатуру в ученые самогонщики № 1? Только Дмитрия Ивановича Менделеева, наш великий русский ум и великий дух, гордость русской истории, величайшего ученого-систематизатора, сровни Ньютону в физике, Аристотелю, Линнею и Дарвину одновременно в биологии, оставьте, Бога ради, в покое.

Не трогайте его своими потными, проспиртованными, немьтыми лапками.

Приключения водки на Руси

В XV веке генуэзские купцы впервые привозят виноградный спирт (аква виту) в Россию и удивляются более чем нейтральному отношению москвитов к популярнейшему в Европе напитку.

Чужеземную диковину признали неприятно крепкой и возможной для употребления лишь как лекарство, причем желательно разбавленным водой.

По некоторым источникам, 1428 год — первое упоминание о презентации водки генуэзскими купцами в России. Ее тогда действительно запретили, и появилась она в массовой продаже более чем через сто лет, когда по распоряжению Ивана Грозного были открыты первые царевы кабаки. Важно отметить, что водка того времени была более слабым напитком, чем сейчас.

Настырные иностранцы не оставляют попыток и вновь привозят водку в Московию почти через полвека, ко двору Василия II. Но вновь русские оценили напиток лишь как бесполезное с медицинской точки зрения изобретение.

Очевидно, что вопросы дегустации экзотических напитков занимали страну в последнюю очередь. Полтора столетия с начала ввоза в Россию спирта и столетие со времени изобретения его перегонки из хлебного сырья упоминаний о пьянстве на Руси не было, хотя спирт из отечественного (ржаного) сырья впервые на Руси все же выгнали где-то в середине XV века по причине истощения лесного меда. До этого времени национальными напитками были медовуха и хмельной квас (пиво).

Кстати, знакомство с медами производило неизменно сильное впечатление на иностранцев, заставляя их строить заведомо нереализуемые проекты по производству медов на Западе. В сочинениях иностранных наблюдателей сохранились скрупулезно записанные рецепты изготовления медовухи.

«Русским за исключением нескольких дней в году запрещено пить мед и пиво», — говорил Герберштейн (1517–27 гг.). «В Московии же нигде нет кабаков», — утверждал Михалон Литвин (1550 г.).

Вы подумайте только — нет кабаков! Вот вам и европейские чемпионы

по пьянству. И выпивать дозволяется лишь несколько раз в год. Но при этом именно Герберштейн может считаться заложившим основы — основоположником! — постоянных заблуждений о России. Трезвые люди ему в глаза почему-то не бросались (впрочем, ясно почему — они работали), обе миссии Герберштейна в Московию оказались неудачными, он немного знал по-русски, а потому считал себя выдающимся экспертом. В общем, психологический фон, на котором взращивался этот миф, вполне очевиден. А с учетом того, что по своему дипломатическому статусу наш Сигизмунд проводил изрядное количество времени на приемах — пирах и, обладая несомненным литературным даром, писал о том, что хорошо знал, его яркие описания русского разгула врезались в память Европы.

«Подают разные напитки: мальвазию, греческое вино и разные меды». «Стараются о том, чтобы сделать послов пьяными». «Принесли водку, которую они всегда пьют в начале обеда». «На другой повозке — три сорта хорошего меда и два сорта пива» (это о снабжении посольства, взятого на довольствие русским правительством). *«Пьют же таким образом...»* Подобными фразами испещрена вся его «Московия».

В этом контексте как-то теряется то, о чем Герберштейн тоже честно говорит: *«Все дела они заканчивают до обеда; так что если идут переговоры о серьезном деле, то они не едят зачастую целый день, а расходятся только тогда, когда зрело все обсудят и решат, и расходятся только ночью»*. Не то что не пьют, а даже не едят! Без всяких кофе-брейков — пока дела не сделают. Но ангажированный европейский читатель выхватывал из популярной книжки — а «Московия» была бестселлером середины XVI столетия — не эти крупницы истины, а скандальные детали.

Тогда же, с XVI века, в России стало распространяться привозимое из Европы хлебное вино (как тогда называли водку). При царе Иване III (1440–1505 гг., правил с 1462 года) право изготавливать алкогольные напитки принадлежало казне, которая организовала новые питейные учреждения — корчмы. Содержание корчмы являлось способом вознаграждения царских вельмож, назначавшихся в города в качестве воевод «в кормление с корчмами». С этого и зародилось на Руси пьянство. Получается, спаивать народ начало собственное правительство.

*Иконописный портрет Ивана IV. XVI в.
Один из самых сложных персонажей российской истории.*

Позже Иван Грозный взамен древнерусской корчмы учредил для опричников на Балчуге особый питейный дом — кабак, где они могли и сами пить, и продавать водку населению. «Кабак» — слово татарское; в отличие от татарских постоялых дворов в кабаках продавались лишь крепкие алкогольные напитки. Кабаки также содержались «на вере», то есть управлялись казной или отдавались на откуп «как государевой казне прибыльнее». В основном кабаками могли в то время владеть бояре. Были известны кабаки Макарьевского монастыря в Нижнем Новгороде, где «скоморохи, медведи, пляски и всякие бесовские игры чинились».

Распространение кабаков вначале вызывало жалобы духовенства и народа, а иногда они даже уничтожались. Так, например, известно из летописей, что сын Грозного Царь Федор Иванович (Иоаннович) (1557–98 гг.), последний (с 1584 г.) из Рюриковичей, который вопреки мифам отнюдь не был ни больным, ни слабоумным, закрыл кабак в Нижнем Новгороде (заметим, кабак некоторое время был один (!) на большой город). Но постепенно к кабакам все-таки привыкли.

Распространение пьянства в народе вынуждало иногда правительство предпринимать меры, чтобы положить ему предел.

При Алексее Михайловиче (1629–76 гг., царь с 1645 г., отец Петра I) кабаки были переименованы в кружечные дворы, и было решено снова ограничить число питейных заведений по одному на город. С одновременным резким ограничением продажи водки населению — одна чарка (143,5 г) водки в руки. Особо не разгуляешься...

И в XVII веке на Руси пили много меньше, чем в Европе.

Лояльное пьянство Европы

Если правительство ограничивает пьянство непоследовательно, так ведь оно и спаивает народ непоследовательно. И уж конечно, никакой пропаганды пьянства, никаких потуг связать лояльность власти и привычку пить водку. А в Британии было именно так.

В 1649 году казнили короля Карла I. К власти пришли радикальные протестанты — пуритане. Их лидер, Оливер Кромвель, попытался обуздать пьянство, и английских пьяниц стали наказывать жестокой поркой.

Злые языки говорили, что именно гонения на алкоголь привели назад к власти роялистов — сторонников короля и свободной продажи спиртного. В 1660 году был коронован Карл II, объявивший длительные возлияния патриотическим долгом каждого англичанина. Пьешь вино? Ты англиканской веры! Ты «свой»! А если не пьешь? Наверное, ты скрытый пуританин! Ты «неправильной» веры и враг короля.

В городах появились лихие банды сторонников короля, которые силой затаскивали прохожих в пабы и заставляли их покупать выпивку. Правители справедливо считали, что чем больше народ пьет, тем меньше хлопот он доставляет властям. А те, кто объявлял себя трезвенником, подлежали аресту как тайные враги монархии и нераскаявшиеся пуритане. Их подвергали жестоким избиениям. В общем, стоило человеку сказать, что у него нет настроения выпить, как его прямо в пабе могли спокойно прикончить.

Современники вспоминали: *«В большом употреблении были следующие афиши на пабах: „Простое опьянение — пенс; мертвецкое — два пенса и солома даром“»*.

«В королевстве пьянство приняло размеры возмутительные — в пабах давка постоянно. Пьянство — это мода, и каждый ей честь оказывает, — непьющий не считается джентльменом». Так писал некий доктор Бартон, которому пьянство народа совершенно не нравилось.

В Лондоне появились целые улицы, где нельзя было встретить ни одного трезвого человека. На знаменитой гравюре Уильяма Хогарта воспроизведена одна из пьяных лондонских улиц того времени, где народ лежит вповалку.

На Руси никогда, ни в один период ее истории, выпивка не была признаком лояльности. На царском пиру не поднять заздравную чашу «во здравие царя и великого князя всея Руси» было бы, конечно, политически

некорректно. Но какой процент населения Руси принимал участие в таких пирах? И сколько раз в год они происходили? Самый недооцененный государь в русской истории Иван III, как явствует из источников, вообще, похоже, был поборником трезвости. Сохранился его наказ послам, отправлявшимся в Литву: *«А как будете у короля за столом, чтоб между вами все гладко было и пили бы вы бережно, не до пьяна, чтобы вашим небрежением нашему имени бесчестья не было»*.

Царь явно держал в голове те примеры безобразного поведения, которыми запомнились в Москве западные дипломаты. То литовский посол, напившись, стал докладывать о государственных делах... приставу. То венгерский посол расшибся с пьяных глаз *«и не мог быть на другой день выступить с королевскими речами»*. *«Послы, приезжавшие в Москву из других государств, как видно, не получали подобных наказов»*, — иронизирует по этому поводу С. М. Соловьев.

Три шестьдесят две, далее везде

В 1914 году, в начале Первой мировой войны, был введен запрет на производство спиртных напитков крепостью выше 16 градусов.

Заметьте — запрет! Совершенно оправданная нравственная мера.

Страна в едином (тогда еще) порыве вступает в страшный и кровавый период своей истории. Некоторый аскетизм в общественной жизни более чем уместен. Выпивали в окопах? Дай-то бог! Теряли человеческий облик по тылам? Ни в коем случае. Это впоследствии, благодаря социалистическому кинематографу, сложился образ циничных буржуево-мироедов, которые под скорбные вести с фронтов шли в ресторан, к девочкам, в «нумера». И давай там свинячить! В предчувствии, так сказать, скорого и неотвратимого конца.

Благодаря этому самому кинематографу много исторических искажений стали восприниматься как реальные события прошлого. Не зря товарищ Ленин считал кино важнейшим из искусств.

«И цирк», — привычно добавит доверчивый пользователь интернета.

Но Ленин ничего про цирк своему соратнику не говорил! Как и о «Пока народ безграмотен». Гуляющая по просторам Сети цитата «Пока народ безграмотен, из всех искусств для нас важнейшими являются кино и цирк», — чья-то в меру дурацкая шутка, породившая современный высокотехнологичный миф. Если не лень, можно заглянуть сюда: Ленин В. И. ПСС. Т. 44.

Приход к власти большевиков многое поставил с ног на голову. Но заметим, доставшийся от старой России «сухой закон» они не отменили. Этот «сухой закон» явочным порядком отменяли в деревнях — в годы войны в редкой деревне не гнали самогон. Гнали и в Гражданскую войну, и в нэп.

Пили в СССР, наверное, больше, чем в Российской империи.

Но, во-первых, это касается не только России. Во всех странах есть грустная тенденция — постоянный рост потребления алкоголя. В любой из стран мира в 1940 году выпили больше крепких напитков, чем в пресловутом 1913-м.

Во-вторых, в СССР шла колоссальная ломка привычного уклада, шел

грандиозный эксперимент создания нового общества.

Десятки миллионов людей кардинально меняли образ жизни, место жительства, профессии, социальное положение. Ломались стереотипы, трещал по всем швам привычный быт. Это не могло не сопровождаться грандиозными стрессами.

В-третьих, первая половина XX века для России и СССР — эпоха сплошных войн. Из Первой мировой Европа перешла к мирной жизни и краткой эпохе «просперити» — экономического процветания. Россия же — к Гражданской войне. И сразу после нее вынуждена была готовиться к войне все с той же Европой. Мирный быт пришел на нашу землю только после 1945 года, да и то омраченный «холодной войной» и вполне реальной перспективой новой бойни.

В общем, не будет преувеличением упомянуть, что война в России, начавшись в августе 1914 года, по сути, не прекращалась до начала 1970-х годов — начала разрядки.

А с каких же пор во время войн уменьшалось потребление спиртного? В-четвертых, абсолютные цифры свидетельствуют: в России все равно пили меньше, чем в других странах. Рост потребления спиртного был... Это вызывало напряжение в обществе, горячие обсуждения и споры. Но с чем могли сравнивать люди? На что опираться? На наблюдения, что раньше пили меньше, а потом стали пить больше. Значит, мы плохие, мы деградируем, ведем себя неправильно.

Здесь уже сформировавшийся черный миф бил нас по голове: мол, разве не знаете? Пьяницы мы. Такими вот уродились, нигде не пьют больше, чем в России.

А в-пятых, не было в советское время, как и в царское, ни политики спаивания граждан, ни даже безразличия к пьянству.

Часть бюджетов формировалась из «алкогольных» доходов, это факт. Но, как и во времена Алексея Михайловича, наливая «одной рукой», правительство «другой рукой» пыталось ввести этот процесс в какие-то рамки.

Между 1953 и 1985 годами советское общество оставалось довольно стабильным. За это время успело пройти несколько антиалкогольных кампаний, несколько раз взлетали цены на спиртное, изменялись правила его продажи.

Где «Кубанская» водка за 2 рубля 40 копеек пол-литра? Снята с производства в середине шестидесятых. В середине 1970-х годов исчез «напиток богов» за 3 рубля 12 копеек. Водка стала стоить 3 рубля 62 копейки, а все чаще — 4 рубля 12 копеек.

Тогда после очередного «брежневского» повышения цен на водку и появились гениальные народные стишки:

Было два, стало четыре,
Но передайте Ильичу,
Что нам и восемь по плечу.
А если станет больше,
То будет, как и в Польше.
Если будет двадцать пять,
Будем снова Зимний брать!

Здесь — тонкий намек на забастовки, организованные профсоюзом «Солидарность» под лидерством Леха Валенсы в Гданьске. Несмотря на то что забастовки докеров были подхвачены предприятиями по всей стране, тогдашнему польскому генсеку Войцеху Ярузельскому удалось, введя ограниченное военное положение, избежать повторения и венгерских 1956 г., и пражских 1968 г. событий.

За что поляки, безусловно, должны сегодня поставить генералу Ярузельскому памятник в центре Варшавы, а не таскать его по судам, оплевывая память о нем и его времени.

Эх, шляхта, где твой разум?! Это не «антипольский» национализм.

Я имею право так, по-родственному покритиковать поляков, как своих дальних предков по отцовской линии.

С 1982 года нельзя стало купить спиртное с 8 часов утра, винные отделы магазинов открывались теперь в 11 часов. Кстати, еще немного о гениальном чувстве самоиронии русского народа. Когда при Юрии Андропове «для усиления трудовой дисциплины» по всей стране спиртное стали продавать с 11.00 (чтобы не пили перед работой) народ тут же окрестил это время «часом волка». Дело не только в волчьем выражении глаз спившегося работяги, которого «от всего коллектива» отправляли к 11 часам занять очередь за бутылочкой «лесоповала». (Для не знающей советских реалий молодежи поясню: так емко называлось в народе омерзительное пойло «Портвейн 777». Не то что человек с ног от бутылки валится — деревья падали...) Дело в Центральном детском театре кукол на Садовом кольце в Москве, точнее в огромных кукольных часах на его

фасаде, откуда из специального окошка каждый час под музыкальный бой курантов выпрыгивал какой-нибудь сказочный персонаж.

В 11 часов утра это был серый волк. Видимо, еще тот, который закусил когда-то бабушкой Красной Шапочки?..

Ю. В. Андропов.

Начал «модернизацию социализма» с укрепления трудовой дисциплины и снижения цен на водку.

Полезно, кстати, сравнить экономическую доступность спиртного.

Минимальная официальная цена на бутылку водки с 01.01.2010 — 89 рублей 1/2 литра. (Дай Бог, закон заработает. Хотя и 89 рублей — смехотворная цена за медленное самоубийство народа).

До этого дня в магазинах в открытую продается так называемый «контрафакт» (т. е. водка с неуплаченным акцизом) по цене... 50–60 (!) рублей за бутылку. То есть средний москвич со средней зарплатой (25–30 тыс. руб. в 2009 г.) может купить 500–600 бутылок водки. В СССР в 1980 году он бы купил, исходя из зарплаты 200–250 рублей в месяц, лишь 50–60 бутылок.

То есть дешевая водка в СССР реально стоила в 10 (десять!!!) раз дороже, чем в 2009 году.

В СССР 4 рубля (1 бутылка водки) составляли 2 % средней месячной

зарплаты того же москвича. Сегодня одна бутылка — лишь 0,2–0,3 % среднего заработка! Продукт стал, увы, в 10 раз доступнее. Государственные акцизы, призванные регулировать ценообразование «социально опасных товаров», как алкоголь и табак, а также обеспечивать изъятие сверхдоходов частных водочных и табачных фабрик — по-прежнему смехотворны.

Стоимость пакета хорошего молока в магазине стремительно приближается к цене бутылки водки. Стоимость пакета хорошего сока — уже выше! Не хочется переходить на язык Зюганова, но иначе, как свидетельством «преступной политики власти по спаиванию собственного народа», назвать это нельзя никак.

Напомню про проект «народной доступной водки» (по 50 руб.), предлагавшийся некоторыми политиками. «Народная водка» — это уже крайняя степень шизофрении. Сигареты у нас давно народные — САМЫЕ ДЕШЕВЫЕ В МИРЕ. Обкурись не хочу. Даешь еще «народный героин» по 100 руб. за ампулу в аптеке — и все, закрывай такую страну — Россию...

Было, разумеется, всякое. Были «волшебные» квартирники, где можно было купить водку с не очень большой переплатой в любое время суток. Были таксисты, торговавшие водкой везде и всегда.

Был горластый слой «диссидентов», который пьянствовал демонстративно, широко, в знак протеста. В этой компании и Владимир Высоцкий, и уж конечно Веничка Ерофеев с его легендарной, ходившей в списках «поэмой» «Москва-Петушки».

Вопрос «С кем вы, мастера культуры?» вполне приложим к алкогольным привычкам советской творческой интеллигенции. С алкоголем ведь так: пьющему человеку кажется, что его окружают такие же алкоголики, как он сам. Ну, своего рода защитная реакция психики. Ни для кого не было секретом, что самой проспиртованной средой в советское время была именно творческая — актеры, писатели, художники. Ну и журналисты, конечно. Обладатели тонких ранимых натур шли на компромисс с властью, требовавшей полной лояльности, а взамен получали возможность не просыхать. На это-то власть смотрела сквозь пальцы.

А так как представители творческой интеллигенции общались в основном с другими ее представителями, внутри своего узкого элитарного кружка «в ресторанчике ВТО», то и убеждались: ВСЯ страна пьет. *«Если народ спивается, писатель не имеет права уклоняться от его судьбы»* —

эту фразу приписывают тогда еще сильно пившему Василию Белову. Что же говорить о настроениях фигур и фигурок поменьше да помельче?

Мы за этот день обросли паршой,
Нам обрыдло все, но зато
Мы, мой друг большой,
Отдохнем душой
В ресторанчике ВТО.

В результате в отражении советской действительности, которое обеспечивала творческая интеллигенция, тема выпивки всегда доминировала.

Она присутствовала во всех книгах и фильмах с навязчивостью абстинентного синдрома. Партийная цензура в лице редакторов и худсоветов ничего тут не могла поделывать, а может, и не особенно хотела. Шел выпуск пара, да и водочные деньги были для не самой эффективной советской экономики ох как не лишними.

Но что было типичнее для советского времени? Кучка ученых маргиналов из столицы? Бродяги, тусующиеся на вокзалах? «Пролетарии», соображающие на троих? Скажу совсем кощунственное: несколько киноперсонажей, которые забухали в бане в канун Нового года так, что посадили спяну не того приятеля на самолет? Или все же миллионы, десятки миллионов людей, которые пили в целом весьма умеренно, а вот работали достаточно неплохо? Настолько «неплохо», что в Сибири и Казахстане вставали посреди степей и тайги целые города, первым полетел в космос советский человек, а уровень квалификации и образования народа рос буквально на глазах? Но старшее поколение помнит: еще в 1980-е годы мало кто не верил, что пьют в СССР страшно много. Гораздо больше, чем в любой другой стране мира. Массовое убеждение, что надо «что-то делать» со всенародным пьянством, с годами только росло. Откуда же у нас это убеждение? Во-первых, все от той же невозможности сравнить. В СССР мы видели себя, но не видели других. А жаль! Можно было легко убедиться: мы далеко не самые проблемные.

Во-вторых, главное: сами по себе стоны и плач о масштабах бедствия вовсе не аргумент. Это лишь показатель того, как общество воспринимает проблему. Мы и ужасались масштабами пьянства потому, что **не привыкли ни к чему подобному**. Поскольку с каждым годом пили пусть ненамного, но больше, это доказывало, как низко мы пали.

Множество людей теряло истинное представление о происходящем. Им искренне начинало казаться, что страна действительно спилась и что «такого нет больше нигде». А ведь миф о русском пьянстве этому самому пьянству и способствует. Раз считается, что все русские пьют — нами самими считается, — то, значит, каждому лично в этом общерусском процессе не участвовать как-то неудобно.

«Ты что, с нами не выпьешь, нерусский, что ль?» Особенно это влияет на только входящих в жизнь молодых людей. У них нет жизненного опыта, нет внутренних тормозов.

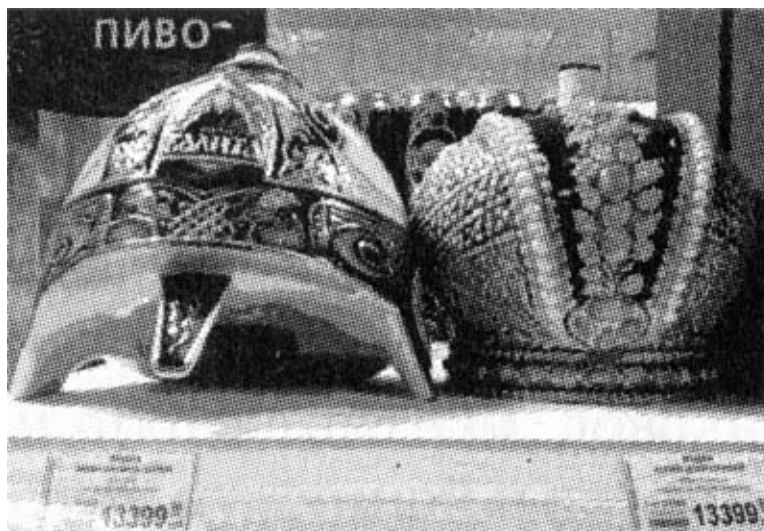
А миф учит: так принято в нашем народе. Всегда. Испокон веков. От князя Владимира еще! Миф программирует социальное поведение.

В 1992 году Б. Н. Ельцин отменил государственную монополию на водку. В результате либерализации алкогольной отрасли относительная цена водки упала в несколько раз.

О каких госограничениях может идти речь, когда свободный рынок на дворе? Потекли алкогольные реки, быстро набирая глубину и мощь.

Полная (водкой) нелепость

Если приглядеться к ценникам в «Седьмом континенте», то выяснится, что эти два странных предмета на самом деле — бутылки. Две бутылки водки. Одна называется «Иван Калита шлем», а другая — «Юрий Долгорукий».

Здесь «прекрасно» все. Во-первых, цена. 13 399 рублей за штуку — это как раз \$500 на тот момент, когда я делал это фото. Только очень богатый и одновременно очень пьяный человек способен на такую покупку. Или же очень глупый и подобострастный — на таких, видимо, и расчет. И получает начальство подарки — царские регалии с сорокаградусным содержанием... Идиотизм номер два: водки ни при одном, ни при другом государе на Руси не было ни в каком виде. Выбор боевого шлема для Ивана — тоже странная идея, потому что сей великий князь, расширяя границы Московского государства, всегда предпочитал действовать не мечом, а, в соответствии со своим прозвищем, кошельком. Назвать же корону Российской империи именем легендарного основателя Москвы, жившего в XII веке, — вообще полная нелепость. Она, эта корона, появилась через 600 лет после него... В общем, не с трезвых глаз родилась эта маркетинговая идея.

Но ведь если продают — значит, находятся умники — покупают.

Буылка «посольской»

Сообщил мне об этом удивительном коллаже читатель «Мифов о России» из одной прибалтийской республики, бывшего члена СССР, а ныне — ЕС.

Мол, обидно: на сайте посольства РФ из баннеров выложена бутылка водки. Игорь (так зовут читателя) обратился по e-mail в посольство с просьбой коллаж убрать, но ответа не получил. Расстроился, конечно... «Написать Вам меня заставило чувство полнейшей безысходности», — так Игорь начал свое письмо, присланное в Госдуму. Оказалось, сайт посольства обслуживала местная прибалтийская интернет-фирма, которая и «оттопырилась» таким гаденьким способом. Она же и получала возмущенные электронные письма читателя и видимо, похихикивала... Но наш посол быстро ответил мне на письмо, отправленное по думской почте, коллаж тут же был разобран, потом сайт посольства сменил дизайн, а заодно — и интернет-адрес. Теперь бутылку «посольской» — хотя знатоки угадывают в ней «Московскую особую» — можно увидеть только в этой книге.

ПРО ПЫТКИ И КАЗНИ

Лобное место и виселица

Из дюжины изуверов, оказывается: один дурак, один помешанный и десять лицемеров.

Кретьен Мальзерб, жертва Великой французской революции, королевский министр

На площадях ВСЕХ европейских городов непременно красовалась виселица. И не всегда пустовала.

Пытки были совершенно обычным, нормальным способом вести следствие еще в Ренессансных XV–XVI веках. Пыточные инструменты заказывали самым обычным ремесленникам, и они добросовестно выполняли заказ, продавая членам муниципалитета готовые изделия.

Бытовые нравы... По законам практически всех стран Европы жена и дети рассматривались как СОБСТВЕННОСТЬ главы семьи. Не случайно же в английском языке само слово *women* (женщина) есть прямое производное от *men* (мужчина). А слово «*men*» означает одновременно и «мужчина», и «человек».

Само обращение к замужней женщине предполагает прямо в языке некую принадлежность мужу. Вовсе не «*миссис такая-то*», как переводим мы, согласно нормам русского языка.

А «*миссис такого-то*».

Кстати, католицизм, точно так же как и протестантизм, довольно специфически трактовал отношения между мужчиной и женщиной. Это дело рассматривалось как исключительно греховное, но поскольку иного способа деторождения на тот момент изобретено еще не было, то — так уж и быть — европейские церкви готовы были терпеть то, что для продолжения рода время от времени люди все-таки должны впадать в грех.

Однако предусматривалась масса ограничений, которые не только с точки зрения японца, китайца, не говоря уж об индийце — про Камасутру и храмы любви в Индии здесь говорить не будем, — но даже с точки зрения мусульманина и православного того времени выглядели, конечно, перебором. Например, по церковным нормам зачинать детей и вообще заниматься любовью супруги могли только ночью. Днем это двойной грех, и если зачать ребенка днем, то непременно родится какая-то монстра.

Очень сурово регламентировались дни, когда нельзя предаваться

плотским утехам. Естественно, речь шла о всем периоде беременности, а в этом состоянии молодая женщина того времени находилась большую часть времени. Все посты. Также после родов обязательно требовалось покаяние: родив ребенка, женщина в течение нескольких недель — до трех месяцев — должна была ежедневно молиться, дополнительно поститься и каяться в совершенном грехе.

В результате, по подсчетам некоторых медиевистов, общий срок воздержания француженки или немки в Средневековье составлял около 300 дней в году.

Правда, в такой строгости в области сексуальных отношений имелись и свои плюсы. В отличие от свободных нравов Древней Греции и Рима и неоднозначном, скажем так, отношении к гомосексуальной практике на Востоке, Европа причисляла гомосексуализм к страшным грехам. Предполагалось, что это удел еретика, сарацина, еврея и еще почему-то прокаженного. Только они могли пасть до отношений между мужчинами. Ну а если вы не входите в одну из этих четырех категорий, а вас заметили в гомосексуальных отношениях, то значит, в одну из них вы в ближайшее время войдете. Как шутили в СССР, «сегодня носит „Адидас“, а завтра Родину продаст». Все это, впрочем, никак не мешало развратным практикам в самом сердце католицизма, в Риме.

Истории про семейство Борджиа и забавы некоторых пап, я думаю, все читали.

Избиения жен и детей были делом совершенно обычным.

В XVI–XVII веках священники стали подымать свой голос против бытовой жестокости, но их мало слушали. Представителей феодального сословия пытались ввести в какие-то рамки... Но и эти рамки были таковы, что отдавали какой-то прямо космической жутью. Многие ли знают, что во время рыцарского турнира победитель имел право убить (!) побежденного? Даже того, кто признал свое поражение и сдался? Даже истекающего кровью, лежащего без сознания раненого? Таких милых романтических деталей вы не найдете ни в одном слащавом голливудском и даже европейском кинофильме про всяких там благородных Айвенго и Роландов.

Сей акт убийства так и назывался — «удар милосердия». Было даже оружие, специально предназначенное для того, чтобы добить беспомощного человека. Оно называется стилет. Стиллет — это длинный трехгранный или многогранный стержень на рукояти. У него нет лезвия, он не годится как замена кинжала, даже как ножа. Стиллетом можно только заколоть.

В Европе считалось «правильным» и «благородным» вогнать раненому

стилет или между пластинами панциря на груди, в сердце, или в глазницу, чтобы пробив глаз, стилет прошел бы прямо в мозг.

Про это просто не говорят. И не знают. Зато сейчас спросите любого европейца, как он представляет рыцарские поединки. Вам обязательно скажут, что это был такой благородный «средневековый вид спорта», и еще добавят что-то про «маленький белый платочек» и победы во имя прекрасных дам.

На фоне этого бытового, повседневного зверства уже не удивляют ни крестовые походы, ни инквизиция, ни обыденная жестокость войн.

И костры с еретиками, и методы обращения язычников в христианство — все считалось целесообразным и правильным.

«Александр Невский» — любимый фильм моего сына, но там есть кадры, которые я всегда ставлю на промотку, — это сцена ритуального сожжения крестоносцами грудных младенцев в Пскове. Большинство летописцев подтверждает, что это было. Я тоже полагаю, что дыма без огня нет.

Это вполне в духе крестоносцев того времени, ничего из ряда вон выходящего. Например, спустя сотни лет потомки тех крестоносцев, цивилизованные американцы, платили за скальп с головы воевавшего против них индейца, такую же точно цену, как и... за хвост убитого волка. Дело в том, что волки причиняли большой вред животноводству бледнолицых колонизаторов Америки, волков организовано уничтожали, при этом голова индейца и хвост волка оценивались в одну сумму — несколько десятков центов. Что же мешало прапрадедам сих носителей англосаксонской культуры бросить каких-то младенцев-язычников в костер? В их представлении, что жители Господина Великого Пскова, что краснорожие дьяволы — все одно, это не люди.

Кстати, насчет язычников и еретиков — в России обращение с теми и другими было не в пример мягче, чем в Европе, по крайней мере народу жгли на порядки меньше (хотя, в отличие от Европы, дров было поболее — энергетическая сверхдержава как-никак).

Россия, в отличие от Европы, не знала религиозных войн. По сравнению с тем, что творилось в Германии, Нидерландах, Франции в XVI–XVII столетиях, все раздоры между никонианами и староверами, а также гонения на стригольников, нестяжателей и прочих сектантов

представляются просто какими-то разборками малышей в песочнице.

В 1618–48 годах католики и протестанты резали друг друга в совершенно чудовищных масштабах даже по меркам мировых войн XX века. В Германии за время Тридцатилетней войны было уничтожено около сорока (!) процентов населения, дело дошло до того, что в Ганновере власти официально разрешили торговлю мясом людей, умерших от голода, а в некоторых областях (христианской!) Германии было разрешено многоженство для восполнения людских потерь.

В России не было ничего подобного, и слава Богу.

И специального оружия, чтобы добивать поверженного противника, тоже не было.

И виселица не была непременным «украшением» средневекового русского города.

*Казнь Пугачева. Гравюра. Фрагмент. XVIII в.
Народ безмолвствовал.*

Но вот что интересно! Ни один русский ученый не написал пока книги «Мадонна и виселица», за что бы его сделали директором Российской государственной библиотеки и членом Академии наук.

А Биллингтон подобную книгу написал и главой Библиотеки Конгресса США стал.

Казни как норма жизни

Прекрасное изобретение, только бы им не злоупотребляли.

*Сансон. Потомственный парижский палач
после первого испытания гильотины*

Мы до сих пор не очень представляем себе, собственно, за что именно была казнена Жанна Д'Арк. А ведь ее казнили не за участие в вооруженном сопротивлении английским войскам и не за какие-то военные преступления. Судил ее суд инквизиции, и обвинили ее в том же, в чем обвиняли и по накатанной казнили тогда тысячи красивых женщин в Европе — ее обвинили в колдовстве и связи с дьяволом.

Это были для той эпохи совершенно обычные, стандартные злодеяния. Что-то типа как сейчас неуплата налогов.

Ее пытали. Жанна держалась под пытками мужественно и ни в чем не призналась. Тогда, не добившись признания, обвинение смягчили. В нем оставили два пункта, и звучало оно так. Первое: самовольное сношение с небесными силами — что это такое, понять трудно даже профессиональному богослову. Видимо, так был истолкован факт, что Жанне являлись видения, и кто-то от имени господина давал ей понять, что она должна спасти Францию.

И второе обвинение: ношение мужского костюма.

Первая часть, даже по тем временам, — вещь сложно наказуемая, а вот переодевание было строго запрещено постановлениями всех всевозможных святых соборов, и церковь относилась к этому очень сурово. Приговор был вынесен в полном соответствии с церковной судебной традицией того времени. Как мы все знаем, Жанна Д'Арк была сожжена на костре.

А за что, еще раз повторю. Самовольное сношение с небесными силами — это маленькое обвинение, а вот второе, серьезное, — это ношение мужского костюма. Т. е. за то, что, сидя на лошади во время сражений, она надевала под рыцарские латы — мужские штаны.

Не можем мы обойти молчанием и инквизитора Томаса Торквемаду. Он жил в 1420–98 годах — чуть старше Ивана Грозного.

Конечно, Торквемада, человек, исполненный истинно христианского человеколюбия, является, наверное, исключением из правил. Но тем не

менее инквизиторов было много, а он был просто лучшим из лучших.

Считается, что по приговорам Торквемады на кострах было сожжено 10 220 человек — значительно больше, чем погублено Иваном Грозным, у которого ресурса административного, надо сказать, было побольше. Равно как и поводов для жестокости.

Все-таки две жены, как он был убежден, отравлены заговорщиками.

Помимо костров инквизиции Торквемада демонстрировал и более рациональный подход к использованию человеческого материала. Сжигание — сие есть вещь бессмысленная с точки зрения экономики, поэтому еще около ста тысяч человек были приговорены испанской инквизицией под руководством Торквемады к ссылке на галеры. По сути своей это тот же самый смертный приговор. В течение первого года пребывания на галерах обычно погибала половина каторжников, а больше трех лет не выживал никто. Так что это не ссылка в Шушенское. Это просто растянутый и мучительный смертный приговор.

За что казнили?

Смертная казнь предусматривалась 14 статьями Саксонской правды VI–IX веков. По городскому Магдебургскому праву в Германии XIV–XVI веков смертью каралось от 20 до 40 преступлений.

В Англии XV века казнили за 80 преступлений. Во Франции XVII–XVIII веков — по 134 статьям.

Каралось смертью оскорбление коронованных особ, богохульство, кража коровы, совращение монашки и тайное проникновение ночью в королевский дворец.

В Британии того же времени наказывалось смертью уже свыше 200 видов преступлений. Казнить могли за то, что человека застигли вооруженным или переодетым (?) в чужом лесу, за злонамеренную порубку или уничтожение деревьев, злонамеренное уничтожение скота, за двоебрачие, за карманную кражу на сумму свыше 1 (!) шиллинга (если кража совершена в публичном месте). Список преступлений постоянно, от года к году, расширялся и дополнялся.

В 1819 году смертью каралось уже 225 преступлений. Инфляция заставила поднять сумму украденного, за которую полагалась смерть, с 1 шиллинга до 5 (кража из лавки) и 40 шиллингов (кража из дома). Впрочем, смертную казнь теперь суд мог гуманно заменить ссылкой в колонии либо тюремным заключением.

Рациональное решение. Растущей Британской империи нужны были не показательные трупы, а бесплатная рабская сила в колониях.

На фоне этого кошмара Кодекс Наполеона во Франции был просто песней торжествующего гуманизма: он предусматривал санкцию в виде смертной казни «всего» в 30 случаях.

Собственно, с Кодекса Наполеона и началось постепенное смягчение законодательства в странах Европы. *Vive le Bonaparte!* Но еще в начале XX века в Испании смертью каралось до 70 преступлений, включая угон скота и празднование языческих праздников.

Сравним с Русью? Сразу скажу: такое сравнение камня на камне не оставляет от тезиса о «кровавости» русской истории. Потому что история Руси показывает несравненно большую мягкость законодательства. Большинство ученых-правоведов считают: в Древней Руси вообще не было смертной казни. Что она впервые в русское законодательство была введена Двинской уставной грамотой 1397 г. в Пскове.

Другие полагают, что смертная казнь в Древней Руси все же существовала: «Повесть временных лет» сообщает, что князь Владимир по совету епископов и старцев в 996 г. смертную казнь вводит. Это место в летописи вызвало многочисленные споры среди ученых. Но, если и была смертная казнь, то как нечто исключительное, необычайное. Что-то такое, на что требуется вмешательство самого князя.

Уголовное право Новгорода и Пскова уже знакомо со смертной казнью, но вовсе не так уж свирепо. За большую часть проступков можно было откупиться, заплатив денежный штраф (продажу).

Смертная казнь полагалась лишь за несколько самых тяжких преступлений: за «перевет», то есть государственную измену, кражу из Кремля, за поджог (для деревянной Руси — одно из самых опасных и тяжких злодеяний) и за кражу, совершенную в третий раз.

Согласно московскому Судебнику 1497 года, смертная казнь предусматривалась 60 статьями — почти как в Европе. Но законодательство Московии испытало на себе явное влияние Орды.

Не Запада, так Востока, и не самой цивилизованной его части.

Между двумя Иванами — III и IV — на Руси побывал габсбургский дипломат Сигизмунд Герберштейн, которому суждено было заложить основы многих мифов о России. Именно он в своей небесталанной книге «Московия» ввел в западноевропейское мировоззрение представление о русском народе как о «грубом, бесчувственном и жестоком».

Цитирую: *«Трудно понять, то ли народ по своей грубости нуждается в государе-тиране, то ли от тирании государя сам народ становится таким грубым, бесчувственным и жестоким».*

Герберштейн — о государе: *«Свою власть он применяет к духовным так же, как к мирянам, распорядясь беспрепятственно по своей воле жизнью и имуществом каждого из советников, которые есть у него».*

Правда, в другом месте он замечает: *«Карать смертной казнью рабов или других лиц может только один государь или тот кому он это поручит».*

Наконец, в третьем месте мы читаем: *«Из подданных никто не смеет пытать кого-либо».* Выходит, царское тиранство — это просто тяжкий крест, который несет верховная власть? Выходит, что так. И при этом пытки запрещены? Как-то совсем не в духе Средневековья, получается, жила Московия.

На «загнивающем Западе» резал и жег каждый мало-мальски заметный начальник. Начиная примерно с вахтера.

При Петре, и тут уж явно при сильном западном влиянии, число

«смертных» статей возросло до 123. В их числе: сопротивление начальству, раздирание и вычернение указов, препятствование исполнению казни, неправосудие, лихоимство, лжеприсяга, расхищение, подлог, поединок, изнасилование, мужеложство (хм! — вот так вот!), блуд, похищение денег из кошелька, богохульство, идолопоклонство, чародейство, чернокнижие, святотатство. Смертью каралась также порубка дубового леса — государству нужна была дубовая древесина для строительства флота.

До деяний Франции и особенно Британии нам далеко, но, видимо, влияние Запада для нас еще вреднее восточного. Зато когда Русь вообще ни у кого и ничего не заимствует — совсем славно. Потому что сразу после Петра волна пошла на спад и начались разного рода попытки законодательной отмены/ограничения смертной казни.

При Анне Иоанновне казнили, причем самым страшным образом — почти как в Европе, точнее в Курляндии, где провела многие годы будущая царица.

И. Вишняков «Портрет императрицы Елизаветы Петровны». Все 20 лет ее правления Россия не знала смертной казни.

Но при Елизавете Петровне, с 1741 по 1761 год, в Российской империи смертной казни не было вообще.

Считается, что такой зарок дала Елизавета Петровна в молитве, когда гвардейцы уговорили ее взять трон.

Сдержала царица слово. Кутила, веселилась, платьев имела не счесть — по одному на день, но жестокости не было — и за 20 лет не подписала ни одного (!) смертного приговора.

При Екатерине II, Павле I, Александре I опять стали казнить... Но русским это решительно не нравилось! Голоса в пользу отмены смертной казни раздавались в 1824 году, впрочем, они не смолкали весь XIX век. А в гуманной Европе что-то не было слышно протестов против смертной казни в это время.

И вот статистика: только на территории Лондона и относящегося к нему графства Миддлсекс в 1810–26 годах было казнено 2755 человек. Одной из достопримечательностей Британской столицы были виселицы. Главная из виселиц Британии имела на разновысоких балках 21 петлю и работала без остановок 500 лет подряд, вплоть до начала XX (!) века.

В это же самое время, и даже за больший срок — 25 лет, в годы правления Александра I, с 1801 по 1825 год было казнено во всей России 24 (двадцать четыре!) человека.

Вы представьте! Один человек в год.

Во всей империи. Различие в два порядка даже по абсолютным цифрам. Посчитаем жестокость властей, если можно, в пересчете на душу населения: в Российской империи жило тогда порядка 55 миллионов человек. Получается — за 25 лет казнен 1 россиянин из 2 миллионов. В Миддлсексе и во всем Большом Лондоне жило порядка 8 миллионов людей. Казнен был 1 из 3 тысяч. Разница в 1000 (одну тысячу) раз. Во столько раз безопаснее было жить в варварской России, чем в цивилизованной, культурной Британии.

Как казнили? Обычное европейское зверство

«Азиатская жестокость» — привычный оборот речи. Но даже турецкие и персидские палачи — дети малые в сравнении с европейскими. Судите сами: законы Франции, Британии, многих княжеств Европы знали до 20 способов умерщвления и до 40 разных пыток, членовредительств и истязаний.

Чего только не предусматривало следствие и суд для установления истины и наказания преступника! Казни... Сожжение живьем, в том числе с использованием сырых дров, чтобы огонь помедленнее разгорался. Качели — когда человека раскачивали на виселице, и он то влетал в костер, то его выносило прочь. Так постепенно и поджаривался. Сожжение рук или ног. Сожжение постепенное. Частичное сожжение — когда к человеку привязывали снопы соломы, поджигали и пускали бежать в чистое поле.

Повешение за шею на широком ремне, чтобы агония продолжалась подольше. Повешение на крюке под ребро. Повешение вверх ногами. Подвешивание за волосы. Повешение за половой член.

Отсечение рук и ног. Вырывание сердца. Разрубание на части, причем постепенное. Разрывание лошадьми.

Нанизывание на колья. Посаждение на кол. Прибивание гвоздями к деревянной статуе или к дереву.

Замуровывание в стену. Захоронение живым.

В Голландии, во Франции и в Италии некоторых преступников варили, иногда в кипятке, иногда в масле. И опускали в кипяток не сразу, а медленно спускали на веревке, делая большие остановки.

Наказания... Отрубание руки или обеих рук. Кастрация. Ослепление. Порка самыми различными предметами, включая специальные доски, кнуты и плети разных размеров и длины, пытки самыми разнообразными инструментами, всевозможные членовредительства.

В 1584 году был убит Вильгельм Оранский. Его убийца, Балтазар Жерар, был казнен так: *«Постановлено было, что правую его руку сожгут каленым железом, что плоть его будет в шести различных местах отодрана от костей щипцами, что его заживо четвертуют и выпотрошат что сердце вырвут из груди и бросят ему в лицо и что его, наконец, обезглавят».*

Мастера Иоганнуса из Аугсбурга, создателя одного из соборов Кракова, ослепили за то, что он вовремя не отдал долг. По обычному

гражданскому суду — приговорили именно к такому наказанию и выжгли мастеру глаза.

Один из самых популярных французских монархов, ровесник нашего Александра Невского — Людовик Святой. Собиратель французских земель и истовый католик. Глубоко верующий человек, лично принимавший участие в крестовых походах. Неплохой администратор, сыгравший такую же роль во Франции, как у нас Иван Калита. О нем много писал Вальтер Скотт в своих исторических романах.

Скромность довела Людовика до того, что, отправившись в очередной крестовый поход, он сам носил грубую одежду, запрещал на своих кораблях разного рода увеселения. Даже пытался запретить распитие спиртных напитков, но, естественно, не получилось — уж это было святое для европейских крестоносцев. А удалось ему запретить ношение дорогой одежды — никаких мехов, никаких золотых украшений, никаких драгоценностей. Людовик даже выбросил в море шахматы, которые взял его брат, дабы коротать время в длительном морском путешествии.

Вот такой был святой человек! Однако вот что любопытно. Одним из тяжких преступлений того времени было богохульство. То, что могло трактоваться как неуважение к церкви либо к религии. Как этот святой — и, как мы могли бы предположить, милосердный — человек карал богохульство? По личному распоряжению Людовика одному из парижан, обвиненных в богохульстве, была надета на лицо — причем с таким расчетом, чтобы он уже никогда после этого не мог произнести ни слова — раскаленная железная маска.

Полностью обезобразившая богохульника, сжегшая ему губы, нос и так далее... Форму этой маски Святой король разработал лично сам.

И повелел таким образом карать богохульников и впредь — дабы буквально «держали рот на замке».

В Париже XVII века карманным воришкам палач ломал во многих местах кости ног железной палкой, — во многих местах, чтобы никогда больше не могли ходить.

Отрубание руки за воровство — это вообще «классика», об этом и говорить-то банально. Конечно, постепенно нравы смягчались. Многие наказания оставались в законе, но практически не применялись. И сегодня в Британии всякий гражданин мужского пола старше 24 и моложе 60 лет может быть приговорен к порке плетьюми — до 50 ударов. Уточнение про пол — позднего происхождения, поправка сделана в 1906 году. Но последний раз применяли закон в 1937 году.

Для сравнения: в Российской империи до реформ Александра II

существовали тяжкие телесные наказания: кнут, отмененный только в 1864 году, и проход через строй. Эти наказания во многих случаях влекли за собой увечья. Общество считало эти наказания варварством, и они были отменены. Видимо, мы недостаточно цивилизованны.

Еще Герберштейн с нескрываемым удивлением писал о странном однообразии, с которым русские лишают заслуживших этого преступников жизни. *«Если призванный к допросу окажется достойным казни, его вешают. Другие казни применяются к преступникам редко, разве что они совершили что-нибудь слишком ужасное».* При этом посол сквозь зубы отмечал: *«Воровство редко карается смертью. Даже за убийство казнят редко, если только оно не совершено с целью разбоя... Даже скотоложцы и те не подвергаются смертной казни».* Напомню, дело было на излете Средних веков.

С 1895 года в Британии перестали по суду клеймить железом беглого каторжника, можно было лишь пороть и оставлять связанным на несколько суток, сажать в залитый водой карцер, морить голодом. Впрочем, в армии до сих пор солдат формально имеют право связывать, пороть и держать без света в карцере.

Это в Британии! В законодательстве Австро-Венгрии порка плетью существовала вплоть до 1918 года.

В России всей этой экзотики было на порядки меньше.

В 1826 году декабристы, всего 20 человек, осужденные по первому разряду, были приговорены к отсечению головы, а пятеро, объявленные вне разрядов, — к четвертованию. В итоге приговоренных по первому разряду отправили на каторгу, а пятерых «вне разрядов» повесили. Даже это ужаснуло отвыкшее от казней общество.

После этого приговоры к отсечению головы и четвертованию более неизвестны.

С того времени и до революции применялись только два вида казни — расстрел и повешение. Так казнили революционеров при Александрах II и III. Но даже за самые тяжкие убийства неполитического характера тогда полагалась только каторга.

Как относились к казням?

Но особенно различаются народы по отношению к казням в России и на Западе. В Средние века присутствие на публичной казни было своего рода досугом для взрослого человека. В Европе казнь была развлечением, зрелищем. На казни сходились и съезжались как на театральное представление, везли с собой жен и детей. Считалось хорошим тоном знать по именам палачей и с видом знатоков рассуждать, что и как они делают.

Невозможно назвать какого-то ласкового, уменьшительно-домашнего названия для виселицы или палаческого топора в России.

Ни ласковое «Виселица Машенька», ни ироничное «Тощая Фекла» у нас попросту невозможны.

А во всех странах Европы виселицы и палаческие инструменты именно так и назывались. То «Маленькая Мэри» — полный английский аналог «Машеньки» (в Лондоне), то «Тощая Гертруда» (в Кенигсберге), то «Скорый Альберт» — палаческий топор главного палача в Аугсбурге.

В просвещенной и цивилизованной Англии с разделением властей и самым первым парламентом в мире могли повесить восьмилетнего мальчика, обвиненного в поджоге двух амбаров. А толпа смеялась и пела, глядя, как его вешают.

Детей с младенчества приучали спокойно смотреть на зверства. Сформировались даже некоторые британские приметы: если младенец дотронулся ручкой до повешенного — это на счастье, щепки от виселицы использовали как средство от зубной боли. То ли сосали ее, то ли использовали как зубочистку.

В Германии существовало поверье, что веревка повешенного приносит в дом счастье, а во Фландрии — что рука повешенного может помочь стать невидимкой.

В Британии в 1788 году был случай, когда толпа рванулась к только что повешенному и буквально разорвала этот еще теплый труп на «сувениры». Особенно повезло местному кабатчику — он завладел головой и долго показывал ее у себя в кабаке, привлекая публику, пока эта голова совсем не протухла.

Публичные казни на Гревской площади в Париже вызывали всплеск эмоций — толпа ревела, веселилась, пела, ликовала.

«Кто жила в Париже подолгу, как я, тот знает, что это было за отвращение: публичные казни, происходившие около тюрьмы

„LaCoquette“. Гаже, гнуснее этого нельзя было ничего и вообразить! Тысячи народа, от светских виверов и первоклассных кокоток до отребья — сутенеров, уличных потаскушек, воров и беглых каторжников проводили всю ночь в окрестных кабачках, пьянствовали, пели похабные песни и с рассветом устремлялись к кордону солдат, окружавшему площадку, где виселись „деревья правосудия“ как официально называют этот омерзительный аппарат. Издали нельзя было хорошенько видеть, но вся эта масса чувствовала себя в восхищении только оттого, что она „была на казни“, так лихо и весело провела ночь в ожидании такого пленительного зрелища. В XIX веке общественная нравственность, не доросшая до повсеместной отмены смертной казни, все же доросла до отмены публичных ритуалов ее исполнения (правда, не во всех странах)», — так писал Петр Боборыкин, русский писатель, придумавший и опубликовавший в 1864 году слово «интеллигенция». И фанатичный «западник», к слову сказать.

Однако и в его времена, и даже во времена его отцов и дедов в деспотической и варварской России казнили лишь государственных преступников. Обычные убийцы и разбойники отправлялись на каторгу. Конечно, Нерчинск и Сахалин — не Лазурный берег, но все же лучше виселицы. А главное, не было казней для развлечения толпы, ни эдакого гурманского к ним отношения.

В России поведение людей, стоящих на площади и наблюдающих казнь, отличалось от поведения парижской толпы, радостным ревом сопровождающей действия палача, крики жертв, хруст костей и прочие «увлекательные» стороны зрелища.

Сохранились свидетельства голландцев, которые видели казнь Степана Разина в 1671 году. Пока палачи рубили конечности преступнику, народ молчал, только всхлипывали и крестились женщины. И сразу, не дожидаясь смерти атамана, народ стал молча расходиться.

Так же поступали россияне, пришедшие на казнь Емельяна Пугачева в 1775 году. Вот что писал в своих записках русский ученый XVIII века Андрей Болотов о казни Пугачева: «Удрученный народ начал расходиться сразу после казни, не желая смотреть на избиеие кнутами сообщников бунтаря».

Что поделаешь — варвары, дикари-с.

А если серьезно, то на что любоваться? В народном сознании Степан Разин — отвратительный преступник, обреченный на том свете вечно грызть раскаленные кирпичи. Люди пришли, чтобы участвовать в акте государственного значения: казни преступника. Они согласны с

приговором, они «за». Но к чему садистские любования зрелищем? Какая разница в деталях? Кстатi, так же было и в более поздние времена. В 1881 году казнят террористов-народовольцев. Тех самых, кто убил императора Александра II, а заодно и случайно шедшего по улице 12-летнего мальчика.

И правда... Беспамятны мы. Напрочь забыли, что народовольцы убили не только императора, но и 12-летнего ребенка: парень хотел посмотреть на царя. Первыми словами раненого Александра II было: «Что с мальчиком?»

Заполнивший площадь народ вовсе не на стороне убийц. Их проклинают, ругают, кричат, чтобы в свой последний час они «попомнили Государя».

Но, во-первых, ни одна рука не поднимается для самосуда.

Никто не бросает в подсудимых никакой дряни, не пытается прорваться сквозь охрану, ударить осужденных. Во-вторых, народ не развлекается. Не радуется страданиям и смерти, не делится впечатлениями, не визжит от восторга, когда табуреты выбиты из-под ног осужденных.

Народ соучаствует в делах власти. Он на стороне власти и осуждает преступников. И притом народ серьезен, напряжен.

В конце концов, казнь — это правосудие. По закону убивают людей. Присутствовать надо, смотреть надо, но нет никакой причины ликовать. Вероятно, такой же дух двигал римлянами с их знаменитым: «Закон суров, но это закон».

Когда Великая французская революция заменила виселицу гильотиной (народ «ласково» называл ее Лизеттой), народ жаловался, что ничего не видно и требовал возвращения виселицы. После Наполеона и Реставрации 1815 года виселицу вернули.

Ау! Наши милые русские дамы! Любительницы Парижа и Куршавеля, Лазурного берега и Moet & Chandon, устриц и Алена Делона. Знаете ли вы, что последняя публичная казнь в Париже состоялась... перед Второй мировой войной? Зато как сейчас «французики из Бордо» кокетливо возмущаются: «Ах, эти brutальные американцы повесили Саддама Хусейна! Как это не комильфо!» Да, кстатi, потрясающее воспоминание Александра Вертинского о том, как он случайно оказался после совершенной публичной казни на площади его любимого Парижа, где орала и веселилась толпа. «Русский дикарь», прибывший из варварской страны, настолько был подавлен этим зрелищем, что тут же спустился в кабачок «залить» увиденное. Следом спустился и давешний поклонник его

таланта, хорошо одетый, точно с бала — во фраке. Они вместе выпили, новый знакомый убеждал Вертинского больше не ходить на такие «представления», они же не для нервов человека искусства! Этот милейший человек позже оказался официальным палачом города Парижа.

И теперь после описаний Боборыкина и Вертинского вы еще готовы принимать всерьез разговоры о любви русских к жестокости? Варварская, крепостная Россия? И почему эти дикие русские во время казней не ревели в радостном возбуждении, а молча угрюмо крестились и молились за упокой души казненных? Наверное, от недостатка цивилизованности, не иначе.

Может, вместо самобичевания, нам заговорить погромче как раз о прирожденном садизме наших европейских соседей?

В России всегда принято было считать, что интерес к чужому страданию — признак нездоровой психики. Но на Западе думали иначе.

В Британии XIX века был такой обычай: джентльмены из верхов общества водили своих дам в тюрьмы, где по пятницам или субботам пороли проституток. Джентльмены заранее оплачивали хорошие места, просили, чтобы их пропустили поближе, где лучше видно.

Это считалось увлекательным мероприятием. Было хорошим тоном знать по именам палачей, комментировать их действия, знать проституток и сравнивать их поведение с «прошлым разом» или с какой-то другой, давней поркой.

Порки проституток по определенным дням недели отменили только в 1865 году. Еще раз подчеркну: это не развлечение простонародья! Аристократический обычай верхов общества.

Для низов были другие развлечения: например, травля бульдогами привязанных к изгородям быков. Или собачьи бои. Британцы очень любят животных, особенно собак. Но почему-то распространению собачьих боев это нисколько не мешало.

Еще две порки

Приведу два случая из придворной жизни XVIII столетия, связанные с коронованными особами.

Случай первый. Петербург. Царица Елизавета Петровна из-за бессонницы вышла из своих покоев раньше обычного. И обнаружила: ее фрейлина, 15-летняя княжна Гагарина, сигает из комнаты вместе с каким-то гвардейским поручиком.

— Рано начинаешь, милая... Не обессудь... — вздохнула императрица.

Царица, как была в шлафроке (т. е. попросту в ночной рубашке), так за ухо и отвела юную фрейлину к дивану, разложила и собственноручно выпорола розгами.

Если верить придворной легенде, княжна вопила так, что сбежавшиеся придворные стали просить царицу о прощении «подлянки». В их числе был и тот самый поручик.

Елизавета экзекуцию не прекратила, Гагарина получила сполна. Но позже царица пару поженила, а на их свадьбе пила водку, кричала «горько», плясала и закусывала своими любимыми морковными пирогами.

Случай второй. Резиденция прусских королей, Берлин. Юный принц Фридрих (будущий король Фридрих II Прусский) собирается жениться на некой Клариссе Риттер, бедной дворяночке. Его отца, тоже Фридриха, такой брак совершенно не устраивает. Чтобы остудить пыл принца, папакороль отправляет его подальше, предварительно излупив тростью. О дальнейших событиях есть две близкие версии. Согласно одной, король Фридрих I собственноручно лупил несчастную девицу Клариссу Риттер палкой, «пока окровавленные одежды не упали с нее в виде лохмотьев». Согласно другой версии, прусский монарх пригласил палача, а сам сидел в кресле и упивался воплями Клариссы... Ну да, опять же пока окровавленные одежды не упали. А потом отправил Клариссу в тюрьму, где содержались воровки и проститутки. Девицу выпустили из тюрьмы только после того, как Фридрих Фридрихович, будущий король, наконец женился на креатуре его папы.

В этих историях оба монарха друг друга стоят, но поведение Елизаветы все же как-то... беззлобнее, что ли.

А главное, у современников было совершенно одинаковое отношение к событиям такого рода — по обе стороны российско-прусской границы. Никак нельзя сказать, что немцы были возмущены поведением своего

короля, а русские — своей императрицы. Король «справедливо» наказал негодницу, без всякого права посягнувшую на трон.

Императрица, взяв в свой штат девицу Гагарину, тем самым взяла на себя и обязательства по ее воспитанию. А маменька и должна время от времени матерински посечь провинившееся чадо. Причем, явив строгость, императрица сразу же явила и «родительскую милость», устроив судьбу княжны, чем и вызвала умиленные всхлипывания современников.

Кстати, в России ощущение своей личной неприкосновенности появилось раньше, чем в Германии. В России был такой Манифест о вольности дворянской от 18 февраля 1762 года. Согласно сему Манифесту, дворянин в принципе телесному наказанию не подлежал. А в Германии такого Манифеста ни один король не издавал.

В России с конца XVIII века хотя бы небольшой процент всего населения, дворян, перестали пороть. По словам А. И. Герцена, 4 декабря 1825 года на Сенатскую площадь вышло «третье непоротое поколение дворян».

В Германии офицера-дворянина могли выпороть по закону до самого конца кайзеровского режима, то есть до ноября 1918 года.

В закрытых учебных заведениях Британии потомственных лордов и пэров пороли до середины XX века.

Некоторые ученые считают, что одна из причин заговора против Павла I как раз в том, что при нем от Манифеста о вольности дворянской стали отступаться и нескольких офицеров выпороли. Дворяне не собирались терпеть подобного безобразия, и Павел I пал жертвой очередного дворцового переворота.

А вот европейцы, по крайней мере и немцы, и британцы, терпели подобные нравы, давно исчезнувшие в России.

Музеи пыток

Еще одна удивительная черта западного образа жизни, которую трудно понять россиянину. Во всех странах Запада существуют музеи средневековых пыток. Там выставлены орудия пыток, муляжи «обработанных» частей тела, соответствующие картины и целые группы манекенов, изображающих судей, палачей и жертв. Обычно такие музеи неплохо отражают эту сторону местной истории.

Мы могли бы завести музеи несколько не хуже. Представляю, как смотрелся бы Музей Малюты Скуратова в Москве или Музей Тайной канцелярии в Петербурге! Но у нас таких музеев нет.

Ближайший музей пыток находится в Кракове. Есть такие музеи и в Кёльне, и в Мюнхене, и в городах Британии и Франции. В них всегда много посетителей.

Правда, признаюсь, лет 5 назад единственный раз я наткнулся в России на своего рода «музей пыток». Это было в Нижнем Новгороде. Музей представлял собой крошечную передвижную выставку из двух комнат. Была пара восковых фигур типа Иван Грозный с посохом и злым выражением лица. Десяток ретрофотографий. Ну и «разложенные» под стеклом «пытошные инструменты». Отсутствие иллюстрированного материала заменялось красочным рассказом экскурсовода «как что тогда было».

Двум девушкам, бывшим со мной в одной группе, стало плохо и они уже к середине экскурсии выбежали на свежий воздух.

Я дотерпел, познакомился с директором заведения. Он в сердцах жаловался, что ездит с этим «добром» по Поволжью и вконец прогорел. Не идет народ смотреть на орудия пыток.

Видимо, нет в нашей культуре в отличие от общеевропейской чего-то, что заставляет людей интересоваться жестокостью, смотреть на акты бесчеловечности. Современный европеец сегодня не может попасть на публичную казнь и даже на порку проституток. Но в Музей пыток он идет.

Суд Линча — американская традиция

Линчевание — это не просто казнь, как мы привыкли думать. Это казнь через повешение, в большинстве случаев — это еще и пытки.

К людям врываются в дома посреди ночи, отказывая им в праве на неприкосновенность жилища и стараясь внушить страх всей округе.

Сенатор Джон Керри

Если толпа бросается и рвет на части труп повешенного — что мешает ей кинуться и на живого? Да ничего...

Если женщина несет ребеночка, чтобы он прикоснулся к трупу повешенного и выздоровел, что мешает ей немного помочь живому побыстрее умереть и превратиться в полезное лечебное снадобье? В книге «Философия войны» русский генерал, а позднее — советский военный деятель Андрей Снесарев приводит удивительный факт. В 1402 году в Шотландии после поражения английского военачальника Мортимера женщины бегали по полю, отрезая у трупов пенисы: прикасаясь к пенисам покойников, раненые могли якобы исцелиться. Очень просвещенный обычай цивилизованного Запада.

Много можно привести примеров самых варварских расправ над «ведьмами», цыганами, евреями, и вообще любыми «чужаками». В США родился даже специальный термин: суд Линча.

Что такое суд Линча? Это расправа толпы над подозреваемым в совершении преступления. Толпа одновременно берет на себя функции следователя, прокурора, судьи и палача.

Считается, что жестокие внесудебные расправы были занесены в Америку из Англии. Так, с берегов Туманного Альбиона в Новый свет занесли традицию казнить посредством обмазывания дегтем и вываливания в перьях. Это только на первый взгляд выглядит странной, пусть и жестокой забавой. Дело в том, что деготь предварительно разогревали, поэтому тот, кого им обмазывали, почти всегда умирал от ожогов. Были и другие способы «общественного порицания», гораздо более жестокие.

Происхождение самого слова «линчевание» относится к концу XVIII века. Историки до сих пор спорят, от какого из двух Линчей пошел термин.

Одни считают, что от имени полковника иррегулярных войск американских колонистов Чарльза Линча (1736–96 гг.), другие — от виргинского плантатора капитана Уильяма Линча (1742–1820 гг.).

Полковник Линч в ходе Войны за независимость прославился тем, что сформировал собственный суд в округе Бедфорд и внедрял закон и порядок посредством веревки. Жертвами «правосудия» обычно становились сторонники английского короля. К чести Чарльза Линча надо сказать, что он не вешал всех попавших к нему на суд без разбора, а сначала хотя бы выслушивал суть дела. Так в обстановке тогдашнего хаоса ему удавалось поддерживать относительный порядок.

Не стоит забывать, что в стране фактически шла гражданская война: вопреки сусальным голливудским киноверсиям тех событий, вроде фильмов «Патриот» Мэла Гибсона или «Революция» Аль Пачино, американцы в массе своей вовсе не горели желанием восстать против короля и сбросить колониальное ярмо. Многие поддерживали англичан, другие же просто потихоньку мародерствовали в обстановке смуты.

Суд Ку-клукс-клана.

Согласно одной из версий, название Ку-клукс-клану, одной из наиболее известных расистских организаций юга США, активно поддерживавшей суды Линча, дал характерный звук затвора винчестера при перезарядке. Намек понятен?

Плантатор Линч также прославился внесудебными расправами, но в основном над рабами-неграми. Обвинять Уильяма Линча в животном расизме бессмысленно, — он был человеком своего времени, и для него, как и для подавляющего большинства американцев, негр и белый являлись принципиально разными существами.

Ну, примерно как для современного человека — родственными, но все же не родными существами являются Номо Сарience и шимпанзе. Плантатор Линч верил, что он защищает закон и содержит свои «одушевленные вещи» в должном порядке.

Как это часто бывает, имя собственное дало жизнь имени нарицательному. Так случилось и с Линчами — их фамилия превратилась в глагол «линчевать», появились понятия «суд Линча» и «право Линча». Линчеванием стали называть всякий самосуд, и связанный с жестокими издевательствами над осужденными, и не связанный. Речь шла о расправе в отсутствие представителя законной власти, например шерифа или окружного судьи.

Суды Линча в стране практиковались больше века, до 1968 года. По официальным данным, в США линчевали около 5000 человек, из них черные составляли 73 %, включая мужчин, женщин и даже детей. На самом деле число жертв неизвестно, до 1880 года никакой статистики на эту тему не велось.

Среди поводов для предания судам Линча зафиксированы: грабеж могил, споры с белым, лень, грубая речь, несносный характер, бродяжничество, вымогательство, мелкая кража, появление в нетрезвом виде, исповедование религии Вуду. Всего статистикой зафиксировано 80 причин для линчевания, но самыми типичными были обвинения в убийствах и сексуальных преступлениях против белых женщин. Если верить обвинениям, то негры насиловали буквально первых попавшихся на глаза белых леди. Жертвами сексуальных маньяков становились почтенные матери семейств, юные девушки и даже девочки. И разъяренные мужья, женихи и отцы вели толпы на расправу с насильниками. Никаких доказательств вины не требовалось. Достаточно было потерпевшей или кому-то с ее стороны просто указать на подозреваемого, как его участь была предрешена.

Не редкостью были групповые экзекуции, вешали по несколько человек сразу. После казни палачи разрезали веревки на мелкие куски и продавали на сувениры. На эти же цели шли отрезанные пальцы несчастных, уши и даже гениталии. Не существовало половых и возрастных ограничений. Среди казненных были женщины и подростки 12–13 лет.

Попытки официально признать антиконституционность судов Линча предпринимались в Конгрессе США трижды (в 1922, 1937 и 1940 гг.), но южные конгрессмены и сенаторы успешно их проваливали. Даже Франклин Рузвельт, когда руководители негритянских организаций

попросили его официально осудить суд Линча, прямо ответил: я не хочу проиграть следующие выборы.

Первый и последний за всю историю линчевания белый был осужден и казнен уже в наше время — в 1997 (!) году, Генри Хейнс из Алабамы.

Что тут сказать? Пожелаю американским правозащитникам дальнейшей борьбы за права человека во всем мире. Ну, и в собственной стране — тоже.

ИВАН УЖАСНЫЙ И ЕГО СОВРЕМЕННОИКИ

Грозный царь

О грозности и жестокости Ивана IV судят главным образом на примере опричнины. Логично? Да, вполне.

Да, XVI век в России отмечен репрессиями Ивана Грозного.

В течение 7 лет в Московском государстве пылал «пожар лютости». За 7 лет опричнины жертвами этого смутного времени стали, по разным подсчетам, от 5 до 7 тысяч человек.

Опричнина вошла в историю как мрачный, страшный период.

Так и воспринимают ее сегодня россияне. На Западе же порой пытаются представить ее как обычнейшее в России дело, нормальное явление. На гравюрах Гюстава Доре царь с ангельской улыбкой созерцает гроздя повешенных и, радостно смеясь, втискивает в животы людям зубцы своей короны.

Биллингтон объясняет: Иван Грозный являет самую суть своего общества. Русские любят и уважают силу. Их история кровава, но это нормально: так они устроены, в отличие от англосаксов.

Опричник.

Среди опричников, как ни странно, было немало иностранцев.

Но представлять опричнину как обычный способ правления русских царей — по меньшей степени странно. С тем же успехом можно представлять себе типичного французского короля в виде Карла IX, стоящего с мушкетом у окна и посматривающего, кого бы из пробегающих мимо парижан подстрелить.

Или считать Генриха VIII выразителем сокровенных чувств английского народа — особенно когда он подписывает смертный приговор не дюжине врагов, а своей вчерашней жене или любовнице.

Но сознание и Биллингтона, и большинства западных людей устроено странно: ни Карла IX, ни Генриха VIII они типичным явлением вовсе не считают. А вот Ивана IV — считают! И что еще более удивительно, с ними почти согласно большинство россиян.

Опричнина как символ жестокости вошла в нашу историю.

Кроме этого Ивана Грозного обвиняют и в жестоким обращении со своими женами. Жестокость имела место быть. Нехорошо...

Но обращают на себя внимание сразу два обстоятельства.

Первое: заточая жен в монастыри, грозный царь не лишал их жизни. Тогда как Генрих VIII (1491–1547 гг.), например, английский король, который родился на 39 лет раньше Ивана IV (1530–84 гг.) и также был многоженцем, избавлялся от надоевших законных спутниц жизни проверенным способом — казнью.

Прожив 25 лет с Екатериной Арагонской, Генрих, не добившись согласия папы, женился на Анне Болейн. Однако спустя несколько лет Болейн, не подарившая королю наследника престола, по инициативе мужа была осуждена парламентом за супружескую неверность и казнена.

Второе: у Ивана Грозного были причины «опалиться» на бояр.

В возрасте трех лет он оказался фактически заброшен и никому не нужен. Ребенка забывали покормить, сменить ему рубашку, грубо отпихивали, кричали на него. На всю жизнь запомнил будущий Грозный, как в постели его отца развалился, не сняв сапоги, очередной временщик. Дорого заплатило боярство за эти неснятые сапоги...

Жизнь Ивана и история России могла повернуться по-другому, если бы не трагический финал первого, 17-летнего счастливого брака с красавицей Анастасией Романовой. Всю жизнь Иван был уверен: его первую и любимую жену отравили. Долгое время историки дружно считали это убеждение проявлением душевной болезни. Якобы подозрителен был царь сверх всякой меры, видел крамолу и там, где ее в помине не было.

Вот только такой факт... Когда в 1960-х годах была вскрыта царская гробница, специалисты бюро судебно-медицинской экспертизы

обнаружили в костях царицы и в ее прекрасно сохранившейся темно-русой косе следы ртути, превышающие норму в несколько десятков раз. Загрязненными даже оказались обрывки савана на дне саркофага. В Средние века именно соли ртути были главным методом устранения врагов при европейских дворах, знаменитых своими интригами. Русский двор не стал исключением. Как свидетельствует легенда, слух об отравлении первой жены Ивана Грозного боярами сразу пополз по Москве...

Отравление любимой жены впервые (!) толкнуло Ивана IV на расправу с боярами-заговорщиками.

Будь на месте Грозного любой король любой европейской страны, его оправдали бы непременно. Еще сочинили бы чувствительные романы, поставили пьесы, сняли бы кинофильмы. В них Иван Грозный выступал бы несчастным человеком, которому жестокие и черствые люди сломали судьбу, сделали его мстителем за себя и за любимую женщину. Европейскому монарху сто раз простили бы эти 7 тысяч жертв.

Но раз идет речь о русском царе — нельзя. Он не несчастный человек и его судьба — не предлог поговорить о том, что допустимо и недопустимо в обращении с ребенком, о том, как преступление порождает новое преступление. Нет! Русский царь, виновник 7 тысяч убитых — страшный преступник! Что бы с ним ни происходило, какие бы поступки ни совершались по отношению к нему, — он не жертва.

Он негодяй, изувер, урод, Чикатило XVI века. А его правление — яркое свидетельство исконной кровавой жестокости русской истории.

Сравним?

Каждый государь желал бы прослыть милосердным, а не жестоким, однако следует остерегаться злоупотребить милосердием.

Никколо Макиавелли, итальянский политик XVI в.

Не хочу оправдывать жестокость. Тем более что многих приближенных Ивана Грозного казнили явно безо всякой вины.

Но, можно подумать, гуманиста Томаса Мора, первого в истории «коммуниста»-утописта, казнили за страшные преступления? Горожанин, как сказали бы у нас, мещанин, Томас Мор сделал блестящую карьеру: за 12 лет от секретаря королевской канцелярии дошел до поста лорда-канцлера Англии. Известность государственного деятеля дополняла слава писателя: само понятие «социальная утопия» восходит к названию книги Томаса Мора «Утопия».

Но не уберется Томас Мор. Король стал создавать особую англиканскую церковь, главой которой ставил не Папу Римского, а самого британского монарха. Томас Мор не соглашался с таким решением, — по его мнению, глава государства не должен одновременно быть и главой церкви.

По личному приказу короля Томаса Мора судили за государственную измену. В 1535 году его приговорили к жесточайшей казни: *«Влачить по земле через все лондонское Сити и Тайберн, там повесить его так, чтобы он замучился до полусмерти, снять с петли, пока он еще не умер, отрезать половые органы, вспороть живот, вырвать и сжечь внутренности. Затем четвертовать его и прибить по одной четверти его тела над четырьмя воротами Сити, а голову выставить на Лондонском мосту».*

«Милостивый» король заменил мучительную казнь лорда-канцлера (!) только отсечением головы.

Но никто не называет Генриха VIII «кровавым» и даже «грозным». Все в порядке вещей. Так, мелкий эпизод из государственной жизни.

При Иване Грозном порой казнили дворовых людей, даже крестьян «опальных» бояр. Мол, знали об измене и не донесли.

Но, во-первых, при Генрихе VIII тоже порой казнили слуг «государственных преступников».

Только в учебниках и в популярных книжках про это не пишут.

А во-вторых, по законам именно Генриха VIII, в результате так называемых «огораживаний», в Англии появились толпы нищих и бродяг. Общинные земли — пастбища и леса, — стали представлять немалую ценность. На них разводили овец, чтобы продавать их шерсть для производства сукна.

А разорившиеся крестьяне в одночасье сделались люмпенами без всяких средств к существованию.

Генрих VIII Тюдор.

Судя по рыцарским латам Генриха VIII, выставленным в королевском музее Лондона, он был необычно крупным для своего времени мужчиной. Пониже Петра I, конечно. Зато покоренастее.

Изгнание крестьян с земли было санкционировано самым на тот момент «демократическим парламентом». Король тоже выступил на стороне землевладельцев.

«Овцы сожрали людей», — писал об огораживании Томас Мор.

Лишенные жилищ и средств к существованию крестьяне считались бродягами — безнравственными людьми, которые не желают работать. В

законах Генриха VIII сказано предельно ясно: *«Милостыню соизволяем собирать только старым и убогим нищим, остальные же, к труду пригодные бродяги, подлежат бичеванию, с принесением клятвенного обязательства возвращения на родину и занятия трудом, пойманный во второй раз бродяга подлежит бичеванию с отрезанием уха, пойманный в третий раз — казнится как преступник».*

Пожалуй, даже русский царь Иоанн Васильевич посчитал бы это «перебором».

В итоге по законам Генриха VIII только за «бродяжничество» было повешено 72 тысячи насильственно согнанных с земли крестьян. Это почти 4/5 населения тогдашнего 100-тысячного Лондона! На фоне этой армии покойников семь тысяч на Руси — малая толика. Но и это не все...

Г. Гольбейн «Томас Мор».

Лорда-канцлера Британии наши старые школьные учебники зачислили в первые коммунисты.

В 1558–1603 годах в Англии правила королева Елизавета. Это, наверное, самая популярная среди английских королев за всю историю монархии. При ней Англия лихо грабила испанские владения в Америке, ее флот стал одним из самых сильных в мире. Когда Испания в 1588 году направила к берегам Англии Непобедимую армаду, британские моряки не

позволили высадить десант. Они рассеяли корабли Испании в море, метким артиллерийским огнем топили их или отгоняли от берега.

Неизвестный художник «Королева Елизавета Английская».

В жизни была не столь симпатична, как Кейт Бланшетт в голливудском «Золотом веке».

О гибели Непобедимой армады пишут и говорят. Это — важная страница в истории Британии, вошедшая во все учебники.

Но в учебниках «почему-то» не называют числа «еретиков», истребленных в годы правления Елизаветы. Дело в том, что католики почему-то не хотели подчиняться английскому монарху как главе церкви. Не хотели и многие протестанты. Многие из них вынуждены были уезжать из Англии в Америку.

Как свидетельствует энциклопедический словарь Гранта, за годы правления Елизаветы в Англии было казнено 89 тысяч (!) человек. Королева казнила больше людей, чем вся католическая инквизиция за три столетия! Сколько людей изгнали за океан, сказать трудно. Историки называют цифры от 100 до 300 тысяч.

Елизавета — современница Ивана Грозного, на ней, по легенде, он даже одно время подумывал жениться.

В России мало знали тогда о далекой Англии, но Грозный, видимо, был неплохим «международным стратегом» и предчувствовал, какие глобальные выгоды может сулить ему династический брак с английской короной. Однако времена Ярослава Мудрого, когда подобное предложение британская правительница сочла бы за большую честь, увы, прошли. Теперь репутация русского государства в глазах «просвещенной Европы» была основательно подмочена. Собственно, про Русь почти ничего так и не знали, но один положительный миф XI–XII вв. о златоглавом «Киев-граде», коему по богатству не уступает лишь Константинополь, сменился другим — отрицательным: о дикой «Tartarii», стуже и жестокости московитских варваров. В общем, Елизавета тактично отклонила предложение Ивана Грозного. Мол, сама я не против, да и Вы, мужчина, по словам моих послов, видный, в полном расцвете сил, но вот Парламент здесь у меня никак не одобрит сей брак.

Иван IV, более года ждавший ответа, конечно, взбесился до крайности. Это чем же он не угодил? Кривой али косой?! Да за меня — любая баба, только мигни! И отписал ей необыкновенно едкое письмо: мол, «думал, барыня, что как-никак царице английской руку и сердце предлагаю, коя есть истинная государыня в своем заморском отечестве. Ай, ошибся.

Не по адресу, дурень, обратился. Видать, не государыня она никакая, коль ей какие-то мясники да пивники толстозадые в каком-то парламенте смеют указывать, что ее величеству делать. Мало того, вмешиваются нахально в августейшую личную жизнь. Позор какой! Так что, извиняйте, ошибка вышла с адресатом. Миль пардон, оферта отменяется».

Так и не вышло у царя Ивана сосватать королеву Англии Елизавету.

А жаль. Интересное развитие получила бы тогда мировая история.

Однако как-то не срослось. И Елизавета, чтобы сгладить конфликт, предложила Ивану Грозному в жены свою племянницу, Марию Гастингс. Но Мария тоже не хотела так далеко уезжать...

Тогда, чтобы «остудить» пыл Ивана, ему показали портрет некой служанки под видом портрета Марии. Но Иван вовсе не остыл. Наоборот: девица понравилась ему чрезвычайно. Пришлось показать портрет настоящей Марии Гастингс, а вот на

ней-то уже он жениться не захотел. Такая забавная история.

Но вернемся к деяниям царя Ивана IV. Достижения его даже посolidнее, чем у Елизаветы: присоединение Казани, Астрахани, Сибири стоят ограбленной Америки. Для Руси разгром татарского нашествия Девлет-Гирея по значению не уступает краху Непобедимой армады. При Иване на Руси убито в 12 раз меньше людей, чем в Англии при Елизавете.

Но в европейской историографии Иван Грозный — это чудовище на троне, а Елизавета — великая королева, при которой совершено много чудесного и замечательного.

Дальше. Оливер Кромвель — прогрессивнейший по тем временам демократ.

При нем Англию объявили республикой, провели всяческие реформы.

А еще при нем покоряли Ирландию...

Ирландия была католической страной.

Л. С. Кунер «Кромвель». Миниатюра.

«Бизнесмен» средней руки, волею судьбы вознесенный на вершину власти в Британии, проявил жестокость, перед которой меркнут любые «кровавые преступления русского царизма».

Было «необходимо» покорить ее, «цивилизовать», принести ей свет

«истинной веры».

К тому же в Ирландии были «свободные» земли: чернозем, луга и поля. На них тоже кто-то жил, но ведь надо же было освободить эти земли для соратников Кромвеля! По подсчетам ирландских историков, был убит каждый седьмой ирландец — и женщины, и дети, и старики. В своем отчете перед парламентом Оливер Кромвель откровенно рассказывал, что именно и как он делал: *«Я приказал своим солдатам убивать их всех... В самой церкви было перебито около 1000 человек. Я полагаю, что всем монахам, кроме двух, были разбиты головы»*.

Впрочем, приводятся порой и более страшные цифры: убита пятая часть или четверть ни в чем не повинных ирландцев.

Время было такое? Наверное... Но Кромвель — современник Алексея Михайловича Тишайшего, второго царя из династии Романовых. На Руси почему-то время было другое.

После очередного восстания 1688–91 годов ирландцев лишили всех политических прав просто за то, что они католики. Образование на ирландском языке было запрещено под страхом смертной казни. За голову учителя, тайно учившего говорить и писать по-ирландски, платили такую же сумму, как за голову волка.

Опять же — не было в России периода правления династии Романовых ничего даже отдаленно похожего. Ни лишения старообрядцев гражданских прав, ни запрета учиться говорить по-татарски или по-мордовски. Дикари-с...

В прекрасной Франции

Люди злы, но человек добр.

Жан-Жак Руссо. Великий французский гуманист

Во Франции дело обстояло не лучше. Война протестантов-гугенотов (кальвинистов) и католиков порождала невероятное озлобление, и венценосные особы мало отличались от своих рядовых подданных... Вот только возможностей у них было больше.

В XVI веке королем Генрихом (Анри) II при парижском парламенте была учреждена так называемая «Огненная палата». За три года она осудила около 600 протестантов-гугенотов, многие из которых были сожжены.

Кто, собственно, такие гугеноты? Это не какая-то особая религия: просто так французы называли протестантов. В действительности это сильно искаженное слово, которым называли всех швейцарцев. Гугенот, он же швейцарец, он же протестант. Так у нас было с немцами: немец — это не только германец, это любой иностранец в России, потому что он по-русски не говорит, потому что он «немой». Любой швейцарец — а почти все они были кальвинистами — в понимании добропорядочного французского католика — гугенот. А любой протестант, получается, швейцарец. Вот такая путаница.

Жестокость и коварство Екатерины Медичи хорошо известны: для устранения соперников в ход шло все — и нож, и яд. До 30 человек лично отправила на тот свет «королева-отравительница», по своим личным соображениям. Это не террор.

Так, обычные мелкие дворцовые интриги.

Но на совести Екатерины Медичи и ее сына Карла IX есть шалости и покрупнее. Это — события ночи на святого Варфоломея 24 августа 1572 года, печально известной как Варфоломеевская.

В самом Париже в эту ночь было убито около двух тысяч гугенотов. Не черни, это все были люди непростые, дворяне и офицеры.

А во всей Франции за несколько дней жертвами резни пали около

30 000 тысяч человек, хотя протестантские историки называют цифру и 100 000. Подчеркну: за неделю. Религиозные войны шли до этого и продолжались с необычайной жестокостью и после.

Страшная резня вынудила гугенотов защищаться. Четыре гугенотские войны разрывали Францию на части, вплоть до так называемого Нантского эдикта 1598 года. Итак, французские монархи лично организовали убийство одних своих подданных другими. Однако не нашлось в стране силы, которая приклеила бы к титулу Карла IX дополнение «Кровавый», а к Екатерине Медичи — «Отравительница» или «Садистка».

Самый известный из королевских узников — знаменитая «Железная Маска» — *Le masque de fer*. Этот заключенный содержался в различных тюрьмах, включая Бастилию, и всегда носил бархатную маску (позднейшие легенды превратили эту маску в железную). Умер он в 1703 году, унеся в могилу свою тайну.

Возможно, «Железной Маской» был герцог Вермандуа, незаконный сын Людовика XIV и г-жи Лавальер. Этот «государственный преступник» дал пощечину своему сводному брату, Великому Дофину, и за это искупал свою страшную вину вечным заключением.

Существует версия, что «Железная Маска» — близнец Людовика XIV. Людовик XIII велел увезти его из Парижа и тайно воспитать принца в провинции, не раскрывая ему тайны его происхождения, чтобы предотвратить те несчастья, которые, по предсказанию, должны были произойти в королевском доме в случае рождения близнецов. Взойдя на престол, Людовик XIV узнал о существовании брата-двойника и милостиво велел заточить его навечно в темнице. А ввиду их поразительного сходства, заставил еще и носить железную маску. Такова братская любовь у королей.

Есть, впрочем, еще около 40 не менее увлекательных предположений.

Но кто был «железная...», вернее — черная бархатная маска, до сих пор не знает никто. Похоронен живым.

Уроки Бастилии

— *Эту песню, товарищ Митрофанов, Гагарин пел в космосе.*

Из фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен»

Зачинщики Французской революции 1789–94 годов охотно рассказывали, что народ «при короле» голодал, в то время как королевский двор тратил невероятные суммы на наряды королевы, придворных дам и мадам Помпадур лично.

В действительности же Франция XVII–XVIII веков была передовой и сравнительно сытой страной Европы. Стремление к революционным переменам подсказано было замедлением темпов как социально-экономического, так и политического развития. Рост экономики к 1780-м годам несколько замедлился, ожидания людей оказались обмануты. Кто виноват? Разумеется, король! Официальная власть всегда бывает «виновата», если ожидания подданных не сбываются.

Конец XVIII века — классическое время финансовых «пирамид», часто полугосударственных, типа российских ГКО. Это время разорившихся буржуа, обедневших рантье, недополучивших свое пайщиков и акционеров. Вся эта масса бурлила и жаждала реванша. Но к народу ее отнести очень трудно.

Собственно, об этом известно уже давно — но только исключительно узким специалистам. А большинство людей уверены, что революция началась чуть ли не с сотен тысяч умерших от голода.

Кстати, король Франции сам выступал перед Национальным собранием, предлагал широкий план реформ, в том числе радикальную земельную реформу.

Национальное собрание возмутилось: дворяне и духовенство поняли, что у них реально могут отнять собственность. То же самое происходило всякий раз в России, начиная с Екатерины II и далее без исключений до Александра II, когда «просвещенный монарх» пытался продвинуть в истеблишменте идею отмены крепостного права.

А. Харламов «Александр II». 1874 г.

Один из самых «положительных» самодержцев в российской истории. Проводя столь необходимые для страны реформы, стал «своим среди чужих, чужим среди своих».

Александр II решился на эту реформу, о необходимости которой говорили совершенно серьезно и его батюшка Николай I, и его дядя Александр I — непоследовательный либерал (особенно в молодые годы).

Но Александр Николаевич решился на выхолощенный, путаный ее вариант, в минимальной степени бьющий по имущественным интересам дворянства. И то, настолько боялся покушения со стороны «своих же» посвященных, что в день перед объявлением манифеста ночевал в Зимнем вместе с семьей под усиленной охраной и... в чужих покоях. Прятался у себя дома! То же самое происходило, по сути, и во Франции накануне штурма Бастилии. Легендарный «Штурм Бастилии» 14 июля 1789 года, который с великой помпой празднуется в современной Франции как главный национальный праздник, — «красный день календаря» Французской революции.

Сколько говорено о «решительном» и кровавом штурме, об «освобождении несчастных узников» королевского правления, жертв чудовищной жестокости антинародного режима! Собственно, штурма-то и

не было, потому что защищали дряхлую Бастилию 84 инвалида и 30 швейцарских наемников.

К тому же у коменданта был строгий приказ: ни в коем случае огонь по толпе не открывать. Ни при каких обстоятельствах! Сами парижане вовсе не собирались ничего штурмовать или разбивать. Чтобы пойти на штурм Бастилии и начать гражданскую войну, «пришлось» привести с юга Франции около тысячи уголовников, в основном не французов, а корсиканцев и каталонцев. Эти «представители народа» и ринулись на штурм.

Швейцарцы воевать не хотели. Был бы приказ, огрызнулись бы огнем 15 пушек...

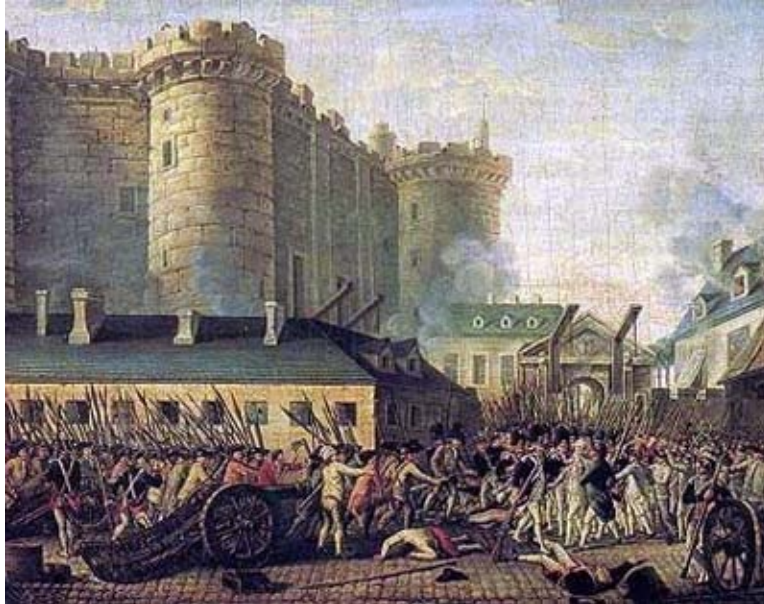
И непонятно, как могла бы повернуться история. Но приказа стрелять не было, был как раз приказ не стрелять. Комендант сам вынес ключи от крепости «восставшему народу».

Спросил: — А что вам нужно? — Мы хотим освободить несчастных узников! — Заходите... Только без шума.

«Восставший народ», бандюганы с юга Франции, устроили в Бастилии погром, а заодно попытались увести с собой «несчастных узников». Только идти с ними никто не захотел. Некоторые «жертвы королевского режима» с перепуга запирались изнутри и отказывались выходить. Странная это была тюрьма, Бастилия.

Подготавливая события, агитаторы рассказывали о страшных пытках в специальных камерах, о подвалах, забитых скелетами, о чудовищных условиях содержания в Бастилии врагов кровавого королевского режима.

В реальности в Бастилии находилось по одним данным — 18, по другим — 20, по третьим — всего 7 человек из числа высшей аристократии Франции. Тюрьма-то была особая, королевская.

«Штурм Бастилии». Литография.

Знаменитая сцена штурма Зимнего дворца в фильме «Ленин в Октябре» соотносится с исторической правдой примерно так же.

Все эти люди имели собственные апартаменты, еду им приносили из ресторанов, у многих тут же в тюрьме жили слуги. Во всех камерах были окна, мебель, печки или камины для обогрева. заключенным официально разрешалось читать, играть на музыкальных инструментах, рисовать и даже ненадолго покидать свои застенки.

За что попали в тюрьму? Ни один — за защиту народных интересов! Личности, содержащиеся в комфортабельной Бастилии, сидели в ней за участие в «черных мессах» сатане, за убийство ребятишек, гадание по частям расчлененных тел покойников, поклонение Каббале и т. д.

По некоторым данным, в их числе был знаменитый маркиз де Сад. Сидел, будучи официально признанным психически больным. Достаточно комфортабельного сумасшедшего дома, достойного маркиза и известного писателя, тогда во Франции просто не было. «Пришлось» держать свихнувшегося аристократа в комфортабельной и уютной королевской тюрьме.

Бастилию разрушили как символ «старого режима»? Смешно, но факт: король и так собирался ее разрушить, чтобы на ее месте соорудить широкую площадь.

Что касается черни, которая вдруг решила освободить несчастных узников, подозреваю, что главным ее мотивом было желание поживиться продовольственными запасами крепости. Что они успешно и сделали,

разграбив там все подчистую. Коменданту Бастилии, который, напомним, сам отдал ключи, революционеры отрубили голову, насадили на кол и носили по улицам Парижа.

А заодно перерезали несчастных инвалидов, служивших в гарнизоне крепости.

Вот по поводу этих событий, «штурма Бастилии», и ликуют каждый год французы 14 июля. Ненормальные? Нет, обычный исторический миф. В данном случае — революционный. А то, что это главный национальный праздник Франции, еще раз подтверждает, что ничто не нравится людям так, как даты, связанные с массовыми убийствами. Что 14 июля, что 7 ноября — все одно и то же.

Что же касается жестокости антинародного режима, то, захватив власть, революционеры судорожно стали искать, что же такого дурного сделали короли и их приближенные?! И если даже нашли, то такую малость, что и для пропаганды не годилось.

Вот любопытное наблюдение. Людовик XVI накануне Французской революции, мне кажется, в чем-то сильно напоминал Николая II Романова.

Вне всякого сомнения, из всех французских королей за последние лет пятьсот это был самый добрый, честный и справедливый человек. Он был застенчив и нерешителен. Он был очень трудолюбив. Любил слесарничать. Был неплохим картографом и инженером, все стены его кабинета в Лувре были увешаны картами, графиками, чертежами. Он мог часами общаться с простыми мастерами, дворцовыми работниками. В нем не наблюдалось и тени спесивости, как в Людовике XIV и в других французских монархах.

В отличие от всех своих предков Людовик XVI был удивительнейшим однолюбом: у него не было фавориток, он всю жизнь любил одну-единственную женщину — свою жену, печально знаменитую Марию-Антуанетту — ту самую, которую потом казнят вслед за королем.

Он терпеть не мог балов, дремал в театре и вообще избегал всяческих увеселений. Его любимым занятием были беседы с морскими офицерами о географии. Именно Людовик XVI стал инициатором тихоокеанской экспедиции знаменитого капитана Лаперуза. Того самого, о котором поется в советской песенке про Сахалин:

А почта с пересадками летит с материка
До самой дальней гавани Союза,
Где я бросаю камушки с крутого бережка
Далекого пролива Лаперуза.

Когда экспедиция, организованная по инициативе Людовика XVI, бесследно пропала, он очень переживал. Говорят, даже находясь в заточении, накануне смертной казни, все время спрашивал тюремщиков, не вернулся ли капитан Лаперуз.

Вот такой был король. Человечный. Искренний. Совершенно не жестокий. Видимо, это стало очередным камешком на весах судьбы, предопределившим, что именно на нем пресеклось французское королевство. Человек с такими личными качествами не смог проявить достаточной жестокости в подавлении первых ростков будущего бунта.

Революции происходят не тогда, когда все очень плохо. Когда очень плохо, люди заняты другим — они думают о том, как выжить. Именно при Людовике XVI жизнь людей стала более-менее сносной — по крайней мере, лучше, чем при его предшественнике. Однако революции зачастую происходят именно тогда, когда становится легче. Когда человек вздохнет, осмыслит пережитое, проникнется мыслью о всеобщей несправедливости — почему мне так было плохо или есть плохо, а кому-то хорошо. Вот тогда у него сжимаются кулаки, он берется за булыжник — оружие пролетариата, за секиру, рушит фонарь, сооружая первую баррикаду... Вот тогда-то и происходят революции. Так что не надо думать, что экономический подъем является гарантией стабильности.

Чем не портрет — с некоторыми отличиями в деталях — Николая Александровича Романова? Когда начались волнения 1905 года, Николай II пошел навстречу народу — я имею в виду знаменитый манифест, провозглашение гражданских свобод, выборы в Государственную Думу, свободу организаций и так далее. В ответ на давление Николай всегда стремился сделать шаг навстречу. По крайней мере, не развязывал контрреволюционного террора.

Точно так же действовал и Людовик. Часть Генеральных штатов — депутаты третьего сословия — провозгласили себя Национальным собранием, по сути второй верховной властью во Франции, равной королевской. Двор воспринял это как открытый бунт.

Королю советовали как минимум распустить собрание, а еще лучше — всех арестовать.

Однако что сделал монарх? Поступил вполне в духе таком фамусовском, в духе доброго московского барина — он просто повелел

закрывать зал заседаний и не пускать туда депутатов. Когда они утром пришли, то увидели, что зал заседаний Национального собрания закрыт, на двери висит замок. Король предполагал, что после этого они, понунив головы, разбредутся кто куда.

Разойдутся по домам. Однако именно тогда этого и не произошло — что, кстати, говорит о том, что на этом уровне гражданское общество во Франции уже сформировалось. Депутаты нашли рядом какой-то пустующий спортивный зал — зал для игры в мяч — и провели там первое заседание нового органа власти, провозгласив себя Учредительным собранием.

Окажись на месте короля Трощий или Ленин, я думаю, они не ограничились бы вывешиванием замка. Послали бы пару экипажей слегка подвыпивших матросов-железняков, которые запросто штыками разогнали бы всю эту камарилью. И никакого Национального собрания, никаких заседаний в зале для игры в мяч. Вся история Франции прошла бы тогда по-другому.

Если бы да кабы... Банальности про сослагательное наклонение, которого не знает история, повторять нет смысла. Мягкость Николая и добросердечие Людовика в конечном итоге породили ужасы нашей гражданской войны и их французской революции.

Вот еще пара штрихов к картине революционного гуманизма, «милосердных нравов героев 93 года»... Изобретение того времени — гражданские «свадьбы», когда контрреволюционно настроенных юношей и девушек раздевали и привязывали спинами друг к другу, после чего бросали в реку.

Другая вариация — «семейные похороны» торговков в городе Лионе: топили их вместе с маленькими детьми, привязанными к матерям.

Так же, как якобинская диктатура и якобинский террор стали предтечей большевистской диктатуры и красного террора, гражданская война на севере Франции, в Вандее, стала провозвестницей нашей Гражданской войны. Обычные в общем-то французские крестьяне проявляли как чудеса отваги, так и жестокости в ходе схваток с республиканскими революционными войсками... Стандартной казнью, которой подвергались в мятежной Вандее офицеры республиканской армии, было отнюдь не повешение и даже не расстрел. Стандартной казнью являлось распиливание людей пополам.

Изготовление париков из волос казненных, абажуров из кожи «врагов народа» — строго документированный факт. Ничего вам не напоминает? — мыло из человеческих костей в гитлеровских концлагерях...

Но, конечно же, об этом не пишут во французских школьных учебниках, не сообщают по телевидению. И ликуя в День штурма Бастилии, современные французы искренне радуются «избавлению» их предков от «королевской тирании», «феодализма» и «реакции».

В «цивилизованные» времена...

Перенесемся, однако, в более цивилизованные времена. Начало правления Николая I, история подавления восстания декабристов.

Помните фильм «Звезда пленительного счастья»? Барабанная Дробь, виселица, тела повешенных... Снято хорошо, фильм делал мастер. Когда смотришь — мурашки бегут по коже. Сразу вспоминается прозвище — Николай Кровавый!!! Ах, это о другом тиране-сатрапе?! Ну, тогда вот — «Николай Палкин»! Только когда начинаем выяснять, сколько же мятежников было казнено после подавления этого восстания, на память приходят медальные профили пяти повешенных борцов за свободу. И все!

Профили пяти казненных декабристов. Медальон.

До сих пор нет полной ясности, почему не был предотвращен мятеж декабристов. Ведь достоверно известно, что о деятельности тайных дворянских обществ знали и высшие чины империи, и сам государь Александр I.

Врач английского посольства в беседе с Пушкиным удивлялся: «Все посольство Британии только и говорит, что об удивительном... милосердии Вашего государя. У нас (в Англии) по делу о военном мятеже такого размаха было бы казнено тысячи три, а всех оставшихся сослали бы на галеры».

Действительно, если не считать несчастных солдат, обманутых

заговорщиками и убитых во время боевых действий при подавлении мятежа, количество жертв «Николая Палкина» — пять человек. Точнее — 125, ведь Николай, как известно,

Едва царем он стал,
То разом начудесил:
Сто двадцать человек тотчас в Сибирь сослал
Да пятерых повесил.

Даже в этих поэтических строках — осуждение. А что уж потом устроила либеральная интеллигенция! А потом — большевистская история: мол, «ознаменовал восшествие на престол кровавой расправой с лучшими представителями... лично допрашивал декабристов».

Ну, слава Богу, хоть не додумали, что еще лично пытал. Пытки, кстати, вообще были ни к чему: дворяне-заговорщики наперегонки каялись, сдавая с потрохами и себя, и товарищей по заговору. Так что Николаю на допросе было достаточно суропить брови и качать головой: как, мол, не стыдно вам, дети мои.

Николай I вспоминал впоследствии, что ему стоило большого труда и душевных мук приказать открыть огонь картечью на Сенатской площади. Думаю, что в этом великая доля лицемерия.

Однако, например, Бонапарт, расстреляв картечью бунтовщиков в Париже, с чего, собственно, и началось его восхождение к славе и власти, никогда подобными душевными терзаниями — даже в мемуарах — не страдал.

Теперь же сравним все эти «зверства русского тирана-крепостника» с действиями просвещенного и цивилизованного европейского монарха.

В 1848 году во Франции пришел к власти Наполеон III. Этому предшествовали события, которые в школьном курсе истории называют Революцией 1848 года.

Так вот, во время этого мятежа и сразу после его подавления в одном только Париже было повешено по приговорам военно-полевых судов свыше 10 000 человек! «Почувствуйте разницу!» Кстати, до создания военно-полевых судов Николай I не додумался. Одно слово — ограниченный человек, «деспот»... Никакого полета мысли.

Или вот 1834 год, еще одно из бесчисленных восстаний в Париже,

сопровождаящееся строительством баррикад. Поводом послужили похороны одного из популярных французских генералов. Именно эти события описываются в романе Гюго «Отверженные». Мы хорошо знаем этот исторический эпизод по хрестоматийному отрывку про Гавроша. Именно тогда, при подавлении восстания в Париже, французский генерал Бюжо приказал перебить всех жильцов одного многоквартирного дома, из которого, как ему показалось (!), раздавалось несколько выстрелов.

Никто не погиб и не был даже ранен из офицеров. Никто не погиб из солдат. Никого из жильцов дома не поймали с оружием в руках. Просто генералу показалось, что из этого дома стреляли.

Поэтому-все (!) жильцы, включая старых, малых, женщин с грудными детьми были убиты. Людей убивали в собственных постелях.

Это 1834 год, это свободная, можно сказать, демократическая Франция. Вот так, братцы... А вы говорите — восстание на Сенатской площади... с пятью повешенными.

В 1849 году, император Австрии Франц-Иосиф при восшествии на престол подавил восстание венгров — 100 000 покойников при населении Венгрии в два с половиной миллиона. Круглая цифра доказывает, как обычно, только одно — точно никто не считал. Часть из этих 100 000 была забита насмерть кнутами и шпицрутенами, порядка 35 тысяч повстанцев расстреляны и повешены.

Все правление Франца-Иосифа не прекращались попытки поляков, чехов и словаков выйти из состава его империи и образовать свое государство. Общее число славян, убитых в ходе уличных боев, брошенных в тюрьмы, искалеченных и избитых исчисляется десятками тысяч человек.

Но Франц-Иосиф — не «Палкин», это нежно любимый, культовый император в Австрии! Гулял я как-то по Вене: куда ни глянь — или парк Франца-Иосифа, или дворец-музей, или скромный 5-звездочный отель «Франц-Иосиф». Прямо культ положительного героя. Национальный лидер, ни дать ни взять. Но забавно, что это не только в Австрии. Мне рассказывал товарищ, как был удивлен, увидев парадный портрет Франца на стене ресторана в Кракове. Не подумайте, что в этом был какой-то иронический подтекст. Все совершенно серьезно, объяснял хозяин заведения, это мы в благодарную память бывших подданных о бывшем дорогом монархе.

Франц-Иосиф спокойно досидел на престоле Австро-Венгрии до 1916 года. Почти 70 лет просидел. Видимо, это был император очень цивилизованный, он умел убивать в строгом соответствии с правами человека и Хельсинкской хартией, буквой и духом законов.

Так что смерть тысяч и тысяч расстрелянных и повешенных венгров и славян никого не волнует. После восстания декабристов и значительного ужесточения режима, более того, с учетом всего разгула народовольческого террора, за весь этот сложный период российской истории, с 1826 по 1905 год — декабристы, «Земля и воля», Вера Засулич, убийство террористами императора Александра II, многочисленные покушения на Александра III и так далее — за все виды преступлений в России было казнено 894 человека. Это человек в месяц в среднем — в стране фактически объятой тайной террористической войной. Более того: из них большинство — военные, участники польских восстаний. Так что разделить еще на 3 минимум. Ну о какой жестокости может идти речь? Я думаю, одного человека в 3 месяца казнили в небольшом муниципалитете во Франции. Если не больше.

Некоторые товарищи Александра Ульянова, готовившие покушение на Александра III, были помилованы императором, поскольку обратились с соответствующей личной просьбой. Однако Александр Ульянов не захотел просить прощения и предпочел умереть.

Ленин, как говорится в известном анекдоте, отомстил за брата, как настоящий джигит. За себя самого, за страдания, перенесенные в царских тюрьмах и ссылках, мстить ему особенно не приходилось. Когда Ленин был арестован и пребывал перед высылкой в Сибирь в столичной тюрьме, его лечили там молоком и минеральной водой от гастрита. С 1897 по 1900 год он находился в ссылке вместе с женой в селе Шушенском под Красноярском.

Что значит жестокая «ссылка в Сибирь» — сейчас поясню. Во-первых, Ленин не привлекался ни к каким работам. Сидел, писал революционные статьи. Во-вторых, он получал ежемесячное пособие (!) из казны, позволявшее снимать ему просторный крестьянский дом, платить домработнице за уборку, стирку, приготовление пищи. Чем еще занимался на досуге? Прогулки и охота.

Ссылным разрешалось иметь и хранить огнестрельное оружие.

Зверский режим! После революции 1905 года режим, действительно, был ужесточен. Кое-кого отправляли даже на каторгу. Но что значит каторга начала XX века, где побывали большевики? Вот знаменитая Нерчинская каторга — мы-то все думаем, что это какие-то средневековые зверства... По воспоминаниям революционеров, на Нерчинской каторге разрешалось свободно ходить из камеры в камеру, периодически совершать прогулки в лес. Если к ним приезжали жены, то встречаться и жить с ними по несколько дней в соседней деревне. Это — каторга.

Это — зверства кровавого царизма.

Как-то страшно это писать, но даже страшные события XX века вовсе не свидетельствуют об уникальной кровавости русской истории. Французские историки любят противопоставлять свою революцию 1789–94 годов и русскую революцию и Гражданскую войну 1918–22 годов. Якобы даже самое чудовищное порождение революционеров-безумцев, которое когда-либо видела Европа — «якобинский террор» во Франции, и то все же как-то приличнее, законнее, гуманнее, чем революция у этих ужасных русских.

Но давайте сравним.

Возьмем по максимуму. Наша Октябрьская революция и последовавшая за ней действительно безумная гражданская война унесли порядка 10–11 миллионов жизней. Чудовищно, кто же спорит... За считанные годы погибло 7 % из 160 миллионов жителей тогдашней Российской империи.

Но, во-первых, во время Гражданской войны 1918 года в Финляндии погибло 150 тысяч человек, при населении в 3 миллиона.

Те же 5 % всего населения.

Однако никто не делает далеко идущие выводы о зверстве финнов и кровавости финской истории.

А во-вторых, Французская революция 1789–94 годов унесла порядка 1,5 миллиона жителей из 20-миллионного населения Франции — это 7,5 %. То есть цифры соотносимые, почти одинаковые. Простите, почему наша история более жестока и кровава? И почему французы, породившие революционную чуму, должны от нас шарахаться, как от прирожденных убийц? Кстати, интересно было бы проследить физическую неполноценность наиболее ярких и жестоких вождей европейских революций.

Посмотрите на этих фюреров. Гитлер — маленький, тщедушный, по слухам, с определенными проблемами мужского характера. Ленин — тоже не самый здоровый человек. Троцкий — мелкий, страшненький.

Посмотрите на вождей французской революции.

Дантон. Чудовищно некрасивый человек, лицо изуродовано оспой. Если судить по портретам и гравюрам — просто урод.

Враги называли Дантона «Чудовищем» — он действительно был чудовищем не только внешне, но и по своим нравственным качествам.

Марат. Тоже урод, страшно больной, весь покрытый какими-то язвами. Отмокавший регулярно в ванне, потому что тело его постоянно чесалось.

Робеспьер. Мелкий тщедушный человечек, типажа Троцкого.

Это любопытно. Действительно, нет среди жестоких революционных вождей мужчин-красавцев атлетического телосложения и актерской наружности. Вот нет почему-то. Наоборот — все чем-то похожи друг на друга. Одним миром мазаны. Одной кровью.

Святая Русь. Покаяние и очищение

Нет, поистине никогда ни один народ не судил себя так откровенно, так строго, так покаянно: не требовал от себя такого очищения и покаяния.

И не только требовал, а осуществлял и этим держал свое бытие и свой быт.

Иван Ильин, русский философ

Русский народ назвал свою страну Святой Русью. Не «старая добрая Русь» (как Англия), не «прекрасная Россия» (как Франция), не «сладостная Русь» (как Италия), не «Россия превыше всего» (как Германия), а Святая...

И одна из причин такого самоопределения в том, что отличительной особенностью освобождения от греха является покаяние.

Никто в Европе, ни один монарх или его министр так не каялся, как Иван Грозный. В отличие от своих венценосных европейских собратьев Иван Васильевич как публично грешил, так публично и каялся. Пароксизм душегубства всегда завершался у него пароксизмом истерического покаяния. И опричники ведь носили монашескую одежду, хорошо знали службу. Периодически весь двор шел крестным ходом, замаливал грехи — реальные и надуманные.

Так почему же иностранцы (да и многие наши либералы-западники), сравнивая русских монархов с европейскими, видят «сломицу в оке ближнего своего, в своем же не узрят и бруса»? Не оттого ли, что у русских было принято каяться в своих преступлениях? Иван Грозный натворил множество злодеяний, но незадолго до его смерти во все монастыри России были разосланы по его приказу синодики — полные поминальные списки с именами жертв опричного террора. На помин их душ Иван Грозный внес большие личные вклады.

НИ ОДИН известный нам европейский монарх НИ РАЗУ за всю историю Европы не сделал ничего подобного. И Цезаре Борджиа, и Екатерина Медичи, и Мария Кровавая, и Генрих VIII имели основания покаяться, причем намного более Ивана. Но не покаяться.

Поразительное дело: своим покаянием Иван Грозный как вознес свой душевный порыв, так и наказал самого себя.

Если вам придется побывать в Великом Новгороде, поглядите

внимательно на памятник «Тысячелетие России», воздвигнутый в 1862 году.

Среди 129 фигур, присутствующих в этой скульптурной группе, Ивана Грозного нет. Персонажей для памятника выбирал лично Александр II. И хотя многие цари пролили кровушки не меньше, чем Иван IV, из списка поминаемых государственных деятелей его исключили.

Царь-освободитель Александр II не хотел, чтобы «кровавый» царь присутствовал на монументе, символизирующем русскую историю и русскую государственность.

Неужели правда, и это одно из наказаний за признание собственных грехов?! Вот Иван Грозный открыто признал их — и потомки исключили его из пантеона русских царей.

Вот и думай после этого, хорошо ли каяться в грехах и признавать ошибки...

Крови в русской истории пролилось меньше, чем на Западе, потому, что таков характер нашего народа. Вот пишу и сам испытываю неловкость — не привыкли мы себя за что бы то ни было хвалить. Даже если имеем право сказать что-то хорошее — вроде бы так нескромно... неправильно...

А тут еще века окриков: Россия кровавая! Россия страшная! В России все не так! Мы — не цивилизованные европейцы! Скифы! Азия! Возражать психологически трудно.

И все же: русский народ не только не хуже европейских... Мы добрее, мягче, меньше склонны к жестокости и кровопролитию.

Хотя бы такой факт — «золотые обозы» из Сибири охотно брали попутчиков. «Золотой обоз» — это санный поезд, которым везли в Москву и в Петербург золото из Сибири. Железной дороги еще не было, десятки и сотни пудов золота везли санями через всю Сибирь, от Иркутска и Красноярска.

Разумеется, такой обоз был желанной добычей для любой шайки разбойников. Лихой налет мог обеспечить членов шайки на всю оставшуюся жизнь. Так вот, с обозом шли, на этих санях ехали десятки людей — попутчики. Самый известный из них — Василий Суриков. Именно с золотым обозом пришел он в Петербург из Красноярска.

Платы с таких попутчиков не брали — эти люди становились своего рода охраной для золота. Потому что если бы разбойники напали на такой обоз, пришлось бы убивать этих людей как свидетелей. А разбойники не хотели губить душу.

НИ ОДИН золотой обоз за всю историю России не был разгромлен. Так что система охраны действовала, и очень неплохо.

Сравним это с традициями того же «Дикого Запада», США.

Там «золотая лихорадка» всегда сопровождалась массовыми насилиями и убийствами. Многие страницы певцов «золотых лихорадок», Б. Гарта и Дж. Лондона просто страшно читать.

Невозможно представить себе ничего даже отдаленно похожего на такую систему охраны ни в США, ни в любой из европейских стран.

«Что, у нас и разбойников не было?!» — возопиет иной «оппонент».

Были. Как же в громадной стране — и без разбойников? Но вот странность какая, во всех странах Запада главным для разбойника было унести ноги и бежать как можно дальше. У британцев был удобнейший способ — бежать в колонии. А из колоний бежали в Англию, конечно...

Не удалось бежать — надо спрятать награбленное и выждать, пока выйдет срок преступления. Просидел тихо несколько лет, и все в порядке, можно пользоваться богатством с чистой совестью.

В России в старину многие разбойники действовали иначе.

Часть награбленного, конечно, брали, но часть непременно надо было закопать и не трогать три поколения. Только правнукам можно было воспользоваться награбленным золотом. За три поколения оно должно было «очиститься».

Естественно, не всякий доживал до правнуков, тем более до времени, когда правнуки подросли настолько, что им можно было показать место клада. И потому по Сибири и сегодня лежит немало захороненных богатств, которых некому уже извлечь из земли.

В романе Шишкова дед главного героя на смертном одре показывает сыну и внуку место клада. Сейчас это забылось, но современники прекрасно понимали, что над такой семьей незримо сгущается проклятие... Кровава, увы, вся история человечества. Но если сравнивать Россию с другими странами, получится, что наши предки жили в странной — доброй и почти не агрессивной стране. Конечно, и в России были жестокие войны и междоусобицы, восстания и бунты, подавляемые со средневековой жестокостью. Но повторюсь — все познается в сравнении. И в сравнении не с сегодняшним днем, а с тем, что творилось в мире тогда, каковы тогда были нравы и нравственность человечества. Политика двойного стандарта применялась в отношении к России и Европе: европейцам «можно» то, чего никогда нельзя нам.

При Иване Грозном и его опричнине погибло максимум 7 тысяч человек. Это ужасно. За это Ивана Грозного объявили страшным тираном и патологическим убийцей. При Генрихе VIII только несчастных бродяг, потерявших землю и средства к существованию крестьян, повешено 72

тысячи. В 10 раз больше, чем убитых в опричнину! По приказу Елизаветы Английской уничтожены тысячи представителей правящего класса, много больше, чем все жертвы опричнины при Иване Васильевиче.

Но Елизавету в Англии называют «Великой», а Иван у нас, а значит, и во всем мире — «Ужасный», «The Terrible». Это определение распространилось на всю нашу историю: правление Грозного характерно и типично для русской истории, свидетельство исконной кровавости России.

И так во всех известных нам случаях.

Европа и Америка тычут нам в лицо. Мы соглашаемся и посыпаем голову пеплом.

СОСЕДИ, СОПЕРНИКИ, ВРАГИ

Русские о французах и немцах

Мифология — совокупность первоначальных верований народа о его происхождении, древнейшей истории, героях, богах и пр., в отличие от достоверных сведений, выдуманных впоследствии.

Амброз Бирс, американский писатель

— Браво!

Возглас Багратиона при виде французских гренадер, идущих сомкнутым строем под картечью на багратионовы флешы.

«Ах! Франция! Нет в мире лучше края!» — к этому душевному взвизгу грибоедовских барышень с чистым сердцем присоединились бы многие поколения русских людей.

У нас всегда любили Францию. Правда, на протяжении 70 лет советской истории в основном заочно.

Но вот ездили, погуляли у подножия Эйфелевой башни, посидели за бокалом пива в брассери на парижских бульварах, — и отношение к французам у наших, побывавших в Париже, стало более сложным.

С одной стороны — конечно, безумные восторги. А с другой — вот сидят новые русские и отпускают шуточки: «Франция, конечно, прекрасная страна — Монмартр, тужур, лямур и так далее. Вот если бы еще там не было французов, было бы совсем хорошо».

И начинаются охи и ахи, французы нам кажутся чересчур расчетливыми, экономными до мелочности, эгоистичными. Вообще — какими-то мелковатыми. И в ресторанах французские официанты ленивы, медлительны — давно, видимо, с казаками не встречались. И раздражительны порой... Ну и так далее.

Хотя, опять-таки, они, конечно, не дураки. И по амурной части тоже ничего.

Ну что можно сказать этим нашим товарищам? Только то, что сами себя французы видят совершенно другими.

Что значит — «французы буржуазны»? Они гордятся своей буржуазностью. Ведь это их предприимчивость. Сам император Наполеон

не был чужд буржуазности: экономный, расчетливый, серый сюртук, треуголка, походная кровать... Именно французский буржуа — от крестьян, получивших землю благодаря революции, до банкиров и промышленников — именно вся эта широчайшая масса французского народа и была главной опорой наполеоновского престола.

Франция для французов — это воинственность, это галльские герои. Это Верцингеторикс — галл, который бросил вызов самому Цезарю и сражался с ним на равных. Это Мюрат, это маршал Ланн, которому приписывается афоризм (у нас охотно вкладывают его в уста Багратиона — и Бог его знает, кто сказал это на самом деле): *«Дерьмо тот гусар, который дожил до 30 лет»*.

Надо сказать, что и Багратион, и маршал Ланн лишь чудом перевалили 30-летний рубеж. Багратион получил смертельное ранение под Бородино, маршалу Ланну оторвало ноги, правда, не русским, а австрийским ядром.

Французы для Франции — это те самые плотные ряды кирасир, закованные в железо, сплошным строем летящие на огнедышащие батареи Раевского. Либо еще более тяжелые, еще более стальные ряды французских рыцарей, которые столь же безудержным галопом несутся на оцетинившиеся пиками ряды английской пехоты.

Считается, что в своих латах рыцари были чудовищно неповоротливы и, упав с коня, уже не могли подняться. Но тогда непонятно, как вообще выживала рыцарская конница. Ведь стащив рыцаря с коня — вилами или крюком, — любой крестьянин фактически брал бы его в плен. Однако в действительности все, конечно, было не так. Современный солдат срочной службы, если его нарядить в рыцарские латы, действительно, упав не то чтобы с коня, но и со стула, встать уже не сможет. Однако тогда уровень физической подготовки профессиональных воинов, в данном случае рыцарей — собственно, больше ничем они и не занимались, кроме как воевали, — был несравненно выше. Предполагалось, что в полном облачении настоящий рыцарь может не то чтобы передвигаться, вставать с земли, ложиться, садиться при необходимости, но может даже танцевать и плавать! И на коне, и без коня, лишь бы с оружием, закованный в железо рыцарь был

фактически неуязвим и непобедим.

Французы — это мечтатели и романтики. Как Жанна Д'Арк.

Как Виктор Гюго. Как художники-импрессионисты. Как Антуан де Сент-Экзюпери.

Или, может быть, это такие романтики, как Д'Артаньян и мушкетеры — и тысячи таких же дуэлянтов, бретеров, невольников чести, кои составляли цвет и славу французского дворянства.

Может быть, они и ввели понятие «честь» в самом начале нового времени в европейский обиход.

Все эти мушкетеры, защитники баррикад, а баррикады строились в Париже чуть не каждый год весь XIX век, эти моряки дальнего плавания, эти воины французского легиона, захватившие самую бесплодную половину Африки, которая так и называлась многие годы на картах: Французская Западная Африка... Все они уж точно были не мелочны, не расчетливы и не буржуазны. Именно такими видят себя французы. Именно этой своей историей они по праву гордятся.

Хотя... Вот что Юлий Цезарь отмечал в записках о Галльской войне относительно национального характера галлов — будущих французов. Они *«страшно сварливы. Например, сцепятся два соседа, затем в схватку вступают их жены, тягают друг друга за волосы. Когда же они в ярости, то целая толпа чужеземцев не может справиться с ними. Они скрежещут зубами, размахивают руками, наносят удары друг другу по головам. Говорят галлы резко и угрожающе, и со стороны невозможно понять, спокойно они беседуют или ругаются друг с другом»*.

Согласитесь, достаточно нелицеприятная характеристика, а источник — самый что ни на есть авторитетный.

Но и французы в долгу не остаются. Вот забавная цитата — что думал другой великий полководец, Наполеон, об итальянцах, потомках римлян. Из его донесения Директории во время итальянского похода: *«Вы воображаете себе, что свобода подвигнет на великие дела этот дряблый, суеверный, трусливый, увертливый народ. В моей армии нет ни одного итальянца, кроме полутора тысяч шалопаев, подобранных на улицах, которые только и делают что грабят, и ни на что не годятся»*.

Все это примеры стереотипов — устойчивых образов «другого» (слово «стереотип» американцы стали использовать в этом смысле с 1960-х годов). Смысл термина: мы часто судим о непохожих на нас людях, исходя не из их личных достоинств, а из наших собственных предрассудков.

Стереотипы бывают не только негативными, но и позитивными.

Бывают сложными, комплексными.

Возьмем классический стереотип — как в России представляют немцев. Русские помнят, что немец обычно трудолюбив, разумен и справедлив. Они уважают его за это. Но помнят и то, что немец бывает жестким, даже жестоким. Осуждать стереотип? Глупее не придумаешь! Потому что немцы, действительно, могут быть крайне жестокими. Не в приступе ярости или в состоянии аффекта, а рационально жестокими. Порукой этому — жуткие истории об истязаниях и убийствах детей, которые регулярно рассказывает сама же германская пресса.

Мой отец был в Чехословакии во время событий 1968 года.

Чешские «сопротивленцы» выходили на трассы, перекрывали их собой, не давая проехать автоколоннам с советскими войсками.

Так вот, мой отец рассказывал случай: на гористую дорогу выбежала женщина с маленьким ребенком на руках, и советский танкист не задумываясь резко свернул с дороги. Танк слетел на обочину, сполз в обрыв и загорелся. Все танкисты погибли.

А. Дубчек на посту первого секретаря ЦК Коммунистической партии Чехословакии, в 1968 — главный инициатор курса реформ, известных как «Пражская весна», репрессирован не был. Впоследствии, по слухам, скромно трудился где-то в лесничестве.

А вот другая отцовская история того периода. В Чехословакию ведь вошли не только советские, но еще и венгерские и немецкие (из ГДР) части. К лагерям солдат из ГДР вечерами собирались местные сопротивленцы, приносили с собой кастрюли и щетки.

Колотили в кастрюли, устраивая страшный грохот, кричали: «Убирайтесь вон». «Кошачий концерт» не давал солдатам возможности поспать, давил на нервы.

Немцы предупредили чехов раз, два...

На третью ночь выставили взвод автоматчиков, и те дали очередь по толпе. Сколько людей было убито или ранено, история умалчивает, но больше немцам не докучали.

Как видим, стереотипы отражают все же некую реальность. Они могут изменяться под влиянием жизненных обстоятельств. Коллективный образ немца в XX веке несколько раз не то чтобы менялся, но под влиянием двух огромных и страшных войн народное сознание фиксировало разные стороны этого стереотипа. И происходило это очень быстро.

К тому же люди всегда готовы делать исключения из своих стереотипов. Данный конкретный немец может оказаться бездельником, пьяницей, криминальным типом, развратником или подонком.

Среди 90 миллионов немцев обязательно найдутся самые разные типы. Но тогда русский признает, что имеет дело с каким-то странным исключением из правила.

И объяснит это тем, что «неправильный немец попался». Потому что за века «соборной» жизни коллективный опыт народа сохранил совершенно определенный стереотип.

Так что борись со стереотипами — не борись, отрицай их или не отрицай, а они все равно существуют. Они — неотъемлемая часть и следствие исторических мифов.

Англичане сами о себе

Миф определяет сознание.

Станислав Ежи Лец

Всякий народ пытается представить свою историю в наиболее выгодном свете. И корректирует ее в свою пользу.

И вот уже исторические события истолковываются так, как их хотелось бы увидеть. Событие реально, но куда деться от архетипов? Желание подтвердить свои представления о мире, свои предрассудки оказывается сильнее фактов. Историческая память отодвигает в тень одно, высвечивает другое, напрочь забывает третье, придумывает четвертое.

И это свойственно не только России — такие же выдумки легко обнаружить и в истории других народов.

1745 год. Сражение под Фонтенуа. Мало что решивший эпизод такой же полузабытой войны за забытое Австрийское наследство. Но тут начинается легенда...

В те времена армии шли навстречу друг другу до тех пор, пока солдаты могли разглядеть белки глаз противника, тогда имело смысл целиться и стрелять. При этом, естественно, человеку, идущему навстречу вот-вот вспыхнувшему первому и, как правило, единственному залпу и смертельному потоку свинца, невероятно страшно. Стрельба по шеренге с 20–25 метров — это как игра со смертью в «русскую рулетку»: не выдержат нервы, выстрелишь раньше — и твой выстрел уйдет в «молоко». Затянешь на миг с залпом — и все, ты уже труп. В общем, именно поэтому Суворов старался избегать традиционной убийственной тактики того времени «сближение — залп — шеренга 1 с колена; залп — шеренга 2 стоя; перезарядили, если успели и если осталось кому перезарядить — ура! В рукопашную!» Генералиссимус предпочитал быстрый переход в штыковую. Знаменитое: «Пуля — дура (хрен ее знает, куда полетит, разброс стрельбы с 20 метров вправо-влево по метру), штык — молодец!» Кстати, именно по этой причине Бонапарт построил тактику атаки и перемещения войск на поле боя не традиционными шеренгами, а узкими колоннами — сектор поражения неприятельским огнем уже.

В общем, сближение с неприятелем в XVIII веке на поле боя — занятие не для слабонервных. К тому же 11 мая 1745 года поля под

Фонтенуа скрывал туман, и солдаты обеих армий долго не видели друг друга.

Во всех английских учебниках по истории написано, что когда армии сблизилась до расстояния прицельного выстрела, командующий англичан милорд Гей закричал:

— Господа французы! Стреляйте первыми!

Эта история прекрасно известна и во Франции, но с одной маленькой поправкой: там «точно знают», что кричал-то не англичанин, а француз. Кричал мсье д'Атерош, капитан королевских гвардейцев, и кричал он, конечно же:

— Господа англичане! Стреляйте первыми!

Скорее всего, действительно кто-то и что-то в этом духе прокричал: легенды редко возникают совсем на пустом месте. В обеих странах соответствующие легенды вошли в учебники, и сомневаться в них знающие люди не советуют. Иностранцу простительно, конечно, но, усомнившись в общепринятой легенде, «своим» он рискует уже не стать. А уж для «своего» по крови такого рода сомнения и вовсе неприличны и свидетельствуют о катастрофической нехватке национального, патриотического духа.

Французы отмечают, что французский тогда был международным языком, на нем говорили в высшем английском свете, и клич мсье д'Атероша был прекрасно понятен британцам.

Британцы столь же справедливо отмечают, что милорд Гей вполне мог кричать и по-французски по той же самой Причине. Кричал же Милорадович в 1812 году атакующим врагам: «Молодцы французы!» по-французски.

Итак, кто-то что-то кричал, но этот крик положил начало национальной легенде. Но вот кто именно кричал, что конкретно и кому в этот туманный день 11 мая 1745 года, мы, скорее всего, никогда уже не узнаем.

Ни тот, ни другой народ ну никак нельзя назвать нерасчетливым. У Наполеона были все основания отзываться об англичанах как о «нации лавочников». А упомянутая выше расчетливость французов тоже имеет глубокие исторические корни. Если вспомнить языческие верования древних галлов, то основу их религии составляли представления о бессмертии души, на чем зарабатывали себе немалые авторитет и власть друиды, вводившие себя в транс и беседовавшие якобы с умершими галлами. Вера в бессмертие души была столь сильной, что при проведении, как бы сейчас сказали, финансово-кредитных операций срок их действия не

ограничивали сроком жизни заемщика. Считалось, что люди могут дать друг другу займы с условием, что долг — при возникновении некоего форс-мажора — будет непременно возвращен позже... в загробном мире. В это галлы свято верили.

Или возьмем слова из английской песни «Правь, Британия, морями», неофициального гимна англичан: «Никогда, никогда, никогда, англичанин не будет рабом!» Так пелось начиная с конца XVIII века. Пелось с чувством, красиво и в разных обстоятельствах. У Куприна в «Гамбринусе» упоминается, как английские матросы с обнаженными головами поют эту песню с ее прекрасными и гордыми словами.

Д. Доу «М. А. Милорадович». 1820 г.

Герой войны 1812 г., губернатор Санкт-Петербурга. Подъехал к солдатскому каре на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. уговаривая солдат разойтись. По ходу «разговора» был застрелен декабристом Каховским.

Англичане поют народный гимн, демонстрируя, какие они свободные, независимые, самостоятельные. Как высоко ценят каждую личность в их замечательной стране.

Все бы прекрасно, да только вот насчет рабства... Дело в том, что и в XVII, и в XVIII, и даже в XIX веке англичан частенько продавали. И ничего

нового, кому-либо неизвестного в том нет, потому что продавали людей вполне официально, согласно закону.

Англичане очень пренебрежительно относились к крепостному праву в Пруссии, в Польше и России — варварство! Они не ввозили в Англию негров-рабов... По крайней мере, в больших количествах. Англичане торговали неграми, скупая их в Африке и продавая в Америке, но в «старую добрую Англию» их не везли, это верно. И к плантационному рабству тоже относились плохо — дикое занятие, недостойное джентльмена.

Есть здесь, правда, сразу две сложности...

Сложность первая: те, кто участвовал в работорговле, отвергались «приличным обществом». Как же! Люди низких занятий не заслуживают уважения. Но вот «инвестировать» в работорговлю не считалось чем-то скверным. Ведь не писал же никто: «Предлагаю участвовать в торговле рабами». Создавалась фирма под приличным названием, например: «Компания невольничьего берега», хотя это название слишком прозрачно. Чаще это была «Компания торговли с островами Зеленого Мыса» или еще нейтральнее — «Томас Вулф, сыновья и компания». Фирма продавала акции и выплачивала по ним ежегодный процент.

Джентльмен вкладывал деньги, прекрасно зная, чем занимается компания. И получал свои, оплаченные человеческой жизнью доходы, оставаясь джентльменом, принимаемым во всех «приличных домах».

«Ост-Индская компания», это уникальное государство в государстве, поддерживала самые теплые отношения с раджами, которые продавали с ее помощью своих подданных и для работы на плантациях, и в публичные дома, и в качестве солдат другим государствам. И джентльмены, на словах гнушавшиеся работорговлей, вкладывали миллионы фунтов стерлингов в деятельность компании. В ней служили тысячи офицеров, причем их офицерский патент признавался Британским государством.

Уж они-то тем более оставались вполне уважаемыми джентльменами в глазах «общества».

Негров из Африки стали ввозить в Америку уже после того, как убедились: индейцы на плантациях не годятся, мрут как мухи.

А рабочих рук надо много, рабов не хватает.

Опять же — не хватает женщин. В 1619 году в Джеймстаун, что на территории современной Виргинии, ввезли 90 женщин — в жены колонистам. За каждую «голову» колония заплатила по 120 фунтов отменного виргинского табака. Того самого, что сейчас в каждой второй пачке дорогих сигарет, — обратите внимание на надпись «Virginia blend».

Колонисты за жен платили общинные деньги или отработывали. Потом такая живая собственность венчалась с мужем в церкви. Все честь по чести! Но когда на колонию обрушился голод, один из колонистов жену... съел. В прямом смысле слова. Убил и ел, а чтобы не протухла, часть засолил, часть закоптил.

Малоизвестный факт, но поедание себе подобных у западноевропейцев освящено исторической и даже, можно сказать, религиозной традицией. Неоднократно описаны случаи массового каннибализма со стороны крестоносцев. Попадая во время крестовых походов в сложные климатические и военные условия — частью по причине собственной дури, невежества и слепого фанатизма, — они, исчерпав все запасы продовольствия, зачастую ели... Ну, если не убивали своих товарищей на прокорм, то питались павшими.

Во время первого крестового похода — это конец XI века — и столкновения с турками у стен Иерусалима крестоносцы в очередной раз лишились всех запасов продовольствия, и тогда один из их командиров сказал: «Разве вы не видите турецкие трупы? Это отличная пища». Как впоследствии писали хронисты того крестового похода, мясо жареных турок — а их поджаривали на вертеле — было сопоставимо по своим вкусовым качествам с курятиной, но жестковатой. И уж однозначно оно было вкуснее конины.

Турятина, так сказать.

Первые колонии в Австралии создавались как поселения «каторжников». Сидней в 1788 году основан, собственно, как такая колония, — в том году на берег неизвестного европейцам континента сошла почти тысяча «преступников». Все они бесплатно работали на английскую корону — кто 10, кто и 20 лет. Все они могли быть официально проданы короной фермерам или на рудники по сходной цене — 40 фунтов за голову. Нет денег? Не страшно. Английская корона допускала финансовую рассрочку. Рабы? А кто же еще? А пока британцев продавали с молотка по сходной цене в 40 фунтов, англичане радостно пели бессмертное: «Никогда, никогда, никогда англичанин не будет рабом».

Но в колониях хотя бы было тепло. Культовый советский журналист-международник В. Овчинников в своей книге «Корни дуба» хорошо показывает, почему британские аристократы так любили конный спорт, подвижные игры на свежем воздухе, прогулки быстрым шагом через поля и луга. Причина проста: климат.

Он в Британии, конечно, не таков, как у нас. И снег лежит недолго, и февраль — уже весенний месяц. Все так, но тем не менее — климат в

Британии сырой и прохладный. Не случайно зонтик стал в Англии обычным элементом мужского туалета. Пусть сейчас ясная погода, но через полчаса может пойти дождь, а еще через два часа опять станет ясно.

Другим обычным элементом туалета джентльмена была тяжелая трость. Мало ли кто может встретиться во время прогулки? Ведь красивые парки незаметно переходят в леса и болота... Сэр Баскервиль погиб, встретившись с фамильным чудовищем — страшной собакой Баскервильей, потому что калитка его парка прямо выходила на болота. Не все британцы имели дело с мистическими собаками, вызванными к жизни беспутством предков. Но и волки, и одичалые псы, и бродяги — очень реальны, на случай общения с ними лучше прихватить трость, в конец которой залито с фунт свинца.

Английские дворяне любили свою страну и ее природу, им нравилось много времени находиться вне дома. Но чтобы получать удовольствие от пребывания на свежем воздухе, им приходилось все время двигаться, согревать себя движением. Жесткий контактный спорт под названием «ножной мяч» родился на берегах Альбиона. Понятно, что не случайно: приходилось бегать, греться. Вскоре футбол стал популярен в России, даже в Сибири. Тоже понятно почему...

Футбольная сборная Англии. 1876 г.

Футбольная команда Томска. Начало XX в.

В английских домах было не просто прохладно: в них всегда было сыро и зябко, а большую часть года довольно холодно. Камин — это ведь даже не печка, это горящий в комнате костер. Пока он горит, возле него тепло.

То-то английские аристократы и интеллигенты — те же Шерлок Холмс с доктором Ватсоном — сядут поближе к камину, с наслаждением протягивают к нему ноги. Кстати говоря, потому они так любят потягивать бокал с виски весь вечер — и доза спиртного небольшая, и сугревает.

А согревшись у камина живым огнем, виски и приятной беседой, британцы разойдутся по своим нетопленным спальням. Еще в XIX веке англичане считали, что отапливать спальню чуть ли не безнравственно. Спали под теплыми одеялами, в длинных и плотных ночных рубашках — в спальне царил по сути такая же температура, как на улице. Стандартная практика подготовки ко сну англичанина (кстати, и сегодня иногда встречается в небольших гостиницах, особенно на севере): сначала под матрас кладется несколько грелок с очень горячей водой, постель немного прогреется, а только потом ложишься спать, в пижаме и колпаке.

Вспоминаю, пару лет назад останавливался в Лондоне в начале декабря в 4-звездочной гостинице в центре. Первое потрясение: в фойе отеля сидеть просто невозможно. Двери нараспашку, на улице градусов 5–6 тепла, в холле — максимум +15. При этом на ресепшн работают англичане... в рубашках! Мне, приехавшему из «холодной России», было зябко даже в свитере и куртке.

Второе потрясение: как англичане одевают своих маленьких детей. Те же 5–6 °С на улице, промозглый ветер, но родители весело гуляют по парку,

катаются на коньках по открытому катку с полусинтетическим льдом со своими 3–4-летними карапузами, которые не просто без всяких шапок (что немыслимо для любой заботливой русской мамы), но и без курток. Максимум дутая жилетка поверх традиционного sweatshirt и шарфик. Вот что значит многовековая привычка к холоду! Кстати, «нормальная» поддерживаемая температура в английской школе/детсаду — 19 °С. Это, извините, как в казарме российской армии, и то призывники жалуются, что мерзнут по ночам. Поэтому единственное, что я мог стыдливо бормотать, глядя на закаленных британцев: *«Ничего, настоящий сибиряк не тот, кто не мерзнет. Настоящий — кто тепло одевается».*

Не в одном и не в двух романах разных английских авторов описывается, как герой или героиня, или их служанки поутру разбивают лед в тазике для умывания. Это представляется не как некий экстрим, а самое обычное бытовое действие: надо же умыться перед тем, как, стуча зубами, натянуть дневную одежду, выйти в холл к горящему камину... Халаты английских аристократов и интеллигентов — это вам не легкие ситцевые одеяния. Шерлок Холмс ведь носил плотный халат мышинового цвета и часто надевал его не ВМЕСТО, а ПОВЕРХ костюма. Зачем? Явно не для красоты. Очевидно, для тепла.

В среде победнее, менее утонченной, часто надевали вместо халата пальто. Тоже поверх обычной одежды. Так в пальто и ходили в своих нетопленных, холодных домах.

Собирались у камина холодным утром для того, чтобы подготовиться к новой пешей прогулке (с тростью или с зонтиком), игре в гольф или катанию на лодке: в тумане, при морозящем дожде и промозглом ветре.

Вы не сможете питаться бананами с дерева в Скандинавии и охотиться на лося в Африке. Если вы хотите долго и счастливо жить в Африке, вам следует полюбить бананы и поменьше думать о лосях. Вроде логично? В культуре любой страны Европы мы легко найдем точно черты приспособления к ее природе: самоограничения, отказ от комфорта и удобств, чего-то слишком дорого стоящего.

Не от хорошей жизни французы стали еще в Средние века есть всяких полумертвых желеобразных улиток и полипов, отскребая их длинными ногтями от стенок раковин.

Британия оказалась наиболее в этом плане похожей на Россию. Но возьмем теплую, богатую Францию с ее луковым супом, поеданием улиток и лягушек. Да, тепло... Яркие краски, пышная природа, благодатный юг.

Только вот еды не хватает. Это русские мужики едят сдобренную салом кашу и густые, наваристые щи. Это британцы уписывают толстые

бифштексы и сытные пудинги.

Утонченная кухня Франции, где чуть не каждая травка употребляется в пищу, а улиток собирают с каменных оград и запекают, — дитя бедности. Нужно пройти очень грустный исторический путь, замешать в одной кровавой ступе кельтов-галлов, латинян-римлян, германцев-франков и бургундов, викингов-норманнов, стать ареной бесконечных столетних и тридцатилетних войн всех против всех, пережить инквизицию, жакерию и бесконечные великие и не очень революции, чтобы научиться есть улиток, певчих птичек и ловить по болотам лягушек.

Британцы гордятся закаленностью и стойкостью предков. Они считают, что суровая жизнь, в которой пребывание на природе и отсутствие удобств, важнее комфорта и готовила их предков к свершению великих дел, к созиданию громадной империи.

Не случайно же в самых лучших, самых аристократичных английских закрытых школах и сегодня, в эпоху газа и электричества, условия жизни как раз самые жесткие. С неотопливаемыми спальнями и спортивными состязаниями на свежем воздухе независимо от погоды.

Великие британцы были правы! Люди, получившие необходимую закалку, оказывались прекрасными работниками и солдатами. Британцы не только приспособились к климату и природе своей страны, но и сделали это с пользой для здоровья. И получают от этого образа жизни удовольствие.

Французы об англичанах и немцах

О немцах я более хорошего, нежели дурного мнения, но вместе с тем не могу не признать за ними один (и весьма крупный) недостаток — их слишком много.

Вольтер

Англичане высокомерны, американцы стремятся господствовать, немцы садисты, итальянцы неуловимы, русские непостижимы, швейцарцы — швейцарцы. Только французы удивительно милы. А их обижают.

Пьер Данинос, «Записки майора Томпсона»

Особая ипостась политических мифов — мифы о народах, которые стали твоими конкурентами.

Вплоть до середины XIX века во Франции и Англии немцев считали сентиментальными романтиками, которые умеют хорошо работать, но, не поверите, плохо считают деньги, обожают семью с бесчисленными младенцами, тирольские песни и домашних животных.

В 1860-е годы «вдруг» выяснилось, что Германия производит товары лучшего качества, чем французские или английские. Появился конкурент, и это вызывало настороженность. Милейшие добряки с трубочками во рту и пивными брюшками стали казаться уже не такими безобидными и симпатичными. Во французских газетах немцев стали изображать жестокими и наглыми, пронырливыми и жадными.

У Жюль Верна есть персонаж, немецкий профессор, выведен он очень комедийно и непривлекательно. Чавкая, пожирает целые горы кислой капусты с сосисками, запивает озерами пива, после чего садится писать статью «Почему современные французы проявляют признаки дегенерации».

Пруссия стремилась объединить Германию, а Франция изо всех сил препятствовала этому, не желая терять гегемонию в континентальной Европе, что, собственно, и вызвало франко-прусскую войну 1870 года. Оказалось, что Пруссия отмобилизовала армию в два раза большую, чем французская, и сделала это вдвое быстрее.

Стальные нарезные орудия Пруссии стреляли дальше и точнее, чем старые французские.

Прусская армия лучше управлялась, лучше снабжалась и несравненно лучше воевала.

С августа 1870 по апрель 1871 года германская армия наголову разбила французскую и оккупировала Париж.

В итоге Франция уступала Пруссии Эльзас и Лотарингию и выплачивала громадную контрибуцию в 5 миллиардов золотых франков.

В общем, сложно было бы ожидать позитивного отношения французов к немцам того времени, особенно если вспомнить, как те вели себя во время победоносной войны, закончившейся, как известно, Парижской коммуной. Командовавший пруссаками Бисмарк считал, что, не расстреливая всех пленных сразу — и это почти цитата, — германская армия проявляет удивительное человеколюбие. Немцы вели себя на оккупированной территории совершенно беспардонно — хотя до гитлеровцев в России им, конечно, было далеко. Считалось нормой, когда за каждого убитого в тылу немецкого солдата они расстреливали сто французских мирных заложников.

После этих событий черный миф о Германии окончательно стал частью политики Великобритании и Франции. Задолго до Первой мировой войны со страниц газет этих стран не сходил образ немца — жадного, тупого, малообразованного, отвратительного во всех отношениях.

Что с того, что уровень образования и общей культуры в Германии был выше английского и французского? Что Германия была Страной Университетов? Что германская наука лидировала в мире? «Средний» француз и англичанин вполне могли не знать этого. А пропаганда целенаправленно делала свое дело: формировала образ глупого и невежественного врага.

Немцы представляли милитаристами, жаждущими войны со всем миром, националистами и расистами. В статье «Мечта немцев» газета «Таймс» рисовала «извечную мечту» немцев о покорении всей Европы. Газета напоминала, что уже в раннее Средневековье германские племена завоевывали Британские острова. Вот и их потомки опять сюда лезут...

Тут далеко до исторической истины. И сами англичане — потомки не столько бриттов, сколько германских племен англов и саксов, которые даже дали название их стране и народу. Да и немцы отнюдь не поголовно разделяли милитаристские стремления правительства Пруссии.

В дневниках В. И. Вернадского есть прелестное описание того, как в Геттингене некий юноша из земли Пфальц выказывал ему, Вернадскому,

всяческое презрение, вел себя задиристо и нагло.

«Неужели это потому, что я русский?!» — не мог не подумать Владимир Иванович. Назавтра обидчик пришел извиняться и вел себя крайне смущенно. *«Простите, ради Бога, — оправдывался юноша перед русским коллегой. — Меня ввели в заблуждение... Мне сказали, что Вы из Пруссии...»* Так что быть пруссаком в Германии вовсе не было комплиментом.

Для многих немцев, объединенных с Пруссией «мечом и кровью», Пруссия стала символом примитивизма, готовности не договариваться, а орать. Решать проблемы кулаком, а не убеждением.

Но что пропаганде до этого? Вся Германия отождествлялась с Пруссией. Всем немцам приписывалась нежная любовь к казарме, муштре, сапогам и ругани. Всякий немец изображался злобным ограниченным садистом.

Кстати, о завоеваниях: именно во второй половине XIX века сформировались колониальные империи Франции и Англии.

Можно долго описывать, как бесчинствовали в них колонизаторы — и это были вовсе не немцы. Но именно немцам приписывалась чудовищная жестокость.

Во время Первой мировой войны английская разведка сочинила миф, что немцы поедают бельгийских детей. Естественно поедают, ну нечего им есть в окопах, они и ловят детишек.

Британские журналисты писали, что у немцев есть специальный завод, на котором они перерабатывают на глицерин трупы вражеских солдат, предпочитая французов и британцев. Находились даже свидетели.

Черные мифы о Германии ослабели только в 1960-е годы и по причине тоже политической: Германия перестала быть конкурентом и стала стратегическим партнером.

Немцы о русских

Наши люди в булочную на такси не ездят!

Из фильма «Бриллиантовая рука»

— Щас будет склонять к труду...

Из фильма «Калина красная»

Первые рассказы о долготерпении, покорности судьбе и властям, о невероятной выносливости русских рождаются в ту же эпоху, что и остальные черные мифы о России — в XVI–XVIII веках. Источник — иностранные послы, путешественники, а в большей степени — авантюристы.

О невероятной стойкости русских и их способности к долгому сидению в осадах пишет наемник Маржерет, сам при этом — участник долгой и крайне тяжелой осады, которую выдержало иноземное войско в Кремле в 1612 году. Но о причинах стойкости иноземцев он упоминает вполне буднично: выхода не было. Не верили, что останутся в живых. Вот и приходилось биться до последнего.

А когда бандам захватчиков в Смуту яростно сопротивляется Троице-Сергиев монастырь, когда вооруженные монахи и присоединившиеся к ним миряне стоят насмерть на стенах, здесь он разглагольствует о долготерпении и неприхотливости русских. Странно выходит — двойной счет налицо.

Характерны причины, по которым опричник Ивана Грозного, немецкий наемник фон Штаден считает русских очень надежными при осадах крепостей: *«Русские могут долго жить в осаде, если у них есть только вода, мука и водка. Русский может так жить, а немец не может...»*

Простая мысль, что «штаденским» немцам, подданным Ливонского ордена, просто было не за что воевать, и потому они легко сдавали крепости, а русским было за что воевать, совершенно не приходит ему в голову.

О невероятной покорности русских охотно писал в самом конце XVII века Лейбниц, делая вывод: когда Швеция наконец завоеует Россию, русские легко покорятся иноземному владычеству. Их будет не так уж

трудно не только завоевать, но и «цивилизовать». Они ведь не умеют сопротивляться своему правительству, из кого бы оно ни состояло и что бы ни затеяло.

Привычка к лишениям может трактоваться как стойкость, и тогда это комплимент. Прусский король Фридрих Великий откровенно восхищался русскими солдатами: *«Они способны на такое величие и стойкость, на которые, увы, не способны даже мои солдаты».*

Солдаты Фридриха Великого. Гравюра.

Под начищенной униформой скрывались отбросы и наемники со всей Европы.

То есть он считал почти как Штаден, что русские могут то, чего не могут немцы.

Наполеон тоже говорил о неприхотливости русских, нашей «скифской» готовности довольствоваться самым малым.

Миф жил весь XIX век и перекачивался в XX. О «неприхотливости русских солдат» Второй мировой много говорили и немецкие фельдмаршалы, и «наши» британцы и американцы. В этом можно найти много и нелепого, и даже забавного.

Скажем, великий норвежский путешественник Тур Хейердал в 1944 году был десантирован британцами на самый север своей страны, на границу Норвегии и Финляндии. Он с восхищением писал о русских солдатах, которые *«имеют при себе только теплую одежду, документы и свое оружие».* И при этом наступают без горячей еды и тепла в условиях арктической зимы.

В действительности же советские солдаты тогда наступали так стремительно, что оторвались от своих баз.

Они питались сухарями на морозе не всю войну, а лишь несколько дней наступления. Вообще же солдат в 1944 году сравнительно неплохо кормили. Так что спасибо на добром слове, господин Хейердал, но все было немного не так.

А. Ф. Пахомов «На Неву за водой». Из серии «Ленинград в дни блокады». Литография. 1942 г.

Потомки Фридриха Великого не могли поверить, что в невыносимых условиях блокады гражданское население Ленинграда не выбросит белый флаг.

А вот для местных норвежских партизан «Сеньор Кон-Тики» доброго слова не находит. При том, что эти партизаны месяцами сидели в горах, действительно в снежных норах и без теплой пищи (боялись разводить костры, чтобы не быть обнаруженными). Но их подвиг проходит мимо сознания ученого и писателя. Тем более не делается никаких далеко идущих выводов о том, что норвежцы и финны в принципе могут жить, зарывшись в сугроб, как собаки-лайки, и грызть там замороженные косточки, такие вот они неприхотливые и покорные своим командирам.

Миф существует до сих пор. Мы обычно даже хвастаемся своей

неприхотливостью, как чертой невероятной приспособленности к любым суровым обстоятельствам. Иногда почему-то стыдимся своей способности обходиться без удобств, как черте недостаточной цивилизованности. Вроде получается — культуры нам недостает. Потому мы и можем обходиться без двухслойной туалетной бумаги с перфорацией, шотландского виски и маринованных ананасов.

Но все же чаще звучит гордость: хоть в чем-то мы да превосходим Запад! Можем жить хоть в Антарктиде, питаясь хоть гвоздями, хоть картофельными очистками, — и при том еще вершить великие дела.

Все обо всех

Война без ненависти так же отвратительна, как сожительство без любви. Мы ненавидим немцев за то, что должны их убивать.

Илья Эренбург

Как свидетельствуют расшифрованные иероглифы, жители Древнего Египта только его и называли «Страной людей».

А всем остальным территориям они давали иные названия: «Страна песка», «Презренная страна Куш» или «Страна золота» (это золотоносная Нубия). Оказывается, примитивная идеология шовинизма была популярна еще тысячи и тысячи лет назад.

Наши предки тоже были не лучше. Согласно одной из версий, само слово «славяне» означает совокупность людей, умеющих говорить. Ведь говорить — это произносить слова на единственно правильном языке — своем языке. Все остальные языки не настоящие и говорящие на них словно бы и не говорят вовсе.

Следовательно, все остальные языком не владеют. Они — немые, немцы.

Только не надо думать, что немцы были хоть в какой-то степени «цивилизованнее» и лучше. В жизни Руси большую роль сыграли контакты с германским племенем готов.

Об этих контактах существует много свидетельств. Одно из них — русское слово «чужой», которое восходит к готскому слову *riuda*, означающему «народ».

Ученые предполагают, что именно этим словом называли себя готы, общаясь со славянами. То есть опять ассоциируя себя с *единственным народом* на земле. Интересно, понимали славяне, что таким образом готы исключают их из рода человеческого? И отказывают им в праве владеть членораздельной речью? Слово «народ», которое готы произносили как *riuda*, в древнем верхненемецком звучало как *thioda*. От этого слова произошло прилагательное «*tiutsche*», которым немцы начиная с XI века все чаще стали обозначать весь свой народ. До этого никакого единого немецкого народа не существовало, были одни территориальные названия, восходившие к прежним племенным делениям. «Баварцы» — это, конечно

же, не члены племени баваров, а «саксонцы» — вовсе не древние саксы, но именно этими словами чаще всего называли себя жители разных немецких земель. Единство носило скорее территориальный характер. Так, поляне прекрасно понимали, что древляне — те же славяне, близкие родственники, но это не мешало им топить их в крови при всякой попытке древлян уклониться от дани.

Слово «tiutsche» употреблялось с XI века все чаще и постепенно превратилось в современное «deutsch» — «немецкий».

А от него уже легко произвести и слово «Deutscher» — то есть «немец».

Трудно представить себе, что русское слово «чужак» и самоназвание немцев «Deutschen» восходят к одному древнегерманскому корню, но это факт.

Всем народам на ранней стадии развития цивилизации свойствен этноцентризм. То есть избыточно положительное представление о самих себе и слишком уж наоборот — обо всем остальном человечестве. В точности как славянам и готам.

Но греки и римляне создали своего рода наднациональный и надэтнический «цивилизационный» центризм: уничижающий не просто НЕ римлян и НЕ греков, а — всех, кто живет иначе и не разделяет их ценностей.

Цивилизационный центризм восприняли и европейцы. Само представление о «цивилизации» построено именно так: цивилизация в мире одна-единственная: европейская. Все остальные люди — не цивилизованные. Неважно, каков уровень их развития, умственные способности, личные качества. Дикари они: скифы, азиаты.

Зато мы — передовые. Мы — цивилизованные. Достигнут другие нашего уровня развития, тогда и поговорим.

Впрочем, Восток отвечал взаимностью. Древние китайцы в X–V веках до н. э. писали о европеоидных народах Южной Сибири: *«Люди с отвратительными огромными глазами. Белокожие не умеют учиться».*

Других европеоидов, живших в нынешнем Северном Китае и Маньчжурии, усуней, китайские источники описывают как людей «с голубыми (зелеными) глазами демонов и с рыжими бородами, похожих на обезьян».

Видимо, на китайцев производили сильное впечатление и светлые глаза без третьего века, и непривычные для китайцев волосатые тела.

Даже в начале XX века белых в Китае называли «заморские черти». Само название Китая — Чжунго — в переводе означает «Срединное

царство». Или «Срединное государство». Так сказать, центр мироздания. Вверху — небо. Внизу — земля. Между ними — избранная земля — Китай. До падения династии Цин в 1911 году дипломатические подарки иностранных государств официально регистрировались как «дань». Дикие заморские варвары шлют дань в знак признания Китая центром Вселенной.

В конце XVIII века француз Жорж Кювье создал свою классификацию животного мира. Не обошел он и человека...

Кювье всерьез писал, что желтая раса ленива и склонна к неге.

Она управляется деспотией. Черная раса невежественна и непредусмотрительна, не способна к созданию цивилизации и управляется племенными вождями. Вот европеец — белая раса — активен, трудолюбив и предприимчив, а управляется законами.

Древние китайцы не согласились бы с Кювье в том, какая раса «хорошая», а какая «плохая», но сам дух его рассуждений был бы им близок и понятен.

А в США в 1921 году прошел Всемирный конгресс по евгенике — науке об улучшении человеческого естества. На этом конгрессе Жорж Ваше де Лапуж, создатель науки антропосоциологии, рекомендовал принять некоторые меры, чтобы заменить «низшие» расы колониальных стран на «высшую» расу европейцев. В числе этих мер — категорическое недопущение «низших» рас к образованию.

Все сами о себе

Существуют две вещи, которые делают слугу несовершенным, и эти вещи — богатство и почет. Если человек остается в стесненных обстоятельствах, он не будет испорчен.

Ямомото Цунэгомо «Хагакурэ, или Сокрытое в листве», XVIII в.

То же самое с «загадочной русской душой». Что, собственно, в нашей русской душе такого уж непостижимого? На этот вопрос непросто ответить. Собственно говоря, на него никто никогда и не отвечал.

Немецкие интеллигенты очень веселятся, когда в их компании заходит речь о «загадочной русской душе». Дело в том, что себя немцы тоже считают весьма загадочным народом. Это настолько заметная часть немецкой ментальности, что ее обсуждают не только в специальной литературе для историков и этнографов, но и описывают в путеводителях.

«Немцы жаждут понимания и любви со стороны других, но втайне испытывают гордость от того, что их желание неосуществимо. И в самом деле, как может кто-то, кроме них самих, понять такой сложный, глубоко чувствующий народ? ..Добродетельный немец... в душе гордится своей непонятностью».

Чем эта претензия на загадочность отличается от русской, я постигнуть не в силах. И точно так же, как русские, немцы не могут толком объяснить, в чем же проявляется загадочность немецкой души.

В современной Германии любители немецкой «особости» хотя бы остаются в рамках приличия. А при нацистах мистические рассуждения о таинственной душе арийца и не только физиологических, но и нравственных особенностях нордической расы были попросту частью официальной политики.

Гитлеровский пропагандистский плакат, выпущенный для Дании.

Нацисты считали датчан в принципе арийцами, говорящими на испорченном немецком, и предлагали вспомнить об общих белокурых предках.

Это изучали в начальной школе, отмечали в характеристиках и прочих официальных документах. Быть немного загадочным и непостижимым, особенно для «низших рас» и «недочеловеков», было для стойких нордических «арийцев» делом принципа.

Между прочим, и англосаксы — тоже очень загадочный народ. У Джека Лондона во многих рассказах прямо сказано: «белые люди» совершенно непостижимы.

Находится много «объяснений» личности граждан США.

Первое: загадочность американцев проистекает из пространственно-временных посылок. От специфики и последствий быстрого освоения нового материка — грандиозной задачи, за которую ни один европейский народ никогда не брался. Куда им, развращенным и слабым европейцам! Только такие чудо-богатыри, как американцы, все могут.

Второе объяснение — «личностное» и «духовное».

Американские штаты создавали не какие-то варвары язычники, а глубоко религиозные англосаксы. Мы, правда, с позиций сегодняшнего дня

не очень понимаем, какие именно глубокие размышления о Воле Господней вели их в ненаселенные дебри первобытных лесов Америки, какие высоконравственные религиозные идеи при этом посещали их головы. «Золотой телец», конечно, ни при чем, и все что они хотели — повернуть безбожников-индейцев к Вере Христовой. Ну, да ладно...

В-третьих, некоторые американские историки (в основном не англосаксонского происхождения) полагают, что дело тут в уникальном смешении народов и рас.

Америка, как известно, плавильный котел народов... который и сам не знает, какие увлекательные и странные вещи в нем варятся...

Гитлеровский пропагандистский плакат.

Это не карикатура на Гитлера. Это — самый настоящий немецкий плакат военных времен. Неказистый фюрер изображен всадником в белых доспехах. Мол, «вот он какой», современный Оттон Великий, духовный наследник рыцарских традиций Священной Римской империи германской нации.

А уж что думают о своей загадочности и исключительности китайцы и японцы! У-у-у! Эта тема для многих томов исследований историков, социологов, антропологов, психологов и сексологов.

Китайцы убеждены, что они даже «думают» совершенно иначе, чем

европейцы.

Душа у них устроена по другим лекалам, и не окрестным варварам ее пытаться постигнуть. И вообще происхождение у китайцев особенное. Это все остальные народы происходят от питекантропов из Африки.

А китайцы происходят от синантропов, раскопанных в 1920–30-е годы под Пекином.

Поэтому уже примерно 600 тысяч лет китайцы существуют отдельно от остального мира.

Японский плакат времен войны.

«Дух Ямато» вскоре потребовал от военных летчиков стать живыми бомбами.

Как же понять иноземцу такую сверхсложную душу, после такого сверхдревнего происхождения?! Иноземцы, эти «заморские черти», может быть, даже и вообще не вполне люди.

У японцев немало рассказывается об особом «духе жителей японских островов», их «духе Ямато». В наше время говорят о таких вещах сдержанно, осторожно — никто не хочет быть обвиненным в расизме. Японский писатель Ясунари Кавабата при получении Нобелевской премии говорил: «Самые устройства наших душ различны». И обосновывал тем, что японцы строят свою жизнь на эстетике, на постижении красивого. Они

чувствуют не так, как остальные народы.

Где-то читал, что был случай, когда американцев не пустили в один из залов открытого публичного музея в Токио. Никаких секретов там, разумеется, не было. Вопрос в другом: а зачем бледнолицым туда вообще ходить? Там хранятся такие тонкие образцы японского искусства, которые все равно непонятны для иностранцев.

А уж в довоенную эпоху, до поражения Японии в 1945 году, о «духе Ямато» говорилось примерно так же, как в Германии о «характере нордическом». Что же такое этот самый «дух Ямато»? — Штука совершенно для наших мозгов непостижимая.

Пилоты японских ВВС.

Камикадзе, фото на память. «Мы летим, друзья, в дальние края, станем камикадзами и ты, и я».

По поводу «духа Ямато» японский же писатель говорит: «Сказали: „Дух Ямато есть дух Ямато!“ И значительно прокашлялись. Может быть, дух Ямато круглый? Может быть, дух Ямато квадратный? А! Понимаю: дух Ямато — это что-то вроде тэнгу!» Остается добавить, что тэнгу — это дух японских горных лесов.

Он не имеет определенной формы, но чаще всего появляется в виде летучего краснолицего человечка с длинным носом. Видимо, если исходить из японской логики, то «загадочная русская душа» и «дух России» — это тоже что-то вроде лешего или кикиморы.

Продолжим наше географическое путешествие.

Атака камикадзе.

Что касается Африки, там сенегальский негр Сенгор на хорошем французском языке обосновал еще более интересную идею — теорию негритюда. Оказывается, «негр думает ногами» — во время танца. Пляшет под там-там и думает. Естественно, мысли негра, созревшие в ногах, непостижимы и таинственны, неподвластны порой даже ему самому, а тем более недоступны всем иностранцам. Вот так... В общем, по здравому размышлению, обильное существование народов, которые тоже считают себя совершенно загадочными, а свой исторический путь непостижимым, как-то ставит под сомнение эту нашу возлюбленную «русскую исключительность». Действительно, если претендентов на загадочность считай столько же, сколько народов, тогда исключительность — в чем? И загадочность — в чем, если все народы земли как один таинственные и непостижимые? При этом одно их все-таки объединяет: толком объяснить свою загадочность никто не может. Так что русские и в этом, увы, — не исключение.

Говоря о невероятной загадочности России, чаще всего называют несколько ее самых «особых» особенностей.

Якобы только в России это есть, а нигде больше в мире этого нет. Что же у нас столь потрясающего отыскалось? Итак, во-первых, это общинность и соборность. Ну, что такое «общинность», более-менее нормальный человек понять без толкового словаря Даля еще может, а вот «соборность»? Честно говоря, перерыв кучу источников и даже написав на эту тему специальную главку, я, каюсь, сам толком не понял, что же это

такое.

Сразу признаюсь привередливому читателю: уверенный стиль изложения в главе о «соборности» — лишь попытка скрыть собственное весьма вялое разумение этого вопроса.

Что поделаешь... самокритично замечу: МГИМО finished? — Ask!

Существует старый ироничный «МГИМОВский» анекдот об уровне советского образования в этом суперэлитном вузе.

Группа советских туристов в сопровождении гида и представителя госбезопасности осматривают исторический Лондон. Пока все глазают на Биг Бен, самый шустрый бросается за угол — в магазин и бешено дергает ручку закрытой двери. На дверях табличка. Турист читает по слогам: КЛЮЗЕТ... Потом дергает за рукав случайного прохожего: — ЭЙ, ТУДЭЙ-ХОЛИДЕЙ? Прохожий на таком же английском, явно выпускник МГИМО, только работающий здесь в посольстве: ХУ Ю? Турист удивленно: ХУ Я? Прохожий, узнавая «своего»: А-А-А! МГИМО ФИНИШ!

Турист, гордо надувшись: АСК!

Мы сами о себе

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.*

Ф. Тютчев

*Умом се Русија не појми,
Аршин за друге њу не мери
На свој се начин она дојми
Само у вери у њу, вери.*

Тютчев. В переводе на сербский

*Розумом Росіі не зрозуміти,
Аршином загальним не виміряти:
У їй особлива стать —
У Росію можна тільки вірити.*

Тютчев. В переводе на украинский

Человек, проживающий в местности с переменчивым климатом, получается, имеет гораздо больше стимулов к действию, стимулов к развитию. Это ведь не Африка, где все время тепло и бананы в рот падают. Не Адриатика. Не Египет. Здесь одной набедренной повязкой не обойдешься. И эти стимулы к развитию могут касаться не только необходимости больше работать, но и дают определенный стимул к духовному развитию.

Может быть, наши морозы, стужи, метели — это как закалка, это как из бани в снег? Может, это — величайшее благо, данное нашей северной цивилизации и ставшее одним из условий ее доминирования в мире? Не зря же Пушкин писал:

Здоровью моему полезен русский холод.

Наверное, холод полезен не только для физического здоровья, но и для душевного. Давайте посмотрим, в каких условиях и «географических декорациях» складывался быт наших предков.

Границы Российского государства простираются от Арктики, где все покрыто вечной мерзлотой, до степной зоны с теплым и засушливым климатом. Между Арктикой и степью располагаются тундра с ее холодными вечными ветрами, за тундрой — обширная зона лесов, а к востоку от степей — полоса пустынь с холодными зимами и очень жаркими летними периодами. Большая часть пространства сурова для проживания и в современных, технологически развитых условиях, не говоря о тех временах, когда о газификации и электричестве еще никто и не помышлял.

Однако в течение нескольких веков Россия превратилась в могучее, развитое централизованное государство и освоила именно эти суровые земли.

«...Ядро русской государственности к концу XV столетия имело около двух миллионов населения и около 50 000 кв. км территории. Оно было расположено в самом глухом углу тогдашнего мира, было изолировано от всех культурных центров, но открыто всем нашествиям с севера (шведы), с запада (поляки), с востока и юга (татары и турки). Эти нашествия систематически, в среднем приблизительно раз в 50 лет, сжигали на своем пути все, в том числе и столицу. Оно не имело никаких сырьевых ресурсов, кроме леса и мехов (тогда нефть и газ не ценились — их не умели добывать и использовать), даже и хлеба своего не хватало. Оно владело истоками рек, которые никуда не вели, не имело доступа ни к одному морю — если не считать Белого, и по всем геополитическим предпосылкам не имело никаких шансов сохранить свое государственное бытие. В течение приблизительно 400 лет это „ядро“ расширило свою территорию приблизительно в 400 раз — от 50 тыс. до 20 млн. кв. километров».

Автор «Народной монархии» изучал Россию, в отличие от зарубежных туристов, с патриотическим вниманием и любовью. По Солоневичу, отечественная история многократно продемонстрировала духовную зрелость русского народа.

Приятно сознавать, что наши предки были людьми деятельными, ответственными и трудолюбивыми, поскольку постоянно управляли своей жизнью и государственным устройством.

Русский крестьянин освоил земли, на которых не стал бы вести хозяйство «разумный европеец». У нас на целый месяц короче вегетативный период (период роста у растений), а на главные

сельскохозяйственные работы — пахота-сев и уборка — наши климатические условия отводят в среднем всего 25 дней. А даже в такой северной стране, как Швеция — 40. В современных условиях менее 10 % земель России сравнимы по естественному плодородию с земельным фондом США.

В своей книге «Почему Россия не Америка» Андрей Паршев приводит такие данные: *«Из двухсот стран мира по суровости климата с нами может сравниться только Монголия. В Улан-Баторе в среднем холоднее, чем на прибрежных научных станциях Антарктиды. В Западной Европе кратковременное похолодание до каких-нибудь минус 10 градусов по Цельсию (раз в 20 лет) вызывает полную дезорганизацию хозяйственной жизни. А в центре России минус 10 — это средняя температура с ноября по середину марта, то есть совершенно обычное дело. Это важно для планирования хозяйственной деятельности? Важно. Но карту зональности по критерию сравнительной суровости климата я нашел только в дореволюционном атласе».*

И еще: *«Канада в промышленных масштабах производит такие культуры, как соя и кукуруза. Напомню (мало кто знает), что в Московской области кукуруза достигла спелости лишь один раз за больше чем сто лет выращивания, а именно в 1996 году. А о сое и не слыхивали. У нас эта культура растет только на самом юге, ближе к Черному морю. Но вообще-то урожайность зерновых в Канаде по западным меркам невелика: чуть больше 20 центнеров с гектара. Для сравнения: в Англии, Голландии, Швеции — 70–80 ц/га!»* Весьма уместное напоминание, если требуется сравнить качество земельного фонда у нас и «у них».

Впрочем, русский крестьянин о земельном фонде США ничего не слышал, и ничтоже сумняшеся стремился изо всех сил, надрывая жилы, управиться со своим трудом в срок.

В Средневековье русский крестьянин уже превосходил европейцев в некоторых элементах аграрной практики. Борона у нас появилась на столетие раньше. Русским земледельцам приходилось осваивать земли среди густых лесов, в буквальном смысле отвоевывая участки земли: «садили села на сыром корени». И только к XIV веку в Европе получило распространение «трехполье».

Невольно вспоминаются путевые впечатления Маржерета, в которых, повторяем: *«...обилие и разнообразие превосходной рыбы — стерляди, белуги, осетров, белорыбицы, семги, форели... в продаже чрезвычайно много хлеба, меда. Подобного богатства нет в Европе».* Далекое не простым делом, по народным впечатлениям, была ловля всей этой «рыбы-

стерляди».

Заморские гости отличались хорошим аппетитом и отточенным вкусом, на пирах сидели, подарки принимали, а вернувшись в родные пенаты, начинали говорить гадости про недавних кормителей и дарителей — не страна, а заповедник тупых лентяев. Ничего не делают и ничего не имеют, совсем грязные и нищие, не способные к гражданской самоорганизации и вообще загадочные — сообщали критики, кутаясь в наши меха, поглаживая на пальцах наши самоцветы и вспоминая с ностальгией нашу кухню.

Мифическое, бередящее душу каждого домотканого русского патриота утверждение о нашей «особости и непохожести» воистину представляется нам чем-то родным. Щемящим, до боли близким сердцу истинно русского человека.

Не верить в «загадочную русскую душу» — это для русского человека еще хуже, чем не пить, а выпив, не закусить, не полезть к собутыльнику лобзаться (материться, выяснять отношения, бить в морду и т. д. — ненужное зачеркнуть).

Не по-нашему! Это хуже, чем не любить баню, задушевные разговоры на кухне и соленые огурчики под водочку.

Это неприлично и непатриотично.

Но на удивление, миф о «загадочной русской душе» дорог не только нам самим. Не менее «по душе» он и конкурентам (будем и дальше избегать слова «враги») России.

Почему? Потому что это миф «не простой, а золотой». Он о том, что Россия кардинально и навсегда отличается от всего остального мира. Скажем, миф о нашей изначальной отсталости от Запада еще дает России хоть какую-то надежду «догнать Европу», хотя бы частично стать «как все цивилизованные страны».

Зато миф об «особом русском пути» не дает нам вообще никаких шансов.

Всё. Аллее. Приехали. Любая попытка реформ и модернизации бессмысленна изначально. Догонять мы не можем, да и нет смысла, потому что идем «своим путем». Куда?! А мы сами не знаем куда. В любом случае не туда же, куда все остальное человечество.

В общем, Россия — это такое гигантское отклонение от нормы, и ничего поделать с этим невозможно.

Мы, кстати, на это не обижаемся. А что? Ведь «загадочным русским путем» при желании можно даже гордиться.

Такая вот у нас национальная особость. Вот, мы не Европа и не Азия,

мы ИНЫЕ!!! По словам Федора Тютчева, Россия всю свою историю только и делала, что *«испытывала свою таинственную судьбу»*. Таинственность сия шла рука об руку с исключительностью.

Знаменитый Чаадаев вот тоже горько сетовал на отлученность России от *«всемирного воспитания человеческого рода»*. Все воспитываются, а мы — нет. По его мнению, Россию поразила духовный застой, из-за этого умственного паралича она не в силах исполнить предначертанную ей свыше (?) историческую миссию.

Чаадаев, видимо, в свое время начитался Гегеля, но как-то странно переварил его идеи. У Гегеля Мировой Дух путешествует по всему миру, воплощаясь в разные народы. Побывал он в Древнем Египте, потом в Греции и Риме, на короткий срок поселился во Франции и, наконец, в данный момент (при жизни Гегеля) пребывает в Прусской монархии. До России этому Мировому гегелевскому духу явно еще триста лет ехать-ехать-не добраться. А все почему? Дело не только в плохих дорогах и русских дураках. Дело в нашей нездоровой особости.

«Мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, мы — народ исключительный». Притом исключительный — в самом дурном смысле. Мы никогда ничего и никому не дали и ни у кого ничему не научились. Россия жила и живет вне истории. Центральная мысль автора, кстати, исключительно популярная среди современных либералов в России — и полтора века спустя после смерти Петра Чаадаева: смысл бытия России — быть уроком всему человечеству, примером того, как жить нельзя. Идеей российской исключительности всегда болели — и сегодня, впрочем, болеют — не только критики и оппозиционеры, но и самые ярые апологеты правящей власти.

Ю. Селиверстов «Чаадаев». Литография.

Один из самых светлых умов своего времени (а также, как бы сейчас сказали, «активный клубный тусовщик»), Чаадаев нагородил такой откровенной чуши в своих изданиях, что современники решили: жаль, парень просто свихнулся.

Вспомним знаменитую формулу графа С. Уварова: «Православие. Самодержавие. Народность». При вступлении в должность министра народного просвещения в докладе Николаю I «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения» он писал: *«Углубляясь в рассмотрение предмета и изыскивая те начала, которые составляют собственность России (а каждая земля, каждый народ имеет таковой Палладиум), открывается ясно, что таковых начал, без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить — имеем мы три главных: 1) Православная Вера. 2) Самодержавие. 3) Народность».*

Формула «Православие. Самодержавие. Народность» появилась в 1834 году — кстати, это как раз период закладки первого камня нового храма Христа Спасителя, византийского, третьеримского. Именно тогда Россия завершила две мало известные ныне победоносные войны — с Персией и с Турцией. По мирным договорам, подписанным по итогам этих побед,

Россия окончательно, «на вечные времена», как тогда было принято писать, присоединила к себе Черноморское побережье — от Анапы до Батуми. Огромная прибрежная полоса на Черном море — от Одессы, через Крым, Абхазию до Аджарии, вся она, половина Черного моря, вместе с новыми областями Закавказья, отходила к России.

Это кардинально меняло геополитическую обстановку в регионе, и появление формулы графа Уварова было в этом отношении очень симптоматичным.

«Уваровская» трактовка нашей «исключительности» означала не только отличие православных русских от других, но и некоторое их превосходство.

В. Голике «Портрет С. С. Уварова». 1833 г.

Чеканная формула «Православие. Самодержавие. Народность» очень нравилась царю и консервативно настроенной общественности (последней — до сих пор нравится). Увы, она не работала.

Один из руководителей Корпуса жандармов барон Дубельт так поучал своих детей: *«Не заражайтесь бессмыслием Запада — это гадкая помойная яма, от которой ничего кроме смрада не услышите. Не верьте западным мудрствованиям, они ни вас и никого к добру не приведут... Не лучше ли красивая молодость России дряхлой гнилой старости Европы?»*

Она 50 лет ищет совершенства, и нашла ли его? Тогда как мы спокойны и счастливы под управлением наших государей».

Бросается в глаза, что барон Дубельт, ярко выраженный консерватор, равно как и Уваров, утверждал вовсе не реальную Россию, в которой жил, а официозную выдумку, которую хотел бы в жизнь внедрить.

Точно так же: от придуманной теории — к практике, пошли потом своим «другим, особым путем» лжемарксист Ленин и сотоварищи.

Очень часто идея «русской особенности» служила обоснованием самых невероятных разрушающих Россию экспериментов.

В «особом русском пути» был совершенно уверен Александр Герцен. Он полагал, что Россия неким непостижимым путем обогнала весь мир, а крестьянская община — это и есть стихийный социализм.

Надо только втолковать это безграмотным русским крестьянам, и все сразу же станет хорошо.

У социалистов Европы идеи Герцена, откровенно говоря, вызывали раздражение. Маркс и Дюринг очень редко совпадали во мнениях, но оба дружно оценили взгляды Герцена как русский национализм: по их мнению, Герцен был «социалистом в лучшем случае на словах» и про социализм говорил исключительно с целью выхвалиться и подчеркнуть, что Россия («его „святая Русь“») лучше Европы.

Об особом русском пути любили порассуждать все знаменитые русские анархисты, от Лаврова и Бакунина до батьки Махно.

Известный английский романист Сомерсет Моэм оставил любопытные наблюдения о русских и России. Тут стоит сказать, что русские страницы его «Записных книжек» появились, когда в 1917 году Моэма послали в Россию с секретной миссией по линии британской разведки.

Писатель был еще и шпионом. Судя по раздраженному тону его высказываний о нашей стране, со шпионажем в России у Моэма дело не заладилось. Однако некоторые из его замечаний совпадают с идеей этой книги (в то время как другие являют яркий пример негативной мифологизации России).

«...Русский патриотизм — это нечто уникальное; в нем бездна зазнайства, русские считают что они не похожи ни на один народ, и тем кичатся; они с гордостью разглагольствуют о темноте русских крестьян; похваляются своей загадочностью и непостижимостью; твердят что

одной стороной обращены на Запад, другой — на Восток; гордятся своими недостатками, наподобие хама, который оповещает вас, что таким уж его сотворил Господь, и самодовольно признают что они пьяницы и невежи, не знают сами, чего хотят, и кидаются из крайности в крайность, но им недостает того — весьма сложного — чувства патриотизма, которое присуще другим народам».

Интересно сказано. На мой взгляд, подмечено довольно точно, хотя доброжелательности в этом замечании — ни на грош.

Коммунисты начали с жуткой русофобии, с отрицания всякой «особости» русского исторического пути развития. Однако очень быстро с «безродным космополитизмом» в марксистско-ленинской теории завязали, перейдя к туманным разговорам о том, что «построение социализма в одной отдельно взятой стране», видимо, и станет возможным в силу особенностей русского народного характера.

Уже в XX веке русскую «особенную статью» любили подчеркивать и Сталин, и академик Лихачев — в этих вопросах нравственные антиподы поразительным образом совпадали.

Иосиф Виссарионович говаривал, что только русский человек мог совершить то, что он совершил во время Великой Отечественной войны. И вообще особенный он, русский человек, ни Востоку, ни Западу не принадлежит.

Только для Чаадаева эта «мировая непринадлежность ни к чему» идет со знаком минус, а у Сталина она в высшей степени положительна.

Так же и Дмитрий Лихачев полагал, что ничего подобного в России «не было, нет и уже создать невозможно».

Да и сегодня на идее исключительности России паразитируют все кому не лень.

И сегодня особый русский путь — идея постоянно востребованная. Пусть используют ее частенько под разными псевдонимами — то как советскую власть (С. Кара-Мурза), то как Евразию (А. Дугин), то как «Пятую империю» (А. Проханов).

Сдержанность в еде, аккуратность и простота в одежде, умение ставить духовные ценности выше телесных радостей — во всех культурах эти качества считались похвальными. В такой стране, как Россия, они неизбежно станут важными частями культурного кода.

Россиянин веками привыкал, не безразлично, нет, но более **спокойно** относиться к сугубо материальному.

Огромное значение в жизни людей имел лес. Даже выйдя из избы среди деревни, россиянин видел зубчатую стену леса, замыкавшую

горизонт. Пропалывая огород, женщина оказывалась в нескольких шагах от опушки леса.

Лес определял способ ведения хозяйства. Зачем разводить сад, если в лесу полно ягод и грибов? Зачем заводить большое стадо, если лес изобилует дикими зверями? Лосей, кабанов, птицы много, их не нужно выращивать, они обходятся дешевле домашней скотины, предназначенной на убой, и ничуть не менее вкусны и полезны.

И. Шишкин «Лесные дали». 1884 г.

К. Юон «Купола и ласточки». 1921 г.

Если уж о народном характере... Кости лосей, медведей, кабанов постоянно находят в кухонных ямах русского Средневековья. Т. е. охота на крупного зверя была совершенно обычным, повседневным делом. С рогатиной или копьем шли на медведя или кабана, и не чтобы развлечься, показать удаль молодецкую — для пропитания себя и семьи. Лось... Полтонны жилистой плоти, с копытами, крупнее коровьих, с рогами-лопатами. Раненый лось, не раздумывая, бросается на человека. На лосей охотились поздней осенью, во время свадеб. Разъяренный храпящий зверь, пар из ноздрей, налитые кровью глаза, а брать его надо в упор, подставляя копые. Впечатляет!

Дикая... ну, почти дикая природа окружает и маленькие деревушки, и даже крепости и городки. Вокруг сотни рек, где нет ни причалов, ни набережных. В диком лесу — только круговорот тропинок и, протоптанные людьми, незаметно переходят в звериные. В этих ландшафтах он должен постоянно жить и работать, и желательно — любить их, получать удовольствие от такой жизни. Иначе ведь жизнь в муку превратится.

Обитатель стран, где вся земля давно возделана, не стремится в лес, на берег лесного озера. Ему не хочется поваляться на траве, постоять в обнимку с березкой, принять лицом пахнущий травами ветерок на лесной опушке. Как у Высоцкого, которого запойный бес водил по городу Парижу:

Я рвался на природу, в лес,
Хотел в траву и в воду, —
Но это был — французский бес:
Он не любил природу.

В Европе французы, а на востоке китайцы даже с некоторой иронией относятся к нашему стремлению отдыхать «на природе». Нет у них, как правило, такого желания.

Но чтобы и трудиться, и отдыхать вне города или села, надо отказываться от части удобств... Желательно не хотеть этих удобств, не стремиться к ним и не ценить их. Если для человека важнее увидеть журавлиный клин над головой, чем вкусно пообедать за бокалом изысканного вина, приятнее слышать птичий щебет, чем любоваться представлениями менестрелей на городской площади, жизнь в средневековой Руси для него будет приятна и комфортна.

Черты народного характера, которые считаются признаками долготерпения русских, на 90 % есть черты приспособления к природе и климату. Именно этот образ жизни русских выковывал характеры людей, которые в XVII веке прошли всю ледяную беспредельность Сибири и достигли Великого океана, а в XVIII–XIX веках осваивали Кавказ и Среднюю Азию. Но нам, почему-то исходя из идиотской логики самоуничижения, гордиться этим нельзя: мы ведь не цивилизованные англичане.

Каждый народ невольно сравнивает себя с иностранцами. Так и мы сравниваем, в том числе для того, чтобы выяснить, как там у них обстоит дело с духовностью.

В XVII–XVIII веках немцы представлялись британцам и французам необычайными романтиками и добродушными идеалистами. В XIX веке капитализм быстро и эффективно выбил из немцев романтическое отношение к жизни.

Затем идеалистами и романтиками стали считаться русские. В советскую эпоху иностранцы, приехавшие в СССР, ахали от восторга: какая прелесть! Люди совершенно не озабочены зарабатыванием денег! Они все время говорят об отвлеченном! Они обожают друзей, споры, полуночные беседы на кухне о смысле жизни и о поисках Атлантиды. Они не задумываются, сколько им будет стоить следующий ребенок, они заводят его, и все тут!

Где-то прочитал историю. Одна заезжая британская дама в полном восторге закатывала глаза: в России можно в 2 часа ночи нагрянуть к людям в гости! Без предупреждения, и они не возражают! Пока она что-то ворковала о «русской духовности», все умилялись. А дама закончила свое воркование радостным вскриком: «Как в Африке! Тут у вас живут прямо как в Африке!» После этого русских восторгов несколько поубавилось.

Сейчас мы не стали меньше любить друзей и разговоры на абстрактные темы, но как-то времени на все сделалось меньше. И поисками Атлантиды заняты уже не так увлеченно, и спорить до трех часов ночи о том, был ли Сталин хороший или плохой, не хочется. Почему-то стало не так интересно, да к тому же завтра к 9.00 по безумным пробкам — на работу. И друзья нам нынче сначала позвонят перед тем, как прийти, и мы включим свой визит к ним или их визит к нам в расписание недели: мы стали заняты, мы стали больше работать.

Получается — в России за считанные годы стало «вдруг» меньше духовности? Причем, если считать духовностью ведение полуночных споров, беседы в духе «пикейных жилетов», этого еще много в глубине России, в деревнях и маленьких городках. Но чем крупнее город, тем «духовности» меньше. Парадокс? Нет, с нами происходит то же самое, что происходило с немцами в XIX веке: у нас появилось множество более важных занятий.

Есть тут важная закономерность: тот, кому есть чем заниматься, менее «духовен».

В начале XIX века Франция была мировым лидером, а немцы жили на периферии тогдашней Европы. Они казались куда духовнее французов. А потом все изменилось, потому что Франция в эпоху Наполеона Третьего и Второй Республики все больше превращалась в главного европейского рантье, неизбежно останавливаясь в развитии.

Жизнь стала не такая напряженная, появилось время для преферанса, хорошего вина, бесед на исторические темы и другие формы французской духовности. А у немцев становилось все больше точек приложения своей энергии в работе, в политике, в такой малодуховной, но полезной сфере, как строительство дорог, заводов, всяческих Круппов, Сименсов и Мессершмиттов.

Очень полезно посмотреть, кто в самой России настаивает на нашей «особости»? Если это политический деятель — то, как правило, это ловкий популист.

Если частное лицо — еще хуже. Как правило, это пьяница, слабак и неудачник. За этот миф охотно цепляются разного рода убогонькие и тунеядцы. Миф как бы служит для них оправданием. Ведь как получается? Я бездельник, нищий, необразованный и не умею ничего толком делать... но «зато» смотрите, какая у меня душа русская! Одним словом: носки вонючие, зато духовность офигенная... Особая вредность мифа о русской особости, именно когда он употребляется внутри России.

Давно пора отринуть саму мысль о каком-то чрезмерном отличии русских от остальных народов «цивилизованного мира». Да, у нас есть определенные отличия от других... А у кого их нет? Мы, не побоюсь повториться, естественная, логичная, закономерная часть христианской цивилизации.

Большая часть. Славная. Уважайте нас. Бойтесь, если вам так привычнее.

Но мы не инопланетяне, не вышедшие из-под земли прямые потомки ариев, не солнцепоклонники, не народ-мессия и не последний шанс

человечества.

И наоборот — не отклонение от «нормальной Европы», не страна-Уродина, не нация Емель, Иванушек и прочих дурачков, не «укор» остальному миру, как жить нельзя.

Мы нормальные. Русские европейцы, пытающиеся стать наконец достойными славы наших дедов.

Свободные потомки свободных новгородцев

В штреки спускаются в основном... русские, да и у мартенов стоят тоже в основном они. Такова, уж извините, статистика.

Василий Белов, писатель. Из выступления на сессии Верховного Совета СССР, 1989 г.

Русским нравится быть лучше других... У них есть дурная привычка жить за счет соседей, и в результате им в меньшей степени пришлось работать и напрягаться.

Тийт Маде, народный депутат Верховного Совета СССР от Эстонии. Из статьи в шведской прессе, 1989 г.

Вот еще одно личное наблюдение. Напоследок. Побывал я как-то в удивительном музее под открытым небом — деревне Кижы в Карелии. Все знают: памятник древнего зодчества — церковь, которой то ли 300, то ли 400 лет. Деревянная, высотой в 5-этажный дом, срубленная без единого гвоздя.

Но я был потрясен не только этой церковью. Постараюсь изложить по пунктам:

1. Жили там простые крестьяне, занимались сельским хозяйством, сеяли и собирали рожь, овес. Но ведь это севернее Санкт-Петербурга, там реально холодно даже по нашим, русским меркам. Сколько же нужно было этим крестьянам иметь знаний, упорства и сил, чтобы растить урожай?!

2. Земля в тех местах чудовищна, вперемешку с камнем. Во время боронования камни собирали и относили на край поля и клали в ряд. Сейчас можно увидеть эти каменные ряды. Это вам не плодородные нивы Италии.

3. А как жили! Дома большие, добротные, ставни и наличники — в узорах. В светлице крестьянского дома конца XIX века стоит натуральный посудный шкаф из красного дерева со стеклянными дверцами и... фарфоровым сервизом. Дело в том, что глава семьи каждую зиму еще и плотничать ездил в столицу. Говорят, клал паркет в Зимнем. Так он, хозяин,

завел дома обычай по воскресеньям после церкви в кругу семьи кофей пить. Вот сервиз и привез. Это — Кижы! Крайний почти Север — зона отчаянного Нечерноземья.

4. ВСЕ крестьяне в Кижях ВСЕГДА были свободны. Как пришли сюда из окрестностей Великого Новгорода в XIII–XIV веках, так и не знали ничего о крепостном праве. Лишь в конце XVIII века Екатерина II попыталась заставить их бесплатно поработать на местном казенном заводе (типа государевой «барщины»), так сразу — бунт. Пришлось солдат присылать, да без особого толку.

5. И последнее — пара наблюдений о том, к чему ведет свободная воля и самосознание свободных людей. Та самая знаменитая Церковь без единого гвоздя, внесенная в золотой фонд ЮНЕСКО, которую любят демонстрировать туристам, была построена на «собственные средства местной сельской общины». Никаких спонсоров, «субвенций», никаких дотаций ни от светской, ни от церковной власти. Решили «сиволапые» мужики, скинулись со двора кровно заработанными и построили Храм. И чудо не в том, что Храм этот — жемчужина архитектуры и мировая гордость.

Чудо в том, что стояли подобные церкви раньше, до большевиков, почти в каждой местной деревне. В деревнях, где веками трудились, не забывая о душе, отвоевывая у каменной пустоши каждый клочок земли, а по воскресеньям попивая кофе из фарфоровых блюдец, свободные потомки свободных новгородцев!

О ДУШЕ И ДУШЕ (ударение ставьте сами)

Особенности национального водопровода

Русский крестьянин по субботам так же регулярно ходит в баню, как английский рабочий — в пивную.

*Джеймс Александер, британский офицер.
1830 гг.*

Каждого русского путешественника, приезжающего в Англию уже XXI века, до сих пор удивляет одна особенность, если не сказать, странность британской повседневной культуры. Это два крана в ванной комнате. Краны — отдельно для горячей и отдельно для холодной воды. Затыкаешь слив пробкой. Наполняешь раковину. И умываешься. В грязной непроточной воде. В точности как американские ковбои в 1920-х.

Советский дипломат и писатель В. Овчинников описывает, что *«поскольку плескаться в умывальнике, как это делают англичане даже в гостиницах, поездах и общественных туалетах, я так и не полюбил, мне приходилось после бритья ополаскивать лицо теплой водой из кружки».*

У самих британцев сложилось просто очаровательное объяснение, почему в России нет таких пробок... Оказывается, все дело в тяжелой нашей истории: война, революция, снова война... Ясное дело, сразу всего необходимого не напасешься.

К тому же, по мнению англичан, отсутствие пробок в раковине — еще одно свидетельство русского разгильдяйства. Не умеют русские экономить, ведь вода — это деньги! Да и вообще не мыслят «экономически». Вон сколько зазря утекает воды, пока этот русский умывается. Что еще тяжело потрясает душу британца: почему же в России есть пробки для ванны, но нет пробок для раковины?! Впрочем, и классическая ванная у британцев по нашим понятиям своеобразная — в ней отсутствует душ.

Дело в том, что британцы «не имеют обыкновения и окатываться водой после ванны, а прямо в мыльной пене начинают вытираться. Но еще труднее свыкнуться с тем, что этот обычай распространяется и на мытье посуды». Попросту говоря, посуду окунают в воду с жидким мылом, проводят по ней щеткой и ставят сушиться. *«Именно так и только так моют бокалы и кружки, тарелки и вилки во всех английских пабах и ресторанах».*

Обычаи англичан не кажутся россиянину, мягко говоря, верхом

гигиены. Невольно думаешь — не подцепить бы чего в стране, где посуду моют так небрежно, а ванну даже не ополаскивают.

Но Всеволод Овчинников объясняет: мол, просто обычаи у нас разные, и все тут. Ну не моются британцы под струей проточной воды, не принято у них это. А ведь у него много оснований говорить о неряшливости, нечистоплотности англичан! Какие выводы можно было бы сделать! Но деликатный писатель не рассказывает британцам об их традиционной грязи, о скверном обычае, нарушающем все правила гигиены. А те в свою очередь не используют книгу В. Овчинникова, чтобы демонстрировать друг другу, какие они плохие.

Кстати, вспоминаю, как в совсем недалеком 1987 году мне довелось побывать в социалистической Чехословакии. Недалеком 1987-м... Прошло лишь 20 лет, но молодежь уже и не знает, что было такое государство — «социалистическая Чехословакия» — первая страна, попытавшаяся провести «перестройку», «обновление и гласность» в рамках отдельно взятой социалистической страны. Мы вспоминали об этом в первой книге — о так называемом «социализме с чехословацким лицом». Конечно, тогда, летом 1987 года, уровень жизни в Праге, выбор продуктов и особенно «пива и напитков, изготовленных на его основе» нас, студентов МГИМО, приятно удивляли.

Что и говорить, вкус чешского «Козела» или «Будвара» несколько контрастировал с «амбре» желтой мутноватой жидкости, именуемой «„Жигулевское“ в розлив», которую мы иногда могли себе позволить в ближайшей к нашему институту пивнушке на юго-западе Москвы под «народным» названием «Ракушка». Однако речь не об этом. Чехи пиво делают умеют: вкусно, недорого, и закуска хорошая — всякие там «тычинки» да «брамборки».

К тому, что пиво в Чехии лучше московского, мы тогда, в 1987 году, привыкли быстро. А вот к тому, как в «Золотой Праге» моют пивные кружки, привыкнуть не могли долго. Дело в том, что в «классической» чешской пивной их... вообще не мыли. Порядок был такой: грязные кружки, с пеной и остатками пива официант ставит на стойку бара. Там — две раковины, наполненные водой из-под крана. Слив в обеих закрыт пробкой. Бармен, схватив по 2–3 кружки в каждую руку, ловко черпает ими явно грязно-желтую воду из одной раковины, затем выливает ее обратно, а потом также «ополаскивает» кружки во второй раковине, где вода, как ему представляется, более чистая. После сего в эти же кружки сразу наливается пиво для новых посетителей. На фоне такой «посудомоечной» процедуры даже наша автоматическая «кружкомойка» в околоинститутской пивной

казалась нам верхом гигиены.

Где-то прочитал, что в 40 % частных домов Британии водопровода нет и сегодня. А в 40 % тех, где есть водопровод, нет ванной комнаты. Думаю, преувеличение. Однако факт, что процедура умывания во многих британских домах и сегодня часто такая, как она описана у Агаты Кристи: цветной фаянсовый кувшин и тазик, наполняемый водой. Хочешь умыться? Наливай воду в тазик из кувшина и умывайся! Понятно, что старинный русский рукомойник с проточной водой несколько гигиеничнее, чем английские тазик с кувшином и раковина с пробкой. Наверное, европейцы и сами понимают, что от такого умывания толку не так уж много. По крайней мере, 82 % мужчин в современной Великобритании считают, что личная гигиена не стоит того, чтобы тратить на нее время.

Я уже приводил наблюдения молодого английского офицера Джеймса Александра, написавшего книгу о поездке в Россию в первой половине XIX столетия.

Вот что он пишет точно по нашей теме: *«Чистоплотны ли русские, если сравнить их с другими европейскими нациями? На этот вопрос я должен ответить утвердительно. Каждый крестьянин, по крайней мере, раз в неделю в любое время года ходит в баню. Считаю, что люди, которые моются раз в неделю, даже если при этом они не меняют нательного белья, чистоплотнее тех, кто не моется по полгода, как это принято во многих европейских странах».*

Джеймс Александер давал в XIX веке такую рекомендацию соотечественникам: *«Русская баня — это любопытная достопримечательность, которую следует не только посетить каждому приехавшему в страну иностранцу, но и воспользоваться ей как средством для предупреждения и лечения многих болезней».* Дальше он подробно описывает саму банную процедуру и приходит от нее в полнейший восторг.

Тут же весьма любопытное для нас замечание: *«Русский крестьянин по субботам так же регулярно ходит в баню, как английский рабочий в пивную».*

Что ж, воистину каждому свое.

Правда, тут же автор говорит о том, что в домах очень холодно, а поскольку крестьянам неохота переодеваться, то спят они в тех же полушубках, в которых ходят днем.

Что поделать, вздыхает он, ведь: *«Русские заслуживают снисхождения, поскольку это — молодая нация, ведь до Петра Великого Россия находилась в диком, варварском состоянии».* Еще бы! Как же без упоминания московитского варварства, ведь иначе читатель просто не

поверит в честность автора! Мне кажется, подобная дань стереотипам только повышает ценность тех положительных отзывов о нашей стране, которые оставил Александер.

Дальше он пишет: *«У русских очень развито чувство гостеприимства, и это извиняет многие их недостатки. Каждый, кто путешествовал по России или жил в этой стране, мог оценить этот обычай, конечно, при условии, что сам он вел себя достойным образом»*. Побольше бы таких книг! Но увы... В общем, при желании как раз русские могли бы многократно обвинить европейцев в пренебрежении правилами гигиены и объявить Европу нечистоплотной и грязной. Но мы этого не делаем, говорим разве что о различных традициях.

Почему европейцы не мылись?

Обычное для России — пренебрежение к отхожему месту.

А. П. Чехов «Путешествие на остров Сахалин»

Среди народов, для которых чистота и мытье были священны, исключением предстает не мы, а как раз европейцы. Сами европейские ученые склонны связывать это с вырубкой лесов. Период с XI по XIV век официально именуется в учебниках «временем Великой Распашки». В это время в Европе вырубали и превратили в поля и луга так много лесов, что наступил своего рода «энергетический кризис». Топливо стало дорогим, и европейцы почти перестали купаться в банях — большинству населения это сделалось не по карману.

Тогда же европейцы полюбили «быструю еду», пресловутый «фаст фуд» — блюда, которые не надо долго варить и жарить, тратя драгоценные дрова.

Несомненно, «энергетический кризис» в Европе был, нет слов. Но европейские историки лукавят, сводя к его последствиям весь «грязный» период европейской истории.

Во-первых, не везде и не во всей Европе вырубали леса. В Германии и в Скандинавии леса шумят и сегодня. А бани исчезли давным-давно.

Во-вторых, и в других странах: Франции, Англии и Центральной Европе XII–XIII веков оставались большие массивы леса... Робин Гуд жил в огромном Шервудском лесу, и никакой ноттингемский шериф не мог его там поймать.

В-третьих, по мере исчезновения лесов европейцы все больше стали топить печи углем. Добыча угля стала важной частью экономики Британии и стран Северной Европы. Уголь был экономически доступен. Если можно было отапливать жилища и готовить на нем пищу, что мешало протопить раз в неделю баню? А ведь не топили, это же факт.

В-четвертых, «грязный период» в Европе начался до Великой Распашки. По сути, со времени падения Западной Римской империи в 476 году европейцы моются все реже и реже. Лесов еще много, дрова используются для печного отопления во всей Европе... А гигиены в Европе

становится все меньше и меньше. Во Франции XI века киевская княжна Анна, ставшая французской королевой, а после смерти мужа — женой графа Рауля Валуа, была не только единственным грамотным человеком при дворе, но единственной, кто имел привычку мыться и содержать себя в чистоте.

Анна Ярославна, королева Франции. Скульптурное изображение.

Дочь Ярослава Мудрого рассматривала брак с королем Франции как ссылку к дикарям. Ведь ее супруг даже не умел... читать! Но, как говорится, «жениться по любви не может ни один, ни один король».

Правда, приучить к этому своего сына Филиппа, будущего французского короля, она так и не смогла, ведь все окружение принца, кроме мамы, считало мытье делом совершенно никчемным. Примерно как у американских ковбоев.

Средневековая Европа практически не мылась — этот факт отмечают многие историки.

И если бы не крестовые походы, то не мылась бы еще больше.

Крестоносцы поразили и арабов, и византийцев тем, как от них разило. Запад предстал для Востока олицетворением дикости, грязи и варварства, каковым по сути и был.

Вернувшиеся в Европу с Переднего Востока пилигримы попытались

было внедрить подсмотренный обычай мыться в бане. Это было своего рода возвратом к цивилизации. Но тут бани уже официально попали под запрет Церкви как источник разврата и заразы. Почему разврата — нетрудно предположить. Почему в банях увидели источник заразы, понять труднее.

И обеспеченные горожане, и уж тем более аристократия, жившая в своих поместьях, могли бы мыться и при росте цен на топливо. Но мытье было объявлено грехом! В результате этих странных решений сначала банное удовольствие под давлением «просвещенной» католической церкви стало недоступным горожанам, а потом от привычки мыться отказалась и аристократия. Гигиена в нынешнем понимании появилась в Европе лишь в самом конце XIX века. Для миллионов людей — слишком поздно.

Потрясающая подробность. Считается, что одной из причин возникновения в Европе в новое время моды на парики — а раньше, во времена Возрождения, на длинные волосы — явилось стремление кавалеров таким образом продемонстрировать дамам свое здоровье. Дело в том, что при некоторых формах сифилиса и других болезнях человек лишается естественной растительности.

А длинные волосы — ну или парик — показывают, что он в этом смысле «гигиенически чист».

Не знаю, насколько это правда. Но нет дыма без огня. Действительно, объяснить с точки зрения здравого смысла моду на парики и букли невозможно — мало того, что это не очень красиво, это еще и очень негигиенично. Под париком каких только животных не водилось! Потому граф Суворов и боролся с модой Павла I на букли в армии, всячески отстаивая право солдат мыть голову, а не носить на ней эту гадость.

Почему же в Европе с наступлением Средневековья полностью «вымывается» культура мытья, чистоты и гигиены? Видимо, дело все же не в ухудшении ситуации с дровами, а в каких-то важных изменениях в культуре. В Европе не сделали чистоту и баню чем-то священным, как во всем мире, и особенно на Руси.

То, что наличие бань напрямую связано с культурой, а не с лесами, доказывает и такой факт: после ополячивания богатых лесами Галиции и Вольни бани исчезли и там.

После великого переселения Руси на Северо-Восток в XI–XII веках вместе с русской культурой, русским языком, сказками, песнями, столицей, правящей династией из Малой Руси ушло многое, русский язык превратился в «мову», а народные сказки стали повествовать не о подвигах Ильи Муромца и не о Стольном Киев-граде, а о ксендзах и хитрых

крестьянах.

Леса шумели и в Малой Руси, на Галиции и в Карпатах. Но бани исчезли вместе с русской культурой.

Европейские города-душегубки

Невозможно представить нигде в России такого количества нечистот, какое легко видеть на любой из окраин Города-Свето́ча (Пари́жа). У нас хотя бы прикопали, но французы совершенно равнодушны к зловонию.

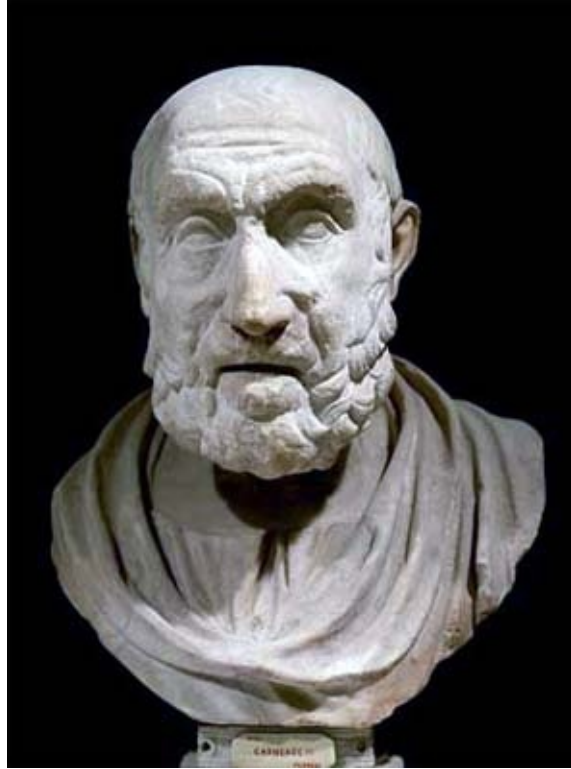
В. Ф. Ходасевич «Письма к Н. Берберовой»

Во всех черных мифах о России можно найти много забавного. Но миф о русской грязи, пожалуй, самый сюрреалистичный.

Потому что он был сочинен едва ли не самой нечистоплотной цивилизацией за всю историю Земли. В античное время было не так... Религия греков и римлян не препятствовала гигиене, и знаменитые Гиппократ и Цельс придавали мытью большое оздоровительное значение.

Античные города строились в здоровых местностях. Отводя место для нового города, римляне интересовались, долго ли тут живут люди, какими болезнями болеют и от чего умирают. Города строили просторными, с таким расчетом, чтобы ветер их продувал, чтобы легко можно было подать нужное количество воды и чтобы городу было куда расти.

Собственно, изначально Рим был построен правильно — недалеко от моря, в устье Тибра, на холмах. И стратегически выгодно, и, так сказать, экологически оправданно. Однако спустя несколько столетий чудовищная перенаселенность Рима (более 1 млн. чел. во время Цезарей, притом дома выше двух этажей были редкостью — представьте себе скученность населения) вызвала, по сути, коммунальную катастрофу. Собственно, история повторяется. Современная Москва, стянув на себя все возможные административно-ведомственные функции, штаб-квартиры корпораций и учреждения культуры, разросшись до невероятных размеров, когда никто не возьмется подсчитать реальное население столицы, уже столкнулась с коллапсом транспортным. И теперь стремительно приближается и к случившемуся в Древнем Риме коллапсу коммунальному.

Гиппократ.

Великий врач рекомендовал горячую воду и пар как целебное средство от многих хворей. Увы, его рекомендации были забыты средневековыми европейцами.

2000 лет назад римлянам удалось (по меркам того времени, конечно) справиться с катастрофой: появившиеся акведуки, прообраз водопровода, сливные ямы, система прорытых канав для смыва нечистот и, главное, попытки системной фундаментальной застройки центра Рима — все это сделало миллионный город относительно приемлемым для жизни. Будем лелеять надежду, что Москва тоже сможет как-то совладать со своей капиталистическо-гормональной болезнью роста. Или же болезнь городского гипофиза погубит и Москву, и москвичей. Впрочем, богатые римляне и тогда предпочитали селиться на загородных виллах, оставляя центральный Рим на съедение плебсу.

Кесарям — Рублевку, слесарям — Бирюлево-Собаچه или какие-нибудь Паскудниги. Времена меняются, нравы — нет... О тэмпора, о морэс, понимаешь.

Кризис Римской империи положил конец «экологическим» городам без стен.

Трудно представить себе, в какой нездоровой среде жило все городское

население Европы в Средние века.

Внутри городских стен изначально было не так много места. Тысячи жителей оказывались скучены внутри пространства в 2–5, самое большее в 10 гектаров. У некоторых, правда, были собственные дома с садами и огородами, но большинство ютилось на головах друг у друга, по несколько человек в комнатке.

Эркер-туалет в замке Марксбург (Германия).

Это — навесной туалет в европейском замке. Кроме шуток, свидетельствует об удивительной чистоплотности его хозяев: большинство замков обходилось без этих «глупостей». Главное — не пройти случайно под этим сооружением в неподходящий момент.

Водопровод? Если он и был, то чаще всего тот, что остался от римлян. И каждая хозяйка сама ходила за водой к городскому фонтану. Отличный способ разносить инфекции, между прочим.

Канализации не было вообще. Никакой. Ночная ваза — изобретение европейцев, и возникло оттого, что в городе не было канализации, а в домах — уборных. Совсем. Люди использовали горшки, а потом выливали их содержимое прямо на улицу.

Туда же хозяйки выплескивали все кухонные помои и остатки еды. Крытых канав, как в Риме, не копали. Содержимое горшков вместе с

помоями стекало «ароматными» ручейками по мостовой, пропитывало землю, фильтровалось в ту же воду, которую использовали для питья.

Практически у каждого дома европейского средневекового города непременно стояли ходули — наряду с деревянными башмаками. Грязь на улицах была такой чудовищной, что иногда было недостаточно высоких деревянных легко моющихся башмаков чтобы перейти улицу, не замарав обычной обуви. Деревянные башмаки редко носили сами по себе — ноги натрешь. Они выполняли роль калош, ногу в обычной кожаной обуви богатые горожане, выходя на улицу засовывали в деревянные башмаки, потом оставляли их у входа, чтобы слуги помыли. Но «деревянные калоши» спасали от грязи не всегда. Особенно после дождя. Тогда предпочитали пользоваться ходулями. Представьте себе глубину.

Средневековые путешественники многократно отмечали, что приближение большого города они сначала чували по нестерпимой вони и лишь потом начинали видеть его стены.

Рыцарские замки были ничем не лучше. Маленькие, невероятно тесные, они, конечно, являлись защитой от нападения, но и в них не было ни канализации, ни водопровода.

Слово «альков» наверняка известно читателю, но не все знают, откуда оно пошло. Только в XVI веке альковым стали называть покои знатной дамы. Целую комнату, а то и несколько. Первоначально слово означало нишу в стене залы рыцарского замка. В нишу ставилась кровать, над которой натягивался балдахин: не подумайте — не от moskitov, а чтобы конденсат не капал с каменного потолка. На кровати — перина. В алькове не было окон, и его НИКОГДА не проветривали. Перину никогда не перебирали, не просушивали, не мыли и не чистили. В алькове водилось столько клопов, вшей и прочих насекомых, что арабам, прибывшим ко двору Карла Великого, показалось: перины шевелятся.

Великая королева Испании Изабелла Кастильская (конец XV-начало XVI в.) признавалась, что мылась в своей жизни всего два раза — при рождении и в день свадьбы.

Эта ужасающая нечистоплотность была свойственна не только светским, но и духовным особам. Несколько римских пап страшно страдали от «гигиенических» болезней. Например, папа Климент V, как считается, умер от банальной дизентерии. Но это еще ладно. А вот папа Климент VII скончался от... чесотки.

Прекрасная Франция, Версаль, чудесная архитектура, просвещение, доминирование французской армии в Европе... Все это связывается у нас с именем Короля-Солнце Людовика XIV. Энергичного, умного и, как

считается, достаточно просвещенного монарха. Однако мы не добавляем еще одного эпитета, характерного для того времени, — немытого монарха. Русские послы, прибывшие ко двору Людовика XIV из «дикой Московии», писали, что «его величество смердит аки дикий зверь». Людовик мылся крайне редко — и только по настоянию врачей, потому что испытывал своего рода водобоязнь.

Простые горожане жили ничем не лучше аристократов. Маленькие окна никогда не открывались, дома никогда не проветривали. Бань не было. Помыться горожанин мог только в реке, если она была. Постирать одежду было негде и не в чем.

Наши эстеты просто млеют от узких улочек, придающих некий шарм и изящество европейским городам. Да, эти улочки красивы, изящны. Но это — в наше время, когда город чистый, дома помыты и готовы к созерцанию туристами. А жить в этих домах и в средневековых условиях мало кто из современных русских туристов согласился бы.

Неизбежные последствия

Свинья везде грязь найдет.

Русская народная пословица

В 1930 году в прекрасном французском городе Бордо решили отпраздновать очередную годовщину города, одев актеров в рыцарские латы из музея. И оказалось — латы малы для современных французов. Было это, подчеркну, в 1930 году, до начала акселерации, и французы к тому же — народ не крупный, даже по европейским меркам, в среднем сантиметров на 10 ниже голландцев. Выяснилось, что рост рыцаря XIV века — не превышал 160 см. Только самые крупные латы соответствовали размерам человека ростом в 165 см, а таких было очень мало.

После неудавшегося праздничного шествия в Европе начали изучать этот вопрос... И обнаружился удивительный факт: люди галльских племен до римского завоевания были выше! Они имели средний рост порядка 168–170 см. В Римское время средний рост не изменился. Но с VII–VIII веков рост француза резко уменьшился. Особенно уменьшился рост горожанина — вообще до 155 см. Чуть крупнее оставались крестьяне. Рыцари были еще покрупнее и посильнее, попадались здоровяки и в 165 см ростом.

Вот как тот же Дмитрий Панкратов (интернет-издание «Летописи жизни») описывает классического европейского рыцаря позднего Средневековья: *«По данным европейских археологов, настоящий французский рыцарь на рубеже XIV–XV вв. выглядел примерно так: средний рост этого средневекового „сердцееда“ редко превышал один метр шестьдесят (с небольшим) сантиметров (население тогда вообще было низкорослым). Небритое и немытое лицо этого „красавца“ было обезображено оспой (ею тогда в Европе болели практически все). Под рыцарским шлемом, в свалявшихся грязных волосах аристократа, и в складках его одежды во множестве копошились вши и блохи.*

Изо рта рыцаря так сильно пахло, что для современных дам было бы ужасным испытанием не только целоваться с ним, но даже стоять рядом (увы, зубы тогда никто не чистил). А ели средневековые рыцари все подряд, запивая все это кислым пивом и закусывая чесноком — для дезинфекции.

Кроме того, во время очередного похода рыцарь сутками был закован

в латы, которые он при всем своем желании не мог снять без посторонней помощи. Процедура надевания и снятия лат по времени занимала около часа, а иногда и дольше. Разумеется, свою нужду благородный рыцарь справлял прямо в латы.

Некоторые историки были удивлены, почему солдаты Саладина (Салах-ад-Дина) так легко находили христианские лагеря. Ответ пришел очень скоро — по запаху».

Я не склонен доводить все до абсурда — не думаю, что рыцари справляли нужду прямо в латы, наверняка там открывалась необходимая панелька, но все равно вряд ли это описание уж очень отличается от реальности Средневековья. Скорее всего, так оно и было. Во всяком случае, малый рост — вещь очевидная, доказанная.

Одной из причин уменьшения роста населения был голод. Еды постоянно не хватало, рыцари были крупнее, потому что постоянно ели мясо и вообще лучше питались.

Общим местом в средневековом историческом сознании стал факт — количество людей в средневековой Европе постоянно превышало возможности их прокорма. Главное чувство, которое испытывал небогатый европеец того времени, — это чувство голода. Любому общественному потрясению, как правило, предшествовал неурожай. Семь подряд голодных лет — и сотни тысяч верующих устремились в первый крестовый поход.

Социолог Питирим Сорокин еще в 1922 году писал, что «какие бы ярлыки ни наклеивались на мотивы войны», в конечном счете войны ведутся за выживание, за пищевые ресурсы. Вся история Европы — это непрерывная череда войн. В условиях ограниченных ресурсов шло простое сокращение числа едоков.

У исследователя Александра Горянина есть любопытное наблюдение: *«Не подлежит сомнению еще один интегральный способ оценки прошлого — не знаю, писал ли кто-либо об этом раньше. Тот факт, что китайская кухня признала съедобным практически все, вплоть до личинок насекомых, говорит очень ясно: в этой стране голодали много и подолгу. То же относится и к кухне французской. Только солидный опыт голодных лет мог заставить найти что-то привлекательное в лягушках, улитках, в протухших яйцах, подгнившем мясе, сырной плесени. В русской кухне нет ничего похожего. В голод едали, как и везде, всякое, но не настолько долго, чтобы свыкнуться. Черную икру в России веками скармливали свиньям, пока французы не открыли нам глаза».*

Ну, свиней, жрущих черную икру, мы, пожалуй, оставим на совести исследователя. У нас, конечно, тоже бывали голодные годы, но лес-то

кормил. Николай Костомаров отмечал, что охота в России, в отличие от западноевропейских стран, никогда не была привилегией высших классов, ею занимались и самые простые люди. И река кормила. Так что с питанием на Руси несомненно было лучше.

Русская природа кормила свой народ. Рыба, грибы и ягоды на протяжении почти всей нашей истории были неправдоподобно, с точки зрения иностранцев, дешевы (поговорка «дешевле грибов» возникла у нас). Бескрайние леса буквально кишели зверем и птицей, в связи с чем путешествующим иностранцам Русь представлялась «огромным зверинцем».

Второй причиной низкого роста у европейцев было антисанитарное состояние среды обитания. В России считают каменное жилье более дорогим и потому более престижным. У нас строили из дерева, а в Европе — из камня! Они богаче! Но не забудьте: камень пригоден для нормальной жизни, только пока в здании хорошо топят. Если топка плохая, в каменном здании, кроме жаркого лета, все время сыро. Не зря же конденсат все время капал с потолков замка, заставляя натягивать балдахины над альковами.

Европейцы с рождения до смерти жили в сыром холоде каменных городов и замков. Они ели однообразную пищу, в составе которой не хватало овощей и фруктов. Спали на сырых, грязных перинах вповалку по несколько человек. Грязь пропитывала все вокруг, а гниющие отходы и фекалии громоздились сразу за порогом.

Раскопки кладбищ европейского Средневековья показывают: европейцы не только сделались меньше ростом, большая часть населения страдала самыми разнообразными заболеваниями. Не все болезни можно диагностировать по костям, но всевозможные артриты, остеохондрозы, искривления позвоночника, подагры, рахитизм, уродливые изменения пропорций человеческого тела антропологи могут определить именно по скелетным останкам.

Да и жили недолго. Детская смертность в городах была совершенно фантастическая — до 90 % родившихся умирало не достигнув 5 лет. Вообще отношение к детям и к детскому труду было в средневековой Европе довольно своеобразным. В Англии вплоть до XX века считалось, что девочки достигают половой зрелости в 12 лет, а мальчики — в 14. С этого возраста, собственно, разрешалось официально вступать в брак. Жизнь небогатого европейца была коротка, редко когда переваливала лет за 35. Времени было мало, жить надо было торопиться.

Прошедшие горнило детской смертности тоже оказывались недолговечны: только 10 % населения Парижа XIV–XV веков доживало до

45 лет.

Один мой знакомый побывал в Манчестере в пабе — пивнушке, — где точно воспроизводится атмосфера Викторианской Англии.

Такой милый паб конца XIX века, в котором сознательно сохраняются все старинные мелочи. И вот там прямо над стойкой висит примечательное старинное объявление: «Крепкие алкогольные напитки не продаются мужчинам моложе 13 лет». Сейчас в Америке не продают до 21... Вот и не знаю: то ли мы стали поздно взрослеть, то ли детей тогда не любили.

Кого не забирали смертельные болезни, добивали врачи. То, что собой представляла медицина того времени, полезно знать, чтобы окончательно лишиться иллюзий. Вновь цитирую того же Панкратова, насобиравшего фактов из самых разных источников и выложившего в интернете занимательную статью про гигиену средневековой Европы.

«Медицинские методы оказания помощи в то время были примитивными и жестокими. Особенно в хирургии. Например, для того чтобы ампутировать конечность, в качестве „обезболивающего средства“ использовался тяжелый деревянный молоток, „киянка“, удар которым по голове приводил к потере сознания больного, с другими непредсказуемыми последствиями.

Раны прижигали каленым железом или поливали крутым кипятком и кипящей смолой. Повезло тому, у кого всего лишь геморрой. В Средние века его лечили прижиганием раскаленным железом. Это значит — получи огненный штырь в задницу — и свободен. Здоров».

Естественно, это заявление на совести автора. Но всем, кто любит исторические книги, прекрасно известны основные лекарственные средства европейской медицины того времени, как будто сошедшей с ума и забывшей великую медицину Востока и античности, где врачи уже пытались применять обезболивающие на основе трав, морфия, алкоголя, пытались лечить травами. Все это теперь было объявлено ересью, колдовством.

Венерические заболевания лечили только... ртутью. После такого лечения, естественно, мало что оставалось от «зараженных органов». Еще лечили клизмами — это, пожалуй, самое безобидное, ну и, естественно, кровопусканием. Исповедовался следующий нетривиальный принцип: болезнь — это дьявол, поселившийся в человеке, и плохую, больную кровь надо выпустить из организма. Тогда плохой дух выйдет вместе с кровью, и больному станет лучше. Правда, больной зачастую умирал не от болезни как таковой, а просто от недостатка крови, чудовищных кровопотерь. Но это считалось издержками производства.

И наверное, «вершиной» католической монашеской медицины того времени была практика, когда лекарства приготавливали... из трупов. Не хочу вдаваться в подробные описания, но трупные ткани шли в качестве материала для приготовления отваров, настоек, примочек и порошков. Причем я веду речь не о каком-то там темном VIII веке, это XVI–XVIII века — мушкетеры, Людовик XIV и канун Французской революции.

Может быть, все эти ужасы так и остались в мрачном Средневековье? Нет... И в Новое время ведущие столицы Европы, даже Лондон, Милан или Париж, оставались средневековыми городами с узкими улочками, без канализации и водопровода.

Описания Парижа в нашумевшем сериальном романе Анн и Сержа Голон про Анжелику просто путают, не говоря уже о Бальзаке и Золя («Чрево Парижа»). В России никогда не было настолько отвратительного, грязного и опасного для жизни города.

Еще более смачное описание Города-Светоча, главного города Европы, Парижа, предстает со страниц книги Зюскинда «Парфюмер».

Вот каким видится ему Париж «галантного» XVIII века: *«Улицы провоняли дерьмом, задние дворы воняли мочой, лестничные клетки воняли гниющим деревом и крысиным пометом, кухни — порченым углем и бараньим жиром; непроветриваемые комнаты воняли затхлой пылью, спальни — жирными простынями, сырыми пружинными матрасами и едким сладковатым запахом ночных горшков. Из каминов воняло серой, из кожевенных мастерских воняло едкой щелочью, из боен воняла свернувшаяся кровь. Люди воняли потом и нестиранной одеждой, изо рта воняло гнилыми зубами, из их животов — луковым супом, а от тел, если они уже не были достаточно молоды, старым сыром, кислым молоком и онкологическими болезнями. Воняли реки, воняли площади, воняли церкви, воняло под мостами и во дворцах. Крестьянин вонял, как и священник, ученик ремесленника — как жена мастера, воняло все дворянство, и даже король вонял, как дикое животное, королева, как старая коза, зимой и летом...»*

И, разумеется в Париже стояла самая большая вонь, ибо Париж был самым большим городом Франции. А в самом Париже было такое место между улицами О'Фер и Ферронри под названием Кладбище невинных, где стояла совсем уж адская вонь. Восемьсот лет подряд сюда доставляли покойников из Отель'Дьё и близлежащих приходов, восемьсот лет подряд сюда на тачках дюжинами свозили трупы и вываливали в длинные ямы, восемьсот лет подряд их укладывали слоями, скелетик к скелетику, в семейные склепы и братские могилы. И лишь позже, накануне Французской

революции, после того как некоторые из могил угрожающе обвалились и вонь переполненного кладбища побудила жителей предместья не только к протестам, но и к настоящим бунтам, кладбище было наконец закрыто и разорено, миллионы костей и черепов сброшены в катакомбы Монмартра, а на этом месте сооружен рынок».

А вот так представляется автору появление на свет его «героя»: «И вот здесь, в самом вонючем месте всего королевства, 17 июля 1738 года был произведен на свет Жан/Батист Гренуй.

Это произошло в один из самых жарких дней года. Жара как свинец лежала над кладбищем выдавливая в соседние переулки чад разложения, пропахший смесью гнилых арбузов и жженого рога. Мать Гренуя, когда начались схватки, стояла у рыбной лавки на улице О'Фер и чистила белянок, которых перед этим вынула из ведра. Рыба, якобы только утром выуженная из Сены, воняла уже так сильно, что ее запах перекрывал запах трупов. Однако мать Гренуя не воспринимала ни рыбного, ни трупного запаха, так как ее обоняние было в высшей степени нечувствительно к запахам, а кроме того, у нее болело нутро, и боль убивала всякую чувствительность к раздражителям извне.

Ей хотелось одного — чтобы эта боль прекратилась и омерзительные роды как можно быстрее остались позади. Рожала она в пятый раз. Со всеми предыдущими она справилась здесь у рыбной лавки, все дети родились мертвыми или полумертвыми, ибо кровавая плоть, вылезшая тогда из нее, не намного отличалась от рыбных потрохов, уже лежавших перед ней, да и жила не намного дольше, и вечером все вместе сгребали лопатой и увозили на тачке к кладбищу или вниз к реке. Так должно было произойти и сегодня, мать Гренуя... была еще молодой женщиной (ей как раз исполнилось двадцать пять), и еще довольно миловидной, и еще сохранила почти все зубы во рту и еще немного волос на голове, и кроме подагры, сифилиса и легких головокружений ничем серьезным не болела, и еще надеялась жить долго, может быть, пять или десять лет, и, может быть, даже когда-нибудь выйти замуж и родить настоящих детей в качестве уважаемой супруги овдовевшего ремесленника...»

Самое удивительное — это потомки таких вот Гренуев теперь рассказывают об извечно грязной и нечистоплотной России.

А вот наблюдавший Россию в XIX веке англичанин Джеймс Александер впечатлился обеими нашими столицами. Санкт-Петербург у него «волшебный город, похожий на чудо. Его здания и дворцы — величайшие творения нашего времени». В Москве «приятно удивил вид чистых красивых улиц, отсутствие каких-либо развалин». И вообще нет

никаких следов ужасного нашествия 1812 года (англичанин Александер прибыл в Первопрестольную через полтора десятка лет после француза Наполеона).

Поднявшись на колокольню Ивана Великого и окинув взглядом сотни золотых куполов, Александер заявил: «Это, должно быть, самый красивый вид в мире».

Согласитесь, несколько отличается от того, что писал немец Зюскинд про столицу Франции.

Аромат Версаля

С XIV века резиденцией французских королей был замок в центре Парижа, Лувр. Король-Солнце Людовик XIV (1638–1715) особенно любил это место. Версаль и стал его официальной резиденцией — главной резиденцией французских королей.

Что ж, короли хотели, чтобы их резиденция выглядела достойно и отражала бы место, которое Франция занимала в мире.

Все счета, связанные со строительством Версальского дворца, сохранились до нашего времени. Поэтому мы точно знаем, что расходы составили 25 725 836 ливров.

Как перевести в современные деньги эту стоимость? Если исходить из современных цен на серебро, то это около 3 млрд. евро.

Если исходить из относительной покупательной стоимости ливра, то получаем сумму уже в 40 млрд. евро. Если соотнести государственный бюджет современной Франции и Франции XVII века, то получится: в наше время эти расходы эквивалентны затратам в 260 млрд. евро.

Впрочем, эта астрономическая сумма тратилась не сразу, постепенно.

Итак, с 1661 года началось грандиозное строительство. Лучшие умы всей Европы создавали это новое чудо света, Большой Версальский дворец.

Громадные залы, с невероятным, избыточным богатством, расписанные лучшими живописцами, с богатой и пышной лепниной, переполнены прекрасными статуями и вычурной, роскошной мебелью. Чтобы создать Версаль, трудились три поколения лучших живописцев, скульпторов, мебельщиков.

Г. Риго «Людовик XIV».

Одна из причин, по которой королевский двор при Людовике XIV так легко перебрался из Лувра в Версаль, — Лувр был чудовищно загажен.

Конечно, делалось все это не для одной королевской четы. В Версале и окрестностях постоянно жили до 100 тысяч человек. Далекое не все так уж рвались жить в Версале. Обязанность дворян жить при королевской резиденции было своеобразной мерой предосторожности со стороны Людовика XIV. Дворяне были на глазах, как бы под присмотром. Король таким образом обеспечивал себе полный контроль над деятельностью аристократии.

Дворяне «тусовались» и попивали изысканные вина в салонах Геркулеса, Изобилия, в кабинете Редкостей, салоне Венеры, салоне Дианы, салоне Марса. Они слушали концерты в Королевской капелле Сен-Луи и Королевской опере. Они были приобщены ко всей показной роскоши Версаля, перегруженной деталями, золотом, драгоценными сортами дерева. Дворцово-парковый комплекс Версаля на полтора века стал важнейшим городом Европы. В России по образцу Версаля построен Петергоф. Да и все остальные дворцово-парковые комплексы Петербурга тоже несут на себе печать чуть менее откровенного подражания Версалю. Но есть в этих русских подражаниях некая особенность, отличающая их и от самого

Версаля, и от его европейских подобий.

Однако, прежде чем говорить об этих отличиях — вот еще о чем. Французы, как заметит любой русский турист, хоть раз побывавший в «прекрасной Франции» — народ весьма экономный, даже я бы сказал прижимистый. На строительстве Версаля они тоже сэкономили, и не слабо. За экономией лично следил знаменитый министр финансов Кольбер. Купцы получали конкурсные подряды на поставку материалов и ведение работ. Если они хоть на сантиметр выходили за пределы заявленной сметы, эти расходы не оплачивались.

Подрядчики соответственно сэкономили, как могли, на оплате и питании рабочих. Чтобы получалось дешевле, в мирное время к работам также, как и в России, привлекали солдат. Число умерших во время строительства Версаля называют разное, но если проанализировать и сопоставить источники, то маловероятно, что меньше 6000 человек.

Мимоходом сравним: при возведении Петербурга за всю эпоху Петра, с 1703 по 1725 год, умерло не более 4 тысяч рабочих. Молва, правда, стократ преувеличила эти цифры, и в историю вошел очередной мрачный русский миф — о Петербурге — «городе на костях». Но это миф, в котором концы не сходятся с концами.

Так что лучезарный Версаль в гораздо большей степени, чем Петербург, — город на костях. Если расспросите экскурсовода во время посещения Версаля, наверняка шепотом он вам это подтвердит. Но главная особенность Версаля даже не в этом, — Версаль был очень плохо построен. Плохо и без учета того, как будут жить 90 % его обитателей. В Версале не работали многие каминные, не закрывались окна, и жить во дворце зимой было крайне неудобно и попросту холодно.

Жизнь большинства постояльцев Версаля была лишена всяких удобств. Дворяне, за исключением близких родственников королевской семьи, жили в обычных... каморках. Комнаты у них в большинстве случаев были узкие, сырые и неудобные. Такая типичная гостиница «ноль звезд».

Но у дворян хотя бы были кровати! Прислуга же спала чаще всего на каменном полу. Не раздеваясь, а только прикрывшись ветошью вместо одеяла. Вышеописанный рай для короля и кучки титулованной знати оборачивался чистилищем для большинства дворян и адом для всех простолюдинов.

Вот в этом и состоит первое принципиальное отличие Версаля от его русских аналогов: во всех русских дворцах в Петербурге и его окрестностях предусматривались более-менее человеческие условия жизни для всех, в том числе и для крепостной прислуги. Не говоря уже о

придворных.

Вторая особенность Версаля в том, что в нем была только одна (!) ванная комната — лично для короля. Ни для каких других лиц ни ванных комнат, ни тем более бань предусмотрено не было.

Совсем.

А уборных в Версале не было вообще, даже персонального сортира для короля. Как же быть?! Очень просто — пользоваться ночными горшками... Впрочем, почему именно горшками? Использовались и блюда, и тарелки, и вазы. Почти забытый словесный уродец «ночная ваза» — именно об этом. А выливать ночные горшки куда?! Да куда угодно. Ведь ни канализации со стоком, ни ям-отстойников в Версале тоже предусмотрено не было.

В этом второе принципиальное отличие Версаля: во всех русских дворцах в Петербурге и его окрестностях предусмотрены были ванные комнаты, бани, уборные. И придворные, и прислуга регулярно ходили в баню, а дворцовые покои не было нужды чистить от груд экскрементов.

Действительно, странно представить себе придворных Екатерины II или Александра I, которые вынуждены устраивать свидания или спешить на прием к монарху, лавируя между куч фекалий и кухонных отходов. Странно, потому что ничего подобного в «немытой» России не было никогда.

В отличие от «диких и грязных» русских, европейцы с такими проблемами сталкивались каждодневно. Ведь не только в Версале — уборных не было в замках и дворцах всей французской аристократии. Говорят, в том числе по этой причине европейские монархи и высшая знать стремились обладать не менее чем десятком замков и дворцов.

Ведь как выходили «из положения» хозяин замка, его семья, придворные и гости, если приспичило, и не успеваешь «сбежать во двор»? А если еще гостей много понаехало, да не все знают, куда, по какой темной лесенке ночью бежать до уличного нужника? Выход был один... Уединялись в укромных закоулках замка, на балконах или под лестницами, а то и отгибали прикрывавший лестницу ковер. А сделав свое дело, прищипливали ковер на место.

За считанные недели замок или дворец приходил в такое состояние, что жить в нем становилось невозможно. И двор переезжал в другой замок, а слуги начинали чистить оставленный и как можно шире открывали все двери и окна — проветривать.

Одна из причин, по которой королевский двор так охотно перебрался из Лувра в Версаль, — Лувр был чудовищно загажен.

Пирамида Лувра.

Пирамиду, как знаем мы все из «Кода да Винчи», соорудили совсем недавно, чтобы дать наводку искателям сокровищ тамплиеров. Туалеты в Лувре тоже, кстати, появились не так давно.

Французские авторы как о само собой разумеющемся пишут, что «еще в XVI веке кучи человеческих экскрементов можно было найти на балконах Лувра».

В королевских дворцах в гардеробных всегда стоял стул с дыркой, а также набор ночных горшков, соответствующих делу мисок и ваз...

Однако придворным особам обоих полов было лень идти до отхожего места либо до горшка в гардеробной, поэтому нужду справляли в укромных уголках дворца.

В Версале происходило то же самое и даже хуже: большое количество людей скопилось на ограниченном пространстве.

Версаль, при всей величественной роскоши своих интерьеров, изрядно пованивал. Громадный парк с фонтанами и статуями вызывал чувство величавой грусти, но у кавалеров и дам, уединявшихся в этих беседках, могли возникнуть не совсем романтические настроения. Увы, в беседке могли побывать до них, и отнюдь не с намерениями целоваться.

Дворец и парк чистили, а продукты жизнедеятельности Версаля сбрасывали в главный Королевский канал, так что эта сегодня столь приятная глазу главная артерия парка тоже весьма «благоухала».

Первая генеральная уборка Парижа от подобного сорта отходов человеческой жизнедеятельности была произведена только в XVII веке. Это событие явилось в глазах парижан таким торжественным событием, что по

его поводу была выбита медаль.

По поводу чистки Версаля медали выбить не довелось: вплоть до Французской революции 1789–1794 годов балконы и укромные комнаты, беседки, гроты и заросли парка служили отхожими местами для обитателей чудного Версаля, образца для подражания всей Европы.

О парфюмерии и эпидемиях

В «культурной» Европе XVII века на стол за трапезой специально ставили блюдца, чтобы желающий мог культурно давить пойманных на себе вшей. А вот в России блюдца не ставили, но не по скудоумию, а просто потому, что надобности не было.

В России писались книжки о «куртуазном обхождении» в дворянском кругу. Но в них почему-то не было советов не обращать внимания, если на лицо дамы во время свидания выползет вошь. Мол, невелика беда, с вошью дама и сама справится. Вот если клоп — тут надо помочь даме, снять и раздавить клопа.

Избавившись от бань, Европа изобрела блохоловки, чесалки для спин и, наконец, одеколон, который, однако, боролся не с грязью, а с запахом. Но и одеколон не мог заглушить запах невымытых тел.

Вся современная парфюмерия обязана своей популярностью своеобразным гигиеническим привычкам средневековых европейцев. Изначально одеколон, или кельнская вода, представлялся как чудодейственный эликсир, средство от всех болезней. Так, во время эпидемии оспы в Берлине изготовители Eau de Cologne к каждому флакончику прилагали вот такую инструкцию: «Эта чудодейственная вода является средством против яда, предохраняет от чумы. Она лечит желтуху, катар, обмороки, колики, боль в животе, боку, груди, исцеляет от ожогов, является прекрасным средством от зубной боли, придает силы женщинам при родах, способствует откашливанию, а также ослабляет звон в ушах, и, наконец, придает красоту, так как это косметическое средство делает кожу гладкой и наделяет ее прекрасным цветом».

«Чума в Марселе». 1720. Фрагмент картины неизвестного художника.

Чума шла в Европе бок о бок с чудовищной грязью и антисанитарией в городах.

В воспоминаниях Екатерины Великой есть упоминание, что мать в детстве не раз заставляла ее целовать подола платьев знатных посетительниц. И что пахли эти подола чем угодно, в том числе и духами.

Но только не свежей стиркой... Неудивительно! Духи и одеколон и придумали для того, чтобы отбивать дурные запахи месяцами невымытого тела.

До XI века Россия не знала ничего о серьезных болезнях. Европу же с VI века каждое столетие сотрясали страшные эпидемии.

В XIV веке глобальная эпидемия чумы, известная под названием «черная смерть», началась с того, что татарская орда ворвалась в Крым и осадила крепость Кафу (нынешнюю Феодосию), принадлежащую генуэзцам.

Три года осаждавшие не могли взять город. На третий год осады в их лагере вспыхнула чума... Предприимчивые татары с помощью метательных машин стали перебрасывать через крепостную стену трупы своих умерших.

Генуэзцы спешно погрузились на корабли и бежали на родину. Но часть из них уже была инфицирована... Так в середине XIV века «черная смерть» появилась сначала в Италии, затем перекинулась во Францию и Испанию, затем — Англию и Ирландию. Далее она охватила Горманию, Скандинавию, Исландию, и даже Гренландию. Всего заболели две трети европейцев, половина из которых, 25 миллионов человек, умерли. Из-за «черной смерти» Англии и Франции даже пришлось прервать свою Столетнюю войну.

Никаких реальных способов сопротивляться чуме у тогдашних европейцев не было. Как-то в самой что ни на есть европейской здравнице Карловы Вары я наткнулся на мемориальный «чумной столб». Заинтересовался. Оказалось, что во многих старинных европейских городах установлены производящие удручающее впечатление колонны с барельефами — чумные столбы, которые поставлены в память об эпидемии.

Та страшная чума XIV века добралась и до России, но только не с Юга, а с Запада. У нас «черная смерть» впервые появилась в Пскове, который имел самые оживленные торговые связи с Западной Европой. Новгородская летопись приводит важное свидетельство: *«...И по всем градом и страном бысть мор велик и страшен. Не успеваху бо живии мертвых опрятывати, везде бе мертвые в градах и селех, в домех и у церквей»*.

Впрочем, неоднократно упоминаемый нами Александр Горянин утверждает, что, по западноевропейским источникам, чума, «обойдя всю Западную и Центральную Европу, достигнув самых отдаленных мест, остановилась где-то в Польше». Не «где-то», а на границе Великого княжества Литовского (чье население состояло на 90 % из русских, в связи с чем его называют еще Литовской Русью), то есть на границе распространения бани. А еще точнее — на стыке отсутствия и наличия бытовой гигиены.

По мнению исследователя, пострадали некоторые русские города, посещаемые иностранцами (в первую очередь Новгород), но размах бедствия был для русских несопоставим с тем, что пережили их западные соседи. И много позже даже самые тяжкие чумные моры нашей истории — особенно в 1603, 1655 и 1770 годах — не становились причиной демографического кризиса для страны.

Да и о венерических заболеваниях Россия узнала только в XV веке и тоже от европейцев-итальянцев. Итальянцы в большом количестве появились в России как раз в XV веке. Много их было, например, в строительной бригаде Аристотеля Фиорованти, возводившего Успенский

собор в Кремле. От них, любвеобильных итальянских «шабашников», как считается, и познакомились впервые москвички с сифилисом, или как его тогда называли в Москве — «латинской болячкой».

Такое сомнительное наследие итальянский Ренессанс завещал молодой России.

Экограды Руси

В городах России не выбивали медалей в честь их генеральных уборок, но по совершенно другим причинам, чем в Версале: у нас убирали постоянно. Одной из причин чистоты в городах был общинный образ жизни. В Европе хозяин отвечал только за свою собственность, а по улице пускай течет река нечистот.

На Руси люди жили общинами-подворьями, миром. Это значит, улицы были «общими». Поэтому никто, как в Париже, не мог выплеснуть ведро с помоями просто на улицу, демонстрируя, что только мой дом — частная собственность, а на остальное наплевать! К тому же русские по-другому относились к чистоте. В каждой усадьбе была баня и уборная: «нужный чулан», попросту «нужник». Ямы под нужниками регулярно чистили люди, которых нанимали общины. Например, известно, что чистка таких ям и вывоз фекалий в Новгороде XIV века предпринимались регулярно два раза в год: в апреле и в октябре.

Средневековые русские города меньше были привязаны к линии крепостных стен. Во-первых, не было перманентной войны всех против всех. Во-вторых, обычно строились деревянные стены, а их легче и дешевле переносить.

Дома не только в деревнях, но и в городах Руси не лепились друг к другу, а стояли широко. Возле домов были просторные, проветриваемые дворы.

Хорошо известны и планы городов России XVIII и XIX веков, сколько земли приходилось на усадьбы и как усадьбы организовывались. Ключевский отмечал, что в Москве «при каждом доме был обширный двор (с баней) и сад» и ее жители не знали недостатка в воде: во дворах были колодцы.

Иностранцы XVI–XVIII веков, приезжающие в Россию, подчеркивали чистоту и аккуратность русских городов.

Уже в XIX веке британец М. Уоллерс, описывая российские города, отмечает: «Улицы широки и прямые. Дома или деревянные или каменные, но большей частью одноэтажные и отделяются один от другого большими дворами».

Королева Виктория в 1897 г.

Символ целой эпохи британского могущества. Была родственницей практически всех значимых европейских монархов, включая, кстати, и нашего Николая II. В нашем сознании викторианская Англия ассоциируется в первую очередь с артистами Василием Ливановым, Виталием Соломиным, а также собакой Баскервилей.

Дом тоже полагалось убирать и чистить, как правило, к каждому празднику. Есть такой православный праздник, сохранившийся на Руси с языческих времен и дошедший до наших дней, — святки. Во время святок по обряду люди рядились в разных персонажей народной мифологии, в том числе и в животных. Поведение ряженных сводилось к нескольким стереотипным действиям. Одно из них — обрядовое очищение дома (обметали углы дома или обливали присутствующих водой) или проверяли соблюдение хозяевами дома норм обрядового поведения (подметено ли в доме в определенные дни, убраны ли орудия ткачества, приготовлены ли к празднику обрядовые блюда и т. п.).

Единственный город в России, который был весьма мерзок и вонюч, не на площадях, конечно, а в подворотнях и жилых кварталах, был самый европейский город — Санкт-Петербург. Недаром эту его специфику запечатлел Достоевский в «Преступлении и наказании», но это уже было в

XIX веке. И не случайно это как раз тот город, который стал образом «русской Европы».

Личная гигиена? Юст Эль, датский посол в России в начале XVIII века, удивлялся русской чистоплотности. И в XIX веке при Александре II английский военный атташе Уэллслей все еще очень удивлялся еженедельному мытью русских. Видимо, и при королеве Виктории, в «золотой век» Британии, это для англичан еще было в диковинку.

Как отмечал Теофиль Готье: *«Под своим рубищем русский мужик чист телом, в отличие от моделей Риберы и Мурильо»*.

В здоровом теле

Вообще-то исторически здоровье народа можно определить вполне объективно — по росту численности населения. Поскольку никакой контрацепции ни в одной стране не было и в помине, а рождаемость традиционно была высокой практически везде, следовательно, показатель увеличения численности населения и коэффициент превышения рождаемости над смертностью наглядно демонстрирует состояние качества жизни народов и то, как обстояло дело с эпидемиями и болезнями.

Легко заметить, что с этой точки зрения Россия до 1913 года не уступала европейским странам в качестве жизни. А скорее, заметно их превосходила. Если сегодня быстрый рост населения отличает самые неблагоприятные страны, то тогда все обстояло с точностью наоборот.

Судите сами: со времен римского императора Августа, когда в нынешней Западной Европе жили примерно 26 миллионов человек, до конца XV столетия (т. е. за 1500 лет) ее население едва удвоилось. А за три века с 1500 по 1800 год — как раз в этот период наблюдался особенно высокий интерес у путешественников к России, и к этому времени относятся многие мемуары об образе жизни русских — в Англии население выросло вдвое, в Германии, у которой, кстати, не было заморских колоний, — на 170 %, а в России — в три раза! С 15 до 45 миллионов. И это еще не все.

Системный учет населения в России начался с 1897 года, — тогда провели первую полную перепись населения. В этом году в России жило 126 411 736 «душ обоего пола».

Таким образом, получается, что за XIX век, с 1800 по 1897 год, численность населения Франции выросла в 1,8 раза, Британии — в 1,6 раза, а России — еще в 2,6 раза, с 45 до 126 миллионов человек. Быстрее, чем в России, росло население только в США, куда въезжало огромное число эмигрантов.

С 1897 по 1913 год динамика населения России показывала прирост со скоростью 2–3 миллиона (!) человек в год. К 1913 году в Российской империи жило уже 135 миллионов человек. По некоторым источникам — более 150 миллионов человек. Это означает, что с момента, когда Россия закончила экстенсивное расширение своей территории, более того, лишилась Аляски и ряда «островков» в Калифорнии, за 25–30 лет царствования Александра III и Николая II (до 1913 г.) население империи

исключительно за счет превышения рождаемости над смертностью выросло на треть (!).

Практически на 40 миллионов человек. Вдумайтесь в эту цифру! Именно эти темпы роста и населения, и экономики давали тогда ученым возможность совершенно обоснованно утверждать, что при сохранении территории население России к 1950 году составит не менее 300 миллионов человек, а ВВП (внутренний валовый продукт) уже к 1930 году будет крупнейшим в мире.

В 1500 году численность населения России была ниже, чем во всех крупных странах Европы. Между 1700 и 1800 годами наступил примерный паритет. В течение XIX века Россия стала самой населенной страной. А ведь численность населения и болезни — верный показатель санитарной и гигиенической действительности.

А ведь и сегодня...

В больших городах Европы непременно есть кварталы, в которых чисто и приятно пахнет. Но выйдите за пределы этого «почти рая», и у вас будут совершенно другие впечатления. Центр Парижа красив, чист и вымыт, здесь всегда толпы туристов и множество уютных кафешек. Но не бойтесь — отойдите подальше от Эйфелевой башни... Разрисованные граффити стены, кучи мусора, ругань, зловоние. В столице объединенной Европы — Брюсселе приемлем для человеческого взгляда центр, все остальное — это мрачные каменные джунгли. И то же самое в любом крупном западном городе.

Поскольку мне посчастливилось побывать во многих странах, не могу не удержаться от рассказа о личных наблюдениях. Да, впрочем, что рассказывать, многие у нас сейчас имеют возможность поехать по миру и сравнить. Например, лондонский Ист-Энд будет куда погрязнее московского Бирюлево. А попав в арабские кварталы Парижа, вам станет страшно не просто за чистоту своих туфель, но и как минимум за кошелек. Воскресная прогулка по древнему Неаполю просто повергла меня в шок. Я, конечно, предполагал, что итальянцы, особенно южные, скажем помягче, не совсем прямые наследники Октавиана, Брута и Марка Аврелия... Но чтобы СОВСЕМ не убирать мусор в выходной день на центральных улицах крупнейшего туристического города... Может, это была какая-то очередная «итальянская забастовка»? Америка? Говоря про Америку, нужно помнить не только о Wall Street, но и о Гарлемах, Бронксах и метро Нью-Йорка. До сих пор храню в архиве свою фотографию в центре Нью-Йорка на груди мусора высотой в человеческий рост... прямо под гордой вывеской «Broadway».

Если уж мы говорим о грязи в городах, то давайте вспомним и о фавелах Южной Америки, о восточных гетто, получивших название «бидонвиль», то есть «город из бидонов». Дома в бидонвилях строятся из старых ящиков, из бочек из-под горючего и разве что не из картонных коробок. Что уж тут говорить о Китае, Египте или Индии, где несчастные нищие тысячами тысяч живут просто на тротуарах улиц на расстеленных дерюжках. Никогда не забуду, как впервые попал в Индию. Самолет приземлился в Мумбае (Бомбее), крупнейшем и богатейшем городе Индии. Дорога на машине из аэропорта в центр долгая, больше часа. И весь этот час, к своему ужасу, мы наблюдали из окон авто одну и ту же картину:

вдоль всей трассы, широкой и шумной, примерно как наша Шереметьево-Москва — на обочинах по обе стороны живут (!) люди.

Иногда в микродомиках из картонных коробок, иногда соорудив себе ширмочки из тряпок, а порой просто расстелив на пыльной обочине какие-то тряпки — спят, сидят, торгуют, что-то мастерят. Тысячи и тысячи.

«Это не наши, это приезжие, в основном из Бангладеш», — стыдливо объяснял нам гид.

Автор на Бродвее (центр Манхэттена, Нью-Йорк).

Московскую мэрию можно и нужно критиковать, но таких куч мусора на Тверской вы не увидите никогда.

Кто не верит — рекомендую посмотреть отличный индийский фильм «Миллионер из трущоб», там прелести Мумбая живописуются со всем голливудским смаком.

Еще в XIX веке немцев приходилось уговаривать и чуть ли не заставлять мыться. Солдату в прусской армии вручали трусы и два кисета: с табаком и с зубным порошком. Армия учила носить белье, умываться и чистить зубы. Квартиры с ванными появились в Европе только в 60-е годы XX века, а походы в бани хоть в общественные, хоть в экзотические типа саун, русских бань, терм и хамамов являются редкостью и в наши дни. Но, конечно же, сейчас на Западе есть и ванны, и души, и биде, и джакузи в

огромном количестве, царский ассортимент всевозможных средств гигиены, моющих и чистящих средств, туалетная бумага в каждом общественном туалете и многие другие «достижения культуры».

Возникает естественный вопрос: почему же так глубоко укоренился стереотип чистенькой, аккуратной Европы и нечистоплотной России? Разница — в отношении к своему культурному и историческому наследию. В конечном счете — к самим себе.

Возьмите любой фильм, где показывается Париж, — будь то художественный или документальный. Никогда в нем не покажут город таким, как он есть. Разве что если речь будет идти о Париже глубокого прошлого. Париж во всех фильмах обязательно должен выглядеть чистым, прилизанным, как переводная картинка.

Мы поступаем наоборот: с особым рвением везде демонстрируем наши кучи мусора. Просто нейдет нам без этих куч.

Даже если и никакой сценарной необходимости вроде бы нет, обязательно мы их покажем! В результате Париж всегда выглядит лучше, чем есть на самом деле. А Москва даже в одном из лучших наших кинофильмов «Москва слезам не верит» — хуже, чем она есть: грязнее, захламеннее, провинциальнее.

Я еще раз напомню про фильм «Окно в Париж», где образ России не просто искажен — он карикатурно ужасен.

Так же нелепа грязная Россия в «Алтын-Толобасе» Б. Акунина, где два поколения Ван Дорнов — Фандориных, в XVII и в XX веках, начинают цивилизовывать эту нечистоплотную и вороватую страну.

Не могу тут снова не процитировать Джеймса Александера — не придуманного литературного героя, а реального британского путешественника по николаевской России.

Очень подробно Александер описывает быт, деревни, как одеты крестьяне, крестьянки, вплоть до того, в какие игры играют дети. Удивительным кажется нам сегодня следующее его описание: *«В общем, русские мужики выглядят довольными и счастливыми, живут в достаточно удобных домах с застекленными окнами, а я-то ошибочно полагал, что увижу дыры, закрытые ставнями»*. В другом месте англичанин отмечает, что в зажиточных деревнях избы бывают двухэтажными и с мебелью... из красного дерева! Путешествуя по Малороссии, Александер особо отмечает чистоту на хуторах и в хатах, в которых он сам лично ночевал. Он пишет: *«Внутри украинские хаты выглядят весьма приятно: отполированные сосновые столы и стулья блестят, подобно зеркалам, горки подушек покрыты белыми и красными*

накидками».

Это не дворянские дома, напомним, это крестьянские хаты. *«Здесьние мужики имеют добродушный вид, они курят трубки. Местные женщины выглядят очень аккуратно».*

Тут же он сравнивает со своим слугой-шведом и говорит, что на фоне чистых и гостеприимных малороссов тот его особенно бесил. *«Вечно пьяный и беспомощный мой швед вызывал у меня постоянно ужасное раздражение».*

«В отличие от некоторых путешественников, которые не видят в России ничего положительного и находят удовольствие в том, чтобы жаловаться на отсутствие удобств (тогда лучше бы им сидеть дома и не ездить за границу и глядеть вокруг через очки предубеждения) отмечу, что на каждой станции (а он, напомним, проехал через всю Россию: Петербург — Москва — Крым и обратно. — В. М.) мы утоляли голод в трактирах не только вкусными, но и хорошо подаваемыми блюдами». Цивилизация! И это пишет поездивший по Европе рафинированный молодой человек из высшего британского общества! А у нас — если не «Алтын-Толобас», то «Окно в Париж».

ПРО БОГАТЫХ И ЗНАМЕНИТЫХ

Репутация купцов: русским — верить

В Новгороде, как и везде на Руси, можно оставлять золото или другие ценные вещи на улицах и в кабаках.

Адам Бременский

Для нас грань, разделяющая разбойника и торговца, очевидна. В древности было не так. Герои Гомера, храбрые греческие мореплаватели, открыватели тогдашнего мира, то торговали, то грабили корабли в открытом море и прибрежные поселения. Так же поступали почти все мореплаватели Средневековья. Купец тогда носил меч не для форса, а чтобы отбиваться от грабителей и диких племен. И он же легко обнажал меч, если представлялась возможность легко поживиться чужим добром.

В оценке русских того времени надо ориентироваться не на наши сегодняшние представления «что такое хорошо, что такое плохо», а на свидетельства современников. Они есть.

Хронист Титмар из Мерзебурга (975–1018) подчеркивал богатство Руси и ее торговые обороты. Он считал русских очень приличными людьми и надежными партнерами.

Каноник Адам из Бремена в книге «Деяния епископов Гамбургской церкви» называл Киев соперником Константинополя и украшением христианского мира. Он описывал Киев как город, где жители ведут себя нравственно и не нарушают десяти заповедей — даже язычники там не воруют и не грабят.

«Анналы» Ламберта Херсфельда написаны около 1077 года. В них содержится много сведений о Руси и отзывы о ней тоже только в самых лучших тонах, русские считаются людьми глубоко порядочными, их слово надежно. В этом, говорится, отличие русских от скандинавских язычников и жителей Юга.

В 1187 году император Священной Римской империи германской нации Фридрих I даровал равные права на торговлю в Любеке голландцам и русским. Тем самым он предпочел русских корпорациям немецких купцов из других городов, фламандцам и датчанам. Почему? А потому, что «русским можно верить за их отменную честность и справедливость». Видимо, честность и справедливость купцов из Дании и Фландрии

император считал не столь отменной.

К. Васильев «Садко и Владыка морской». 1974 г.

Былинный герой Садко — конечно, самый знаменитый новгородский купец. Вот так центральным персонажем народного эпоса стал предприниматель.

В конце XIV века Ганзейский союз (от средненемецкого Hanse — союз, товарищество) включал больше сотни городов и контролировал львиную долю торговли в масштабах Европы. Основой торговли и финансовых операций Ганзы были конторы в Брюгге (Фландрия), Лондоне, Бергене (Норвегия), Венеции, Новгороде.

Наивно считать средневековых купцов чем-то вроде современных предпринимателей. Торговать «с заграницей» мог не всякий желающий, а только получивший особое разрешение, привилегию города или корпорации.

Политика Ганзы во всех странах была проста: монополия немцев, система разрешений и сдержек. Ганза жестко давила английских, фламандских и голландских купцов. Страх перед конкурентами? Не только... В Ганзе почему-то считалось, что англичане и голландцы не умеют учитывать интересов партнеров, не «живут вместе с другими», а всегда держатся сами по себе.

*Русские предлагают свой товар. Резная панель. Ок. 1400 г.
Этот сюжет украшал скамью общины немецких купцов, торговавших
в Новгороде Великом.*

Ганза монополизировала торговлю с Новгородом.

Только члены Ганзы имели право учить русский язык, торговать с русскими, а самое главное — давать русским ссуды деньгами или товаром. Почему?! Оказывается, русские — очень надежные партнеры, они всегда отдадут долги и со всеми процентами.

Ссудить русскому купцу денег считалось выгодным делом.

В Ганзе действовал закон, согласно которому проторговавшийся русский купец не мог быть арестован ни в этом, ни в любом другом городе Ганзейского союза. Это может показаться странным. Действительно, почему? Средние века — время очень жестокое. Если суд устанавливал, что купец не может отдать долги, его могли приговорить даже к смертной казни, к пыткам раскаленным железом или отсечению рук и ног. Долговая тюрьма — каменный застенок или земляная яма, где «дебитор» был обречен сгнить заживо, — это еще далеко не самый страшный результат работы средневековых судебных исполнителей по взысканию просроченных задолженностей.

Только вот финансово несостоятельного русского купца почему-то не казнили и не истязали. Его отправляли домой, в Новгород, чтобы он мог опять начать бизнес и со временем отдать долги.

Таких правил в Ганзе не было по отношению ни к кому — ни немецким, ни английским, ни шведским, ни голландским, ни фламандским коллегам. Привилегия русским, однако.

И еще одна деталь... Думаю, достаточно важная. Конторы Ганзы располагались в разных городах, в том числе в норвежском Бергене и в Новгороде. Старшие купцы в конторах бдительно наблюдали за нравственностью своих приказчиков. Считалось важным, чтобы взрослые парни ни в коем случае не крутили романы с местными уроженками. Почему — для нас сегодня непостижимо. Но следили за этим строго.

Так вот... В городе Бергене, втором по величине городе Норвегии после Осло, есть знаменитая Ганзейская набережная. Она внесена в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. На набережной сохранился дом, в котором находилась контора Ганзы, и комната, в которой должны были спать немецкие приказчики. Кровати у приказчиков были очень своеобразные... Эдакие то ли корытца, то ли гробики... специально так сделанные, чтобы в эту постель при самом сильном желании нельзя было положить еще одного человека.

И только в одном городе — члене Ганзы кровати для приказчиков устраивались иначе, точнее, по-обычному: в Новгороде.

Поскольку считалось, что новгородских барышень без женитьбы затащить в постель все равно невозможно.

Биржа в трактире

Честное слово купеческое... Что-то характерно-национальное, говорящее о русском предпринимателе, да и о нашем народе... Если искать «типичных русских», выразителей духа страны, то это как раз те, кто заключает устные сделки без векселей и договоров на крупные суммы. Хотите «типичных русских» и желаете «русской специфики»? Тогда покажите не алкаша, цитирующего Пушкина (и что? — мне один бродяга в Вашингтоне Шекспира цитировал), а дельца, заключающего сделку через рукобיתье.

Не обращали внимания? Задумайтесь! У нас и до сих пор многие сделки никак официально не оформляются.

Попросит у вас лично друг крупную сумму в долг... Крупную не «вообще», а крупную именно для вас. Не важно, сколько это — 10 тысяч рублей или евро, главное, чтобы сумма была для вас значительная. Такая, которую потерять будет жалко. Вы станете заключать на эту сумму кредитный договор? Нет, у нас обычно вообще дадут без расписок, тем более не оформив сделку у нотариуса.

Многие, наверно, прочитают это место в книге и пожмут плечами: подумаешь... Все так делают! В том-то и дело, дорогой читатель, что не все. На юридически грамотном Западе как раз не принято давать деньги «на доверии» и без нотариата. Не кажутся нормальному европейцу эти формальности лишними, мелочными и ненужными.

Так вот, имейте в виду: это и правда очень типичная вековая национальная черта русского народа — вести дела на основании устных договоренностей.

Свидетельствует ли она об «изначальной» вороватости и нечестности? Судите сами.

90 процентов — если не больше — квартир в Москве сдается без договора. Почему? Жалко расстаться с доходным налогом? Так он у нас и так самый низкий в Европе — 13 %. Да нет, дело не в этом. Так просто принято издавна: все доверяют всем, и в скреплении честного слова подписью на бумаге смысла не видят.

Лучше бы, конечно, налог платили. Но сама эта система говорит об изначальном отсутствии желания кого-либо обмануть. И уверенности, что тебя самого не обманут.

Да что там сдача квартиры в наем! Тут участники рискуют мало.

А когда многомиллионные сделки в теневом секторе российской экономики заключаются на честном слове? Я не говорю, что это хорошо. Это плохо. Но факт остается фактом: процентов 40 нашей экономики держится именно на нем — на честном слове. Почти что честном купеческом.

Приведу два примера. Что такое (объясняю в сильно упрощенном виде) «обналичка»? Та, с которой столь решительно и пока безуспешно борются наши налоговые и еще более решительно и столь же безуспешно — правоохранительные органы? Это значит, что некий предприниматель под липовый контракт, т. е. под пустую бумажку, по которой ничего и никогда нельзя отсудить, отправляет «в черную дыру» свои кровные деньги. Отправляет до наступления того момента, когда они подлежат налогообложению, т. е. закладывая псевдозатраты на себестоимость бизнеса.

Далее, из той же «черной дыры» (ибо в действительности нет ни фирмы, куда они платились, это просто виртуальный счет с печатью, ни персонала этой фирмы: директор, он же главбух, давно умер, или гражданин Израиля, или просто фирма оформлена на краденый паспорт, вариантов множество), — так вот из этого «ниоткуда» у предпринимателя вновь «нарисовываются» деньги. Но уже в наличной «неучтенной» форме. Естественно, за вычетом комиссии.

Вот так. Поговорили, пообещали, договорились — и действительно, через неделю передаются зеленые чемоданчики, набитые валютой, или кладутся деньги на оффшорный счет где-нибудь в Люксембурге.

Абсолютно то же самое — с так называемой «серой растаможкой».

Вы платите за партию товара, поскольку это, как правило, крупный импорт, то обычно речь идет о больших или очень больших деньгах, и дальше — передаете все дела так называемому «серому брокеру». Он реально «ведет» логистику вашего товара, выплачивает за него все дополнительные платежи (а иногда — даже выступает агентом по основной сумме сделки), и вот спустя месяц вы забираете свой доставленный товар уже «очищенным» и растаможенным, с российского склада.

От имени совершенно неизвестного поставщика-«пустышки».

Поймите, я ни в коем случае не оправдываю систему уклонения от налогов, но давайте задумаемся вот над чем: все участники этой схемы знают, что они НИКАК вообще юридически не защищены. Все действуют ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО на доверии.

Да, нехорошо. Да, нечестно. Но что-то в этом есть патриархальное. Ничего не напоминает? Устное договорное право... На Руси с XVII века

промыслы организовывали купцы, прекрасно умевшие объединять свои капиталы, создавать «общества» на паях. Эти «общества», где учитывался вклад каждого и каждый получал доход по вкладу, только одним отличались от акционерных обществ Европы: менее жесткой формализацией.

На Западе предприниматели регистрировали новую компанию как юридическое лицо, вели протоколы заседаний, выпускали акции. Они нанимали адвокатские конторы для ведения и хранения своих документов, а Биржа аккуратно следила, как поднимается или опускается курс акций компании, как «идет» тот или иной товар.

В общем-то, с сегодняшней точки зрения это нам кажется более современным и «методологичным», то, как детально обставляли европейские предприниматели свои отношения, говорит, возможно, только об одном: может, это была всего лишь дополнительная защита от возможного обмана? Ведь признаемся, положив руку на сердце: а для чего в действительности в наш современный век **ВООБЩЕ** нужны все эти «юридические формальности»? Для чего требуется бесчисленная армия нотариусов и юристов, к чему все эти тонны бумажных договоров, подписи и печати? Ну, конечно, с одной стороны, чтобы не забыть, о чем договорились. Чтобы взаимные обязательства были четко зафиксированы. Но это не главное. Если бы речь шла только о свойстве человеческой памяти «забывать», 99 % договоров не заключались бы вовсе или делались «в простой электронной форме».

И тогда бы миллионы юристов во всем мире остались без масла на своем куске хлеба.

А дело вот в чем.

Это нужно лишь для одного: чтобы **ВСЁ, О ЧЕМ И ТАК ЧЕТКО И ОДНОЗНАЧНО ДОГОВОРИЛИСЬ**, еще раз четко записать, зафиксировать, юристам — завизировать, нотариусу — заверить, потом расписаться кровью, скрепить печатями — и запереть в сейфе. А лучше в арендованной банковской ячейке. Вскрыть которую можно только двумя ключами одновременно в присутствии банковского служащего.

Знакомая картинка? Читатель еще в наивности своей не понял, для чего все эти ухищрения? Элементарно! Чтобы не было легкого соблазна для договаривающихся сторон друг друга **ОБМАНУТЬ!** Увы все равно обманывают, «кидают», выставляют в дураках... Никакие юридические ухищрения в наш век не помогают против мошенников.

Зато наши предки-купцы редко утруждали себя ведением протокола и прочими сложностями юридического оформления сделок.

Они не имели никакого представления о процедуре выпуска акций или о работе Биржи. И знаете, у них получалось! Устного слова доверявших друг другу купцов оказывалось вполне достаточно для того, чтобы создать «общество» и вполне благополучно им руководить.

Собирались купцы обычно не в домах друг друга. То есть ходили и в дома, вели степенные разговоры и порой даже дружили семьями. Но дела вели и сделки заключали... в трактирах.

Только не надо начинать песни об «извечном русском пьянстве», мол, без стакана купцы договориться не могли. Эту басню мы уже подробно разбирали в предыдущей книге. В трактире, к слову сказать, вообще по большей части нашей истории спиртным не торговали. Наливали в другом заведении, кое называлось — кабаки.

Трактир же — место для еды и неспешного ЧАЕпития.

Международная система страхования, кстати, ведет свое начало со сделок, заключавшихся в лондонском кафе Ллойда. Основные сделки американских воротил начала XIX века тоже заключались в кафе и ресторанах на Уолл-стрит.

Так что манера договариваться за чашкой чая у русских и западных предпринимателей как раз была одна.

Разница в другом — в уровне взаимного доверия. Вот европейцы как-то друг другу верят мало... Им нужен нотариат, письменное подтверждение сделки. Нужна бумага, подтверждающая владение своим паем в общем владении, — акция. Нужен нотариус, чтобы фиксировать сделки, и адвокат, чтобы вел дела в суде, не позволяя обмануть.

А русским купцам все это сомнительное счастье казалось не обязательным: они доверяли друг другу, проклятые дикари.

В XVII веке на акционированном капитале соляных и рыбных производств были сколочены колоссальные состояния Г. А. Никитникова, Я. С. Патокина, Д. Г. Панкратьева, Н. А. Светешникова, В. Г. Шорина, О. И. Филатьева и множества рангом пониже.

В XVII веке в купцы мог пойти любой лично свободный человек, а их было больше половины населения.

Черносошные крестьяне в XVII веке *«совершают на свои участки все акты распоряжения: продают их, закладывают, дарят, отдают в приданое, завещают, притом целиком или деля их на части»*.

Этот крестьянский капитализм зашел так далеко, что возникли своего рода «общества на паях», союзы «складников», или совладельцев, в которых каждый владел своей долей и мог распоряжаться ею, как хотел — продавать, сдавать в аренду, подкупать доли других совладельцев, а мог и

требовать выделения своей доли из общего владения.

Право же, тут только акционерного общества и биржи не хватает! Или просто они не были нужны?

Патологически доверчивые миллионеры

Везде и во все времена дельцы, бизнесмены — не самые доверчивые люди. Обмануть их можно. Но трудно.

Владелец любого капитала или быстро научится распознавать нечестного человека, или этого капитала лишится. Третьего не дано.

Но вот в России бывало и такое... «Купил» один купец колокольню в Москве. Как? А очень просто. Прибыл он то ли из Самары, то ли из Астрахани... Неважно откуда. Походил по Москве. И приглянулась ему колокольня. Ходит купец, прикидывает — как бы ему колокольню эту купить. А к нему подходит человек: что, купец, понравилась тебе башня? Слово за слово и говорит новый знакомый: башня это моя, но мне она вроде и не очень нужна, могу продать.

В ближайшем же трактире сговорились о цене, и стал купец «счастливым обладателем» колокольни Ивана Великого в Кремле. Напомню: вести дела в трактирах, заключать устные сделки на крупные суммы было самой обычной деловой практикой. Вместо нотариата служило использование гербовой бумаги. Самая дорогая стоила 10 рублей за лист. Красивая была бумага, с яркими водяными знаками, снежно-белая, с червленно-багровыми государственными гербами, с золотым обрезом по краю.

На этой бумаге принято было заключать сделки на любые суммы — все они признавались законными. Печати, естественно, не ставились. Зачем? Бумага-то не простая, гербовая. Выпили по случаю заключения сделки. Как же по такому случаю не выпить и не поесть?! В общем и целом — идиллия.

Это на другой день, когда счастливый «владелец» колокольни пришел вступать во владение, было много веселого шума и крика. Самому же купчине было, конечно, не до смеха. Имя купца называют то Акинфиев, то Ануфриев. Как и город, из которого он прибыл в Москву. И сумму, в которую обошлась колокольня: то 5 тысяч рублей, то 10, а то даже 20 тысяч.

Самое же невероятное в этой истории, что все в ней — чистая правда.

Вездесущие газетчики много писали былей и небылиц об аналогичных историях, похожих махинациях с «элитной недвижимостью» в русских столицах.

Ф. Алексеев «Колокольня Ивана Великого». Начало XIX в.

Трудно поверить, но были времена, когда строить выше этой колокольни в Москве было запрещено. Кто сомневается в мудрости наших предков, советую проехать, например, в Москве на Воробьевы горы, точнее, на улицу Мосфильмовская — осмотреть последние высотные шедевры столичного зодчества.

«Продавали» и Марсово поле в Петербурге... И дом генерал-губернатора (нынешнее место работы Мэра Москвы — Тверская, 13) в Москве... Странно, что ни разу не продали Зимнего дворца и Московского Кремля. Это единственная «недоработка» «черных риэлтеров».

Колокольню Ивана Великого покупал Ануфриев из Самары. Марсово поле — Акинфиев из Арзамаса.

Особняк генерал-губернатора — некий Фролов из Екатеринбурга. Купец II гильдии, между прочим! Предприниматель с многотысячными оборотами.

Что удивительно, все покупатели и помыслить не могли, что их новый знакомый — просто жулик. Называет себя человек купцом? Значит, купец. Говорит, что владеет этим зданием? На кресте поклялся? Значит, владеет. Оказавшись обманутыми, бедолаги искренне не понимали: как же так?! Им казалось невероятным, что взрослый приличного вида мужчина, православный, да еще столичный, мог вот так нагло врать среди белого дня.

Вывод может быть только один: эти люди и сами не обманывали, и их никогда не подставляли таким наглым образом. Они были решительно не готовы к подобному «лохотрону», потому и попадались на совершенно анекдотические уловки.

Что немаловажно: никогда за всю историю Европы никто не ухитрился всучить приехавшему из глуши графства Норфолк коммерсанту ни Вестминстерского аббатства, ни Лондонского моста, ни крепости-тюрьмы Тауэр.

И во Франции не замечено, чтобы провинциальный купец из Бретани прикупил по дешевке сады Тюильри или Малый Трианон в Версале.

И в США не было случая, чтобы продали лопуху из Орегона или Кентукки Капитолийский холм с постройками или левое крыло Белого дома.

С чего бы это?

Немного о замках и ключах

*Не запирайте вашу дверь,
Пусть будет дверь открыта.*

Булат Окуджава

Давайте спустимся с разреженных высот государственной и международной политики. Отойдем на время от образа жизни и образа мысли царей, могущественных сановников и прочих великих и не очень людей.

Корни психологических стереотипов, подходов, доверия и недоверия к людям лежат в самой толще повседневной жизни народа, его исторически сложившегося быта. До самого последнего времени 80–90 %, а в древности и все 99 % нашего народа составляли крестьяне.

Крестьяне много и тяжело работали, а потому к собственности своей относились трепетно. Порой бывали и скуповаты: все от той же бедности и от того, что любая вещь доставалась им ценой очень нелегкого труда.

Но мы не будем рассуждать здесь о природной скупости и прижимистости или, наоборот, радушии русских крестьян, равно как о том, насколько они свою собственность берегли. Боялись ли воров испокон веку, трепетали ли над своим добром и готовы ли были, как тот американский колонист, с винчестером в руках и ежеминутным риском для жизни защищать свой дом и свое имущество.

Эти разговоры бессмысленны. Во-первых, все люди были и есть разные. И крестьяне были разные, и, думаю, колонисты-первопроходцы. Разные были у них условия жизни, другие времена, иные нравы.

Во-вторых, эти рассуждения неизбежно приведут нас к политическим и даже философским обобщениям, потянутся исторические аналогии, начнутся сравнения: здесь, мол, община — «всему кончина», а там — священное право частной собственности. У нас патриархальность, «самодержавие, православие, народность», а у них — «вторая поправка к Конституции США».

Забавная и почему-то малоизвестная у нас деталь. Все знают, что американская Конституция, написанная отцами-основателями Соединенных Штатов более 200 лет назад, ни разу не менялась.

Лишь несколько раз в нее вносились важные поправки, среди которых — всем известная «первая поправка», гарантирующая свободу слова. Но почему-то никто у нас не акцентирует внимание на том, что «вторая поправка» к Конституции США и по очередности принятия, и, видимо, по важности — о праве граждан носить оружие.

Во всем мире так — не успела появиться частная собственность, как появляются ключи и замки. Считается, что самый древний ключ археологи обнаружили в гробнице фараона Рамсеса II (XIII в. до н. э.). Был он деревянный и очень простой: с зубцами, от штифтового замка.

Фараон, конечно, монарх, и ему, как всякому самодержцу, очень даже было что запирать. Но точно такие же ключи и замки находят в слоях множества городов и самых малых поселений, которым по 2–3 тысячи лет. От желтых прибрежных вод Китая до Атлантики. Защищая свою собственность, люди изготавливали запорные устройства самых разных конструкций, делали их из камыша, волокна, дерева, металла. Замки и ключи упоминаются даже в мифах Вавилона и Египта, в Ветхом Завете и книгах пророков.

На Древнем Востоке замки были весьма примитивные, а в Европе их быстро усовершенствовали.

Например, в Древнем Риме уже использовали близкие нам навесные замки с пружинным механизмом, которые защелкивались и открывались поворотом ключа.

Более того, римляне усовершенствовали сам механизм замка: они стали делать внутри неподвижные выступы, чтобы даже похожий чужой ключ не мог в нем повернуться.

Первые полностью металлические замки создали английские ремесленники где-то во времена нашего Рюрика (нельзя не отметить: в части данного вида прикладной механики британцы решительно обходили славян).

Средневековый «пояс верности». Италия.

Присущая европейцам страсть к запиранию всего и вся на ключ коснулась и человеческой плоти.

Позже европейские ремесленники разработали замки для ворот, дверей, сундуков и шкафов. Классический образ хозяйки дома — со связкой ключей в руках.

Именно он встает со старинных картин голландских мастеров — пройдите по Эрмитажу.

Мы, особенно жители крупных российских мегаполисов, последние лет 20 тоже точно помешались на замках и дверях. Бизнес по установке железных, обитых деревом (кому подороже) или дерматином с поролоном (кому попроще) дверей процветает во всех крупных городах России. Но отметим: появился он только с началом перестройки и взрывом бесконтрольной преступности, особенно квартирных краж. До того как-то никто особо не озадачивался ни прочностью входной двери, ни навороченностью дверного замка.

Но это — о входной двери. А есть еще в каждом доме и внутренние.

Россиянина даже в наше время несколько удивляет эта часть западной культуры: европеец вечно все запирает.

В доме заперты комоды и шкапы, внутренние комнаты и буфетные

дверцы. Ключи, признаемся, простенькие и порой лежат на видном месте, никто не прячет содержимое от домочадцев и гостей. Но выходит, как-то уже столетиями укоренилось в голове — надо все запереть.

А уж замки от входных дверей! Это же произведения искусства! Они не только красивые, с орнаментом и резьбой, они еще и очень надежные. Представьте, уже в XVII веке в Европе появляются замки с цифровым кодом. Современные кодовые замки на банковских сейфах — их прямые потомки.

А если разобраться — зачем вообще нужны замок и ключ? Для защиты своего имущества, понятное дело... Каждую секунду нужно быть наготове: другие люди могут совершить действие, предусмотренное всеми Уголовными кодексами мира.

Замок совершенно не нужен только в одном случае — когда нет воровства. Замок и ключ — это еще и некий психологический фетиш, проявление недоверия к другим людям. Причем если замок на воротах или входной двери — признак недоверия к чужим, то замок на внутренней двери, шкатулке или шкапчике — признак недоверия к собственным домочадцам.

...Так вот, на Руси такого разнообразия замков *никогда не было*. Возьмите глубокую древность. Про древних славян арабские путешественники писали: *«В их домах нет замков и запоров»*.

Здесь примечательно не только отсутствие запоров в домах славян, но и «естественное» удивление восточных людей. Видимо, для арабов двери с замками были привычны, потому и отсутствие запоров у славян удивляло.

Славянские замки и ключи, найденные при раскопках древнерусских городов, очень просты, даже примитивны.

Да и найдены они не везде. Их много в Пскове и в Новгороде, но, как говорят ученые: «Новгород — самый европейский из русских городов, а Псков — самый русский город Европы».

А в более восточных и южных городах Руси, менее европейских, что-то совсем бедно по части замков и ключей. Даже в XVI–XVII веках (напомню, именно тогда в Европе изобретают современный кодовый замок) в Московии замки и ключи от дверей и ворот по-прежнему какие-то совсем условные. Академик Рыбаков говорит, что эти простенькие ключи больше «похожи на ключи от шкатулок или ларцов, чем на ключи висячих замков».

Кстати, ремесленной специализации замочника на Руси не было вовсе.

Как же предки обходились без запоров?! А так... Старый обычай: уходишь, подопрй дверь батожком. Любой, кто зайдет во двор, увидит подпертую дверь и сразу поймет — хозяин вышел. Если в обществе не

особо распространено это самое «противоправное безвозмездное изъятие... чужого имущества»... то почему бы и не подпирать дверь батожком? Вот русский народ и подпирал. Еще в начале XX века большинство русских людей в деревнях и малых городах домов НЕ ЗАПИРАЛИ. Вообще.

В городах народ замками еще пользовался, правда больше похожими на замочки от шкапулок. Но вот дверь заперли... И ключ положили под коврик или бросили в почтовый ящик. После войны жизнь начала быстро меняться, и в части общественной безопасности совсем не в лучшую сторону (почему — тема для отдельного разговора, но любопытно, что именно тогда же вышла на первый план проблема массового пьянства). И правоохранительные органы стали писать слезные призывы к расслабленному «по старинке» населению: не надо создавать милиции лишней работы, не кладите ключи на видное место. Чтобы люди послушались, потребовались немалые усилия — и воров, и милиции.

Небольшая личная история. Моя бабушка Валентина Михайловна Смородская (ей, кстати, в том числе посвящена серия «Мифов о России»), была по советским меркам человеком зажиточным. Много лет работала директором школы и даже какое-то время — секретарем райкома партии по социалке. Район, правда, не московский — городок Смела Черкасской области УССР, но и не бедный. Села богатые, райцентр развитый, ухоженный, 60 000 жителей. Жила в хорошей по советским меркам двухкомнатной квартире в самом центре города. Все свое детство каждое лето я проводил у бабушки — два месяца, и вкус украинской клубники со сметаной, шелковицы с дерева прямо под окнами городской пятиэтажки и абрикосов, которые мы просто собирали на тротуарах, потому что все улицы городка были засажены абрикосовыми деревьями, — эти вкусовые ощущения, наверное, останутся со мной на всю жизнь... Но речь пойдет о другом. Квартира у бабушки, естественно, запиралась. Дверь была почти картонная, пустотелая, но зато с замком, правда только одним. И был ключ от замка, от квартиры, где, как известно, «деньги лежат». Ключ тоже был один. На бабушку, на меня, на младшую сестру, на родителей, когда они приезжали. Обычай был простой: выходя, захлопни дверь — и ключ под коврик.

Всё. Система домашней безопасности этим исчерпывалась. Замок был на автоматической защелке — без ключа не открыть, и на тот случай, если ключ все же забыли дома, что происходило с завидной регулярностью, бабушка всегда оставляла открытой дверь на балконе.

Поскольку квартира находилась на втором этаже, балкон — прямо рядом с козырьком подъезда. Забыв ключ, мы просили кого-то из старших

мальчишек залезть на козырек — далее на балкон — и открыть дверь изнутри.

Что мальчишки и делали — в секунду и с большим удовольствием. Это были 70–80-е годы, совсем, казалось, недавно... Ту «двушку» после бабушкиной смерти сразу забрало государство, и мы еще складывали ее вещи и книги, как на пороге появились «с ордером на вселение» какие-то новые беспардонные жильцы. Сейчас на всех окнах и балконе той квартирки — толстые железные решетки. Непокойные нынче времена... А взгляните на блошином рынке на старые советские или того смешнее — дореволюционные замки! На фоне произведений итальянских или английских мастеров они могут вызвать разве что улыбку.

Вспомните эпизод из «Двенадцати стульев», когда Остап Бендер ногтем открывает захлопнувшуюся дверь и впускает в собственную квартиру инженера Шукина. Простите, что же это за замок, если его можно открыть ногтем?! Этот юмористический эпизод Ильфа-Петрова совершенно непонятен людям ни на Востоке, ни на Западе: у них просто нет и не было в те времена таких замков.

Да даже сегодня зайдите в небольшой магазин, на рынок подальше от столичных городов и присмотритесь.

90 % продаваемых замков — это совершенно призрачные изделия. Этакие условные замки, которые открываются если и не ногтем, то уж точно — отверткой.

А зачем принимать более серьезные меры безопасности? Одни расходы да хлопоты. Потому что до сих пор, даже в порядке подзабывшей свою исконную «житейскую честность» провинциальной России, в той самой, с 1985 года многократно обворованной, обобранной до нитки неправедными и бесчестными властями провинции, по-прежнему не так много в домах воруют.

Не так много, как кажется тем, кто судит о жизни по криминальным хроникам центрального телевидения.

И в заключение три небольших эпизода-штриха к этому эссе о «бытовом воровстве», о замках и запорах.

Первый рассказ — можно сказать исторический, из жизни старой Москвы конца XIX века. Недавно перечитал замечательную книгу Гиляровского «Москва и москвичи». Автор много и сочно пишет о самом сердце московского преступного мира — знаменитой Хитровке, территории, где не было никакого права, ни частного, ни гражданского, ни уголовного, где вообще не существовало никаких понятий о «буржуазной морали» и Своде законов Российской империи. Это было самое дно

общества, выпаренный концентрат дореволюционного преступного мира. Советская власть смогла уничтожить Хитровку практически за сутки, но для этого требовалась недюжинная политическая воля большевиков, коей не хватало романовской администрации и коей в помине нет в деле борьбы с оргпреступностью в РФ и сегодня.

Но здесь интересна вот такая история. Гиляровский пишет, как однажды он пошел со своим приятелем погулять днем по Хитровке. Этаким экстремальный «туризм по трущобам» был популярен среди друзей Гиляровского, и они нередко просили его провести экскурсии по самым значным местам. И вот приятель забыл дома папиросы. Дядя Гиляй кликнул какого-то случайного беспризорного мальчишку, одного из сотен снующих по рынку голодранцев, и, сунув ему рублевку (в современном эквиваленте — купюру в 1000 руб.), попросил сгонять за папиросами в лавку. Его спутник стал хохотать: ну все, прощай денежки, тоже, нашел дипкурьера для ответственных поручений. Каков же был его шок, когда минут через пять чумазый босяк вынырнул из толпы с сигаретами и полной пригоршней сдачи.

«Ты вернулся... Не украл?..» — бормотал шокированный интеллигентный приятель Гиляровского. «Что значит не украл? — искренне возмутился пацан. — Да как же можно, если поверили-то...»

Вторая история короче и свежее. Август 2008 года. Мне довелось побывать в Голландии, пожалуй самой интернациональной стране в мире. Весь Амстердам ездит на велосипедах: быстро, удобно, полезно, везде отдельные дорожки для велосипедистов. Еще и экологично, кстати. Один минус — страшное воровство. «Похитители велосипедов» в Голландии — это суровая криминальная драма.

Первое, что сразу, как только вы выйдете из здания центрального вокзала, вам предложит некий сомнительного вида негро-суринамо-индонезийский субъект, — ворованный велосипед за 10 евро. Вскоре вам покажется, что вообще все жители столицы Нидерландов ездят исключительно на ворованных и многократно перепроданных велосипедах. Наверно, именно поэтому внешний вид этих средств передвижения в Амстердаме просто чудовищен. Скажу честно: не то что тетя Клава из самого нищего совхоза никогда не заставит себя оседлать «типичный амстердамский велик», да просто ни один бомж в нашей не избалованной роскошью стране, в самый голодный день на него не позарится. Понять голландцев можно: зачем париться, все равно твой велосипед сегодня-завтра украдут, и за 10 евро ты купишь на углу такой же «новый». Тем не менее даже такие велосипеды-уродцы в Голландии все и всегда аккуратно

пристегивают на цепочки с хитрыми замочками, то есть борются с потенциальными ворами как могут.

Вот что прочитал я в фельетоне одной местной газеты.

Вопрос: Как иностранцу определить, в какой части Голландии он находится? Ответ: Посмотрите на «пристегнутые» поблизости велосипеды. Если висит один замок, вы в тихой голландской деревушке. Если два — вы заехали в город. А если три — поздравляем! Вы в столице — Амстердаме.

И последняя небольшая история, тоже из личной практики. Как уже говорилось, старые добрые времена незапиравшихся дверей, увы, канули в Лету, нынче в Москве мода на двери прочные, в идеале — железные.

Недавно и я сам заказывал себе в квартиру такую металлическую дверь. Немолодой, но не по годам навязчивый менеджер фирмы-производителя с пеной у рта «разводил» меня на покупку двери не с обычным российским замком (который тоже, кстати, не был отечественной разработкой, а был «сделан по немецкой лицензии»), а с **НАСТОЯЩИМ-ИМПОРТНЫМ-ИТАЛЬЯНСКИМ**.

Знаете, какой был у него главный аргумент? Не поверите, но почти дословно это звучало так: *«Какие, мил-человек, еще русские замки? Да никогда (!) у нас их делать не умели! Все наши замки — лишь для виду, чтоб сквозняк дверь не открыл. А в Италии — ТРАДИЦИЯ! На этой фабрике замки уже 500 лет делают! Милльон комбинаций! Вся Европа на них держится! Наше ворье — слабаки, привыкли, медвежатники доморощенные, отверткой ковыряться да ломом, а в Европе по замкам есть ба-а-альшие мастера, но эту фирму никто открыть не может. Гарантия!»*

Вот так, ни дать ни взять. Больше и лучше «об исконном русском воровстве» и не скажешь.

Репутация дворян. Эталон чести

Береги платье снову, а честь — смолоду.

Русская поговорка

Красть книги, собак и казну у них никогда не считалось преступлением.

А. И. Герцен

Меня обворовывают точно так же, как и других, но это хороший знак и показывает, что есть что воровать.

Екатерина II, частное письмо, 1775 г.

Дворяне считали самих себя лучшими людьми государства. Были у них такие основания или нет, другой вопрос. А. С. Пушкин полагал, что смысл дворянства именно в этом: быть самыми совершенными, самыми образованными и самыми приличными людьми в России.

Для того им и дают привилегии, отделяющие от простолюдинов, имения, дающие им возможность жить, не беспокоясь о куске хлеба.

Кавалергард русской армии времен Петра.

Эталон дворянской чести. Мы же помним, увы, только то, что «кавалергарда век недолог, и потому так ля-ля-ля... ля-ля, откинув полог, и все ля-ля-ляля-ля...»

При этом подчеркну: хотя в России после «освобождения дворян» Петром III большинство их могло вести праздную жизнь рантье, на самом деле практически НИКТО так не поступал. Просто было не принято. Ну и что, что ты можешь себе позволить не работать. Да будь ты хоть трижды миллионер и олигарх, как князь Андрей Болконский или граф Лев Толстой, все равно ты ОБЯЗАН служить. Это твой долг перед страной, перед Государем. Так заведено.

Очень показательный в этом отношении диалог записал в своих путевых заметках о России британский офицер Джеймс Александер.

«У русских нет представления о том, что такое **джентльмен** (что он имеет в виду? А вот что... — В. М.), они с подозрением смотрят на человека, который не называет свой чин или профессию. Однажды я слышал, как моего товарища допрашивали в таможне (русской. — В. М.), пытаюсь выяснить, кто он такой.

— *Я английский джентльмен, — отвечал тот.*

— *А в каком вы чине? — спрашивал полицейский офицер.*

— У меня нет никакого чина.

— Какая у вас профессия?

— Никакой.

— Как так?

— Я частное лицо.

— Но у вас ведь должен быть какой-то чин и какое-то занятие!»

(Искренне недоумевает русский офицер. Понятно, что дворянин, и деньги есть, но служить или заниматься чем-то полезным вы должны ведь! — В. М.) Ответ англичанина: «Я живу на свой личный доход».

«Но это не ответ, сэр. Ради Бога, чем же вы занимаетесь?» «Ну, хорошо, — вздохнул англичанин, — я член магистрата графства и помощник лорда-лейтенанта».

(Это он назвал свои общественные занятия — типа член ТСЖ. — В. М).

«Вот это другое дело, почему же вы сразу этого не сказали?»

Вот так, русские дворяне не понимали, по крайней мере на том этапе, когда человек просто жил на собственные деньги и нигде не служил и не работал.

Разумеется, выдающиеся личности редко рождались и среди дворян, большая часть этих людей были самыми обычными мужчинами и женщинами, не совершившими ничего исключительного.

Но вот кодекс чести... Он действовал. Дворянин не мог сделать много такого, что прощалось простолюдину, но не прощалось ему. Потому что дворянин. Потому что на то и даны чины, имения и привилегии.

Очень образно об этом как-то написал Андрей Буровский: «Эх, — говорит он, — прежде чем рассуждать, легко ли в царской России быть дворянином, поезжайте вы, ребята, в город Азов. Там отлично сохранились стены турецкой крепости высотой метров так 25–30. Стоят там бомбарды... диаметром до 80 сантиметров».

Дальше — понятно. Берем лестницу длиной 30 метров она будет весить кило 150... Вот такую и берем вдвоем-втроем. Шпагу в зубы и — вперед. На стены! Оттуда падают бомбы, льют смолу и кипятки, стреляют, лестницы специальными рогатинами отталкивают — и вбок, и твой походный товарищ уже корчится внизу с переломанным позвоночником. А ты лезь! И не просто лезь — пистолеты на поясе. Шпага в зубах! Лезь, подбадривая солдат-мужиков, организуя подчиненных, вытаскивая по ходу раненых. Долез? Пистолеты выхватил, дым, гарь, кровяца, свинец — в упор, шпагу наголо — вперед! Турок еще полно на стенах, и сдаваться они не собираются. Пенициллин и обезболивающее, кстати, еще не изобрели,

поэтому каждая вторая рана — это гангрена и ампутация, а каждая третья, даже по современным меркам небольшая, — смерть в диких мучениях, как у князя, олигарха и дворянина в ...цатом колене Андрея Болконского. Страшно? Не хочется? Нечего ерепениться. Сдюжили? Поздравляю, вы дворяне». Здорово написано, не правда ли?..

О том, как жестко действовал кодекс чести, читателю должно быть известно: это предельно исторично описано в «Капитанской дочке» Пушкина. Александр Сергеевич опирался на факты: за время пугачевщины больше 300 дворян обоего пола были повешены за то, что отказались присягать Пугачеву — «чудесно спасшемся Петру III». В точности так, как капитан и капитанша (!) Мироновы. Пугачевцы выстраивали дворянские семьи под виселицей, сначала вешали мужей на глазах жен и детей. Потом матерей на глазах детей. Иногда начинали с детей — может, это на родителей произведет впечатление? Так вот: не сохранилось в истории НИ ОДНОГО описанного случая, чтобы папы и мамы (мамы тоже, подчеркну это) спасали ребенка ценой ложной присяги.

При этом рядовые солдаты, вчерашние мужики, конечно, обычно предавали, «признавая» в Пугачеве «истинного царя». Но что удивительно, они потом, после подавления бунта, столь же обычно... возвращались обратно «на государеву службу», и их брали! Ну что же, что дали слабину, изменили присяге? Мужичье. Что с них взять. Нет в них настоящей чести, что поделаешь.

А из коренного дворянства только (один) человек струсил под виселицей и пошел служить Пугачеву. После поражения самозванца кинулся спасаться: он ведь не был идейным врагом Екатерины. Ну, поначалу струсил, предал, а потом уже выхода не было. Фамилия этого исторического персонажа — Шванвич. У Пушкина он Швабрин, и все современники сразу узнавали, о ком речь.

Кстати, в «Капитанской дочке» Пушкин и историю дуэли Швабрина не придумал: в действительности был такой же случай нарушения правил дуэли, только не самим Шванвичем, а его отцом. Случай был по тем временам нашумевший. Отец Шванвича разрубил на сабельной дуэли лицо Алексею Орлову, тому самому фавориту Екатерины Великой, когда тот оглянулся на вскрик.

До конца дней лицо Алексея Орлова «украшал» страшный шрам от уха до угла рта. На непривычных людей его улыбка действовала жутко. Шванвича-старшего простили: он сумел убедить общество, что воспользовался оплошкой противника случайно, рубанул одновременно со вскриком.

Когда судили Шванвича-младшего, ему припомнили и подлость, совершенную его отцом.

И уже не простили. То, что прощалось простолюдину, которого зачастую даже не наказывали, а просто ставили обратно в строй, никак нельзя было простить дворянину. Ни при каких обстоятельствах.

Трудно описать полную меру презрения к Шванвичу дворянского общества. Шванвич политически умер. Когда его вели в кандалах на суд, женщины старались не коснуться его даже краешком платья. Никто к нему не обращался и не отвечал на его слова, кроме членов суда.

По приговору его не казнили, все же дворянин, а сослали в Туруханский край навечно. Умерла Екатерина, процарствовал Павел, взошел на трон Александр, отгремела война с Наполеоном... Шванвич все еще был жив.

Никто из государей, несмотря на вековую традицию, по восшествии на престол его не помиловал. Живой покойник догнивал на берегу Енисея, в лесотундре, добрые сорок лет.

Русские дворяне, в том числе и самые высокопоставленные, не могли быть «исконно» вороваты хотя бы потому, что берегли фамильную честь. Да, они не были бескорыстны, они работали на результат, в том числе на получение чинов, имений, пожалований, наград. Им хотелось «сделать карьер», и, конечно, далеко не все они пользовались для этого исключительно благородными способами.

Они услуживали старшим по чину, прогибались перед начальниками, женились на богатеньких невестах и прибегали к разного рода мелкому жульничеству, чтобы набить себе цену. Но вот воровать... Присваивать напрямую чужие, тем паче казенные деньги... С точки зрения знаменитого французского дипломата Талейрана русские придворные были «странными».

В том числе и потому, что «не брали». Такие же «странности» наблюдал за русскими и прусский король Фридрих Великий, и посланник Лесток, сыгравший немалую роль в заговоре, приведшем на трон Елизавету.

Впрочем, у нас и цари тоже странные. Скажем, доходы государственного бюджета Франции в начале XVIII века составляли 145 миллионов ливров.

Состояние же родственника короля, герцога Орлеанского, оценивалось в 114 миллионов ливров, а его долги — в 74 миллиона ливров. Легендарные алмазные подвески, подаренные королем супруге, стоили порядка 800 тысяч ливров.

Здесь что интересно: высшее французское дворянство вело себя в точности как в России — временщики.

Классический отечественный пример вора у трона — конечно, Алексашка Меншиков. 14 миллионов насчитывало его состояние на момент «конфискации» в 1727 году. И нет никакой уверенности, что все полностью нашли.

Но кто есть Меншиков — «полудержавный властелин»? Пирожник? Сын то ли конюха, то ли солдата? Типичный для нашей истории временщик, вознесшийся самым буквальным образом «из грязи в князи».

Увы, на наше многострадальное государство сваливались порой всякие Меншиковы, Шафиры, Ходорковские, Березовские, Гусинские... Цена этим личностям понятна: фарца без роду и племени, мгновенно взлетевшая из «младших научных» и пирожников в «полудержавные властелины». Грабь награбленное. В любой момент низвергнут, посадят, сошлют.

Но есть же разница между временщиком и «имеющим все права» потомственным аристократом. Поэтому сравнивать Меншикова с французскими принцами крови как-то некорректно. То, что «простительно» временщику-хапуге, как-то дико смотрится у тех, кто поколениями стоит у трона, у самих наследственных владык Королевства Французского. Аристократии, предки которой еще в Крестовых походах участвовали.

В общем, так или иначе сами короли и их родственники во Франции всегда были значительно богаче возглавляемого ими государства.

Бюджет Российской империи в 1899 году достиг 1 500 000 000 (полутора миллиардов) рублей.

А стоимость имущества царской семьи — по максимальному подсчету — 125 миллионов. Тоже не по-детски — 8 %... Но с французами не сравнить.

Мораль: русские цари были намного беднее возглавляемого ими государства. Хорошо известно, что во время первой переписи 1897 года Николай II написал в графе «род занятий»: «*Хозяин земли русской*».

М-м-да... Сомнительно, Ваше Величество! Какой же Вы хозяин, когда на все ваше многочисленное семейство совокупного состояния — лишь максимум 8 % приходится, а по другим источникам — 2–3 % годового государственного бюджета.

Как канцлер Бестужев оказался «продажным»

Чтоб ты жил на одну зарплату!

Из фильма «Бриллиантовая рука»

Сколько раз всем, кто интересуется русской историей или просто любит исторические романы, приходилось читать о том, что знаменитый канцлер и генерал-фельдмаршал времен Елизаветы и Екатерины Алексей Петрович Бестужев-Рюмин был бесстыжим мздоимцем: сначала брал деньги у англичан, потом был подкуплен Фридрихом Прусским. Фигурируют и конкретные суммы: якобы официального жалованья получал Бестужев 7 тысяч рублей, а пенсия от англичан — 12 тысяч.

А. П. Бестужев-Рюмин.

Канцлер Бестужев — действительно честный человек. Помните, Чубайс говорил: «Кох — честный человек»? От честности Бестужева Чубайс вообще пришел бы в смятение.

Грустно это. Потому что получается — прошло двести лет, а все еще живы сплетни, распространяемые агентами врага России, прусского короля

Фридриха.

Так вот: Бестужев последовательно выступал за оборонительный и торговый союз с Англией. В конце концов в 1742 году был подписан англо-русский договор о признании за Елизаветой императорского титула, о взаимной поддержке в случае войны и о возобновлении торгового соглашения на 15 лет. Для Англии это был выгодный договор. В ходе переговоров посланник Вейч просил у английского правительства короля Георга «осязательных доказательств милостивого расположения Его Величества». Король предложил братьям Алексею и Михаилу Бестужевым пенсии из английской казны. Были они по 12 тысяч рублей, меньше или больше, я не знаю.

Замечу, таковы были дипломатические обычаи в XVIII веке: при заключении трактатов, при мирных переговорах участников этих дел всегда одаривали заинтересованные стороны.

Но вот что выясняется: Вейч получил деньги от королевского правительства... Но Бестужев-то их НЕ получил! Его дружба с англичанами и постоянная поддержка их политики в Петербурге обуславливались исключительно сознанием встречных выгод для России.

Так, простите, кто здесь вор-то? Алексей Бестужев? Или англичанин Вейч? А о Фридрихе Прусском? У этого короля была самая лучшая в тогдашней Европе разведка. Действовала она несколько прямолинейно, но эффективно: покупала услуги всех необходимых лиц. Сам Фридрих лично составил подробнейшие инструкции для своих вербовщиков и уверял, что ни при одном дворе европейских монархов никогда не сталкивался с неподкупностью. Своих шпионов методичный Фридрих делил на 4 категории: 1) мелкие доносчики из простонародья; 2) профессиональные шпионы, в том числе двойные и тройные агенты; 3) подкупленные царедворцы и чиновники; 4) запуганные люди, ставшие шпионами поневоле: потому, что их близкие взяты в заложники или их шантажируют.

Естественно, в Петербурге у Фридриха тоже была богатейшая агентура. Правда, фамилии известных агентов почему-то — Левенвольде и Фабрициус... Но не будем мелочны — раз Петербург, значит, там живут русские.

В числе «агентов влияния», кстати, была и мама будущей царицы Екатерины II Иоганна Ангальт-Цербстская.

Одно хорошо: по причине крайней глупости эта дама если бы и хотела нанести ущерб России, это было бы не в ее силах.

Так вот, Фридрих мечтал купить Бестужева. Однако Бестужев всякий раз посылал его агентов далеко и не в очень дипломатических выражениях

на трех языках сразу: французским и немецким он владел совершенно свободно.

И в конце концов Фридрих захотел отомстить негодному канцлеру! С этой целью он начал распространять слухи... о продажности Бестужева. Делал вид, что Бестужев за свои услуги заламывал столько, что бедному Фридриху стало не по карману содержать такого дорогого агента.

Чистой воды «черный PR», как сказали бы сегодня.

Так Бестужев и оказался взяточником, состоявшим на содержании и англичан, и, «конечно же», Фридриха. Современники-то посмеивались, потому что знали правду.

А потомки, получается, ПОВЕРИЛИ... Мало того что мы беспамятны, мы еще и не любим своих выдающихся исторических деятелей. Не уважаем. Какую гадость о них ни скажи — со всем мы согласны.

Репутация чиновников, или Поразительная закономерность

Пароходы?! Ну нет... Пароход — это уголь, железо, бронза, подряды... Нельзя! Никак нельзя! Наши чиновники все украдут!

*Князь Меншиков (правнук «того самого»),
министр флота при Николае I*

Вот российские чиновники, похоже, и правда во все времена заслуженно имели печальную репутацию.

В России чиновников традиционно не любили, ругали «крапивным семенем» и «кувшинными рылами».

Обижали «бедняжек», одним словом. Вопрос: почему? Потому что чиновники на Руси были особенно зловедными или потому, что отношение к ним было другое, более требовательное? При Петре I в России взяточничество и воровство приобрели широчайший размах. Как ни боролся с этим Петр Алексеевич, а все без толку.

Справедливости ради: ЛИЧНО сам Петр, при всех своих непривлекательных чертах, порой отдающих психической патологией, не был ни жаден, ни склонен к роскоши и расточительству.

Домик Петра в Петербурге очень скромн.

Сам Петр не любил ни пышной парадной одежды, ни драгоценностей, ни дорогих экипажей. На свой собственный быт тратил исключительно мало. Его пиршества могли быть грубы и по сути вообще безобразны.

Но они больше походили на попойки ремесленников или младших офицеров, чем на торжественные приемы и сказочные пиры коронованных особ с множеством перемен блюд, торжественным церемониалом и драгоценной посудой.

Сохранилась история о розыгрыше, который устроил Петр в первый год существования Петербурга одному голландскому капитану. Тот капитан привел свой корабль к Петербургу, и Петр лично выполнил работу лоцмана — ввел корабль в устье Невы. Представился он «лоцманом Петером», и пока вел корабль, болтал с капитаном, выпил рому, а потом пригласил его к себе

домой «обсушиться». Поужинали, познакомил с женой. Расчувствовавшийся капитан подарил Екатерине полотно «на рубашки». И Петр прокомментировал: «В рубашках из такого полотна ты, Катя, будешь прямо Императрица!» Тут неожиданно явился Меншиков, наряженный как всегда придворным франтом, и начал докладывать Петру. Капитан смутился. Но Петр сумел его убедить, что Петербург город маленький, и очень часто лоцманы и капитаны могут быть на коротке с придворными. Розыгрыш, уже с участием Меншикова, продолжался, пока не явился еще некий офицер и не начал по всей форме докладывать Петру.

Только тогда голландец окончательно понял, что его «надули», испугался, стал просить прощения и забирать подарки. Не тут-то было! Петр подарки не отдал, серебряный рубль, данный ему капитаном «на водку», просверлил и повесил на шею как талисман. А голландца щедро отдал.

Так, чтобы он на всю жизнь запомнил не только свое приключение, но и как выгодно плавать в Петербург.

Во времена Петра чиновник и офицер получали в месяц от 2 до 14 рублей... Вернее, должны были получать: казна почти никогда не выплачивала денег вовремя. Деревянный крестьянский дом стоил от 3 до 10 рублей. Двухэтажный каменный дом в городе — 100 рублей.

Что касается цен на продовольствие, то *«четверик (26 кг) гречневых круп стоил 34–40 копеек, гороха 40–55 копеек, овса 5 копеек, пуд (16 кг) ржаной муки 26–27 копеек, крупчатой 75–80 копеек, гусь с печенкой 2 копейки, солонина 3 копейки, баранина 2 и 3 копейки за фунт и т. д.»* Один из Ротшильдов как-то сказал, что богатый человек — не тот, кто может жить на привычном уровне на проценты со своего капитала, а тот, кто может жить на проценты с процентов.

Бывший пирожник Алексашка Меншиков даже по меркам Ротшильдов был очень богат. На одни лишь проценты с процентов с 14 миллионов рублей можно было вести в Петербурге образ жизни владетельного князя, а состояние при том все росло бы. Была кроме наличности и драгоценностей у светлейшего и кое-какая недвижимость, и, так сказать, «персонал»: всего отобрали у князя 90 тысяч крепостных, 6 городов (частных!), многие имения и деревни в России, Польше, Австрии, Пруссии.

В некое оправдание Меншикову говорят порой, что он за свой счет содержал и ремонтировал здания в Петербурге. Что его дворец в отличие от дворца Петра постоянно использовался для дипломатических приемов и

собраний. Причем сами ассамблеи и балы тоже оплачивал он из личного кармана. Похоже, просто под конец жизни он окончательно перестал понимать, где кончается его собственный кошелек и начинается государственная казна.

А. Д. Меншиков.

Современники говорили, что он брал взятки со взяточников и относил деньги Петру, который возвращал их в казну. Существовала якобы такая схема пополнения бюджета. Странно, конечно, но при Петре все могло быть.

Чудовищно воровали вплоть до царствия Анны Ивановны (1730–40). Но, словно назло стереотипам, главные воры эпохи Анны — кто? Бирон с двумя братьями и сыном, трое братьев Левенвольды, Шемберг, Менгден — все остальные фамилии будут такими же... не очень русскими. Много тут кого прикормилось.

При этом Бирон, как пишет С. М. Соловьев, «не был развращенным чудовищем, любившим зло для зла; но достаточно было того, что он был чужой для России, был человек, не умерявший своих корыстных устремлений другими, высшими. Он хотел воспользоваться своим случаем, своим временем, своим фавором для того, чтобы пожить хорошо за счет России. Ему нужны были деньги, а до того, как они собирались, не было

никакого дела».

В общем, продолжение петровского феерического воровства велось уже не совсем русским «контингентом»... Что же до русских, то в годы царствования Елизаветы поднялся канцлер Бестужев, при Екатерине II властвовали Орловы и Потемкин... Все они получали огромные имения и были далеко не бескорыстными людьми. Но вот только какой же дурак ворует у самого себя? Государство Российское было ИХ государством, в нем они жили и его собирались оставить своим детям и внукам.

Действительно: а кто ворует во всех трех вышеуказанных смыслах? Кто без зазрения совести обкрадывает «сам себя»? В первую очередь тот, кто совершенно не связывает себя ни с окружающим обществом, ни с государством.

Временщик, видящий в России — не Родину, но колониальную плантацию. Зрящий свое будущее не здесь, а на Лазурном берегу или в престижном районе Лондона, готовящий своих детей к жизни не на русском Черноземье, а где-нибудь в Итоне или закрытом швейцарском пансионе.

В. И. Суриков «Меншиков в Березове». 1883 г.

Всю жизнь проходил под «расстрельными» статьями, а закончил ее ссылкой.

Это объединяет и Бирона, и Абрамовича, и немецких временщиков XVIII века, и большинство олигархов XXI века.

Чтобы казнокрадствовать «с чистой совестью», без всяких моральных

тормозов, нужно четко отделить себя от государства, от страны, от народа. Так было раньше, так обстоит дело и сейчас. Классическая история: одному петербургскому чиновнику предложили очень полезный для «его» города проект. Чиновник отказался проводить его в жизнь. Пусть ему заплатят, тогда он сделает.

— Но это же очень полезно для города!

— А я не город.

Такие вот «я-не-город» и разворовывали Государство Российское. И сегодня они его разворовывают, ничего за три столетия не изменилось.

И после Петра было в истории России несколько периодов, когда уровень коррупции максимально приближался к уровню «птенцов гнезда Петрова». Это периоды, когда сильнее всего укрепляется очередная «вертикаль власти» и главными людьми в стране делаются чиновники.

Казус Щепочкина

В XVIII–XIX веках были случаи убийств помещиков, которые брали себе в наложницы девок или мужних жен. Девок еще ладно... А вот связь с замужней женщиной для крестьян была чем-то крайне неприличным. Чудовищным попранием обычаев, всего неписаного закона, по которому жил симбиоз барин-крестьянство.

Мне называли разные цифры такого рода микровосстаний: от «нескольких десятков» до «нескольких сотен». Никто определенно не считал, и мы очень плохо знаем эту часть нашей истории. А жаль, есть причины узнать ее получше.

Наиболее известны в этом ряду — убийства отца Федора Достоевского и деда народовольца Морозова. Подробности убийства Достоевского-старшего мне не известны, но предполагается — он посягнул на честь замужней женщины.

В 1840 году в имении Борок взорвали дворян — супругов Щепочкиных.

Трое их дворовых купили мешок пороха, положили его в печь на первом этаже, как раз под спальней супругов.

Проковыряли дырочку, сделали дорожку, поставили свечу. Торопливо убежали... Вскоре громыхнул страшной силы взрыв.

Жестокость этого, говоря современным языком, теракта потрясла всех. Министр внутренних дел доложил о нем императору Николаю I. На прощальную панихиду прибыли ярославский губернатор и все уездное начальство. На похоронах были все соседи-помещики, проститься с Щепочкиными пришли и толпы крестьян со всех окрестных деревень: их считали «хорошими барами». После гибели владельцев усадьбы осталось трое детей-сирот, в том числе будущий отец Н. А. Морозова.

Мужиков поймали сразу. Три дня до совершения преступления те пили без перерыву, и люди слышали, как они сговаривались, вернее как один из них подговаривал остальных убить барина.

Убийцы бились в пьяном кураже до самого ареста, рассказывая всем, что замыслили и почему. Оказалось все банально — обычное убийство на почве ревности.

Одному из убийц очень нравилась некая дворовая девка. Он к ней не раз безуспешно сватался. А эта девка отдавала предпочтение барину, что тут поделать. Знала, что барин женат, ни на что не претендовала, статус

барской любовницы ее устраивал совершенно. Да и с «человеком своего круга», видимо, она, покрутившись возле богатой и культурной жизни, уже иметь дела совершенно не хотела.

По понятиям крестьян, девица вела себя безнравственно. Нехорошо, с их точки зрения, вел себя и барин, который на глазах жены в открытую крутил-вертел, строил куры со своей горничной.

Тогда незадавшийся жених «со товарищи» и решился на убийство.

Суд приговорил их к 50 ударам кнутом на обгорелых развалинах помещичьего дома. После чего на лбу и на щеках убийц выжгли литеры статей Уложения о наказаниях, по которым они были виновны, и сослали в Тобольскую губернию на каторжные работы навечно.

Никак не оправдывая ни Щепочкина, ни горничную, так сказать, «предмет» разгоревшихся страстей, ни тем более убийц, отметим: здесь дело не только в ревности, произошло столкновение разных систем ценностей.

И уж конечно, и в этом случае, и во всех подобных даже говорить смешно о долготерпении народа. Народ имел свои представления о половой морали и считал себя вправе их отстаивать.

Сравним эти не столь уж редкие убийства с «правом первой ночи» в Европе. Право первой ночи действовало в Северной Франции, Англии, Германии, Шотландии, Баварии, Бургундии все Средневековье, в некоторых местах до XV–XVI веков. Еще в XVII веке некоторые налоги крестьянин платил за то, что это право не будет осуществляться. А состоит оно в том, что феодал, на земле которого живет крестьянин, имеет право провести первую ночь с новобрачной. Или указать (!) на лицо, которому он отдает новобрачную на первую ночь.

Теоретики спорят, из каких представлений первобытных людей, из каких пластов язычества завоевателей-германцев родился этот обычай. А жители Европы жили, поколениями позволяя феодалам «улучшать свою расу». Не известно ни одного восстания, ни одного убийства феодала по этому поводу. Кроме разве что изображенного в фильме «Храброе сердце» Мела Гибсона, где некий бедный, но гордый шотландец Уильям Уоллес пытается воспрепятствовать своему феодалу в его абсолютно законном (!) требовании провести «первую ночь» с очаровательной невестой Уоллеса-Гибсона. С этого якобы и начинается историческое общенациональное восстание шотландцев против англичан. Но это все Голливуд. Не будем воспринимать его серьезно. В общем, кротости и долготерпению европейцев можно только удивляться.

Репутация царей: «настоящие» и нет

Говорят, царь — ненастоящий!

Из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию»

В России любые бунты намного чаще, чем в Европе, происходили в рамках Системы. Целью повстанцев не было разнести вдребезги Систему и заменить ее другой... Европейцы жили в намного более напряженном обществе, это общество взрывалось чаще и легче, чем российское, и взрывы эти получались более жестокими.

Разумеется, были на Руси страшные, кровавые восстания. Но природа их совершенно иная, чем в Европе.

Как правило, даже восставая, россиянин против самой власти как таковой не шел, против нее не злоумышлял.

Даже если был возмущен данным начальником или чиновником, если ему не нравились определенные решения властей, он не покушался на основы и скорее готов был помогать власти, чем стремиться ее срубить под корень.

Но все это только в одном случае: если он считал власть «правильной» и «истинной». В Европе огромное значение имело законный монарх или незаконный.

В России законность монарха была менее важна, чем соответствие его народным представлениям, «истинность».

Стоило зародиться сомнению — мол, царь у нас не «настоящий»... и всё, жди набата разъяренной толпы, вооруженного бунта, смертоубийств.

Это часть сознания не только простонародья, но, казалось бы, самого что ни на есть просвещенного и европеизированного на все сто русского дворянства.

Дворяне XVIII века легко сбросили с престола законнейшего, но «не истинного» Петра III, и посадили на престол совершенно не имевшую на него права, но «истинную» по их представлениям Екатерину II.

Чего стоил один мир с Пруссией, заключенный по итогам кровопролитнейшей войны, когда русские войска уже побывали в Берлине! Петр III «вернул» своему обожаемому Фридриху

(тотально разгромленному русскими войсками, — смотрите «Гардемаринов», читайте В. Пикуля) ВСЕ ЗАВОЕВАННОЕ и даже вступил с ним в союз (!) против вчерашнего русского союзника — Дании.

Да это был просто плевком в глаза всему русскому обществу! Разве так мог поступить «правильный» русский царь?

Если царь «настоящий», то он — священная особа.

Такого царя можно попробовать остановить, даже чуть задержать, помешать пройти. Но ни в коем случае невозможно ударить, причинить ему малейший вред. Это будет не только тяжелым преступлением, но и религиозным грехом.

Власть «истинного» царя священна, его правление не может не быть праведным. Испакостить могут бояре, и тогда гнев народа, естественно, обрушивается на них.

Но и тогда царь остается благ и велик, достоин и совершенен.

Долг подданного — всячески поддерживать такое правление. Ведь власть — его власть, народная. Участие в ней — благое дело.

А если царь — *ненастоящий*? Тогда такой же само собой разумеющийся долг подданного — мятеж. Такой царь обязательно должен быть свергнут, а все, кто служил «ненастоящему», должны быть или уничтожены, или принести покаяние за свое гражданское и религиозное преступление.

Система жесткая, бескомпромиссная, сводящая судьбу любого правления к народным оценкам «праведности» и «неправедности» начальника и правителя.

Можно долго рассуждать о том, чем хороша или плоха такая система взглядов, но вот чего в ней точно нет — это идеи кротости, смирения, покорности, долготерпения.

Народ безмолвствовал, когда бояре выкрикали царем Лжедмитрия. А спустя короткое время народ восстал и убил царя. Лжедмитрий молод, физически силен, он прыгает в окно и — не повезло — ломает ногу. Подойти к царю, видимо, все-таки страшно... Царь как-никак. Но 26 огнестрельных ран Лжедмитрию все же «причинили». Царь *ненастоящий* — смерть ему!

Не позавидуешь россиянину — современнику Смутного времени. Пойди пойми, какой царь «истинный», а какой нет. Тем более для одних «истинный» царь — Василий Шуйский, а для

других он — «царь Васька», совершенно неистинный узурпатор, и на престол возведен незаконно.

Для других «истинный царь» — польский королевич Владислав.

Для третьих — шведский королевич.

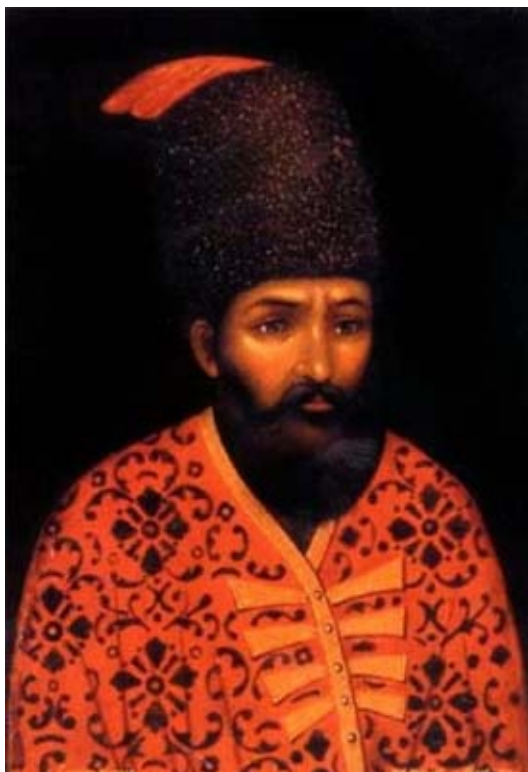
Для четвертых — очередной Лжедмитрий... Поди разберись в этой толпе царей! Избирая Михаила Романова на престол в 1613 г., россияне сделали огромный шаг вперед в своих монархических представлениях. Теперь «истинным» царем оказался тот, кого они сами избирают.

И разинщина, и пугачевщина были таким же народным протестом против «не истинного» царя и его «неправильного» правления.

Отсюда самозванство Пугачева и вообще весь феномен русского самозванства. Объявляя себя чудесно спасшимся Петром III, страдальцем за народ, которого захотела извести «негодная Катька», донской казак Емелька Пугач становился в глазах части народа «истинным царем».

Никакие программные заявления о милостях и свободах от имени честного повстанца Емельяна не произвели бы на народ впечатления. А вот от имени «настоящего» царя их слушали, да еще как! Когда пьяный Емелька прилюдно плакал о судьбе «возлюбленного сыночка Пашеньки» или доверительно советовался с приближенными казаками, как ему лучше поступить с «негодной Катькой»: сослать в монастырь, «показнить смертью» или просто выпороть плетью и простить, — это не вызывало насмешки. Так и должен был вести себя «истинный царь».

Тот, который вместо крепостного права заведет «везде вольный казачий круг», снизит, а то и вовсе упразднит налоги, станет ходить к народу и «рядиться» с ним, ударяя по рукам, как это делал Алексей Михайлович.

Е. Пугачев в царской одежде. Палех.

Вор Емелька Пугачев не без оснований полагал, что, чем богаче он разоденется, тем больше будет походить на «настоящего» царя — в глазах голытьбы.

Дворян казнили целыми семьями, как это красочно описано в «Капитанской дочке». Но не потому, что они были дворянами. А потому, что не хотели присягать «истинному царю», упорствовали в верности «негодной Катьке» и тем самым нарушали «правильное» течение событий и гармонию Мироздания.

Пугачев и его подельщики не были врагами дворянства как института. Все его приближенные тут же принимали имена и титулы реальных дворянских семей.

Они только не очень хорошо отличали титул от фамилии, и кто грамотный, сам писал, а за неграмотных писец подписывал одним словом под документами: «Графчернышев» или «Князьвяземский».

Окружение Пугачева претендовало на то, чтобы стать «правильными» дворянами, а для того предстояло истребить «неправедных», вот ведь как.

Кстати, и в революциях 1905 и 1917 годов, а особенно в Гражданской войне 1918–22 годов виден этот народный архетип: уничтожить «неправильную» и тем самым «неистинную», не легитимную власть.

Разрушить «до основанья» все, что с ней даже косвенно связано. А уж потом, на обломках, в пустыне, «мы наш, мы новый мир построим».

Марксизм, таким образом, лег на феномены российского народного сознания, что и сделало Гражданскую войну столь кровавой и долгой, так напоминающей пугачевщину невиданных масштабов.

Участники Смуты века XVII или Гражданской войны века XX резали друг друга без малейшего шанса договориться. Ибо для каждого отступить от своей правды означало предать высшие ценности, более важные, чем его жизнь.

ЗАБЫТЫЕ ВОЙНЫ И ВЕЛИКИЕ ПОБЕДЫ

Мифы Древней Руси и битвы разных времен

*У России нет союзников...
Все боятся нашей громадности.*

Император Александр III Александрович

История Древней Руси хорошо исследована. По крайней мере, не хуже, чем история стран Европы раннего Средневековья. Источники по истории Древней Руси многообразны и богаты — начиная с X–XI вв.

Нам могут возразить: ведь Фоменко и Носовский уже «доказали», что история Руси гораздо короче! «Теория» Фоменко и Носовского основана на идее заговора: якобы Романовы, а потом ряд ученых после Петра сознательно уничтожали одни документы и заменяли их другими.

Новгород — это не «настоящий» древний Новгород, «настоящий» — это Ярославль. Александр Невский и Батый — одно лицо, носившее разные имена в разных частях единого государства, а современные ученые подделывают результаты археологических раскопок. Дендрохронология — научная дисциплина, позволяющая определять возраст археологических находок по годичным кольцам деревьев, — якобы около 1000 года обрывается.

И это только часть измышлений этих двух «великих историков» и их последователей.

Не будем вдаваться в долгую полемику. Возражений у нас будет два.

ПЕРВОЕ: Фоменко и Носовский НЕ смогли опровергнуть «общепринятую» хронологию.

Их аргументация поверхностна и часто попросту лжива. «Подделать» присутствие многочисленных берестяных грамот (их найдено уже более 1000) в культурном слое невозможно по определению: ведь этот слой не потревожен веками, берестяные грамоты отделяют от современной поверхности несколько метров напластований.

Что же, агенты Романовых туда запиховали бересту?! Обрыв хронологии около 1000 года — ложь. Дендрохронология в Великобритании доведена до IV века н. э., в Германии до VI–VII веков, в России — до VIII века. Без «разрывов».

Другие находки новгородских археологов подтверждают точность «деревянного календаря». Сенсационная находка печати Ярослава Мудрого

сделана в слоях, согласно дендрохронологии, датируемых 1030-ми годами. Остается напомнить, что правил Ярослав с 1016 по 1054 год.

«Невская битва 1240 г. Александр Невский наносит рану Биргеру».
Хромолитография. Конец XIX в.

Сцена — в лучших традициях голливудского исторического блокбастера: рукопашная схватка главного положительного и главного отрицательного героев в финале картины.

Печатаей, принадлежавших известным деятелям древнерусской истории, уже выявлено больше сотни, и все они в точности подтверждают «показания» годичных колец на спилах бревен с новгородских мостовых.

Можно еще многое говорить по этому поводу, но главное ясно.

ВТОРОЕ возражение. Эта книга написана не о самих по себе источниках, а о том, как эти источники формируют позицию, или, как сказал А. С. Пушкин, «самостоянье» современного человека. Если даже представить, что все источники по истории Древней Руси фальсифицированы, **ВСЕ РАВНО** — именно они важны для жизни современного россиянина.

ВАЖЕН НЕ СТОЛЬКО ФАКТ, СКОЛЬКО ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В НАРОДНОМ САМОСОЗНАНИИ.

Есть основания полагать, что Ледовое побоище 1242 года было гораздо менее важным событием, чем Невская битва 1240 года.

А на фоне битвы при Грюнвальде — может, это вообще рядовая приграничная «разборка».

Но для идеологии это не имеет значения! Именно Ледовое побоище вошло в историю как важнейшее, определяющее событие! И живет в этом

качестве до сих пор.

Говорил ли Александр Невский: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет»? Не говорил? Это уже не имеет никакого значения. Ведь мы давно уже судим об этом событии не по подтвержденным фактам: не по тому, что там на самом деле было или не было. Даже не по фактам отраженным: летописям и историческим хроникам.

По сложившейся традиции уже не первое поколение в нашей стране представляет происходившее на льду Чудского озера в 1242 году так, как это показано... в художественном кинофильме! Спустя почти 7 веков после «Ледового побоища», в 1938 году, Эйзенштейном был снят гениальный пропагандистский фильм, вошедший в сокровищницу мирового кинематографа.

Он сформировал отношение к этой части русской истории не у одного поколения. И с точки зрения мифотворчества и мифовосприятия, для нас наиболее важно именно это.

Ниже мы поговорим о том, какую роль сыграл в утверждении Большого Советского мифа другой знаменитый фильм 30-х годов — «Чапаев».

И сюда же можно добавить, без всякого сомнения, блестящий положительный миф, созданный не без помощи Петра I и Пушкина, — о Полтавской битве.

П. Корин «Александр Невский». 1942 г.

Один из лучших примеров успешного и позитивного русского исторического мифа.

Она представляется нам по кино, по стихам Александра Сергеевича, по школьным учебникам как смелая бесшабашная атака шведов на укрепленные русские редуты в чистом поле, которые Петр очень грамотно спланировал и расставил. Отсиделся за этими редутами, отразил атаку, затем перешел в контрнаступление и погнал шведа так, что противник обратился в паническое бегство.

Карл чуть не попал в плен, а потом вместе с Мазепой бежал... Бежали они до самой турецкой границы, до городка Бендеры, находящегося в нынешнем Приднестровье (это второй по величине город непризнанной Приднестровской Молдавской республики). Там Карл отсиживался несколько лет, не понимая, что ему, собственно, делать дальше. И зачем.

В действительности же Полтавская битва не была столь коротким и прямолинейным боевым контактом.

Во-первых, Петр сидел в обороне, находясь в значительном численном преимуществе. Видимо, после Нарвы боялся прямого контакта с Карлом и предпочитал действовать наверняка.

Кстати, Полтавская битва — это первое сражение, где запротоколировано применение русской армией заградотрядов. То есть войсковых частей, которые размещаются позади основных сил и имеют особые полномочия, чтобы не допустить бегства с поля боя. Попросту расстреливают отступающих на месте. Так что это отнюдь не изобретение НКВД, как принято считать. Еще раньше заградотряды использовали монголы: сами они стояли сзади, а вперед выпускали мобилизованных ими местных жителей — тех же самых татар.

Оборонялся даже тогда, когда мог в принципе атаковать.

Тактика достаточно трусливая, но тем не менее эффективная.

Собственно, он «развел» Карла на смелую и бессмысленную атаку.

Далее. Битва проходила отнюдь не в чистом поле, а на местности весьма пересеченной — овраги, леса, пригорки. На довольно обширной территории. Треть шведской пехоты вообще не дошла до русских редутов. Шведы пошли куда-то не туда и попросту заблудились в лесах и болотах.

Кстати, удивительно, почему у нас об этом не пишут: подобная

шведская безалаберность объективно играет нам на руку, развеивая миф о гениальном полководце Карле XII. Хотя если посмотреть на дело с другой стороны, Петру было приятнее победить сильного соперника, а не бестолкового, раненого, бледного юношу, который по ходу битвы умудрился где-то в оврагах потерять треть своего войска.

Русские герои Грюнвальдской битвы

В XIII веке сама Русь была жертвой перманентной агрессии: с востока и юга от половцев и монголов, а с запада — от рыцарских орденов.

А знаем ли мы, кстати, что это наши предки остановили немецкую экспансию во всей Восточной Европе? Вот битва «мирового уровня» — Грюнвальдская, 15 июля 1410 года. Одно из тех сражений, что меняют ход мировой истории.

Битва при Грюнвальде, где окончательно были разбиты тевтонские рыцари, считается каким-то заграничным сражением.

В котором бились то ли немцы с литовцами, то ли немцы с поляками... Упускаем мы в собственной истории, упускаем важные позитивные моменты! Между тем русские в Грюнвальдской битве составляли важную часть союзного войска, и сыграли в ней решающую роль.

Воины т. н. Смоленского полка были вассалами Витовта, великого князя литовского. На территории Литвы, как известно, жило очень много русских и православных, они вообще были подавляющей частью населения. Литовцы были правящей элитой. А население-то русское... Сам Витовт, естественно, был литовцем. Он поставил литовских воинов на самое безопасное место, а своих вассалов-смолян — на самую невыгодную позицию. Именно по смолянам, расположенным в центре войска на незащищенном ровном месте, и пришелся первый, самый страшный удар бронированной рыцарской конницы.

Но вот о чем следует знать и помнить: литовцы, стоявшие по бокам, в арьергарде и так далее, перепугавшись, побежали, а смоляне стояли насмерть, не сходя с места! В героическом смоленском полку и завязла закованная в броню конница тевтонского ордена.

И тогда сам Витовт бросился догонять своих воинов, сбежавших, даже не приняв сражения. С конным отрядом он нагнал их, перестроил, повел назад — на то место, где все еще насмерть стояли русские, смоленские полки. Потери смоленцев уже превышали пятьдесят (!) процентов, но наши не дрогнули. С возвращением «дезертировавших» литовцев русские воины воодушевились и сами перешли в контрнаступление.

И тевтонские рыцари были разбиты.

Кто выиграл битву при Грюнвальде? Витовт? Нет. Литовцы? Нет. Ее выиграла героиня смоленского полка, которые защищали общую русскую родину — не важно, в границах княжества Литовского или в границах

соседнего с ним княжества Московского. Они — изменили историю всей Восточной Европы.

Впрочем, почему только Восточной?

«Оршанская пропаганда» и Ливонская война

Грустный закон свободной рыночной экономики гласит: если у кого-то есть богатство, его обязательно попытаются отнять.

Восточная Европа сказочно богата своими природными ресурсами. Поэтому соблазн завоевать эту территорию возникал у соседей много раз. Единственный способ противостоять «любимым» соседям — стать сильными. Создать государство, которое сможет противостоять агрессии.

Я не могу тут не упомянуть Н. Старикова («Шерше ля нефть», 2008), который проводит аналогию между очень разными странами, едиными в одном: они все являются объектами постоянного прессинга со стороны Запада.

Это Венесуэла, Боливия, Иран, Ирак и так далее. Все эти страны колоссально богаты углеводородами — и более того, они не хотят плясать под западную дудку.

Стариков перечисляет: Боливия — это газ, серебро, золото, свинец, сурьма, вольфрам, не считая нефти... Россия — все вышеперечисленное, только не в ограниченных, как в Боливии, а гигантских размерах, плюс вся таблица Менделеева, плюс алмазы.

Россия — это фантастически громадные территории, где даже не начинались геолого-разведочные работы. Огромные территории пахотных земель, огромные запасы леса... Необъятные морские запасы рыбы и краба. Первые в мире запасы становящейся все более дефицитной пресной воды, самые большие озера в мире — Байкал, Ладожское, Онежское.

Вывод логичен: Россию никогда не оставят в покое. Почему всегда кто-нибудь шел Россию покорять? Только потому, что она лежала на перекрестке дорог? Нет, не только.

Потому что Россия — это варвары и дикари и их нужно привести к цивилизации? Нет, потому что Россия сказочно богата. И в этом ее беда.

Почему от России так упорно пытались отколоть Чечню, а не, скажем, Рязань? По мнению Старикова, потому, что в Чечне есть нефть, а в Рязани ее нет.

Мнение далеко не бесспорное, но тем не менее давайте задумаемся...

Первые политические мифы об агрессивности и злобности русских были созданы в ходе и сразу после русско-литовской войны 1512–22 годов. Во время этой войны Московия и Великое княжество Литовское и Польское пытались отобрать друг у друга Смоленск и окрестности.

Вначале король Сигизмунд наголову разбил московитское войско под Оршей. Поражение московитов — это факт.

Но масштабы этой победы и ее значимость сразу же были стократ преувеличены пропагандой.

Современные историки обычно называют 1–2 тысячи убитых с польско-литовской стороны и 5–10 тысяч — с нашей.

Сигизмунд же писал о 30 тысячах убитых московитов, о пленении кучи воевод и тысяч (!) дворян.

Ф. Геффельс «Битва при Вене».

Поляки почему-то сравнивали свою локальную победу над русскими в битве под Оршей со знаменитой Венской битвой, остановившей нашествие турок на Европу. Не правда ли, это... перебор.

А главное, тогда поляки начали внедрять в европейское общественное мнение негативный образ московитов. В Польше есть даже такой специальный термин: «Оршанская пропаганда». Московиты — это хуже, чем татары и турки, очень они дикие и жестокие, утверждали поляки. Московиты хотят завоевать все окрестные земли. Московиты — не рыцари, они не умеют вести войну красиво и благородно, как жители Европы. Во всей Европе они хотели бы завести такие же дикие порядки, как в Московии. Европейцам очень повезло, что поляки и литовцы остановили московитов и не пустили их в Европу.

Если Европа не хочет нашествия московитов, она должна поддерживать Речь Посполитую. Морально, так сказать, и материально. Только Речь Посполитая может остановить московитов, потому что ее солдаты — смелые рыцари, защитники традиционных европейских ценностей.

Откровенно говоря, Ливонская война 1558–83 годов была агрессивной абсолютно для всех ее участников. Начала эту войну Московия нападением на Ливонский орден, который, правда, до того много раз сам нападал на русские земли. Ливонский орден мгновенно развалился, и Швеция, Польша, Великое княжество Литовское и Дания одинаково попытались урвать в Прибалтике как можно больше земель. У России чисто с теоретической точки зрения даже было больше «исторических» оснований для таких захватов: она искала выходы к морю, стараясь вернуть себе земли Древнего Новгорода. Впрочем, ООН в те времена не было, и теория вопроса никого особенно не интересовала.

Но что уже интересно нам, в рамках нашего исследования, — Ливонская война стала источником новой порции черных мифов о России. Московитов обвиняли в страшной жестокости, в несоблюдении законов войны (при том, что невероятную жестокость, по понятиям XXI в., в ходе войны проявляли абсолютно все).

Поляки придавали огромное значение политической пропаганде. В конце концов, объединение Польского королевства и Великого княжества Литовского в 1569 году означало, что в состав польского государства вошла значительная историческая часть Руси. Были присвоены исконные русские земли. Кто же тут агрессор?! Однако Польша хотела хорошо выглядеть в глазах всей остальной Европы. Польская пропаганда работала на нескольких языках и по нескольким направлениям на всю Европу. И, надо отметить, работала эффективно.

«Стефан Баторий». Гравюра со старинного портрета.

В 1579 г. в его войсках появилась походная типография. Благодаря чуду техники XVI в. весь мир должен был узнать об агрессивности русских (при том, что агрессором тогда была сама Польша).

В 1579 году в войсках Стефана Батория даже появляется первая в Восточной Европе походная типография. Руководитель этой типографии с простонародной фамилией Лапка получил впоследствии шляхетское достоинство и дворянскую фамилию Лапчинский.

Придворные литераторы Стефана Батория и его походная канцелярия продолжали лучшие традиции «оршанской пропаганды». Москву заранее обвинили в «имперских амбициях», хотя в Московии никаких «антиевропейских» планов не было тогда и в помине. Да и слова «империя», похоже, при дворе Ивана Васильевича не знали.

Тогда же в конце Ливонской войны и в ходе Смутного времени в Европе появились первые планы завоевания и расчленения России.

Украину и Крым нам простили

В Речи Посполитой, союзном государстве Польши и Великого княжества Литовского, южные русские земли, будущая Украина, оказались в составе Королевства Польского. Православное население Руси жестоко притеснялось поляками-католиками, которые называли православное крестьянство коротко и ясно — быдло, то есть попросту говоря — скот, скотина. С 1600 по 1640 год на Украине вспыхнуло до ста восстаний со стороны православного населения. С 1648 года отдельные очаги восстания сливаются в единый пожар под руководством Богдана Хмельницкого.

Не будем изображать этого сложного человека как святого народного заступника и сторонника единого русского государства. С Польшей он начал войну в основном из-за амбиций, денег и личных обид: хуторных, но гордых Хмельницких затирали богатые магнаты, князья Вишневецкие. Доходило до частной войны: нападений вооруженных отрядов на имения враждовавших семей. Во время одного из таких нападений враги не только сожгли и разграбили имение Богдана Хмельницкого, но и заповорожили насмерть его 10-летнего сына.

История дичайшая, конечно, и ничего кроме жалости к несчастному ребенку испытывать невозможно. Но история вполне в духе тех времен. В духе нравов феодальной вольницы, воевавшей друг с другом отчаянно и жестоко.

По-мужски совершенно понятно стремление Хмельницкого отомстить и расправиться с врагами. Вот, кстати, кто уж отомстил за поруганную честь семьи так отомстил! Богдан воспользовался тем, что польская корона не всех желавших казаков включала в так называемые реестры. Реестровые казаки считались служащими «польской короны» и получали от государства вооружение и жалование при довольно расплывчатых «служебных обязанностях». Не включенные в списки, естественно, непременно хотели туда попасть... Война казаков с Польшей первоначально вспыхнула именно для того, чтобы включить в реестр как можно больше казаков. По современным понятиям складывалась довольно забавная ситуация: военнослужащие, не поставленные на воинский учет и лишенные «пенсии», объявляют войну государству, при этом их главное требование — возьмите нас на службу в армию! Уже на волне первых военных успехов и появились личные амбиции Богдана: он захотел основать свое государство — то ли Княжество Русское в составе Речи

Посполитой, то ли независимое от всех Герцогство Чигиринское. Но начиналась эта война именно с одержимости Хмельницкого, его личных обид на правящих в Польше магнатов, особенно на клан Вишневецких. Не могу не удержаться от констатации очевидного факта.

Богдан Хмельницкий.

Неоднократно обращался от имени Малороссии (Украины) к Алексею Романову с просьбой принять ее в состав Российского государства. За что современными украинскими историками считается «предателем национальных интересов».

В общем к народу Богдан относился с таким же отвращением, как и польская шляхта: после сражения под Берестечком (1651 г.) могилы казаков вырыли отдельно от могил крестьян-ополченцев, ведь казаки считали себя более высокородными, «не быдлом» и не хотели лежать вместе со «скотиной».

Не в силах один воевать с Польшей, Богдан Хмельницкий заключил союз с Крымским ханом. Разумеется, из всякой междоусобной войны славян друг с другом крымчаки и так извлекали свою пользу: набегами, похищениями людей, грабежами, угоном скота. Но тут было другое: повстанец, русский православный человек, вступил с «поганым» Крымским ханом в СОЮЗ. И с тех пор все сражения, которые выиграл

Богдан Хмельницкий, он выигрывал только и исключительно с помощью своих союзников-татар. Стоило этим сомнительным «союзничкам» в очередной раз изменить, и Богдан тут же терпел от польских войск поражение.

Наконец Хмельницкий осознал эту нехитрую закономерность и понял, что сам победить Польшу никогда не сможет. И тогда он обратился к Москве. Как принято говорить, изъявил желание «привести Украину под державную руку Царя Московского». Наши долго сомневались, но в итоге все же втянулись в войну.

Сразу определим, что в те времена никто понятия не имел о таком народе — украинцах. По представлениям и Европы, и Руси, в самой Московии, и в Речи Посполитой, и в австрийских владениях Габсбургов, в Карпатах жили русские — люди одного народа. В октябре 1653 года Земской собор после длительного обсуждения и колебаний согласился признать русских-русинов Речи Посполитой подданными Москвы и принять их под свою опеку. Спустя три месяца, в январе 1654 года, в Переяславле совет-рада провозгласил «вечный союз» между Украиной и Великороссией.

Новыми подданными царя стали 700 тысяч человек. Это число обладает редкой в истории достоверностью. Присяга была принесена «всем русским народом Малой Руси», 127 тысячами мужчин. С домочадцами — как раз 700 тысяч. Между прочим, участники Земского собора понимали, что теперь неизбежно будет война с Польшей, а воевать и оплачивать военные расходы придется им самим (в Москве были собраны в том числе представители купечества и свободного крестьянства).

Так и получилось.

Русско-польская война 1654–67 годов велась между Московией и Речью Посполитой за территорию Украины. В ходе этой войны Богдан Хмельницкий не раз обманывал своих московских союзников, наводил на них татар, разрывал союз, да и вообще врал постоянно. Русские войска при том параллельно воевали с крымскими татарами, не в силах считать их своими союзниками даже на время.

В итоге татары обратились к своим стародавним друзьям — туркам, у которых кровавая круговерть на Украине вызывала похотливый соблазн отхватить и себе кусочек пожирнее.

На войну Московии с Речью Посполитой Европе было глубоко наплевать. Так, захудалая война на краю цивилизованного мира. А вот Турция — это враг всей христианской цивилизации.

Турция угрожала не одной Речи Посполитой и Московии, но и

немецким землям по Дунаю и в Богемии. Мгновенно возникла коалиция Московии с Австрией, Пруссией и Речью Посполитой против «общего врага» — Турции.

До 1676 года «оршанская пропаганда» мало кого волновала, потому что никому не было дела до славянских разборок из-за какого-то неведомого Смоленска. Но в конце XVII века Московия «вдруг» понадобилась Европе как ценный союзник.

Турецкая (Оттоманская) империя угрожает Европе. В планы турок входит захватить Польшу, Германию, земли Австрийской империи, в том числе Чехию, Словакию и Венгрию.

Часть этой турецкой агрессии — жестокая, кровопролитная война России с Оттоманской империей в 1676–81 годах. В ней наша армия оказывается вполне в состоянии бить турецкую.

В конце июля 1677 года стотысячная армия Ибрагим-паши выступила к Чигирину, — этот городок оказался политическим и военно-стратегическим центром всей Южной Украины.

Чигирин отбил несколько штурмов, его защитники даже устраивали диверсионные вылазки в турецкий лагерь. А подошедшая русско-украинская армия под командованием генерала Григория Григорьевича Ромодановского и гетмана Самойловича в генеральном сражении наголову разбила турок. Поражение Ибрагим-паши было без преувеличения позорным, катастрофическим, потеря армии — полнейшей.

Но вскоре новая турецкая армия опять стояла под Чигирином и разворачивала осадные работы.

В итоге разыгралась грандиозная затяжная битва. Был момент, когда Ромодановский, по мнению других воевод, упустил время (буквально несколько часов) для полного окружения турецкой армии. В конце концов русская армия покинула дымящиеся развалины Чигирина и отступила. Но и у турецкой армии уже не было сил воспользоваться возможной победой. Турки какое-то время вроде как шли следом, но даже не пытались атаковать. Ведь армия Московии не разгромлена! Наши отходят, но отходят в полном порядке, с барабанным боем и под знаменами, при появлении неприятеля тут же разворачивают пушки.

И турки не только не нападают больше на армию Г. Г. Ромодановского. После Чигирина они вообще ни разу не напали на Московию! Если даже Чигирин — это поражение, то поражение не в большей степени, чем Бородино. Из-под Бородина русские войска тоже ушли, открыв Наполеону путь к Москве.

На этом турецкая агрессия не закончилась: в 1683 году турецкое

нашествие затопило Центральную Европу — Венгрию, земли Австрийской империи Габсбургов.

Получается, Оттоманская империя еще не истощила своих сил, еще готова была воевать дальше, но против кого? Вот с Московией воевать она уже не хотела и сосредоточилась на, как им казалось, более слабом (или более богатом?) противнике. Двинулась на Европу, на Австрийскую империю и Польшу.

Поляки до сих пор гордятся тем, что Ян Собеский в 1683 году под Веной разгромил турецкие армии, остановил грандиозное по масштабу, грозившее неисчислимыми бедствиями мусульманское нашествие.

Но интересное дело: «Чигиринские походы» 1677–78 годов у нас — не знают совсем. Жаль — это очередное пренебрежение собственной позитивной историей. Можно было сотворить из Чигирина историю не меньшего пафоса, чем оборона Вены от турок. Зато в Европе Чигирин знают лучше, чем в России. Почему? Ответ прост: это — важный эпизод войн, которые вели с Оттоманской империей страны христианского мира. Европа спланивалась против общего грозного врага. Россия была вместе с Западом.

И поэтому никто опять не считает Россию агрессором и никто ее не обвиняет в стремлении разгромить Турцию, захватить Крым и отвоевать Причерноморье. С точки зрения Европы, это были глубоко разумные, гуманные и в высшей степени закономерные желания. Ведь Турция была цивилизационным врагом, форпостом «агрессивного ислама», и борьба с ней любых христианских государств только одобрялась.

Семилетняя война

Мы, русские, либо ломаем себе шею, либо одерживаем победу. И чаще мы побеждаем.

С. Эйзенштейн

В ходе Семилетней войны 1756–63 годов можно было легко обвинить Россию во всех смертных грехах: воевала она не на своей территории и вполне реально могла сделать большие территориальные приобретения. Например, «отхватить» половину Пруссии, вместе с Берлином.

Русская армия вторгается в Восточную Пруссию. Наши берут Мемель, затем громят пруссаков при Гросс-Егерсдорфе.

В сущности, Пруссия уже проиграла войну, Герцогство Курляндия и Восточная Пруссия остаются за Россией. Капитуляция и расчленение Пруссии на несколько частей не состоялось только в силу особенностей русской политики.

Не состоялись потому, что Российская империя на пике успеха внезапно... вышла из войны. Удивительная фортуна для немцев: при выходе из церкви падает без сознания Елизавета Петровна. Она так и лежит около двух часов — ее боятся трогать, потому что медицина того времени запрещает трогать людей, когда у них «удар».

После смерти Елизаветы Петровны престол должен перейти к ее племяннику, Карлу Петеру Ульриху, крещенному в православие как Петр Федорович. Петр Федорович, будущий Петр III, — фанатичнейший поклонник Фридриха Прусского. Все знают, что едва он взойдет на престол, тут же быть союзу с Пруссией.

Елизавета лежит на земле... Надо заметить, что в XVIII веке с коммуникациями было несколько сложнее, чем сегодня: ни мобильного телефона, ни банального телеграфа для связи с войсками. Поэтому в действующую армию немедленно скачет гонец и везет весть о «возможной» смерти Елизаветы. Едва получив это известие, главнокомандующий армией, действующей в Восточной Пруссии, Степан Федорович Апраксин, тут же поворачивает назад, к Петербургу.

Историки до сих пор гадают, кем был Апраксин: изменником? Придворным трусом, боявшимся немилости будущего императора больше, чем поражения в войне? Или он участник большого заговора против

Петра III? Некоторые историки считают, что заговор возглавлялся самим канцлером Бестужевым. В случае смерти императрицы заговорщики планировали не отдавать престол Петру Федоровичу, в их планах было провозгласить императором малолетнего Павла Петровича (он родился в 1754 г.). Екатерина — регентша, канцлер Бестужев — фактически диктатор. Апраксин ведет войска в Петербург, где в случае гражданской войны они окажутся необходимы.

Так это было бы или не так, установить сейчас трудно, потому что царица Елизавета с земли вскоре поднялась.

Елизавета оправилась. Апраксин умер во время допросов «с пристрастием», устроенных ему Тайной канцелярией. Канцлер Бестужев якобы долгий вечер сжигал в камине какие-то документы (можно догадываться какие).

Но история уже изменилась. Не будь этого внезапного прекращения войны, Семилетняя война сделалась бы двухлетней и окончилась бы уже весной 1758 года. А у России навсегда оставалась бы как минимум вся Восточная Пруссия.

Однако война продолжилась, русская армия опять развернулась и в начале 1758 года вошла в Кёнигсберг.

Ф. Рокотов. Портрет Петра III.

Екатерина была вынуждена максимально дискредитировать своего

мужа в глазах потомков. Как иначе она могла объяснить свое появление на троне?

Пруссаки во всей Восточной Пруссии присягнули на верность императрице Елизавете. До окончания Семилетней войны, вернее, до нелепейшего выхода из нее Российской империи в 1762 году Восточная Пруссия четыре года входила в состав Российской империи. Пруссаки платили налоги, вели себя совершенно лояльно к «кайзерин Елизавет» и Российской империи. Они совершенно не собирались выходить из ее состава, как только окончится война.

Вообще же война затягивалась. Только через год новый русский главнокомандующий П. С. Салтыков не спеша начал наступление, угрожая непосредственно Берлину.

Пытаясь остановить русских, Фридрих потерпел еще одно и совершенно полное поражение при Кунерсдорфе. 48 тысяч человек привел на поле Кунерсдорфа Фридрих; 19 тысяч из них так и остались навсегда на этом поле. Множество солдат, как всегда бывало при поражениях прусской армии, разбежалось. Путь на Берлин был открыт...

Детали этой удивительной битвы, выигранной не столько благодаря стратегическому плану или активности русского командования, сколько энтузиазму, самостоятельности и отважному напору русского офицерства, по сути взявшего на себя инициативу и вне общего плана сражения обратившего дотоле «непобедимого» Фридриха в паническое бегство, — все это ярко живописуется в замечательном фильме про гардемарин («Гардемарины, вперед!», «Виват, гардемарины!», «Гардемарины-3»).

Но на этот раз завершить войну решительным ударом помешали союзники австрийцы: Австрия боялась «чрезмерного» усиления Российской империи. Ее армия прекратила наступление, и сделала все, что было в ее силах, чтобы задержать движение русских войск.

Отметим, что мощи России всерьез испугались не враги, а союзники. Война опять затягивалась, на этот раз не по вине России.

В этом окончательном периоде войны России принадлежит исключительный успех: в 1760 году русские войска взяли Берлин. Оккупация длилась всего две недели, но это ведь была оккупация не чего-нибудь, а столицы вражеского государства! Жители Берлина встречали русскую армию настороженно, но не как страшных врагов. В Пруссии было много сторонников того, чтобы войти в состав Российской империи, — Фридрих с его культом армии и вечными войнами всем изрядно надоел, а тут появилась возможность оказаться в большом и стабильном государстве,

зажить спокойнее и приятнее.

К концу 1761 года у обескровленной Пруссии уже не было сил продолжать войну. Спорить можно было только о том, каковы будут условия капитуляции и останется ли вообще на карте такое государство — Пруссия? Но тут опять сказались внутренние события в России: 25 декабря 1761 года все-таки умерла Елизавета Петровна. Давно сослан канцлер Бестужев и прочие заговорщики рангом поменьше. Увы, ничто и никто не мешает германofilу Петру Федоровичу взять власть. Первое, что делает новый император, — прекращает военные действия, более того — возвращает Фридриху все занятые прусские территории (включая Восточную Пруссию).

Далее совсем грустно — он придает армии Фридриха (!) корпус генерала З. Г. Чернышова. Мало того, что купленная русской кровью победа не дала никаких результатов, так еще генерал, бравший Берлин, теперь помогал пруссакам очищать Силезию и Саксонию от вчерашних союзников-австрийцев.

24 апреля 1762 года Петр III официально заключил с Фридрихом союзный договор, спасая уже окончательно погубленную Пруссию.

Вскоре Екатерина II свергнет Петра III и сама сядет на престол. Одним из первых ее указов будет разрыв союзного договора с Фридрихом. Но дело даже не в этом жалком договоре — ему исходно была суждена убогая судьба. Дело в том, что российский император Петр III фактически спас Пруссию от полного разгрома. Петр III — «агент влияния», как бы сказали сегодня профессионалы из контрразведки. Добровольный диверсант, шпион на общественных началах.

В который раз события в Европе зависели от внутренней российской политики.

Одно это могло бы породить поток обвинений по отношению к России и русским... в чем угодно.

Россия, воюя в самом центре Европы, показала свою способность громить сильнейшие европейские армии и перекраивать карту Европы.

Всем очевидно, что Россия сыграла главную роль в разгроме Фридриха. Ее уже боятся. Ее уже пытаются остановить. Жители Восточной Пруссии (этнические немцы на 90 %) присягнули на верность Елизавете Петровне. Продли Господь еще на пару лет дни Елизаветы Петровны, и не только Восточная Пруссия, но и Западная, с Берлином, могла бы войти в состав Российской империи.

В Семилетней войне Россия впервые участвовала в европейской политике на равных, как одна из великих держав. Некоторые историки даже

считают, что именно в ходе этой войны мы впервые стали субъектом большой европейской политики. Политика велась агрессивными, жестокими средствами. Но это, увы, в духе того времени. Россия ничем не была хуже других, даже выигрывала в чем-то: не зря же немцы в Восточной Пруссии хотели войти в состав Российской империи. А вот жители Померании входить в состав Швеции не просились, и жители Ганновера были в ужасе от французской оккупации.

Во-вторых, европейские державы в этой войне были большими агрессорами, чем мы. И вели они себя намного эгоистичнее. Любопытно, что в ходе Семилетней войны у русских солдат сложилось довольно пренебрежительное отношение к европейцам, в том числе и к союзникам. Французов стали называть «лягушатниками» не во время нашествия Наполеона на Россию, а как раз в эту эпоху.

Что же до союзников Пруссии — британцев, то именно тогда появилась одна солдатская песня. Она грубая, но привести ее стоит. Речь в ней идет о герцоге Мальборо, предке Уинстона Черчилля, одном из командующих британской армией.

Мальбрух в поход собрался.
Нажравшись кислых щей.
В походе обосрался
И помер в тот же день.

Четыре генерала
Портки его несли,
А двадцать два капрала
Говно из них трясли.

Его похоронили,
Где рядом был сортир,
А сверху положили
Обосранный мундир.

Жена его сидела
На траурном горшке
И жалобно пердела
С бумажкой в руке.

Дальше следуют еще пять куплетов, для печати совершенно непригодных.

Такое сильное впечатление произвели на русских трусливость британских войск и непоследовательность их командования.

В-третьих, русские войска в ходе Семилетней войны не раз покрыли себя неуязвимой славой. Ведь именно мы наголову разбили «непобедимого» Фридриха Прусского.

Действительно ли русские наступали вопреки приказам робкого начальства, как это показано в фильме про гардемарин, — не уверен... История о таком эпизоде умалчивает.

Но история много чего сообщает не менее важного.

При Гросс-Егерсдорфе один из немецких военачальников писал, что даже смертельно раненные русские оставались в строю, и в свой последний час целовали стволы своих ружей: прощались с жизнью и с оружием. Солдаты Фридриха вели себя иначе...

Именно тогда потрясенный стойкостью русской пехоты Фридрих Великий (а уж он-то знал толк в военном деле!) произнес фразу, которую мы, к сожалению, не помним, а ведь ее бы надо на красном кумаче написать и повесить в каждой воинской части России: **«Русского солдата мало убить. Его надо еще и повалить!»**

Перед Крымской войной

Греция как суверенное государство полностью обязана своим появлением России. Напомню, Греция вновь появилась на картах мира лишь спустя две тысячи с лишним лет после великой Древней Греции Демосфена: а именно в 1829 году по Адрианопольскому миру между Турцией и Россией.

Вот год рождения государства Греция — в современном ее понимании. Дальше после каждой войны России с Турцией, а их было несчетное количество, наши православные друзья-греки получали в подарок очередной кусочек территории. В подарок от России. Не себе мы забирали, отдавали Греции.

И эти неблагодарные греки не могут еще сегодня признать Абхазию с Южной Осетией! Совсем у людей нет ни совести, ни исторической памяти. Члены НАТО, что поделать. Мировая политика не знает чувства благодарности, только интересы. Так, повторюсь, сказал австрийский император Франц-Иосиф в ответ на просьбу Николая поддержать его в Крымской войне. Думать надо только о себе. Победили турок, территорию отобрали — себе. Еще раз победили — себе.

А то вот всю историю Россия помогала Болгарии, и что? А болгары почему-то воевали во всех мировых войнах против России.

Хотя «дружба-фройндшафт» дальше некуда. Как малейшая проблема — воюют с Россией. Тоже, кстати, ведь не признали ни Абхазию, ни южную Осетию... Но это я немного отвлекся.

К середине XIX столетия Россия усилилась настолько, что она уже была не просто «одной из европейских держав». Она стала слишком большой и опасной.

Николай I искренне верил, что может договориться о своего рода «Первом разделе Турции». Пусть Британия присоединяет Египет и столь необходимый ей под военно-морскую базу Кипр.

Пусть Франция усилится в Северной Африке. А Россия получит то, что ей нужнее всего — выход в Средиземное море через Босфор и Дарданеллы. И пусть западные державы не мешают ей и дальше опекать православных христиан — подданных Турецкой империи.

По сути речь шла о реализации голубой мечты всех русских и славянских патриотов со времен Вещего Олега и зарождения московитской концепции «Москва — Третий Рим». Русский щит — на вратах Цареграда.

Россия — в Константинополе, втором Вечном городе, символе православия. Мы объединяем под своим протекторатом (а может, и в своих границах) всех славян и православных: от Адриатического и Средиземного морей, до Черного и Балтики.

Был и еще один «моральный» аргумент, который, как наивно полагал Николай I, поможет ему контролировать потенциальных союзников.

Разве не Россия помогла Австрийской империи пережить страшную революцию 1848 года? Империя могла рассыпаться, венгры уже реально выходили из ее состава. Спас Австрию посланный Николаем I 100-тысячный корпус под командованием Паскевича. Провожая верного слугу, Николай вместо инструкций произнес только три исторических слова: «Не щади каналий!» Паскевич и не щадил. Венгерские повстанцы разбиты в пух и прах. Австрийская империя спасена. Русский император получает прозвище «жандарм Европы».

Теперь Николай I ждал от императора Франца-Иосифа ответной услуги. Какая невероятная наивность, недопустимая для политика мирового масштаба! Как будто бы он забыл евангельский принцип: не жди благодарности.

Он полагал, что, если Австрия нас поддержит, Россия сможет выиграть любую европейскую войну. И тогда она окончательно утвердится на Балканах. Однако Австрия боится, что Россия и так слишком привлекает славянских подданных Австро-Венгрии: чехов, словаков, русинов и пр. И Франц-Иосиф пожимает плечами: «В политике решают интересы, а не благодарности».

В феврале 1853 года Николай I послал в Константинополь чрезвычайную миссию во главе с князем А. С. Меншиковым (потомком того самого Алексашки Меншикова) требовать от султана признания за Россией прав на покровительство православных Турецкой империи. В этот же месяц Франция и Англия заключают секретный договор, по которому, если Российская империя начнет войну с Турцией, они совместно выступят на стороне Турции.

В июне 1853 года Николай I приказал своим войскам войти в дунайские княжества — Молдавию и Валахию (современную Румынию). Султан чувствует поддержку Англии и Франции и отвечает объявлением войны.

Первые же действия России подтверждают худшие опасения Европы: очень уж она сильна. Адмирал П. С. Нахимов в Синопском бою фактически «на раз» уничтожает весь (!) турецкий флот. В декабре 1853 года отряд генерала В. О. Бебутова громит турецкую армию, вторгшуюся в Закавказье.

Русская армия вступает в Болгарию. Болгары радостно приветствуют русские войска, в Греции вспыхивает восстание христиан.

И вот тут-то маски спадают! В ноябре 1853 года премьер-министр Англии лорд Эбердин сделал заявление о готовности Англии вступить за «независимость Турции», остановить агрессию «русского медведя». Примерно в таком же духе высказался и французский император Наполеон III.

У лорда Г. Дж. Пальмерстона доктрина войны уже готова. Она предусматривает удар с трех сторон сразу: 1) введение войск на юг Российской империи, в Одессу или в Крым, 2) нападение флота с севера на Петербург, 3) отторжение от России Дальнего Востока, Аляски и Камчатки. Предполагалось, что после войны у Российской империи следует отторгнуть Бессарабию, Финляндию, Польшу, Кавказ, Крым, Прибалтику. В общем, загнать Российскую империю в границы Великого княжества Московского XV века.

После Крымской войны

Несмотря на героизм защитников Севастополя (по плану Пальмерстона — на взятие города отводилось не более 14 дней, но осада длилась практически год — 349 дней), Крымскую войну мы проиграли. Война закончилась подписанием 18 марта 1856 года в Париже мирного договора, по которому Черное море объявлялось нейтральным, русский флот сокращался до минимума, крепости уничтожались.

Это были весьма мягкие для России условия. Что пользы от флота, если турецкой угрозы более нет, а выйти из Черного моря он все равно как и прежде не сможет. Никаких территориальных потерь Россия вообще не понесла.

Внутри России следствием войны стали правовые и социально-экономические преобразования в стране в 1860-е годы. После военного поражения правительство Александра II стремительно форсировало реформы.

Но, что приятно, план Пальмерстона так и не удался. Как ни тяжелы были последствия поражения для России, это была ничтожно малая часть того, что хотела сделать Британия. Почему же не удался план? Объяснение у меня одно: англичане не умели и не готовы были воевать в России. Даже в теплом Крыму они несли огромные потери. Главнокомандующий британских войск говорил, практически цитируя древнегреческого царя Пирра: «Еще одна такая победа, и мы лишимся всего войска».

Что же касается английского и французского флота, то это — армады для ведения колониальной войны. Эти флоты годились для того, чтобы пугать туземцев бортовыми залпами по берегу и перевозить небольшие контингенты колониальных войск. Против же серьезного, равного по силе противника, тем более для участия в преимущественно континентальной войне они были малоэффективны.

Пальмерстон предполагал высадку десантов в Белом море, взятие Петербурга, отторжение Прибалтики и Финляндии. В Балтийском море британско-французская эскадра, 30 вымпелов с 12-тысячным десантом на борту не решилась даже подойти к Петербургу.

Британцы обстреляли издали Кронштадт и еще какой-то беззащитный русский островок в Финляндии. На то, чтобы захватить Аландские острова, которые защищали лишь полторы тысячи солдат, у союзников ушел целый месяц. После этого они настолько выдохлись, что

уже не могли вести активных действий.

Летом 1855 года военно-морские силы Британии еще раз обстреляли Свеаборг и храбро разбили местное ополчение, набранное из финских и эстонских рыбаков, повторяя свои «подвиги» в Африке.

Но высаживаться больше не решились нигде.

Также ничего не получилось и на Тихом океане...

В августе 1854 года объединенная англо-французская эскадра под командованием контр-адмиралов Прайса и Феврие де Пуанта подошла к главному опорному пункту России на Тихом океане — городку Петропавловску.

Весь русский гарнизон насчитывал ни много ни мало — 920 человек (41 офицер, 825 солдат некоего «городского казацкого полка», видимо попросту местного ополчения, 18 русских добровольцев-инвалидов и 36 добровольцев-камчадалов).

У русских была небольшая береговая батарея и аж 2 (два) корабля: парусник «Аврора» и парусное транспортное судно «Двина». Боезапас составлял максимум 30–40 выстрелов на орудие.

В общем, ни дать ни взять — крепостишка чуть поболее, чем описанная Пушкиным в «Капитанской дочке».

Совершенно ничтожная воинская часть, никак не сравнить с могучими армиями, скрестившими оружие в Крыму. Но этот ничтожный гарнизон защищал, а эскадра союзников пыталась захватить громадную почти ненаселенную территорию, площадью порядка три млн. квадратных километров, таящую колоссальные природные богатства. «Миротворческие» англо-французские войска, «спасавшие несчастную Турцию» от русского нашествия, почему-то оказались в тысячах километров от Турции и Крыма, пытаясь наложить лапу на несметные русские богатства.

Итак, силы, мягко скажем, не равны...

Обстреляв порт и подавив огонь береговой батареи, англофранцузы высадили десант морской пехоты (600 чел.) с целью захватить Петропавловск. Что дальше? Дальше некий русский «сборный отряд» (видимо, собрали из находившихся рядом казаков и инвалидов) числом около 200 человек штыковой контратакой... сбросил его в море.

Второй, более подготовленный десант (уже 970 чел.) был снова отбит в жестокой рукопашной на берегу.

Союзники потеряли около 450 человек убитыми и ранеными.

Хваленая британская профессиональная морская пехота — отчаянные головорезы, покорившие полмира, несмотря на подавляющий численный

перевес и преимущество в огне, не смогли занять городишко, защищаемый какой-то сборной солянкой из казаков, инвалидов-добровольцев и охотников-камчадалов.

Главнокомандующий адмирал Прайс, не выдержав позора (как? как он сможет доложить *это* в Адмиралтействе?), застрелился у себя в каюте на борту капитанского судна.

Общие потери русского гарнизона составили около 100 человек. Это так, к слову, к старому разговору о нашей неспособности воевать не числом, а умением.

Союзники вынуждены были уйти в Ванкувер и Сан-Франциско. Благодаря героизму и стойкости всего лишь нескольких сотен русских солдат, ополченцев и матросов, план оторвать от России колоссальные территории — Камчатку и Дальний Восток — не удался.

Случись подобное с любой крепостью Британии или Франции, европейцы до сих пор рассказывали бы легенды о своем героизме, называли бы корабли и небоскребы именами отличившихся участников обороны, ставили бы им памятники. А мы?..

Крымская война была для нас поражением, но вовсе не таким страшным, как оно представлялось Николаю. Давайте подумаем, что потеряла Россия в результате этой войны, которая преподносится историками как грандиозный крах всей русской военной машины?

Россия не потеряла ни одного квадратного сантиметра своей территории. Ни одного!

Разрядка № 0

*Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!*

А. Блок «Скифы»

*Самая большая удача, если враг преувеличивает
твои недостатки.*

М. Пьюзо «Крестный отец»

Не Брежнев, а император Николай II в 1898 году впервые выдвинул предложения по прекращению в мировом масштабе гонки вооружений.

Гаага. Май 1899 года. Первая международная конференция по разоружению. Она проходила по инициативе России, Николая II. Кстати, он в этом отношении был не одинок — почти 50 лет общеевропейского мира в XIX веке, имея в виду отсутствие войны между крупными европейскими державами, были прямым следствием Венского конгресса и, самое главное, политики Священного союза его прадеда Николая I.

Главным обсуждаемым вопросом Гаагского конгресса по разоружению стали предложения России.

Зафиксировать военные бюджеты ведущих мировых держав.

Не употреблять, не вводить в употребление в армии и флоте никаких новых видов огнестрельного оружия, новых взрывчатых веществ. Предлагался целый ряд ограничений для уже используемых видов вооружения. Предлагалось запретить использовать в будущих войнах подводные лодки. Это при том, что первые подводные лодки были изобретены русскими — так, к слову...

То, как отнеслись к предложению миролюбивого Николая иностранные государи, — это отдельная песня. Это был поток вежливого дипломатического словоблудия.

Смысл же конференции выразил предельно ясно в узком кругу император Вильгельм II. Цитирую по книге П. Мультатули «Николай II. Выбор России»: **«Я согласен с этой идеей, только чтобы царь не выглядел дураком перед Европой. Но на практике в будущем я буду полагаться только на Бога и на свой острый меч».**

Николай II выражал не только личные устремления, но и объективное

стремление российских элит к сохранению мира. Но, увы, он почти на сто лет опередил свое время.

Идеи разоружения были востребованы только в 70-е годы XX века, во времена Брежнева, Никсона, Картера. Если бы Европа тогда, в далеком 1899 году прислушалась к предложениям России, может быть, мир и не узнал бы ни ядерного оружия, ни напалма, ни удушающих газов, ни разрывных пуль, ни противопехотных мин, ни кассетных бомб. Может быть, не было бы в мировой истории ни Хиросимы, ни Сталинграда, ни Вердена, ни Дрездена. Однако история гораздо более жестока, чем хотят ее сделать самые прекраснодушные политики. Как мы видим, стоит обратиться от идеологических штампов к историческим фактам, и камня на камне не остается от тезиса о России, стремящейся к завоеваниям. Россия всегда сама была желанным полем для завоеваний: слишком большая и богатая.

Победи поляки в 1612-м, шведы в 1712-м, французы в 1812-м — и это означало бы конец национального и государственного бытия России и русских.

Притом подчеркнем: победы России над Польшей, Швецией и империей Наполеона вовсе не означали гибели государственности побежденных. Россия почему-то никогда не стремилась к уничтожению и порабощению других народов, захвату и расчленению других стран, даже когда имела для этого бесспорные возможности.

При этом и наши враги на Западе, и наши союзники одновременно демонстрировали униженно пренебрежительное отношение к России.

Посол Франции Морис Палеолог, канун Первой мировой войны: *«По своему культурному развитию русские и французы стоят не на одном уровне. Россия — одна из самых отсталых стран на свете. Сравните с этой невежественной бессознательной массой нашу армию. Все наши солдаты с образованием, в первых рядах бьются молодые силы, проявившие себя в искусстве, в науке, люди талантливые и утонченные. Это сливки человечества. С этой точки зрения наши потери будут чувствительнее русских потерь».*

Вот так французы хотели использовать русскую армию в мировой войне — в качестве пушечного мяса. В качестве некоего парового катка, который должен расплющить Германию и принести победу Антанте.

Неплохо бы напомнить, что от полного военного краха Францию тогда, в 1914 году, спасла именно «отсталая» Россия. Быстрое наступление немцев на Париж привело к тому, что уже в сентябре 1914 года французскую столицу покинули парламент и дипкорпус. Из Парижа

вывезли золотой запас, были эвакуированы все драгоценности Лувра. И только вступление России в войну и русское жертвенное наступление в Восточной Пруссии спасло Францию от блицкрига.

Зачем мы это делали? Ради чего? Вот, честно говоря, русское мессианство, в отличие от европейского и американского, действительно совершенно бессмысленно и бесполезно.

Французский маршал Фердинанд Фош, верховный главнокомандующий союзными армиями во Франции, признавал: *«Если Франция не была стерта с лица земли в 1914 году, то прежде всего этим она обязана России»* (цит. по Яковлев Н. Н. «1 августа 1914 года» М, 1993). Традиционно продажная позиция наших союзников, которые меньше боялись прихода большевиков к власти, чем участия России в дележе пирога после неизбежного поражения Германии — в 1917 году было совершенно очевидно, что это вопрос нескольких месяцев — это очень большая тема. Не будем много об этом говорить.

Но надо напомнить о том, что в 1917 году Россия стояла в одном шаге от победы. И в результате этой победы, безусловно, к России перешла бы территория Константинополя плюс все Черноморское побережье, что уже было закреплено специальными секретными протоколами.

Итак, черноморские проливы — вековая мечта, Константинополь. Также признавалась гегемония России на Святой земле. Не было бы сейчас никакого арабо-израильского конфликта. Просто Палестина была бы либо частью России (там и так сейчас немало бывших советских), либо это было бы государство под официальным протекторатом России.

Уже была распланирована в деталях так называемая Босфорская десантная операция, намеченная на апрель-май 1917 года. И командующий Черноморским флотом Колчак уже репетировал захват Константинополя...

**КАКАЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ!
(Демократия)**

Что же такое демократия?

Для того, чтобы страна могла быть действительно свободной, все население ее должно состоять из философов, а правители должны быть богатыми.

Наполеон

Постарайтесь разбогатеть, и вы станете избирателями.

Франсуа Гизо, премьер-министр Франции

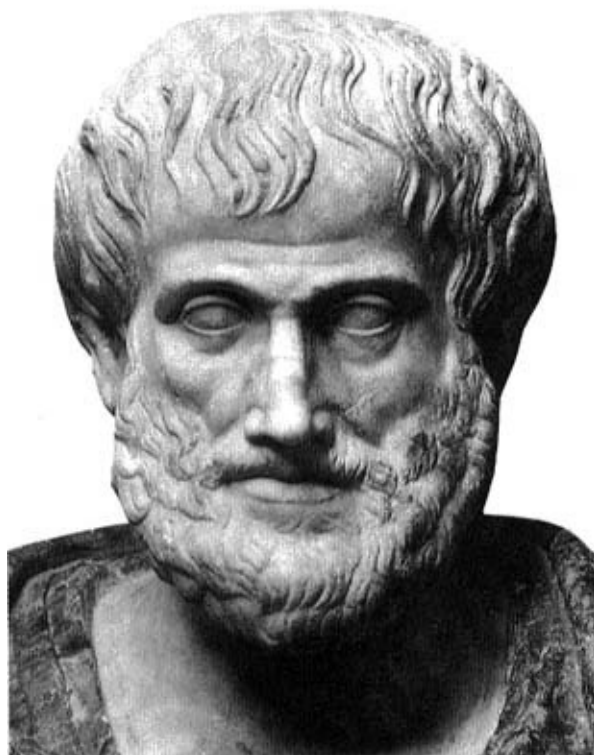
Все знают, что демократия — это хорошо, а отсутствие ее — это плохо. Еще все знают, что в России демократии всегда не хватало, а вот в Британии и в США ее, наоборот, всегда было много.

Просто завались.

И если вам поцарапали машину или за любимым сортом колбасы выстроилась длинная очередь, если вас обобрал гаишник или нахамили в жэке, то народ разводит руками: ну что поделаешь?!. Рассея-матушка... Это вам не Европа, понимаешь. Тут вам никто 300 лет каждый день газон у дома не стрижет.

Но что такое демократия? Первое из наиболее известных определений дал еще Аристотель (384–322 гг. до н. э.), и обычно его используют до сих пор.

Аристотель говорил о шести способах правления. Три способа одинаково хорошие. Это монархия, аристократия и демократия. Три способа одинаково плохие: тирания, олигархия и охлократия.

Аристотель.

Автор замечательных рассуждений о демократии, аристократии и охлократии. Очень современно звучит.

Три первые способа хороши потому, что они законные. Монарха или выбрал народ, или он родился старшим сыном монарха, когда-то выбранного народом. Хотя его лично уже никто не избирал, но в начале всех начал, пусть много поколений назад, его власть предполагалась быть исходящей от народа. И для монарха не зазорно посему обратиться к народу в каком-то очень важном случае. Сходится народное собрание и вместе с монархом решает общую проблему.

Аристократия — власть богатых, умных, образованных. Они правят с согласия всего народа. Народ поручает им править и чаще всего уже не сходится на площадь для народных собраний.

По крайней мере, по пустякам. Он согласен с правлением лучших.

А вот при демократии все граждане регулярно сходятся на площади для народного собрания. И дискутируют. Они коллективно принимают решения и выбирают должностных лиц в государстве для управления от имени народного собрания.

Три плохих способа правления плохи потому, что они, по рассуждению Аристотеля, незаконны и нарушают нравственные законы.

При тирании тиран захватывает власть силой и правит, опираясь на силу. Демократическая процедура постоянно прерывалась, к власти тираны приходили часто, особенно в эпоху разного рода экономических катаклизмов.

Однако слово «тиран» на греческом не несет негатива, оно означает не более чем «хозяин», «лидер». Это сейчас оно отрицательно заряженное, а тогда значило как бы «национальный лидер». Вот так еретически выскажемся. При этом тираны себя очень часто показывали способными правителями. Приходя к власти в периоды кризиса и народного недовольства, они должны были проводить необходимые реформы. И что любопытно, при тиранах люди начинали, как правило, жить легче. Однако потом тиран надоедал, его свергали и опять возвращались к демократии. В общем, ничего нового. История в миллионный раз повторяется. Единственное отличие тирана от царя в понимании древних греков состояло в том, что тиран не имеет наследственного или религиозного права на трон, он как бы самозванец. Интересно, кстати, когда окружение Сталина называло его уважительно «Хозяин», знало ли оно, что обзывает его в глаза тираном? Почему-то мне кажется, что нет.

При олигархии власть захватывают немногие, опять же силой, не имея на это никакого морального права. Самый худший вид олигархии — плутократия, то есть власть денег. Плутократы подкупают народ, тем самым развращая его.

При охлократии власть принадлежит не достойным людям, а сброду. Охлос — это неорганизованная, дикая толпа. Демократию строят люди, имеющие собственность и работу. Социально и экономически состоятельные. Стоит допустить до политических процессов несостоятельных и безответственных, тут и демократии конец, все сметает волна безответственных решений, принимаемых безответственными людьми.

Как видно, для Аристотеля нравственность и законность — основа представлений о государственном устройстве. «Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшее благо. Человек, нашедший свое завершение, — совершеннейшее из живых существ и, наоборот, человек, живущий вне закона и права, — наихудший из всех, ибо несправедливость, владеющая оружием, тяжелее всего; природа же дала человеку в руки оружие — умственную и нравственную силу, а ими вполне можно пользоваться в обратную сторону».

Аристотель не считал демократию лучшей формой правления.

Сам он, по нашим представлениям, — придворный: происходил из семьи врачей при дворе македонских царей. В 37 лет Аристотель оставил Афины. По его мнению, демократия в Афинах на глазах вырождалась в охлократию.

Античная демократия — это своего рода строй-предшественник для современных убежденных демократов. Но это мнение скорее идеологическое, чем научное.

Вы спросите: почему? Очень просто: потому что античная демократия была совершенно иной, чем сейчас.

Она была НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ. Это означает, что гражданин сам приходил на площадь народного собрания и сам напрямую выбирал должностных лиц.

Греки жили маленькими общинами — полисами. Правила жизни в полисе назывались политией, откуда и пошло слово «политика». Численность граждан полиса колебалась в пределах нескольких тысяч человек. Древнегреческий город — это, конечно, звучит гордо. Красиво. Но по нашим представлениям, это село.

Такой большой аул. Граждане лично знали друг друга и как соседи, и как участники общих дел. Они понимали, кого имеет смысл выбирать.

Это был очень маленький мир. Весь полуостров Пелопоннес — 21,4 тыс. квадратных километров, где все множество греческих государств находилось на территории в два с лишним раза меньшей, чем Московская область (47 тыс. кв. км).

Средний город-государство занимал площадь не более 200 кв. км.

При этом каждый полис рассматривал жителей других городов, хотя они и говорили на одном языке, как иностранцев. В каждом было свое правительство, свои праздники помимо общенациональных, свои традиции, коалиции этих городов или сами по себе постоянно воевали друг с другом. И вообще если посмотреть на Грецию того времени, то получался как бы современный мир в миниатюре.

Только два города-государства — Спарта и Афины — контролировали более-менее значительную территорию, ну не совсем смехотворную по российским меркам. Их можно было считать современными великими державами. Мир был биполярным. Территория Афин и подчиненной им области Аттика составляла 3 тыс. кв. км. Это небольшой район Московской области. А территория крупного государства Спарты — это Лаконика и Мессиния, две области в период расцвета — была около 10 тыс. кв. км.

Пятая часть Московской области, 2–3 района.

В Спарте была довольно своеобразная экономика, и спартанцы

пытались по-своему противостоять мировым экономическим кризисам той эпохи. Если мы примем условно Грецию за мир — то там регулярно случались свои «мировые кризисы». И девальвация, и инфляция, и маржин-колы — все это присутствовало. То с неожиданным избытком серебряных денег, когда открыли серебряные рудники на севере Греции. То со сложностью курса золото-серебро. Ну и так далее. Так вот, спартанцы со свойственным им радикализмом, по-своему пытались бороться с последствиями «общемирового» (то есть общегреческого) кризиса. Во время очередного катаклизма, связанного как раз со спекулятивным обменным курсом золото-серебро-зерно, правительство Спарты запретило использовать на территории Лаконики золотые и серебряные монеты и ввело свои собственные деньги, строго неконвертируемые — из железа. Довольно тяжелые монеты были, размером с небольшой блин для штанги, и нигде, кроме Спарты, естественно, к оплате не принимались, но спартанцы считали, что вся эта роскошь, все эти афинские штучки им ни к чему.

А главная добродетель — это умеренность и аккуратность. Ну и орднунг превыше всего.

Спартанское умение кратко и остроумно говорить вошло в анналы мировой культуры. Ну, про «со щитом или на щите» — это всем известно, это мы еще в школе учили. Приведу два чуть менее известных изречения спартанцев, на мой взгляд совершенно гениальных.

Спарта была единственной частью Греции, которую формально не завоевал Александр Македонский. Не то чтобы не мог, просто не видел в этом необходимости. Неохота было ему возиться. В свое время еще его отец Филипп II пытался завоевать Спарту, но передумал, восхищенный мужеством спартанцев. Так вот, хотя Александр Спарту не завоевал, он потребовал, чтобы там, как и везде, его признали живым богом. Богов тогда было много, и все греческие города единогласно, в едином порыве и конституционным большинством голосов провозгласили его «живым богом». Когда это требование дошло до Спарты, спартанцы ответили снисходительно: *«Пусть Александр, сын Филиппа, будет живым богом, если он того хочет»*. Остроумно. Иронично. С издевкой... Но вроде как согласились! Понятно, что, провозглашая себя живым богом, Александр подразумевал, что он сын Зевса или как минимум какого-нибудь Амона в Египте, но никак не сын смертного Филиппа, о чем ему спартанцы и напомнили. Кстати, именно Филиппу, выдающемуся правителю и полководцу, на 99 % обязан своими последующими успехами Александр Македонский, на его плечах он реально воздвиг свою империю. Так вот, лет

за 10 до описанного мной выше эпизода Филипп, захватив контроль над всей Грецией, этим мини-миром, послал письмо-угрозу, письмо-ультиматум и в Спарту, в котором предупредил: «Если я войду в Лаконику, я сравню Спарту с землей». Спартанцы ответили одним словом — на мой взгляд, самое гениальное дипломатическое письмо всех времен и народов. Итак, Филипп: *«Если я войду в Лаконику, я сравню Спарту с землей»*. Ответ спартанцев: *«Если»*.

Говорят, что Филипп был настолько восхищен гордостью Спарты, фактически беззащитной на тот момент — она не могла выставить сильного войска, что покинул Пелопоннес и оставил спартанцев в покое.

Нигде в мире позитивные мифы о самих себе не станут отрицать, только у нас любят в этом покопаться. Тут нельзя не вспомнить классический миф про триста спартанцев. Про них написано бесчисленное множество книг и снята масса фильмов, начиная с пеплумов 50-х и заканчивая недавним детищем Голливуда — чудовищным гротескным полумультиком «300», ориентированным, видимо, на гомосексуальную аудиторию.

На самом деле никаких трехсот спартанцев не было. Был отряд, возглавляемый спартанским царем Леонидом, который действительно перегородил Фермопильское ущелье. Против него было выставлено отнюдь не миллион человек. Это смешно, таких армий тогда вообще не могло быть — народонаселение Древнего Мира не позволяло. Персидская армия насчитывала по разным оценкам не более 100 тысяч воинов. Что тоже гигантская армия по тем временам... Но не миллион. Спартанцев тоже, как я подчеркнул, было не 300, а несколько тысяч.

300 — это личная гвардия, охрана царя Леонида. С ними было достаточно большое число других спартанских воинов, а также около 13 тысяч греков-союзников. Все равно численное преимущество — подавляющее, многократное — было на стороне персов.

А суть-то легенды заключается не в том, как изображают сейчас, что 300 человек выдерживали натиск миллиона в этом узком проходе — а он действительно узкий, несколько сот метров между горами и кромкой моря. Суть подвига в другом. Когда, перебив заслоны, персы по горным тропам обошли греков и возникла угроза захода в тыл и окружения, Леонид понял, что ситуация безвыходная. И он отпустил оставшихся в живых союзников, а их было несколько тысяч. А сам вместе со своими гвардейцами остался на поле боя, обрекая себя на смерть. Как настоящие спартанцы, они не могли уйти с поражением и предпочли умереть с честью. Со щитом или на щите.

Так и родилась легенда о 300 спартанцах.

В общем, мифов много, а земли мало. То же касается населения. В период своего максимального расцвета Афины имели не более 100 тыс. свободных граждан. При этом только часть из них обладала политическими правами — 20–30 тысяч. Остальные были свободными, но без избирательных прав.

И это в период максимального расцвета! Кроме того, в Афинах и в Аттике проживало еще большое количество рабов — по разным оценкам, до 400 тысяч. Приблизительно по 4 раба на каждого свободного гражданина, впрочем, их там особо никто и не считал.

Для философов того времени — Аристотеля, Платона — даже подобная численность населения представлялась громадной.

И совершенно неуправляемой. Они полагали, что чистая демократия возможна только в небольшом городе-полисе численностью до 10 тысяч граждан. И действительно, большинство городов Греции насчитывало тогда гораздо меньше 10 тысяч граждан, гораздо.

Правда, в Афинах в пору их расцвета число граждан достигло 40 тысяч... И демократическая система тут же перестала работать, мнения стали формировать профессиональные болтуны-демагоги.

Правда, тогда в этом греческом слове не было ничего отрицательного. И самый, наверное, знаменитый из древнегреческих политиков — Перикл официально считался лучшим демагогом.

Древнегреческая демократия перестала быть эффективной с ростом населения.

Еще хуже получилось в Риме. Сами римляне считали, что демократия установилась у них в 510 году до н. э. Но в результате вся власть сосредоточилась в руках примерно тысячи богатых семейств. Фактически Римская республика превратилась в олигархию. Жаль, нет до сих пор ни одного государства с таким официальным названием. Его предшественником мог бы считаться сам Древний Рим!

Отдушина: непосредственная демократия в городах

В Средние века в Италии, Испании, на юге Франции существовало городское самоуправление. На селе господствовали феодалы, власть владельцев земли стала и политической властью.

А города оставались свободными.

В них не было личной зависимости людей и действовал принцип: «Городской воздух делает человека свободным». Для того чтобы даже беглый раб или крепостной могли стать вольными людьми, они должны были прожить в городе год и один день...

И все, этого достаточно. Прожил в городе год и один день — иди на главную площадь, где собирается городское народное собрание. Там висит колокол, созывающий граждан. Смело дергай за веревку, зови людей...

И народное собрание сделает тебя гражданином города, свободным человеком.

Позже такой новый горожанин просто подавал документ чиновникам муниципалитета. Неграмотный? За небольшую плату тебе напишут заявление по установленной форме. Его рассмотрят и, если ты прав, сделают тебя гражданином, включают в списки горожан. В определенные дни года, обычно под Рождество, новым горожанам торжественно вручался документ об их правах.

Города, кстати, были маленькие... В них хорошо действовали принципы непосредственной демократии, где все знают всех.

Однако города также ассоциируются с явлениями, о которых современные европейцы предпочитают не вспоминать. В частности, как самоуправляющаяся коммуна, город имел право на смертную казнь.

В каждом городе был палач, с которым город заключал «трудовой договор». Палача уважали, но сторонились. Жил он вместе с прочими горожанами, но всегда в отдельном домике и несколько особняком. Кстати, для палача всегда было большой проблемой выдать свою дочь замуж. При отсутствии сыновей правопреемником палача, наследником его профессии должен был непременно становиться его зять — муж дочери. Ну а хотелось этого, как мы понимаем, не всем.

Виселицы или места для эшафотов — там, где имело место отсечение головы — обычно находились не в самом центре города. Нет, не на главной площади происходили казни, а поближе к городским воротам. Однако

всегда обязательно в черте городских стен, потому что именно этой чертой и определялось право города выносить и приводить в исполнение смертные приговоры.

Места казней отодвигали подальше от центра еще и потому, что согласно древнему средневековому обыкновению трупы казненных преступников, как правило, по нескольку дней, а то и недель не убирались. Они накапливались, подванивали и еще становились предметом нездорового интереса по ночам.

Дело в том, что некоторые части тела казненных использовались в колдовских обрядах, а посему были ценным сырьем для лекарственных надобностей. Палец повешенного помогал безнадежно влюбленным девушкам обрести своего любимого.

А если под виселицей выросло небольшое растение мандрагора — корень его напоминает маленького человечка, — считалось почему-то, что оно вырастает из спермы казненного, которая изливается в последние минуты жизни повешенного. Корень мандрагоры был предметом вожделения всех окрестных колдунов и знатоков черной магии, ибо верили, что с его помощью можно творить чудеса. Из-за большого содержания психоактивных алкалоидов — попросту наркотиков — эти корешки действительно трудно признать безвредными.

Генеральные штаты против ордена тамплиеров

Рассорившись как-то с папой Римским, французский король Филипп Красивый по совету своих верных министров принимает решение, имевшее впоследствии огромное значение. Он собирает так называемые *Генеральные штаты*.

«Генеральные» — значит не «главные», а «общие».

На тот момент слово «штат» означало не государство, а сословие. Генеральные штаты — это общее собрание всех сословий. Филипп Красивый, Железный король, еще не раз собирал Генеральные штаты, чтобы пополнить вечно пустую казну.

Собрал он их и для того, чтобы легитимизировать разгром ордена тамплиеров и «по закону» наложить лапу на его богатства. Этому ордену, к слову, Филипп Красивый денег был должен, как говорится, *немерно*... Филиппом была спланирована и организована блестящая по задумке и исполнению акция — **одномоментный** арест всей верхушки ордена тамплиеров. По всей Франции посланцы короля вручали доверенным людям запечатанные конверты, которые должно было вскрыть строго в одно и то же время, в один и тот же час и действовать в соответствии с королевскими инструкциями... Так вот этот арест был произведен в довольно любопытную дату. 13 октября 1307 года, в пятницу. В пятницу 13-го.

Я полагаю, что день проведения этого мероприятия был выбран Филиппом Красивым не случайно. При такой тяге к мистике Филипп весьма технологично разгромил мощнейшую международную военно-финансовую организацию того времени.

Тамплиеры — рыцари темпла, то есть храма, в прямом переводе — орден храмовников. Рыцари храма, как они себя называли, оказались весьма предприимчивыми финансистами — даже неожиданно для европейцев-дворян того времени. Каким-то образом они научились делать деньги не хуже, чем воевать с сарацинами. После того как крестовые походы закончились, тамплиеры, используя четкую структуру, дисциплину, отделения по всем странам Европы, герцогствам и королевствам, а также кое-какой стартовый капитал, первыми в массовом порядке выпустили так называемые векселя. Это было революционное финансовое нововведение.

Печать рыцарского ордена тамплиеров.

Тамплиеров обвинили во всех смертных грехах, включая педерастию и развращение малолетних. Не без участия демократического органа — Генеральных штатов.

Исчезла необходимость рисковать, перевозя из города в город под большой охраной крупные суммы наличности. Зная, что такая наличность имеется в каждом из отделений ордена тамплиеров, достаточно было выписать именной вексель, скрепить его подписью, при необходимости сургучной печатью — и с курьером отправить в Париж, Рим или же Константинополь. Себе рыцари-финансисты брали только процент — расходы на денежный трансфер, как бы мы сказали сейчас. Это был финансовый прорыв — и следующим прорывом такого значения будет только введение безналичных платежей, но это уже XX век. До этого момента безналичные платежи осуществлялись только в прямой вексельной форме.

Тамплиеры также по-крупному скупали недвижимость. Ордену принадлежало, как считается, более 10 тысяч имений по всей Европе.

Была недвижимость и поосновательнее: они просто-напросто выкупили у Англии остров Кипр. Также ссужали, естественно, деньги под процент — и монархам, и кому угодно.

Недоброжелателей из числа должников у них было более чем достаточно, ну а самым крупным, повторюсь, был король Франции Филипп IV, который столь кардинально избавился от своего кредитора.

В 1307 году канцлер Филипп Ногарэ начал против тамплиеров «официальный процесс». Его вели, кроме светских властей, еще и папские инквизиторы: папа Климент V тоже хотел добраться до богатств тамплиеров. Под ужасающими пытками тамплиеры сознались во всех самых немыслимых преступлениях, какие только приходили в голову их палачам.

Они «оказались» злейшими врагами христианства, эти ужасные, слишком богатые тамплиеры.

Процесс длился несколько лет. Папа Климент то пробовал защищать несчастных, то порывался отстранить от процесса светских судей и заменить их только инквизиторами, которые подчинялись бы лично папе. Но против был не только король Франции, но и Генеральные штаты.

Король предал тамплиеров светскому суду, суд объявил рыцарей виновными во всех преступлениях, которые им вменялись, — от педерастии до поклонения сатане.

И постановил сжечь руководителей ордена. Папа подчинился... В 1312 году орден был объявлен уничтоженным, и Филипп завладел его имуществом.

Были ли виновны тамплиеры хоть в чем-то, кроме гордости, переходящей в заносчивость, и рачительности, переходящей в алчность? Крайне маловероятно. По крайней мере, в Испании и в Португалии к ним отнеслись лояльнее и после упразднения ордена позволили мирно влиться в другие ордена.

Есть мрачная легенда о том, как Великий Магистр ордена тамплиеров Жак Моле, приговоренный к сожжению на костре, проклял Филиппа и его потомство, а также министра Ногарэ и папу Климента. *«Не минет и года, как вы последуете за мной!»* — воскликнул Жак Моле, обращаясь к «судебной тройке», когда первые языки пламени коснулись его пят.

И вскоре Железный Король скоропостижно скончался...

Судя по всему, от инсульта. В течение года при таинственных обстоятельствах ушли из жизни и министр Ногарэ, подбивший короля на эту интригу, и сам Папа Римский. Проклятие тамплиера, если верить легенде, действовало эффективно.

Считается, что вся династия Филиппа угасла именно от этого проклятия.

Но Генеральные штаты остались. Они еще много раз созывались по

инициативе королевской власти в сложные моменты истории. На них опиралась власть во время бесконечной Столетней войны 1337–1453 годов, в период народных восстаний. Порой активных участников заседаний королевская власть брала в свою администрацию.

5 мая 1789 года в условиях острого политического кризиса накануне Великой французской революции король вспомнил о демократии и созвал Генеральные штаты. Каждое сословие заседало в Генеральных штатах отдельно. Но тут депутаты третьего сословия «отделились» и самопровозгласили себя Национальным собранием, органом, который должен дать Франции новые законы. С этого и началась череда страшных и кровавых событий, о которых во Франции до сих пор говорят с придыханием: Великая революция 1789–94 годов...

Солнце абсолютизма и ирония элит

Не надо тешить себя иллюзиями, полагая, что российские самодержцы были яркими сторонниками абсолютизма во всем, а европейские, напротив, — демократами, коль у них был парламент и Генеральные штаты. Это, конечно, не так. Достаточно посмотреть на некоторые бытовые моменты, чтобы понять, как собственно, все происходило на самом деле.

Многие еще помнят знаменитый когда-то рекламный ролик банка «Империял», где во время званого обеда Екатерина II спрашивает графа Суворова: «А что это граф Суворов ничего не ест?» — «Так ведь пост, матушка, до первой звезды нельзя. Ждем-с», — отвечает с другого конца стола знаменитый полководец. Намекая тем самым, что он не получил заслуженной награды за один из бесчисленных своих подвигов во время бесконечных русско-турецких войн. Ну, а формально Суворов якобы просто скромно говорит о том, что постится. «Звезду графу Суворову Александру Васильевичу!» — улыбается смекнувшая подтекст Екатерина. И ему тут же несут соответствующий орден. Хитроумная сознательная двусмысленность... Самое любопытное, что этот эпизод действительно имел место, только, по-моему, было это не с Суворовым, а с князем Потемкиным.

Внимание — вопрос! Почему ни с одним французским аристократом такого не могло быть с принципе. А потому — что историческая правда императорского ролика в том, что все сидят за столом с императрицей и едят! Обедают. Этот эпизод был бы совершенно немыслим при правившем примерно в тот же исторический период французском Короле-Солнце Людовике XIV.

Когда сей король изволил кушать, один он имел право сидеть.

А вся остальная знать, непременно присутствовавшая во время монаршего обеда, по протоколу стояла в оцепенении и смотрела, как он вкушает. Лишь один родной брат короля имел право присесть сзади на стульчик. Но, естественно, не есть, а просто тихонько сидеть рядом и ждать.

При французском дворе, в Версале, все мелочи были прописаны, включая почетную должность носителя ночного горшка короля. Был прописан, например, ритуал кормления собачек короля. На эту тему существовала подробнейшая придворная инструкция — кто имеет право кормить собак короля. Как передавать пищу королю, если Король-Солнце

соизволит покормить собачек из собственных рук. Через какие руки и уста, соответственно, проверки должна эта пища пройти.

Нужно сказать, что русским монархам в плане определенного демократизма даже было чем похвастаться.

Людовик XIV как-то сказал: *«Божья воля требует, чтобы всякий, кто родился подданным, повиновался без рассуждения. Государи имеют полное распоряжение над всеми имуществами в стране, как светскими, так и духовными»*.

Людовик XIV правил долго, он захватил эпохой своего правления всего Алексея Михайловича, Софью, Ивана и большую часть Петра. И демонстрировал абсолютизм, совершенно несопоставимый ни с правлением Алексея Михайловича Тишайшего (да какой там был абсолютизм!), ни с подчеркнуто демократическим абсолютизмом Петра Великого, ни тем более с просвещенным абсолютизмом Екатерины Великой.

Две монархии едва не породнились. Петр активно сватал свою дочку Елизавету, весьма симпатичную юную барышню, за правнука Людовика XIV — будущего короля Людовика XV. Однако, к сожалению, надменные французы не видели тогда в московитке выгодной партии — в этом печальное отличие начала XVIII века от времен Анны Ярославны — дочери Ярослава Мудрого.

Кстати, удивительно: Король-Солнце умудрился пережить не только собственных сыновей, но и собственных внуков. Я имею в виду законных — незаконных там было неизвестно сколько. И хотя все они стали принцами — во Франции по сравнению с Россией к бастардам относились милостиво и доброжелательно, — но трон свой Людовик XIV смог передать только своему правнуку.

Нельзя не отметить любопытную аналогию с сегодняшним днем — а книги я пишу, как вы, конечно, уже догадались, именно ради таких аналогий. Все-таки при всех своих абсолютистских заскоках, склонности к самолюбованию и безусловном культе личности Людовик XIV — особенно в молодости и в средние годы — был монархом работоспособным и эффективным. Работал много, и в этом отношении напоминал чем-то Сталина, чем-то Петра, чем-то Наполеона. Хотя, конечно, без военного гения Бонапарта, без административно-организационных талантов

Джугашвили и без феерической, хотя и бестолковой работоспособности Петра Романова.

Тем не менее именно при нем Франция стала самым сильным государством Европы — при том, что у нее был серьезнейший конкурент — Испания. Только вот Испания, которая на тот момент воистину купалась в золоте, вывезенном из Южной Америки, из Мексики, в отличие от Франции, поразительно бездарно распорядилась всеми этими сотнями тонн золота, свалившимися в ее бюджет. Франция под руководством правительства Людовика и знаменитого финансиста Кольбера инвестировала в промышленность и торговлю. Испанская же верхушка вместо того, чтобы направить деньги на какое-то развитие или хотя бы на экспансию — армию и флот, с удивительной беспечностью промотала деньги, потратив их на шелка, брильянты и бог знает вообще на что.

В итоге после, пожалуй, целого столетия феерического богатства Испания осталась у разбитого корыта, все золото утекло за рубеж, жизнь дворянина тогда в Испании в силу инфляции и вздувшихся цен считалась одной из самых дорогих в Европе.

Обеспечивать себе высокий уровень жизни в Мадриде тогда было намного дороже, чем в Лондоне, в Риме и даже дороже, чем в Версале. В этой связи нельзя не провести самые печальные аналогии с нефтяными деньгами в современной России и стоимостью жизни на Рублевке — самом дорогом районе мира.

К слову о Версале, королевской резиденции, о которой мы столь подробно рассказывали. Все имеет свой печальный итог, если политика не опирается на реальное развитие экономики, реальное развитие страны. Искусственный подъем, который был достигнут при Людовике XIV, весьма печально закончился к концу XVII века — и держава, которая вела войны по всей Европе, — в итоге оказалась с громадным дефицитом бюджета... Именно тогда, в конце XVII века, пришлось отправить в переплавку знаменитую версальскую мебель, ту самую знаменитую мебель Людовика XIV, которая по особому заказу Короля-Солнце была сделана из чистого серебра. Представьте себе: все это было переплавлено, а деньги пущены на содержание армии. Примерно в то же самое время Петр плавил церковные колокола — на пушки. Самое забавное — пришлось переплавить на монеты даже знаменитый серебряный трон Людовика XIV. Естественно, вслед за мебелью и тронном такая же участь постигла десятки королевских серебряных столовых сервизов, многие и многие безделушки и аксессуары.

Экономику абсолютизма подпитывали не только серебряные стулья, но

и рабский труд крестьян. Во Франции, где крепостного права как бы не было, действовала практика бесплатного привлечения крестьян к так называемым общественно-полезным работам. Выглядело это впечатляюще. Во время поездок короля — а французские короли периодически ездили по стране, например Людовик XIV был известен своими неожиданными маршрутами, — все крестьяне с окрестных деревень сгонялись с полей и в течение нескольких недель занимались починкой, а то и прокладкой дорог. Они наводили мосты, благоустраивали территории и так далее. Это были, кстати, настоящие, а не выдуманные потемкинские деревни. В правовом отношении эта практика объяснялась какой-то мифической «дорожной повинностью», существовавшей якобы со времен крестовых походов. А де-факто чем это было, как не государственным крепостничеством? Чем оно отличалось, по большому счету, от положения государственных крепостных крестьян в России?

Такая же ситуация — в правовом отношении — была и с французским судами. Например, все судьи знали, что к началу морского сезона государство заказывает определенное число гребных галер, которые спускаются на воду. Соответственно, необходимо будет заблаговременно вынести столько-то сотен пожизненных каторжных приговоров. Заключение использовались на галерах гребцами — не будут же корабли простаивать просто так? Если судьи об этом забывали, то получали соответствующую инструкцию из верховного королевского суда. Судить поостроже! Побольше каторжников. Побольше галер. Такое плановое хозяйство сложно представить себе в Российской империи.

Повторюсь: формально крепостного права ни в Британии, ни во Франции не было, однако существовала масса прецедентных повинностей — как те же обязательные госработы, которые распространялись практически на всех европейских крестьян. А во многих странах крепостное право было в прямом виде — как в Пруссии, например. Но по большому счету разницы между крепостными крестьянами в Москве и так называемыми свободными, но находящимися на арендованной у феодалов земле крестьянами Франции, Италии, Испании и Англии, не было никакой.

Вот еще что любопытно. Вообще канун Французской революции, полностью перевернувшей отношения между сословиями в Европе, достоин особого внимания современного историка и политолога. Любопытных тенденций было несколько.

Тенденция номер один. Французские абсолютные монархи, начиная с Людовика XIV — это продолжалось потом и при Людовике XV, и при Людовике XVI — всячески подавляли любого рода частную гражданскую

инициативу. Понятно, что и до них веками не собирались Генеральные штаты, постепенно в профанацию вылился Парижский парламент. Всячески ущемлялась судебная власть. Но вообще любая местная инициатива подавлялась на корню. Общественное самоуправление во Франции этого периода было урезано донельзя.

Это привело к тому, что коренным образом изменилась психология людей — в первую очередь людей образованных.

Именно тогда во Франции вместо настоящей политической активности, чем всегда славилось французское дворянство, — вспомните Фронду, вспомните религиозные войны, вспомните времена Де Гизов, вспомните хотя бы историю тех же Генеральных штатов — появляется **абсолютная общественная апатия**.

Возникают светские салоны, где оппозиция тихо подменяет активное участие в политической жизни гламурными светскими разговорами, пронизанными недовольством властью и иронией над монархами. Происходит полное размывание какого-либо общественного единства.

Дворяне все в большей степени становятся не активными деятелями государства, а — и именно этого от них хотят Людовики — рядовыми подданными. Теми, кто нуждается в приказе, в опеке, в благодеянии. Кто палец о палец не ударит ради государства, не говоря уже о том, чтобы пожертвовать ради него жизнью, свободой либо здоровьем. Салоны — это как наши интеллигентские кухни 70-х.

Вот он — знак грядущего краха общественно-политической системы.

При этом ведет себя общественная элита по отношению к трудовому народу крайне кичливо. Многих путешественников, приезжавших во Францию, потрясло, с какой наглостью знатные господа, проезжая на раззолоченных каретах по парижским мостовым — всегда довольно грязным, надо сказать — обливали грязью, давили людей, сбивали телеги с простолюдинами. Это не было чьим-то хамством — напротив, считалось в порядке вещей.

Эти четверни и шестерни в раззолоченных упряжках вели себя на дорогах примерно так же, как ведут себя машины с мигалками в сопровождении милицейских кортежей на российских улицах сегодня. Полное хамство, наглость и безнаказанность.

Путешествующие англичане писали: если бы в Лондоне кто-то из пэров посмел так проехать по Оксфорд-стрит, прохожие точно остановили бы эту карету и отдубасили и кучера, и ездока.

И во что это вылилось? Во Французскую революцию. В бешенство возмущенной социальной несправедливостью черни — несправедливостью

во всем, от отношений в экономике и чудовищного разрыва в уровне потребления вплоть до поведения на улицах, на дороге. Одним из первых декретов революционного конвента стал, между прочим, запрет на приоритетное движение всех этих карет с гербами и лилиями по парижским улицам.

Разве это не повод задуматься власть предержащим, проносящимся по Кутузовскому проспекту в Москве по встречным полосам мимо остановленного гаишниками гигантского, томящегося в пробках, задыхающегося в угарном газе потока «простых людей», или по революционной терминологии — «простолюдинов»? Разве это не повод вспомнить уроки истории? Подумать в конце-концов о том, что эта колоссальная негативная энергия, казалось бы, по мелочам копящаяся в душе рядового гражданина, иногда дает самые чудовищные, самые непредсказуемые и кровавые результаты. Французские аристократы не понимали: лучше самим установить справедливость, чем ждать, пока это сделают обезумевшие санкюлоты.

Накануне Французской революции одним из раздражающих факторов была потрясающая, неумеренная роскошь двора. Считалось, что двор потребляет примерно десятую часть национального дохода государства. Цифра была приблизительная и секретная, поскольку никто не осмеливался даже подсчитать, во сколько реально обходится содержание монарха и его приближенных. Королевские служащие получали феерические зарплаты, находясь к тому же фактически на кормлении в провинциях, где тоже мало в чем себе отказывали. Разрыв между слугами нации и простонародьем был еще одной из причин копившейся в сердце ненависти.

Продолжим аналогии с сегодняшним днем в России. Когда верхушка общества полностью отстраняется от активного участия в политической жизни, а заниматься экономикой им нет необходимости (накопленные состояния и привилегированное положение в обществе позволяют не думать о хлебе насущном), — что происходит с этой верхушкой? Она деградирует. Она начинает находить смысл жизни не в реализации естественных мужских амбиций — чего-то добиться, что-то изменить, как-то прославиться, в конце концов, кого-то завоевать и получить чины, награды, ордена, золотые шпаги, выделиться за счет этого — она находит смысл жизни в том, чтобы жить ради удовольствия. Вот откуда неестественное времяпрепровождение, которым так славилось французское дворянство в салонах за десять-двадцать лет до Французской революции... Разве это не напоминает нам столь же удивительное гламурное времяпрепровождение современной российской элиты? По большому

счету, в чем разница между Версалем и Рублево-Успенским шоссе? При этом чудовищное чванство и неприятие людей других сословий было фактически поголовным. Не надо думать, что это касалось только принцев крови, а выдающиеся мыслители уже тогда были проникнуты идеями свободы, равенства и братства.

Боже упаси. Вспомните Вольтера, который на самом деле никогда не был ниспровергателем общественных устоев. Ну да, он жалел простой народ — как жалела его Екатерина II. Но вот что он при этом писал: *«Невозможно, чтоб люди, живущие в обществе, не были разделены на два класса — класс богатых, которые повелевают, и класс бедных, которые служат. Когда чернь принимается рассуждать, все погибло».*

И это Вольтер! Даже он, как видите, считал, что рассуждать — это привилегия избранных. Подозреваю, что те, кто вскоре будут за волосы тащить на гильотину бывших регулярных посетителей самых модных парижских салонов, произведений Вольтера, Дидро и Руссо не читали... И так не считали.

Демократия или плутократия?

*Любимая присказка депутатов:
«Глупый и неопытный кандидат на выборах
тратится.
Умный и опытный — на выборах зарабатывает»*

Демократия? Все могут избирать и быть выбранными? Формально — да...

Но с самого начала в парламенте огромное значение имели деньги. Мало того, что существовал имущественный ценз: право избирать имели не все, а уж тем более не все могли избираться. Так еще и шел подкуп избирателей. Увы, это не изобретение современных политтехнологов. Поэтому сознательно дам небольшой экскурс в историю родины парламентаризма — Британии.

Итак, голос избирателя уже в XV веке был капиталом, который нетрудно было превратить в наличные, фунты и шиллинги.

В XVIII веке в Британии говорили, что цена голоса избирателя установлена с такой же точностью, как на хлеб или на землю.

В среднем место в парламенте в первой половине XVIII века можно было купить за 1–1,5 тысячи фунтов стерлингов. Это была огромная сумма по тем временам.

Однако инфляция. И к концу XVIII века цена на депутатство возросла до 5 тысяч фунтов. Во времена промышленной революции стало больше тех, кто обладал значительными капиталами. Они не пользовались политическим влиянием, а покрасоваться в парламенте хотели. Все логично: спрос определяет предложение.

Но это мы — про простую продажу своего голоса за деньги.

Обычайшая сделка, не более.

Один английский избиратель XIX века описывал, что он, как и каждый голосующий, опускал бюллетень в одно отверстие в стене, а через другое получал соответствующую сумму.

Удобно.

Иногда удавалось купить избирателя и дешевле — за «халявную» выпивку и еду. Лорд Рассел уверял в конце XIX века, что спаивание избирателей — это типичная сторона английской демократии, которая резче всего бросается в глаза чужестранцам.

Поначалу покупку голосов еще как-то маскировали. Например, кандидаты в депутаты парламента или их агенты покупали у избирателей ничего не стоящие подержанные вещи за несоразмерно большие деньги.

Бывало, платили избирателям немалые суммы за... приезд на место выборов. Избиратели в Седбери, не жившие в городе, подкупались как бы оплатой их проезда. За милю дороги от Лондона до Седбери они получали по 1 шиллингу и притом во время пути их еще поили и кормили. В общем, ничего оригинального современные пиарщики не придумали: как известно, новое — это хорошо забытое старое.

Но зачем покупать в розницу, скажет опытный политтехнолог, если можно сделать это оптом? Это выгоднее. Да и проще: не возиться с рядовыми избирателями, а сразу договориться с местными муниципальными властями. Так и делали. Например, во время выборов в городке Пуле явилось трое кандидатов: один официально пообещал городской думе за свое избрание 1000 фунтов, другой — 1500 и третий — 750 фунтов.

Думаю, не надо объяснять, кто из них победил.

Времена меняются — люди никогда. Принципы демократии незыблемы. В те времена все было, как сейчас. Все делали на выборах свой маленький бизнес.

В 1768 году Оксфордская городская дума, обремененная долгами, написала своим двум депутатам в парламенте, что они будут избраны вновь лишь при уплате суммы в 6–7 тысяч фунтов стерлингов. Зря они оставляли письменные улики, эти «оборзевшие» члены городской думы. Все-таки формально требовать денег за избрание депутатов они права не имели, даже по тогдашним британским законам. Посему они быстро оказались в тюрьме, а когда освободились (за взятки, естественно), оказалось, их заместители уже провели сделку без их участия.

В 1711 году некто полковник Гледхил купил себе место в парламенте, записавшись в... гильдию сапожников (!) и сделав ей заказ на сапоги для всего своего полка. Представьте комичность ситуации: бравый колониальный британский полковник записывается в сапожники! Ну чего не сделаешь, чтобы пролезть в депутаты... Париж стоит мессы...

Торговля голосами была так хорошо налажена, что если кандидат не имел нужных средств в момент избрания, то мог выплачивать деньги в течение ряда последующих лет. В рассрочку. Парламентская неприкосновенность в кредит.

Во время избирательных кампаний на видных местах, как и сегодня, вывешивались плакаты, призывавшие избирателей отдать свой голос за

кандидата. И тут же, на плакате, иногда называлась сумма, которую можно получить.

Цена голоса колебалась в зависимости от того, насколько ожесточенной была предвыборная борьба.

В конце XVIII века Фокс, один из лидеров вигов, истратил на выборы 18 тысяч фунтов. Для понимания веса тогдашних денег поясню: считалось, что купец, накопивший 50 тысяч фунтов, может отойти от дел — столько стоило поместье, дававшее в год 2500 фунтов дохода. Можно было жить помещиком-лендлордом, не рискуя деньгами в сложных торговых операциях. Фокс потратил почти половину такого имения...

Абсолютное большинство британцев ничего не имело против.

По их мнению, все было справедливо. Система продажи мест в Парламенте их не раздражала и не возмущала. Люди, обладавшие богатством, могли иметь соответствующую богатству власть.

Люди, богатством не располагавшие, получали от кандидатов деньги или какие-то важные для них услуги.

Британцы, не имевшие избирательных прав, боролись за то, чтобы их получить... На то было много причин, но одна из них очевидна: гражданские права были делом выгодным. Правда, увы, чем большему числу людей давали право голоса, тем меньше стоил этот самый голос.

Девальвация «честного голоса избирателя» шла постоянно, как бы сейчас сказали, значительно опережая темпы инфляции.

Если еще в XVIII веке, торгуя голосами своего многочисленного семейства, почтенный селянин вполне мог заработать на обучение в колледже одного из своих детей, то к концу века XIX избирателям максимум ставили бесплатную выпивку и кормили их рыбой с картошкой.

Примеры «продажной демократии» с одинаковым успехом можно выуживать практически из любого исторического периода любой страны, где те или иные формы выборности имели и имеют место. Думаю, бывший руководитель Центризбиркома Вешняков привел бы нам сотни ГОРАЗДО более ярких, живописных примеров надругательств над базовыми демократическими принципами и институтами, причем исключительно используя фактуру новейшей отечественной истории. Нам в этом отношении ходить за три моря за примерами точно не нужно.

Смысл нашего краткого экскурса в историю родины парламента в другом. В том, чтобы показать: если даже «образцово-классическая» избирательная система Британии с самого своего рождения была столь извращена и «монетизирована», то не надо питать никаких иллюзий относительно и вчерашнего, и позавчерашнего, и тем паче сегодняшнего

дня иных «демократий» парламентского типа.

Была ли демократия в Древней Руси?

Государственный строй подгоняется к народу, как платье подгоняется к фигуре человека.

А. Франс

В 862 году Рюрик, сидевший сначала на Ладоге, захватил Новгород. Та часть горожан, которая не хотела его пускать, восстала. Восстание не победило, и почему-то с этой даты — 862 год — считается начало «исторической» Руси.

Рюрик пришел в Новгород, который до него управлялся народным вече. Варяг его отменять не стал или не смог. И вообще во всех (!) русских землях были веча: и в деревнях, и в городах.

Обычный и нормальный способ управления обществом. Все общины на Руси управлялись тогда демократически.

Кстати, города у нас не были обособленными, изолированными поселениями. На Руси они воспринимались как центры той или другой земли. Если город был большим, как Новгород, в нем могло быть свое вече в каждом из его районов — концов. Их так и называли — *кончанские веча*. Такая сходка жителей района решала какие-то местные вопросы. А общее городское вече возглавляло не город, оно возглавляло всю землю.

То есть, поясню, новгородское вече — это небольшая городская дума.

Это скорее законодательное собрание Новгородской области. С двумя оговорками. Первая — в собрании принимали участие не выборные депутаты, а все граждане, кто мог и хотел. Вторая: Новгородская область — это не сегодняшний небольшой субъект Федерации, а огромное государство, больше современной Франции.

Этот стиль управления очень далек от европейского городского права, но похож на греческую политику времен Аристотеля.

В Греции полис состоял из города — собственно полиса, и из территории — хоры. Часть населения полиса жила в хоре. Полисы маленькие, и для того чтобы попасть на народное собрание, надо было пройти самое большее километров 20 или 30, а чаще всего — намного меньше. Решения народного собрания принимались и для всей хоры тоже.

Обычно вече представляют так, будто все мужское население Новгорода сходилось на площадь. Мол, в одном месте собирались 10 тысяч

человек и решали все вопросы демократически.

Не было десяти тысяч. Все население Новгорода составляло около 20–30 тысяч человек. Это включая женщин и детей. Численность дееспособных мужчин обычно определяют в 15–20 % от всего населения. Получается — до 4–5 тысяч.

Для сравнения: число граждан Афин составляло в разные периоды от 10 до 40 тысяч человек. В большинстве республик-полисов Древней Греции население было поменьше — от 5 до 8 тысяч взрослых мужчин. Афинские граждане выбирали своих должностных лиц на площади. В точности как новгородцы — посадника и тысяцкого. Типичная непосредственная демократия, когда все по-соседски знают не только тех, кого выбирают, но и друг друга.

Вече. Палех.

Вече формально правило не только в Новгороде и Пскове, но и в десятках других крупных городов. Имело особые права даже в Киеве.

Новгородское вече было высшим государственным органом Господина Великого Новгорода. Оно приглашало, контролировало и выгоняло князя. Назначало, сменяло и судило посадника и тысяцкого. Решало вопросы войны и мира.

Вече строило церкви и отдавало государственные земли навсегда или «в кормление». Выбирало архиепископа. Судило любого новгородского гражданина за все тяжкие преступления, за которые осужденный мог быть казнен, мог лишиться имущества или быть изгнан из Новгорода.

У вече была своя вечевая изба (канцелярия) с «вечным дьяком», который записывал решения и скреплял их печатями Господина Великого Новгорода.

При всей важности князя и его дружины, Новгород вполне мог воевать и сам, без князей. Победы Александра Невского в 1240 и 1242 годах часто трактуют как дело отборной княжеской дружины. Мол, князь защитил и спас Новгород... Это, конечно, далеко не вся правда.

Дружина Александра (2–3 тыс. конных) была лишь небольшой частью новгородской армии (15–17 тыс. чел.). Своя конница была и у Новгорода — тоже 2–3 тысячи всадников. Главную же ударную силу новгородского войска составляло ополчение — закованные в латы пехотинцы (как раз в эту эпоху на арену истории выходит пехота), вооруженные длинными копьями и топорами.

Отмечу, что тяжелый топор в то время был оружием грозным, чуть ли не страшнее меча. К тому же владение мечом — это искусство, а в руках непрофессионала меч просто неэффективен.

А топор — другое дело, тут главное силушку в удар вложить. Топор запросто проламывал щит, разрубал латы.

Вооружение ополченцев, непрофессиональных солдат, не говорит в данном случае о какой-то бедности новгородцев или безграмотности. Непобедимый чешский полководец эпохи религиозных войн Ян Жижка осознанно вооружал своих воинов таким «нестандартным оружием».

Жижка сам был рыцарем, но так повернулась судьба, что он возглавлял армию, состоявшую в основном из крестьян. И залогом успеха его войска стало то, что он вооружил их непрофессиональным оружием, справедливо полагая, что учить крестьян обращаться с мечом бесполезно... В Европе говорили тогда, что рыцарь рождается на коне, опоясанный мечом.

Поэтому, рассудил хитрый чех Жижка, надо научить крестьянина сражаться с помощью привычных ему орудий, которыми он сызмальства отлично владеет. Жижка был сельским помещиком и хорошо знал крестьянский быт...

Целые подразделения его ополченцев были вооружены, например, крестьянскими цепями — подразделения цепников.

Он же придумал знаменитую возовую оборону — когда круг из возов, особым образом сцепленных между собой, — иногда даже в два этажа, — молниеносно становился неприступной крепостью в чистом поле. Особенно для вражеской конницы. Это было не случайное изобретение, а тщательно продуманная и мастерски осуществленная с инженерной точки зрения идея. К возам прибивались специальные штыри, были в комплекте

цепи, толстые канаты, эта конструкция крепости из возов Жижкой регулярно, от раза к разу, совершенствовалась.

Укреплялись стенки и поддон, изготавливались хитрые выдвигаемые крючья — ну и так далее.

К копыю — древку — вместо наконечника Ян Жижка приделал крестьянский серп. Этими серпами, засевающие за возами повстанцы-табориты лихо подрубали не защищенные железом ноги рыцарских лошадей.

Представьте себе закованного в броню рыцаря, который налетает на крестьянский воз, и при этом ноги его коня подрезают серпом, а сверху он получает по шлему, который и мечом-то не разрубить, страшный удар молотилкой — цепом. Шлем — пополам — так два крестьянина шутя побеждают одного рыцаря.

В Ледовом побоище 1242 года решающую роль сыграли пешие полки. Классическое описание событий: войско Тевтонского ордена прошло через лед в самом узком месте, в проливе между Псковским и Чудским озером. Александр Невский предвидел, где пойдет противник, и расставил новгородское войско так: впереди, на льду, лучники, за ними — тяжеловооруженное пешее войско, а с боков — отборные отряды. Свою же дружину он вообще поставил в резерв.

Тевтонцы шли через озеро, построились клином («свиньей») и ударили по русскому центру, который им удалось прорвать. Однако с флангов по «свинье» ударили отряды Александра, а с тыла — резерв. Да, наш центр немцы смяли, но так и было задумано, чтобы окружить тевтонское войско. И этот самый «центр» не выпустил тевтонцев со льда Чудского озера.

А кто «ударил с флангов»? «Отборные дружины Александра»? Нет, отборные дружины Новгорода и Ладоги! Городское ополчение, тяжелая броненосная пехота остановила удар тевтонской конницы, не выпустила ее с опасного весеннего льда.

Такая же броненосная пехота нанесла удар с флангов и не дала врагу развернуть грозную рыцарскую «свинью».

Свою же дружину Александр Невский придерживал до конца. Противник отступает, бежит, дело сделано — и он наносит удар дружиной в тыл уже поверженного, но недобитого врага.

Добивает — гонит, истребляет, топчет в озере. Пешим ведь не догнать конного, тут профессиональная дружина особенно эффективна. Поздравим князя со светлым подвигом, но все же отметим: битву на Чудском озере 5 апреля 1242 года выиграли у рыцарей горожане.

Под грамотным руководством, конечно, Невского.

Вывод простой: Новгород входил в число тех средневековых обществ, которые могли противопоставить феодальной коннице силу пеших горожан. Князь важен как организатор и как знамя.

Порой само имя вождя — уже половина победы. Но все же и Господин Великий Новгород много что мог — и без князя.

Созывалось вече не регулярно. И посадник, и вообще — теоретически — любой горожанин мог ударить в вечевой колокол. Была бы необходимость. А вот между созывами вече правил Совет господ: правительство Господина Великого Новгорода. В него входили тысяцкий, посадник, «старые», то есть прежние посадник и тысяцкий (очень грамотно — обеспечивалась преемственность!), кончанские и сотские старосты.

Для исполнения решений администрации было до сотни приставов, подвойских, позовников, изветников, бирючей... Все это различные должности.

Широчайшее самоуправление, пронизывавшее буквально все стороны жизни, народоправство, делали ненужным большой чиновничий аппарат. Действительно, а зачем чиновники? Управлять? Но местные вече сами управятся: назначат ответственных за все общественные дела, разобьют общинников на команды, разделят труд. И добьются большего успеха, чем целая бюрократическая армия.

Самоуправляющиеся общины не допустят преступлений на своей территории, проложат дороги, устроят путников и купцов, отведут места для торговли, наймут охрану для грузов, построят пристани на реке, не допустят браконьерства на бобровых ловах... Словом, сделают сами все то, чем без местного самоуправления стали бы заниматься чиновники. Причем бюрократы сделают то же самое и хуже, и намного дороже.

Остается поражаться, какой маленький аппарат управления нужен был громадной стране. На Руси времен Ярослава Мудрого живет не менее миллиона человек. А весь центральный аппарат управления, включающий всех должностных лиц княжеской власти, не составляет и тысячи человек! Есть еще должностные лица в крупных городах, на волоках, где идет торговля, на границах — но их тоже немного, считанные десятки, от силы — сотни.

Во владениях короля Филиппа IV во Франции население составляло около 7 миллионов человек. А только королевских чиновников было свыше 20 тысяч. Число должностных лиц в графствах, городах, на таможнях и на промыслах — в четыре раза больше. Соотнесем 100 тысяч чиновников на 7 миллионов человек и менее 1 тысячи — на 1 миллион. Получается, во Франции на одно и то же число жителей приходится в 14 (!) раз больше

чиновников.

Такова плата государства за подавление местного самоуправления.

Централизованные бюрократические учреждения сложились на Руси очень поздно — в XVI веке, при Василии III. Это система приказов. Раньше приказом называли канцелярию, которую заводил боярин для выполнения царского поручения.

Теперь приказы стали особыми учреждениями.

В 1660-е годы во всем государстве было порядка 100 дьяков и 1000 подьячих. К концу XVII века число приказных в Москве возросло до 3 тысяч человек. Но и этот «распухший аппарат» представлял собой совершенно ничтожное число чиновников для управления таким большим государством.

Во Франции с ее 20 миллионами населения в конце XVI века только на службе короля было не менее 30 тысяч чиновников.

А еще примерно такое же число профессиональных юристов считались «людьми свободных профессий», то есть кормились в режиме свободного рынка, но тоже были очень важным элементом системы управления страной. Получается, в Московии на душу населения приходилось в десять, даже в пятнадцать раз меньше чиновников, чем во Франции.

Это чиновное малолюдство достойно удивления. Страна с населением в 10–12 миллионов человек управляется тысячей чиновников! От силы 3 тысячами...

Наши предки, «привыкши» управлять самостоятельно, общественный статус чиновника считали за «тьфу». В Европе же быть чиновником считалось необычайно престижным. В том числе в Британии, гордящейся без меры своими демократическими традициями. Не будем и говорить о высочайшем положении чиновничества в странах Востока. Даже в Японии, самой демократичной из восточных стран, чиновники находились в особо большом почете. Стать чиновником в Китае было счастьем для всякого, управление страной велось исключительно бюрократическими средствами.

Извините за подробности, но за возможность сыну попасть в элитный круг чиновников «императорской администрации» китайские родители нередко САМИ отдавали свое дитя на кастрацию. Ведь у евнуха шансы занять почетный и, главное, доходный государственный пост были несравненно выше, чем у нормального мужчины.

И в Индии, и в мусульманском мире чиновник был важнейшим человеком для государства и очень уважаемым членом общества.

Но не в Московии.

Общее мнение о «приказных крючках» в Московии было нелестное, считалось, что публика это нечестная, вороватая, ведет себя «не по правилам», и вообще люди в приказах сидят нехорошие. Приказных обвиняли во множестве грехов. В покупке должностей. В небескорыстном отправлении суда и предвзятом трактовании закона. В том, что они делились неправыми доходами с высшими, а те покрывали их. Взятничество и рвачество «приказных» возмущало людей чрезвычайно. В фольклоре образ дьяка — один из самых непривлекательных.

Что уж говорить о подьячем? *«Я не подьячий породы собачьей, не стану бросаться да лаяться»*, — такую поговорку записали русские фольклористы еще в XIX веке, когда про эту чиновную должность уже никто и слыхом не слыхивал.

«Подьячего бойся и лежачего», — из той же оперы.

Служилых людей Московии, ее армию, уважали в народе намного больше. Их было мало: около 300 тысяч на всю страну. Из них помещиков — порядка 30 тысяч, и еще столько же имеют такие же права, но не имеют земли.

Во Франции дворян порядка 1 миллиона: 5 % всего населения.

В Московии — 60 тысяч, то есть 0,5 %.

Верхушка аристократии — бояре, имевшие не поместья, даваемые на время, за службу, а вотчины, переходившие по наследству. Боярских родов было от 30 до 40, но это число росло — постоянно возводили в бояре за заслуги. Знатнейших родов из них — 16. Общее число взрослых мужчин во всех этих родах в середине XVII века не превышает и 300.

Во Франции того же времени мы видим до 1000 семей титулованного дворянства. Активного мужского населения в них до 12 тысяч человек.

Получается, аристократов «на душу населения» во Франции в 20–25 раз больше, чем в России. Согласно исследованиям А. Буровского, во Франции того времени вообще редко возводили в дворяне, — дворянами в основном рождались. В Британии эсквайром считался всякий, у кого доход был больше 40 фунтов стерлингов в год. Но и там лордами рождались и почти никогда не становились.

А в России это было возможно.

Аристократия заседала в совещательном органе при царе: в Боярской думе. И была Боярская дума сравнительно... демократична по составу.

При Алексее Михайловиче из 60 членов Думы было 5 бояр, не принадлежащих к знатным родам, 5 думных дворян и 4 думных дьяка. Итого, из 60 человек 14 имели вовсе не аристократическое, а «демократическое» происхождение.

В 1688 году, уже 35 из 57 членов Думы были выдвиженцами, такими *self-made men*.

А какова судьба русского «непосредственного парламента» — вече? На северо-востоке Руси последний раз вечевые колокола били в 1262 году. В этот год по всей Руси вспыхнуло восстание против монгольских сборщиков дани, точнее, мусульманских купцов-бесерменов, которые выкупили у Орды этот выгодный бизнес. Полыхнуло в Суздале, Ярославле, Владимире... Как свидетельствовал летописец, *«бысть вече на бесермены по всем градом русским, и побита татар везде, не терпяще насилие от них»*. Бусурман перебили.

После восстания Александр Невский снял вечевые колокола и не велел больше собираться вече. Это было слишком опасно: монголы могли вырезать население этой части Руси до последнего человека.

Но в Новгороде и Пскове вечевые колокола никуда не делись. На русских землях, отошедших под Великое княжество Литовское, вечевой строй сохранялся и в XIV, и в XV веках. Он был в Киеве, Львове, Минске, Турове... Везде.

И после XV века вечевой строй не исчез. Просто постепенно русские города получали разрешение управляться по Магдебургскому (или же немецкому) праву. От взаимного проникновения двух традиций демократии сложилась иная, не такая строгая и формализованная система городского самоуправления, как на романо-германском Западе.

Наши Генеральные штаты лучше

Иностранцы, бывая в Москве в XVI–XVII веках, сразу понимали, что такое Земский собор. Для польского подданного Филона Кмиты Собор 1580 года — сейм, англичанин Джером Горсей называет собор 1584 года парламентом, ливонский дворянин Георг Брюнно признает собор 1613 года риксдагом. Немец Иоганн-Готгильф Фоккеродт приходит к выводу, что это был «род сената».

С. Иванов «Земский собор».

Земский собор — прообраз Съезда народных депутатов Всяя Руси.

Русский посланник в Англии в 1646 году Герасим Дохтуров описывает английский парламент со сходной симметрией: «Сидят в двух палатах; в одной палате сидят бояре, в другой — выборные из мирских людей».

Полномочия Земских соборов были БОЛЬШЕ, чем у Генеральных штатов во Франции. Они МЕНЬШЕ зависели от монарха, нежели английский парламент.

Действительно: только в начале XVII столетия, через пять веков после своего появления, британский парламент де-факто стал основным элементом в системе управления страной. Только в XVII веке законодательная власть бросила вызов власти короля и попыталась непосредственно контролировать власть исполнительную.

В Московии же уже первый Земский собор, который Иван Грозный созвал в 1549 году, намечал ход судебных и финансовых реформ, «приговаривал» налоги, то есть участвовал в управлении государством.

Выборы представителей на Земские соборы (число членов не было определено и колебалось в пределах 200–500 чел., а иногда и больше) проходили в уездных городах и в волостях. По их завершении составлялся протокол собрания, который заверялся всеми участвовавшими в выборах. Протокол отправляли в Москву (т. к. Центризбиркома еще не было, то — в Посольский или Разрядный приказ). А следом в Москву отправлялись сами выборные, которые брали с собой необходимый запас провианта или денег. Заседания соборов могли проходить годами, надо было запастись всем необходимым. Представляю себе ангары на Охотном ряду, в которых хранятся продукты для нынешних депутатов Государственной Думы!

Установился обычный порядок работы собора — обсуждение проблем, которые ставит царь, по «чинам» и по группам. Обсудив вопрос, группа подавала свою письменную «скаску» (от слова «сказывать»). Историки очень любят работать с такими «сказками», потому что по ним очень легко судить, что же волновало разные группы посадских, служилых, черносошных людей.

Конечно, будем объективны: не выбирали своих представителей владельческие крестьяне, холопы и «вольница». Но и в Британии ведь тоже ни слуги, ни пираты не имели своих представителей в парламенте.

Но и служилые, и «гости», и посадские, и черносошные люди на своих, как теперь говорят, корпоративных или на волостных сходах выбирали представителей на Земские соборы.

Получается, что в Московии на Земской собор выбирали своих представителей, равных по количеству примерно 15 % населения. Это существенно больше, чем в Британии.

В XVII веке всего 2 % англичан имели «активное избирательное право», то есть право выбирать в парламент своих представителей. 2 % издавало законы, по которым жили все 100 %. А реальную возможность быть куда бы то ни было избранным имели значительно меньше 1 % населения страны — такая вот «демокраси».

Александр Горянин подсчитал, что во Франции до 1849 года право голоса имели 2 % населения, в Испании эта цифра в 1854 году чуть превышала 0,2 %, а в Японии, где первые выборы состоялись в 1891 году, правом голоса благодаря налоговому цензу в 15 йен обладал 1 % населения.

Историки и России, и Запада часто говорят об «ослаблении роли Земских соборов» при Алексее Михайловиче. Им кажется очень важным

найти в России те же черты общественного развития, что в странах Европы. Был в Европе абсолютизм? И на Руси должен быть! Если его нет, это даже как-то обидно за Россию...

Неполноценность какая-то.

Увы, они не хотят замечать, что различия, если и есть, то скорее в пользу России. Раз уж мы ищем в истории развитие демократических институтов, то на тот момент по справедливости Московия опережает Британию.

Тезис об отмирании соборов опирается на то, что Земские соборы регулярно собирались до 1653 года. С этого времени их созыв делается нерегулярным, эпизодическим. Но Земские соборы все-таки созывались. Последний из них состоялся в 1684 году: он «приговорил» вечный мир с Польшей. Всего за 135 лет (1549–1684) их было созвано 57.

Только переворот Петра I в 1689 году покончил с Земскими соборами. Хотя и его самого в 1682 году успело избрать — вместе с братом Иваном V — собрание в составе духовных и выборных. На тот момент соборы приняли такую усеченную форму.

Как избирали Романовых

Никогда британский парламент не учреждал новую династию.

Никогда не было официально признано, что парламент выбирает или приглашает на место монарха нового короля.

Однажды он, правда, распорядился престолом: позвал на правление Ганноверского курфюрста. Но это было со стороны парламента не осуществлением законных полномочий, а закулисной сделкой, к которой избиратели не имели никакого отношения.

Точно так же и Генеральные штаты никогда не выбирали правителя, не сажали на трон представителя новой династии, даже не утверждали кандидата, выдвинутого аристократами.

А вот Земской собор выбирал нового царя.

Некоторые соборы носили именно УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ характер! В 1584 и в 1598 годах Земские соборы собирались специально для избрания новых царей: Федора Ивановича и Бориса Годунова.

В 1606 году собор избрал царем Василия Шуйского (а в 1610-м лишил его престола).

В грозном 1612 году Земский собор, находясь при ополчении Пожарского, составлял правительство государства — именно представители собора, а не Думы.

Во время Смуты роль соборов еще более возросла: по прямой мужской линии пресеклась династия Рюриковичей. Земля заявляла свою волю в условиях ослабления монархического принципа.

Земля не хотела делаться республикой, она стремилась избрать новую династию. В точности как в некоторых полисах выбирали царей. Аристотель считал такой способ правления «хорошим»: ведь монархия становилась изъявлением воли народа.

Так же точно и Романовы возглавили престол потому, что их избрала земля — то есть народ. Однако историки никогда не обращали на этот факт должного внимания, особенно, разумеется, в СССР.

А ведь в 1613 году в России состоялась настоящая избирательная кампания! Существовало большое число претендентов на престол, в общей сложности до 30 кандидатов.

Между этими претендентами развернулась самая настоящая, вовсе не бутафорская предвыборная баталия. Царем хотел стать Д. М. Пожарский, о котором сказано: «Воцарялся и стоило это ему в двадцать тысяч». Вот так

был даже зафиксирован бюджет его избирательной кампании. «Воцариться» пытались и такие известные аристократы, как князья Д. М. Черкасский, П. И. Пронский, И. В. Голицын.

Активнейшую избирательную кампанию вел признанный казачий вождь князь Дмитрий Трубецкой. По свидетельству современника, *«учреждаше столы честные и пиры многие для казаков и полтора месяца всех казаков, сорок тысяч, зазывая к себе во двор по все дни, чествуя, кормя и поя честно и моля их, чтобы ему быти на России царем, и от них казаков похвален же был»*.

Однако такой подкуп избирателя в английском стиле на нашей почве плодов не дал. *«Кзаки же честь от него принимающе, ядяще и пиюще ихваляще его лестию, а прочь от него отходяще в свои полки и браняще его и смеющиеся его безумию такову. Князь же Дмитрей Трубецкой не ведаше лести их казачей...»* Когда казаки в феврале 1613 года вломились на Земский собор и потребовали присяги Михаилу Романову, бедный Трубецкой был так обескуражен, что с расстройства не на шутку заболел: *«Лицо у него ту с кручины почерне, и паде в недуг, и лежа три месяца, не выходя из двора своего»*.

До сих пор спорят, почему выбор пал именно на Михаила Романова. Мнений у историков столько же, сколько их самих. Не будем забывать и того, что именно Михаил оказался ближайшим родственником последнему московскому царю из Рюриковичей.

Но вот что несомненно: Михаила избрали голосами более чем 600 представителей, в том числе от посадских людей и чернососных крестьян.

Вступая на престол, увы, Михаил не заключил с подданными никакого договора. Конституции, к сожалению, не возникло.

Правда, некоторые источники упоминают некий документ. Якобы при вступлении на престол Михаил Федорович дал какую-то «запись» с определенными обещаниями. Но ни текста самой «записи», ни даже более подробного описания, что же именно обещал делать (или не делать) царь, у нас нет. Может быть, обязывался править, созывая Земские соборы? Можно долго гадать о том, давал ли он «запись» за одного себя или и за своих потомков тоже. Только что толку? В истории Руси появилась еще одна тайна — тайна документа, который будто бы был составлен при вступлении Романовых на престол.

Чтоб трон поправить царский
И вновь царя избрать,
Тут Минин и Пожарский

Скорей собрали рать.

И выгнала их сила
Поляков снова вон,
Земля же Михаила
Взвела на русский трон.

Свершилося то летом;
Но был ли уговор —
История об этом
Молчит до этих пор.

Один из создателей легендарного Козьмы Пруткова А. К. Толстой ироничен — но точен в деталях.

Николай I «Палкин» и его «вертикаль власти»

О невеселых последствиях правления Николая I написано много. Начиная со Льва Толстого многие историки и писатели описывали Николая I в самых мрачных тонах. Получалось так, что раз он человек плохой, то и правление не удалось.

Но проблема гораздо сложнее. Судя по всему, Николай I был как раз душевно здоровым, не жестоким и не злым человеком.

«Император выглядит очень мужественно: он атлетически сложен имеет рост шесть футов, у него римские черты лица и орлиный профиль. Царь хорошо держится в седле. Император придерживается строгого распорядка дня Он встает рано и некоторое время уделяет докладу начальника генерального штаба, обсуждая с ним военные проблемы. После завтрака царь принимает министров, в час едет на смотр войск, затем в экипаже или пешком отправляется на прогулку с императрицей. В четыре обедают в кругу семьи после чего принимает министров либо уединяется со своим личным секретарем и работает с документами до десяти часов вечера».

Есть много примеров того, как Николай стремился вознаградить самых незначительных чиновников и солдат за верную службу, стремился к справедливости (в своем понимании этого слова, конечно), искренне заботился об устройении России. Покровительствовал Гоголю, Пушкину. Нередко проявлял неплохое чувство юмора и самоиронии при рассмотрении тех или иных текущих дел. А способность к самоиронии — всегда свойство хорошего ума. Потому я и подчеркивал в первой книге «Мифов о России», что пресловутая чрезмерная жестокость, тупость и необразованность Николая Павловича — ложь и постыдный миф.

Читатели «Комсомолки» поведали мне такую показательную историю.

Как-то Николаю на утверждение попало дело некоего крестьянина, который в кабаке плюнул на портрет Императора. Мужичку грозила каторга.

Резолюция Николая:

1. мне тоже на него наплевать;
2. нечего вешать мои портреты в кабаках;
3. отпустить с Богом.

Может, и выдумка придворных пиарщиков, но что-то больно их много, таких «PR-выдумок» о Николае «Палкине». А дыма без огня не бывает.

Он был глубоко убежден в том, что России нужно любой ценой

избежать ужасов революции и что управлять в ней можно только суровостью и строгостью.

Беда Николая в другом. Истинная ошибка Николая I — в безрассудном строительстве своей бюрократической «вертикали власти».

Вообще, для понимания того, почему неудачно в целом правление Николая I, бессмысленно выяснять, был он «плохим» или «хорошим».

Герцен — тот вообще называл Николая I царем-фельдфебелем.

С одной стороны, были объективные успехи. Николай последовательно и довольно успешно проводил политику протекционизма отечественной промышленности и торговли.

Развивалась при нем сеть средних учебных заведений. Университетов строили мало, а вот гимназий много.

Он пытался навести порядок в госаппарате, как мог, боролся со взяточничеством, добивался ответственности чиновников за порученное им дело. Чего стоит только его указ 1848 года «О высылке из столицы чиновников, отставляемых за дурное поведение и нетрезвость».

В конце концов, окончательный выход ко всему Черноморскому побережью произошел при Николае I.

И человеком он, кстати, был храбрым. Малоизвестный эпизод:

14 декабря 1825 года на Сенатской площади вместе с Милорадовичем под выстрелы к декабристам поскакал и сам государь.

Просто Милорадович прискакал первым, и был убит. Когда в сентябре 1830 года в Москве вспыхнула эпидемия холеры, государь лично обходил холерные бараки. На эту тему, правда, не написано никаких картин, как в случае с Наполеоном, единожды посетившим барак с чумными солдатами в Яффе.

Бесспорно, технические новшества при Николае I вводились слабо, крепостничество консервировало ситуацию. Последовательный изоляционизм царя проявлялся даже в мелочах.

Именно он приказал, начав железнодорожное строительство в России, расширить колею на тринадцать сантиметров. Сделано это было сознательно, чтобы не дать военным эшелонам ехать напрямую от Парижа и Берлина в Москву и Петербург. То, что это мешало торговле, создавая массу технологических трудностей, царя не волновало, важнее были военные задачи.

Кстати, между Москвой и Питером до сих пор не курсирует ни один экспресс «Николай I». А зря. И Николаевский вокзал в Москве до сих пор носит имя несуществующего города Ленинграда — словно нам отшибло историческую память.

Однако надо выделить главное, что несмотря на все локальные успехи определило общую неудачу его царствия.

Николай чрезвычайно усилил принцип бюрократии в ущерб всем остальным формам управления Россией.

Даже самые лучшие дела в период его правления, в т. ч. деятельность Комиссий по крестьянскому вопросу, вершились чисто бюрократическим путем, через собрания высших чиновников.

Бюрократия при Николае постоянно наступала и на местное самоуправление, и на корпоративное самоуправление дворян и городов. В результате получилось то, что и должно было: лишенный прав действовать, исчезал класс людей самостоятельных, убежденных, активных. На смену им приходили чиновники: послушные, изредка, по воле случая — честные как Аракчеев, и эффективные — как Бенкендорф, но, как правило, — посредственности, равнодушные и ни за что не отвечающие. Как в «Ревизоре».

И именно при Николае чудовищно обогатился некто «Андрей Аристович» Шлиман и приключился грандиозный скандал с Храмом Христа Спасителя. В конце этой главы я рассказываю об обоих случаях... С понятной целью: показать, как расцветает коррупция, когда бюрократия заменяет самоуправление.

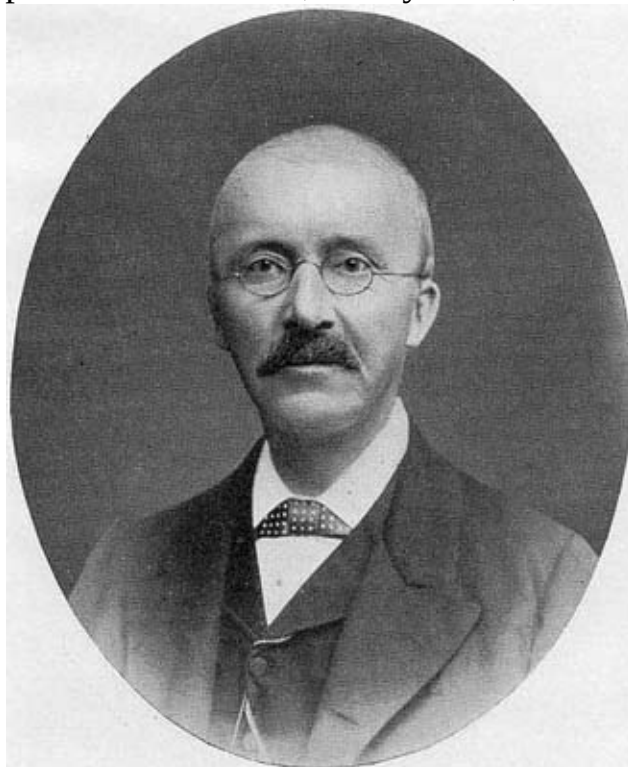
Троя — на деньги, украденные у русских

*Простой и добрый семьянин,
Чиновник непродажный,
Он нажил только дом один —
Но дом пятиэтажный.*

Н. А. Некрасов «Прекрасная партия»

В XIX веке золотым дном были подрядные работы. Подрядчики жирели на приписках. Но только почему-то больше всех воровали... Ах, как это неприлично... Как это политически некорректно... Но воровали чаще всего — не русские. Точнее выразимся: не православные. Вот ведь как...

Чуть ли не величайшего подрядчика-вора за всю историю Российской империи звали Генрих Шлиман. Имя, хоть убейте, не нашенское.

Генрих Шлиман.

Его судьба — пример верности избранной в юности мечте. И нечистоплотных методов в ее достижении.

Генрих Шлиман, сын бедного священника из немецкого городка Нойбуков (Neubukow) (род. 1822 г.), с детства истово мечтал о двух вещах: о богатстве и о том, чтобы найти Трою. Да, ту самую Трою в Древней Греции, о которой писал слепой Гомер. Трою, которую осаждали ахейцы 10 лет, пока не захватили ее с по мощью небезызвестного деревянного коня. Стихи Гомера он слышал в лавке, где работал еще мальчиком. В лавку заходил вечно нетрезвый клиент, бывший учитель греческого и латыни. Маленький Генрих подливал ему винца, и пьяница читал наизусть «Илиаду». Красота стихов покорила Шлимана, заставила его навсегда увлечься Гомером, Древней Грецией и Троей.

Чтобы искать Трою, нужны деньги. Юноша работает в торговой конторе в Амстердаме и истово учит иностранные языки. Учит изнурительным, варварским способом, заучивая наизусть непонятные для него тексты. За два с половиной года с таким ноу-хау, от которого бы рыдали все профессора МГИМО, но — все же, что значит немецкое упорство — осваивает русский, английский, французский, голландский, испанский, португальский и итальянский!!! В 1846 году Генрих Шлиман отправляется в качестве агента крупной торговой фирмы в Петербург, где спустя год открывает свое собственное дело.

Двадцать лет потребовалось Шлиману для того, чтобы добиться осуществления своей первой мечты: сколотить состояние. За эти годы он выучил еще польский, шведский, новогреческий, арабский и латынь. В 1863 году купец 1 гильдии Генрих, или Андрей Аристович, Шлиман отходит от дел.

Довольно! Пора осуществлять вторую великую мечту! В 1868 году Генрих Шлиман едет в Малую Азию и начинает искать Трою.

Для него Гомер — высший авторитет, он ищет Трою, понимая буквально его описания местности. Холм Гиссарлык идеально соответствует описаниям... В апреле 1870 года Шлиман начинает раскопки и обнаруживает останки городов, расположенные один над другим... Шлиман — пример целеустремленности и мужества, верности раз выбранной цели и энергии и последовательности, мужских качеств и природных способностей. Совершеннейший человек! Образчик всех добродетелей. Нравственный и умственный гигант. О «подвиге Шлимана» частенько рассказывают немецким школьникам, явно имея в виду назидательное: будешь себя вести правильно, станешь как Шлиман. Вот только об одном не написал ни один из официальных биографов «Андрея Аристовича».

О том, откуда именно взял он свой стартовый капитал.

А мы расскажем. Дело в том, что заработал он его ну совершенно не романтичным способом: на поставках в русскую армию во время Крымской войны. Сапоги оказывались с картонными подметками, шинели разлезались в руках, крупу можно было сразу выбрасывать. Но зато хорошо хрустело в карманах у самого Шлимана и у тех военных чиновников, которые принимали его поставки.

Кадр из фильма «Оборона Севастополя». Режиссеры В. М. Гончаров и А. А. Ханжонков. 1911 (!) г.

При Ющенко Украина, говорят, хотела снять СВОЕ кино об обороне Севастополя. Что ж, боюсь, из него мы узнали бы новую версию этой истории. О том, как героические украинские моряки, такие, як гарный хлопец матрос Кошка, насмерть бились с врагами за ридный украинский Севастополь под неумелым командованием царско-москальских сатрапов Корнилова и Нахимова.

Транссиб. Первый поезд пришел в Иркутск.

На строительстве железных дорог обогащались безумно, но и Россия с невероятной скоростью покрывалась сетью стальных магистралей.

Шлиман был не жадный, делился охотно, и это сделало его аферы долговечными: слишком много людей были в них прямо заинтересованы.

Такая вот история, тоже в своем роде назидательная. И вот что интересно: при всем феерическом воровстве поставщиков времен Крымской войны история не сохранила памяти о каком-нибудь поставщике Иванове или ворюге Петрове.

Вопрос, как принято говорить, философский: а сохранилась бы память о ворюге-поставщике Шлимане, если бы он впоследствии не «нашел» Трюю? Которая, как выясняется, тоже не совсем Троя.

Храм Христа Спасителя на Воробьевых горах

*В ком есть и совесть и закон,
Тот не украдет, не обманет,
В какой бы нужде ни был он;
А вору дай хоть миллион —
Он воровать не перестанет.*

Иван Крылов, басня «Крестьянин и лисица»

В первый раз идея сооружения в Москве храма в честь победы в Отечественной войне 1812 года была заявлена еще 25 декабря 1812 года в Вильне (ныне Вильнюс). В своем манифесте император Александр I провозглашал: *«В сохранение вечной памяти того беспримерного усердия, в верности и любви к Вере и Отечеству, какими в сии трудные времена превознес себя народ Российский, и в ознаменование благодарности Нашей к Промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели, вознамерились мы в первопрестольном граде Нашем Москве создать церковь во имя Спасителя Христа... Да простоят сей Храм многие века...»* Объявили конкурс.

Рассмотрели до 20 проектов, из которых победил проект Александра Витберга.

Витберг предложил соорудить храм между Смоленской и Калужской дорогами, на Воробьевых горах, которые Александр I поэтично назвал «короною Москвы».

Вот несколько доводов, придавших вес предложению построить храм на Воробьевых горах:

1. Желание Императора соорудить храм за городом, поскольку в Москве «нет достаточно места, потребного для изящного здания».

2. Ссылки на расположенный за городом собор св. Петра в Риме и удаленный собор св. Павла в Лондоне (теперь оба — уже оказались в центре города).

3. Удачное географическое расположение (расстилающееся у подножия Воробьевых гор Девичье поле позволило бы видеть храм издали целиком).

4. И последний довод — исторический — Воробьевы горы находятся между путями неприятеля, вошедшего в Москву по Смоленской дороге и

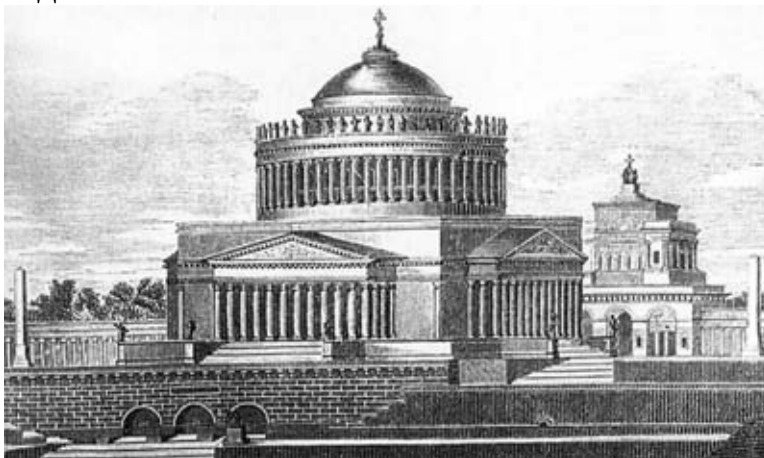
отступившего по Калужской.

Храм должен был стать самым высоким в мире — 237 метров от подошвы горы до креста. Высота наземной части храма 170 метров, диаметр главного купола более 50 метров (для сравнения: высота храма св. Петра в Риме — 141,5 м, колокольни Ивана Великого — 80 м).

Проектом предусматривалось строительство двух громадных триумфальных колонн высотой в 30-этажный дом каждая. Материалом для одной из колонн должны были стать пушки, отбитые у неприятеля на территории России, для другой — за рубежом.

В 1817 году состоялась торжественная закладка храма на Воробьевых горах. Началось строительство. И быстро выяснилось два любопытнейших обстоятельства.

Во-первых, грунты Воробьевых гор мягкие, водянистые, склоны изобилуют оврагами и всхолмлениями. Вообще-то место для громадного здания надо было еще тщательно искать и изучать, фундамент для него требовался колоссальный. Удивительно, но строительство не заморозили, подрядчики продолжали втихую благополучно осваивать средства, и все сооружение вскоре «поплыло»... Только уже при Николае I специальным рескриптом 1826 года был создан Комитет, чтобы выяснить — а возможно ли вообще соорудить подобное строение на склонах Воробьевых гор? В Комитет вошли все ведущие архитекторы Российской империи. В итоге выяснилось: строить на самих склонах невозможно, но наверху есть отличная площадка. (Как раз там сейчас и стоит высотное здание МГУ). Но это только полбеда.

Проект Храма Христа Спасителя на Воробьевых горах архитектора А. Витберга.

Сколько бы ни критиковали любители седой старины Ю. М. Лужкова, но лично мне очень нравится Храм на Волхонке, даже в его

«новомосковском» виде. Но этот несостоявшийся проект еще более грандиозен, не так ли?

Главной проблемой оказались колоссальные масштабы хищений и приписок.

Казне нанесен был ущерб в 300 тысяч рублей — огромная по тем временам сумма в рамках одного строительного проекта.

Сам Витберг был человеком кристальной честности, хорошим архитектором, но, видимо, никудышным администратором и финансовым контролером.

В 1829 году объявили новый конкурс. В итоге Николай I утвердил новый, гораздо более скромный проект архитектора К. А. Тона. По этому проекту и воздвигли Храм Христа Спасителя на Волхонке.

Что в этой истории кажется просто невероятным, так это масштаб воровства. Все-таки впустую растратить и разворовать практически ВСЕ отпущенные средства и вообще ничего не построить, только разворотить землю — это своего рода рекорд. Такого даже при Ельцине не делали!

Виноват, делали. Вспомним еще раз проект ВСМ — Высокоскоростные магистрали, которые должны были проложить между Москвой и Санкт-Петербургом.

Не менее невероятно и то, КАКУЮ стройку разворовали. Все-таки Храм... Храм, которому предстояло стать воплощенной памятью о героизме и о жертвах 1812 года.

Даже самый циничный, самый уголовный элемент сто раз подумает перед тем, как сорвать церковную кружку для милостыни или украсть золотой оклад с иконы.

Кстати, та самая знаменитая фраза «Воруют-с», как считается — на уровне исторического анекдота, — была сказана именно в связи со строительством храма Христа Спасителя на Воробьевых горах. Афера с непостроенным храмом вдохновила Гоголя на написание «Ревизора». Там как раз городничий говорит о церкви, которую строили-строили, да сгорела.

А ведь планировалось возвести самый большой храм в мире, потрясающий по замыслу, сопоставимый, наверное, только со сталинским Дворцом Советов, тоже так и не построенном на месте уже нынешнего храма Христа Спасителя. Это должен был быть единый храм трех религий — православной, католической и протестантской — и одновременно символ доминирования России в объединенной Европе.

Официальная версия, которую публично объявил Николай I, свернувший строительство, что, мол, почвы на Воробьевых горах плохие, оказалась столь живучей, что когда сто с лишним лет спустя при Сталине стали строить здание МГУ, ее даже не стали перепроверять. Сталин просто приказал в 1949 году отодвинуть здание МГУ подальше от Москвы-реки, чтобы оно не сползло туда, как якобы сполз недостроенный храм Христа Спасителя.

А в целом все типично: где государственные подряды — там всегда и воровство.

Новая волна казнокрадства и прочих коррупционных безобразий приходится на конец XIX — начало XX века и особенно на время Первой мировой войны. Верхушка государства так «европеизировалась» и «цивилизовалась», что окончательно перестала осознавать судьбу государства как свою собственную. К тому же во время войны всегда и прессу прижимают... И общественность знает свое место — до мирных времен. Все решают чиновники и притом эдак сурово, нахмутив брови: «Время военное, господа... Никакой крамолы! Отечество в опасности!» Убийцы Гришки Распутина были уверены, что «поганый старец» пробивает военные заказы для тех, кто ему хорошо откатывает. Трудно сейчас утверждать, так ли это было, или Распутина просто оговорили... Но руки Пуришкевича и князя Юсупова не дошли до многих других «околовоенных дельцов» того времени.

Например, Матильды Кшесинской и великого князя Алексея Михайловича. Эта «сладкая парочка» за огромные взятки помогали фабрикантам получать военные заказы.

Удивительная все же закономерность... Как приблизимся к Европе, так пожинаяем новую волну «воруют-с...» Удивительно? Но закономерность —

железная! Может, дело в том, что европеизация России протекает всегда сверху? Чтобы европеизировать Россию против ее воли, «приходится» подавлять волю страны. Государство усиливается, гражданское общество чахнет.

А когда все больше решается чиновниками, то... Эта закономерность нам уже известна.

САМАЯ ЛУЧШАЯ ИМПЕРИЯ

Дар цивилизации — рабство

Корни европейских колониальных империй следует искать в эпохе Великих географических открытий XVI–XVII веков. Уже название эпохи — сугубо евроцентрическое. Кто открывал-то мир? Европейцы. Для кого? Для себя, разумеется. У остальных народов мира могло быть совсем другое мнение о том, кто кого открывал и нужно ли было это делать. В 1971 году вождь племени сиу Стоячий Бык прилетел на пассажирском самолете в Геную, спустился по трапу в полном боевом облачении и торжественно объявил, что он... открывает Италию. Почему это кажется странным? Колумб ведь «открыл» Америку, в которой жили в то время 22 миллиона человек.

Не успев «открыть» весь мир, европейцы уже в XVI–XVII веках начали им распоряжаться как своей кладовой. Работорговля — очень яркий пример того, как европейцы на самом деле «перedelывали» мир. Они изменили карту народонаселения целых материков. Работорговцы обезлюднили Африку, чтобы заселить Америку неграми-рабами. А для того чтобы заселить Америку неграми, ее тоже сперва обезлюднили. Индейцев первобытных племен истребляли просто для того, чтобы освободить от них богатую тропическую землю. Любой пятиклассник, знакомый с историей США хотя бы по Клинту Иствуду и Гойко Митичу, авторитетно подтвердит: коренные индейцы Америки мало подходили для «практических» нужд белых колонизаторов. Во-первых, «заполучить» их в рабство было довольно проблематично. Мягко скажем, небезопасно. Но и захватив, толку от индейцев как рабов-работников немного. Мерли как мухи. Тысячами. Бежали при первом удобном случае, а найти и поймать индейца на его родной территории — поди попробуй. Работали в неволе индейцы из рук вон плохо, «размножались» и того хуже. Поэтому эксплуатировать их практичные европейцы посчитали невыгодным. И «пришлось» начать ввоз негров-рабов из Африки.

Собственно говоря, рабами в Европе торговали всегда, далеко не только во времена Древнего Рима. Лион и Рим эпохи Ренессанса известны как главные европейские центры работорговли: европейских рабов (обычно — военнопленных, осужденных преступников и должников) вывозили в восточные страны, в первую очередь в Египет и в Турцию. Много рабов требовалось тогда на гребных судах. Развитие парусного флота сократило спрос на рабов на галерах, поэтому на время работорговля стала

невыгодной и почти прекратилась.

Но в это время появляется почти unlimited спрос на рабов в Америке. Во всей Европе не хватило бы неисправных должников, чтобы эту потребность удовлетворить. И здесь очень кстати «по соседству» оказалась Африка.

В 1522 году впервые из Африки на плантации в Бразилию были доставлены негры-рабы. Немного, буквально несколько десятков. Опыт удался: негры были привычны к тропическому климату, выносливы и трудолюбивы.

За XVII–XVIII столетия, основные века работорговли, из Африки привезли примерно 15 миллионов рабов, 10 миллионов из них — мужчины, уже готовые работники. По данным ученых, на эти 15 миллионов прибывших приходится не менее 5 миллионов умерших в пути, так как везли рабов в специальных кораблях, чтобы «напихать» их в трюм побольше. Небольшие парусные корабли того времени ухитрялись перевозить за один рейс по несколько сот рабов. Как говорили сами работорговцы, «негр не должен занимать в трюме места больше, чем он будет занимать в гробу». Он и не занимал.

Плавающий гробик под тропическим солнцем сильно нагревался. Воды и пищи было очень мало — их тоже экономили изо всех сил. Из трюма для справления нужды рабов не выводили. По утрам, когда на корабле открывали люки, из трюма поднималось зловонное облако. Оно висело над судном, пока ветер не относил марево.

Невольничий корабль в открытом море определяли по исходящему от него зловонию и по надстроенному укрепленному мостику — для того чтобы было где отсидеться и отстреляться в случае бунта рабов.

В Америке рабов сначала подкармливали, лечили, а потом уже продавали. Впрочем, бережливые покупатели старались приобрести товар «посвежее» — стоимость раба зависела от того, как долго он отдыхал после «путешествия».

В Африке же тем временем шла полномасштабная охота. Европейцы подкупали вождей, чтобы они продавали своих подданных или устраивали войны, захватывая подданных своих соседей.

По самым оптимистическим данным, на каждого захваченного и доставленного к западному побережью Африки раба приходилось еще 4–5 убитых, умерших в дороге, искалеченных и заболевших.

Страшные цифры. По мнению ряда африканских ученых, «черный континент» потерял не менее 100 миллионов человек.

Зато какие деньги «крутились» в этом бизнесе! Сотни, если не тысячи

кораблей специализировались на торговле, как говорил бизнесмен Негоро из «Пятнадцатилетнего капитана», «черным деревом». Успешнее всех были англичане, они вывезли в 4 раза больше рабов, чем все остальные страны вместе взятые.

Работоторговлю начали запрещать только в XIX веке, и инициатором этого запрета стала... Россия! Рассуждая о «рабском» характере русских, об их привычке к жестокости и самым страшным формам подавления человеческого достоинства, европейцы как-то плохо помнят об этом.

Жаль... Не лишним им будет напомнить.

Именно русские на Венском конгрессе 1815 года, где решалась судьба Европы после разгрома Наполеона, подняли вопрос о работоторговле. Не так уж много они видели и знали о ней, — разве что во время международных экспедиций могли наблюдать корабли работоторговцев, да труд невольников на плантациях. Но, видимо, эти сцены произвели на наших предков сильное впечатление.

Головы русского нобилитета оказались как-то сразу... чище что ли... При всех малоприятностях отечественного крепостничества, отметим, что никаких расистских «теорий» европейского образца на Руси никогда не было. Эфиоп Абрам Абрамыч Ганнибал был, конечно, диковинкой и вызывал в России любопытство. Но отметим — вообще-то он стал сразу дворянином, и на любую ухмылку в свой адрес мог тут же ответить шпагой. Гарде! Что, кстати, иногда и делал. Правда, почему-то в основном во время поездок в Европу.

Теперь представим зеркальную картинку. Начало XVIII века.

В Париж из городишки Уошингтона прибывает наследный принц десятой руки низложенного эфиопского князька, проданный в рабство и многократно перепроданный после по имени, например, дядюшка Том. Он приезжает... на учебу. Ибо был дома выкуплен, возведен в звание виконта и ныне зовется, скажем, Абрахам Хэннибал.

Вернувшись к проклятым колонизаторам-работоторговцам в Новый Амстердам (или уже Нью-Йорк?), роднится со старинным английским родом Байронов... Лорд Байрон — его внук... Забавно? Итак, в 1814 году Парижский мирный договор ограничивает торговлю рабами. Заметьте — не рабовладение, только охоту на рабов. Декларация о запрещении торговли рабами приложена к Генеральному акту Венского конгресса 1815 года.

С самого начала было очевидно, что купцы, в первую очередь английские, будут игнорировать и обходить международные постановления. Россия предложила создать международную морскую полицию. Это предложение было отклонено Ахенским конгрессом 1818

года. Из чего уже видно — европейцы не собирались принимать против торговли рабами реальные меры и тратить на их осуществление силы и деньги.

Корабли русского флота несли боевую вахту в Атлантике, перехватывали суда работорговцев. А те выбрасывали за борт свой «товар», чтобы не платить крупных штрафов. Приятно думать, что некоторые русские капитаны по кодексу дворянской чести считали работорговцев пиратами, и если ловили их, тут же вешали на реях.

Вот только русских сторожевых кораблей было мало, а могучая морская держава Британия своих судов не присылала: не считала нужным заниматься такой «чепухой». Ну вот и попробуйте понять логику обвинений России в жестокости, рабском характере народа, в пренебрежении международными договорами и еще много в чем.

С работорговлей в конце концов покончили, но намного позже, чем в России с крепостным правом. Торговать рабами, перевозя их через океан, перестали после подписания Договора Англии и США от 7 апреля 1862 года. Уже тогда говорили, что английские купцы не остались внакладе: заранее вложились в рабов на Юге США... Ввозить новых перестали, оставшиеся резко повысились в цене. А что? Какая-никакая, а коммерция.

Окончательно пресекли торговлю людьми только в 1890 году, когда Брюссельский противоневольничий акт подписали более 20 стран в Европе, Азии и Африке. К тому времени и в США, и в Бразилии, и в Перу рабов уже освободили, хотя бы формально.

«Венский конгресс». Гравюра Ж. Годфруа по рисунку Ж. Б. Изабе.

Венский конгресс 1815 г., как полагают некоторые историки, — пик мирового величия Российской империи.

Нигде и никогда русские не вели «черной войны» на тотальное уничтожение местного населения и не... ели трупы своих жертв, считая их животными. Да, есть свидетельства, что поселенцы на острове Тасмания к югу от Австралии иногда ели убитых аборигенов. До такой степени не считали их человеческими существами.

Писатель Алан Маршалл описывает, как сказал одному австралийскому поселенцу, что хочет достать для этнографических опытов несколько черепов коренных жителей Австралии. Тот кивнул, и вскоре Маршалл с ужасом увидел, что его гостеприимный хозяин седлает коня, к седлу которого приторочена длинноствольная винтовка.

«— Вы куда?!

— Сами же говорили, что вам нужны черепа... За черепами».

Алан Маршалл с трудом уговорил поселенца не убивать аборигенов. А дело было уже в 1944 году.

Ни одно даже самое «отсталое» племя, оказавшееся на нашей территории, не прекратило своего существования. Более того, достаточно посмотреть на цифры, свидетельствующие о численности всех племен, всех «малых народов» России, чтобы увидеть — количество их постоянно росло.

В царской России о малых народах, как ни странно, заботились. Правительство запрещало ввозить на их территорию спирт. Оно аннулировало все сделки, которые заключал инородец под влиянием выпивки.

Губернатор Енисейского края Крафт (кстати, поляк с примесью немецкой крови) в 1904 году неофициально советовал полиции стрелять на поражение, если увидят в тайге спиртоноса. Вот в США продажа водки индейцам была делом обычным и воспринималась как нормальнейшая сфера бизнеса.

Восстание сипаев и судьба Шамиля

Крупнейшее военное восстание в истории Британских вооруженных сил (1857–1858 гг.) так и называется — восстание сипаев.

Сипай — это туземный солдат британских колониальных войск в Индии. Восстали те, кого британцы сами вооружили и обучили на свою голову. Любопытен факт, послуживший поводом, искрой для бунта. Накануне восстания в сипайские части поступили новые капсульные ружья, для смазки которых использовался животный жир. При этом самым ужасным для сипаев было то, что приходилось перед зарядкой надкусывать патрон, также смазанный этим жиром. Всем известно, корова — священное животное в индуизме. Использовать мясо и жир коровы в пищу — страшный грех.

Более того, так как в состав смазки входил еще и свиной жир, то в негодование приходили также и сипай-мусульмане. Свинья — грязное животное, и прикоснувшийся к нему будет осквернен.

Таким удивительным образом служащие «вперемешку» в туземных частях индийцы-индуисты и индийцы-мусульмане оказались по одну сторону баррикады. Недовольство нарастало, но военная британская администрация упрямо игнорировала надвигающуюся опасность. Сипай истолковали непреклонность англичан однозначно: их религиозные чувства сознательно унижаются высокомерными белыми.

Естественно, это было лишь поводом. Причины следует искать глубже, во всей истории британского покорения Индии.

Восстали индусы, которых «однополчане» и «соратники» много лет обкрадывали, оскорбляли, унижали, поносили, презирали. Сипай были жестоки с британцами, в том числе с женщинами и детьми — это факт. Но как назвать поведение британской армии и ее командования, которые давили слонами целые деревни, официально провозгласив тактику массового террора, а вождей пленных сипаев, сдавшихся под честное слово британского вице-короля Индии, расстреляли, привязав спиной к стволам пушек.

Этот способ казни был откровенно направлен на религиозное унижение индусов. Ведь по индусским представлениям, душа умершего продолжает жить в другом образе.

Сразу поясню максимально популярно эту религиозную философию словами из шуточной песни Владимира Высоцкого:

Кто верит в Магомета, кто — в Аллаха, кто — в Иисуса,
Кто ни во что не верит, даже в черта, назло всем.
Хорошую религию придумали индусы:
Что мы, отдав концы, не умираем насовсем.

Далее следуют яркие «жизненные примеры», демонстрирующие преимущества индуско-буддистских философских воззрений на реинкарнацию.

Ну вот, кажется, и с индуской концепцией переселения душ все предельно понятно... Ну а если серьезно, то пусть позволит мне читатель сделать маленькое отступление.

Сегодня, когда я пишу эти строки, внося «последнюю авторскую правку», В. С. Высоцкому исполнилось бы 70 лет. Такое ощущение, что его нет уже целый век. Он даже не из прошлой, а из какой-то совсем позапрошлой жизни. И тем удивительнее, что многие стихи, песни и образы его по-прежнему кажутся нам, как ни банально это звучит, злободневными. Любопытно, переселилась ли в кого-то душа Владимира Семеновича? Но еще интереснее другое: а что бы делал Высоцкий сегодня, если бы был жив? 70 лет — активный возраст для творческого человека. О чем бы пел? К чему призывал? Может, решительно пошел бы в политику, как гениально снимавший его режиссер Говорухин, как воспетый им шахматный чемпион Анатолий Карпов или пришедший на смену Карпову вскоре после смерти Высоцкого молодой Гарри Каспаров? Стал бы надломленным демократом и правдоискателем, как Сахаров или Ковалев? Написал бы гимн партии «Единая Россия», как Олег Газманов? Ушел бы в частную жизнь, дайвинг и кулинарию, как умница Макаревич? А может — в буддизм и эзотерику, как «БоГ» Гребенщиков? Рубил бы попросту «бабло» на корпоративах и днях рождениях олигархов как почти все «пАпулярные исполнители»? Или диссидентствовал с фигой в кармане как искренний Юрий Шевчук? Кто знает...

Главное условие бессмертия души — погребение тела (или праха, поэтому «правильное» сожжение тоже подходит) в «целостном» виде, в одном месте.

Картина Василия Верещагина «Подавление индийского восстания англичанами» широко известна в России. Она была выставлена в Лондоне в 1887 году и вызвала бешеные протесты «демократической британской общественности», газетные баталии и чуть ли не судебный процесс. Что характерно — никто не отрицал самого факта, отраженного в мрачной

картине. Не было и обещанного суда, были только угрозы.

Тогда законопослушные, цивилизованные британцы... украли картину. Картина В. В. Верещагина бесследно исчезла, и где находится подлинник, до сих пор не известно. Хорошо, что копий сделано было много, и картина осталась в числе известнейших полотен Верещагина. Право же, она того заслуживает.

Сипаев казнили в 1858 году. Казнили не просто туземцев, а однополчан, недавних военнослужащих Британской империи, которых сами же вооружали и тренировали, вместе с которыми воевали в Китае, в Бирме, в Афганистане и в Крыму против России.

В. Верещагин «Подавление индийского восстания англичанами».

Англичане подвергли вождей восставших сипаев столь необычному виду казни совершенно сознательно. Ведь по представлениям индусов, «разорванные в клочья» (буквально!) плоть и душа уже не могут возродиться к новой жизни.

Почти одновременно, в 1859 году, русские войска взяли столицу Шамиля Гуниб, а сам Шамиль сдался в плен. Чеченцы не были подданными Российской империи, а были завоеванным народом. Тем более не были военнослужащими России. И тем не менее ни штурм Гуниба, ни оккупация Чечни не повлекли за собой подобных жестокостей. Если упомянуть о слове, данном иноверцу и инородцу, то у Толстого в его «Хаджи-Мурате» получается так, что именно из-за нарушения... вернее, из-за невозможности россиян выполнить данные ими обещания и погибает Хаджи-Мурат. И выглядит он намного симпатичнее, привлекательнее тех, кто его «подставил». Боевой офицер граф Толстой, воевавший с чеченцами, относится к ним очень уважительно, признает их честь и достоинство.

Имам Шамиль.

Шамиля не убили ракетой, не отравили суши и не взорвали в машине. Сдавшись в русский плен, он мирно доживал свой век в доме в Калуге в окружении своих родных. Государь разрешил ему совершить хадж. Шамиль умер по дороге в Мекку.

Захватив Чечню, Российская империя запретила набеги, торговлю рабами и кровную месть. Но этим ограничивалось ее вмешательство в жизнь завоеванного народа. Победитель не мстил. Более того, Россия давала полную возможность «встроиться» в жизнь империи: служить в ее армии, например. Чеченец пользовался теми же правами, что и любой другой подданный. Он мог поселиться в Петербурге, учить детей в тех же гимназиях, что и русские, армяне или казанские татары. На общих основаниях он мог поехать за границу, получив российский паспорт, заниматься бизнесом, копить богатства, делать карьеру. У Толстого нет идеализации Кавказа, есть спокойное принятие действительности такой, какая она есть. Пушкин говорил о «силе вещей».

В «силу вещей» Кавказ должен был войти в состав Российской империи. Но от этого народы Кавказа не становятся хуже или лучше.

И с бунтовщиком, идущим против «силы вещей», надо поступать по справедливости: нужно помнить, что он прежде всего человеческое

существо. Взяв Шамиля в плен, его поселили вместе с семьей в Калуге, где он прожил до 1870 года. В Калуге Шамиль вел весьма светскую жизнь. К нему легко можно было прийти в гости. Шамиль хорошо говорил по-русски, и быстро стал местной знаменитостью. Власти следили, чтобы Шамиль не сбежал, но никому не приходило в голову унижить его, оскорбить, тем более — казнить за ведение войны против России. Более того, в распоряжении Шамиля была свита, слуги.

В 1870 году Шамиль решил совершить священный хадж мусульманина в Мекку. Российская империя выпустила своего страшнейшего врага. Выпустила вполне официально, с соблюдением всех нужных форм и заполнением бюрократических документов. На том же основании что и любого подданного Российской империи мусульманского вероисповедания. Он, собственно, и умер во время этого хаджа, в марте 1871 года. Умер вовсе не от руки тайного агента III отделения, а мирно, от старости. Прах его покоится в священных для мусульманина местах, и пусть покоится там в мире до скончания времен.

Кстати, вот любопытнейший документ, вышедший из недр того самого «великого и ужасного» III отделения. Выдержка из правил обращения с горскими мусульманами на воинской службе, подписанных шефом корпуса жандармов Бенкендорфом (цитирую по книге П. Мультиатули «Николай II. Выбор России»): *«Не давать свинины и ветчины... Маршировке не учить... Телесным наказаниям не подвергать. Наказывать только при посредничестве прапорщика Туганова, которому лучше известно, с каким народом как обращаться. (Видимо, инструкция касалась только горцев, служивших в личной гвардии императора. И кто такой был прапорщик Туганов? — В. М.). Эфендию разрешить посещать горцев, когда он пожелает... Чтобы во время молитвы горцев, дворяне им не мешали... Наблюдать, чтобы не только учителя, но и дворяне насчет веры горцев ничего худого не говорили и не советовали переменить ее...»*

Национальность? Не имеет значения

Среднестатистические британцы всегда были немного расистами.

Такими милыми и незлобными (в мирное время) расистами.

Покорение мира — тяжелый, изнурительный труд. Нелегко нести «бремя белого человека» (говоря словами гениального пиита британской колонизаторской экспансии Редьярда Киплинга) в нецивилизованный мир. Жизнь вносила свои коррективы, и в современной Индии живут несколько миллионов «англо-индийцев» — потомков законных и незаконных браков англичан и шотландцев с индусскими женщинами.

До середины XX века англо-индус оставался человеком второго сорта. Такое отношение почувствовал на своей шкуре даже такой талантливый и по заслугам известный человек, как Джордж Оруэлл, автор переведенных на многие языки книг-антиутопий «1984» и «Скотный двор».

В России никогда не было ничего подобного. В Московии главным «фактором успеха» являлось вероисповедание. Важно было быть православным, а к какой этнической группе ты относишься, не имело совершенно никакого значения. Например, крещеный татарин мог достигнуть любых карьерных высот. Борис Годунов, татарский царевич на русском престоле, вызывал разного рода сомнения потому, что его сильно подозревали в убийстве сына Ивана Грозного царевича Дмитрия.

Но будь он немного поудачливее, сумеет утвердиться на троне и провести свои реформы, возможно, сегодня мы бы воспринимали его так же, как многие — Петра Великого. Но никогда и ни в каких слоях общества к нему не относились предвзято из-за его татарских корней. Да и вообще чуть ли не треть русской аристократии была татарского происхождения. В том числе великий историк Карамзин... Кара-Мурза, «черный князь», если угодно.

Не меньше русской элиты вышло из Великого княжества Литовского и Русского, а большинство этих выходцев были если и не стопроцентными поляками, то с нешуточной примесью польской крови. Что не помешало князьям Голицыным, Глинским и Чарторыйским встать у русского престола, потеснив великорусскую знать.

Не забудем, что и сама царская династия была не «чисто русская» по крови.

Все последующие поколения императоров и самодержцев всероссийских женились строго на немецких княжнах. И становились все

менее русскими, «онемечивались». Со временем на престоле сидели практически чистокровные немцы. Однако это им не мешало быть русскими царями, а русскому народу не мешало принимать их именно в этом качестве.

Русская аристократия?.. Маркиз де Кюстин описал прелюбопытнейший эпизод...

На придворном балу, когда маркиз рассматривал гостей, к нему подошел император Николай I.

«— Вы думаете, что все это — русские?»

— Конечно, Ваше Величество...

— А вот и нет! Это — татарин. Это — немец. Это — поляк. Это — грузин, а вон там стоят еврей и молдаванин.

— Но тогда кто же здесь русские, Ваше Величество?!

— А вот все вместе они русские!»

Какие бы страны ни входили в Российскую империю, их население сразу же наделялось всеми правами подданных России.

О татарах и поляках уже говорилось. Стоило Армении и Грузии войти в состав России, их крестьяне получили права русских крестьян, а горожане вливались в мещанство и купечество на самых общих основаниях. Дворянство тоже получило те же привилегии, что и русское дворянство.

Багратион, соратник Суворова и Кутузова, павший на Бородинском поле, — из грузинского рода князей Багратиони. Виднейший придворный деятель времени правления Александра II и Александра III Лорис-Меликов — армянин. Покоритель Средней Азии и завоеватель Ташкента первый генерал-губернатор Туркестана, генерал фон Кауфман — из обрусевшего австрийского рода.

Неизвестный художник «П. И. Багратион».

Герой, красавец, «наш ответ Мюрату». Бессмертный символ русско-грузинского союза и дружбы народов.

Да, главой правительства был граф Лорис-Меликов — армянин, туземец. В Российской империи — так же как и в Османской, кстати, — понятие «национальность» не учитывалось в принципе, она считалась чем-то дополнительными, в паспорте не проставлялась. Базовое различие проводилось по вероисповеданию — если ты православный, то какая разница — армянин ты, еврей... Более того, добавлю, что некоренные народы российской империи зачастую имели льготное положение. Не только финны не призывались в армию, но и большая часть мусульманских народов. Крестьяне в Грузии — была такая странная привилегия, тянувшаяся неизвестно с каких времен — были вообще освобождены от уплаты налогов. При том, что государственной религией было православие, это не препятствовало существованию в России католических костелов, протестантских церквей, мусульманских мечетей и так далее. Достаточно пройти по Невскому, чтобы увидеть храмы всех конфессий. С горцами Северного Кавказа и народами Средней Азии получилось еще более интересно: у них права дворянства получила вся местная знать. А князем у горцев мог считаться уже тот, у кого было небольшое стадо. У туркмен в

«знать» входили все воины.

Все, кто хоть раз участвовал в военном походе, то есть треть мужского населения. И всем дали права дворян Российской империи! Своего рода дискриминация русских — у нас-то для получения дворянства предстояло очень и очень потрудиться. Калмыки, башкиры, татары были внесены в реестр казачьих войск. Государство одаривало их наделами, гарантировало им права на землю и пастбища. Для инородцев не было ограничений при поступлении в гимназии, кадетские корпуса.

Существовали даже квоты «наоборот» — т. е. привилегии в образовании получали «новопринятые» в состав империи туземцы.

Польские земли с 1815 и до 1914 года поделены между Австрией, Пруссией и Россией. Восстания против Пруссии практически никогда и не прекращались: прусское правительство методично заселяло польские земли немцами. Против Австрии бунтовали дважды — в 1846 и 1848 годах.

Против России поляки, правда, тоже восставали, при том, что царская политика России в Польше была гораздо либеральнее, чем австрийская и немецкая.

В самой Польше поляк мог делать какую угодно карьеру, владея только польским языком. Но если он владел русским, то мог стать крупным чиновником и в Петербурге. Приводить примеры поляков-генералов, генерал-губернаторов, ученых и чиновников можно долго... Прозвучат сотни, тысячи имен, включая Пржевальского, Достоевского, Войцеховского, Чарторыйского, Горбовского, Ягужинского, Семевского, Крафта, Василевского, Коханьского, Потемкина, Дубенского, Тухачевского, Глинку... Нет, всех невозможно перечислить.

Однако во многих польских книгах по истории, даже в учебниках, восстания антироссийские, антиавстрийские и антинемецкие почему-то объясняются по-разному. Несмотря на то что масштаб событий примерно одинаков — убитых поляков около 10 тысяч в 1830–1831 годах и около 12 тысяч в 1846 году. Но восстание 1830–1831 годов назвали русско-польской войной, в которой бунт «хороших» поляков был подавлен «плохими» русскими. Восстание же поляков против австрийцев в 1846 году — мелкий конфликт между почти родными людьми — европейцами. Ну что-то не до конца поняли и те, и другие. Бывает...

Ведущий специалист по истории России профессор Лондонской школы экономики Доминик Ливен — один из немногих на Западе, для кого научная истина весит больше, чем пропагандистские клише. Вот его трезвый взгляд. *«В то время империи были единственным способом существования великих держав. Представление о том, что, если бы*

Россия в XIX веке вдруг решила оставить свои балтийские или польские владения, она бы превратилась в прекрасную небольшую демократию, совершенно неверно. Если бы это произошло, то Россией управлял бы кто-нибудь другой — это ведь был век империализма. В XIX веке не было другой альтернативы, кроме как поддерживать геополитически мощную империю».

В 1846 году Краковское восстание поляков не было поддержано местным крестьянством: большинство помещиков в Галиции были поляки, а крестьяне в основном — русины (украинцы). Простые крестьяне не хотели никакой независимой Польши — для них было слишком очевидно, какая судьба их ждет в новом национальном государстве. Нет уж, рассуждали они, лучше пусть далекая власть в Вене (к тому же правительство Австрийской империи уже формально отменило крепостное право), чем местные польские магнаты, которые того и гляди восстановят крепостничество.

Что ж, украинцы имели основания подозревать, что в мононациональном польском государстве их положение станет намного хуже, чем в многоплеменной Австрийской империи. И они оказались правы! Польша в 1918–39 годах действительно установила режим угнетения православных, намного более жесткий, чем ранее — австрийцы...

И в 1830–31 годах, и в 1863 году поляки восставали, требуя не просто, как представляется сегодня, — независимости старопольских земель вокруг Варшавы и Кракова. Нет! На самом деле они требовали вернуть им Речь Посполитую, то есть исконные украинские и белорусские земли. Они хотели освободиться от власти Австрийской, Прусской и Российской империй, но для чего? Чтобы тут же создать свою собственную! Венгерские повстанцы 1848–49 годов отчаянно воюют за свое национальное государство. Но они же борются и против попыток самоопределения словаков, сербов и чехов.

Временное правительство Венгрии во главе со знаменитым революционером-журналистом Лайошем Кошутом объявляет австрийского императора низложенным как «короля Венгрии» и самовольно определяет границы будущего венгерского государства.

Включая — и примыкающие славянские земли! Но славяне не хотят жить в «новом» венгерском государстве.

И тут же вновь созданное революционно-демократическое венгерское правительство поднимает войска и артиллерию. Деревни словаков и сербов разоряются и сжигаются дотла. Были случаи, когда людей расстреливали за

незнание венгерского языка или отказ пропеть строки венгерского гимна.

Все эти примеры доказывают: Российская империя создавалась на совершенно иных принципах, чем европейские колониальные империи. У нас просто нет другого русского термина для определения нашего исторически сложившегося многонационального государства... Предки с легкой руки Петра Алексеевича Романова называли его империей. Современные ученые иногда пытаются придать статус научного термина слову «держава» или «общность», чтобы на уровне названий отделить такие разные по сути государственные образования. Но пока никакой другой термин не прижился, не стал общепринятым. Однако будем иметь в виду, что по сути — это ***совершенно разные империи.***

Как татары Казань брали

Во времена Московского царства взятие Казани было для русских Богом данным, давно желанным событием. День взятия Казани сделался религиозным праздником. В этот день московский царь вступил в Москву «на осляти», уподобляясь Христу, въезжающему в Иерусалим.

В имперскую эпоху присоединение Казанского ханства трактовали более корректно и с позиций светской науки. Русские за два века сделали и поспокойнее, не стремясь любой ценой подчеркнуть свою религиозную правоту, да и поцивилизованнее.

Настало время более объективного осмысления событий. В «Истории государства Российского» Карамзина нашлось место и для самокритики: для описания резни, учиненной стрельцами во взятой Казани.

Ну а в первый период советской власти изучающим историю студентам и рабфаковцам полагалось считать, что до социалистической революции 1917 года русские были по сути такими же колонизаторами, как британцы в Индии.

Я уже писал, что до конца 1930-х годов даже само слово «Русь» считалось в определенной мере... как бы помягче сказать... контрреволюционным. *«До революции преобладало плодотворное объединяющее представление о русских как единой русской нации, — пишет Владимир Лавров в книге „Ленин. Выбор России“.* — *Однако Ленин, его последователи из ненависти к единой великой России разделили единую нацию, переименовали великороссов в русских, запретили употреблять имя Великороссия и даже употребление имени Россия долго не приветствовалось».* Уделять «слишком» много внимания русской истории, языку, культуре, вообще всему русскому было чем-то очень подозрительным. Русский народ ведь, «как известно», был народом-завоевателем и нещадно эксплуатировал другие, завоеванные им народы.

В книгах, издававшихся в то время, обязательно подчеркивалось: «завоеванные» народы и народности были, как правило, «хорошие», а русские колонизаторы — «плохие». Даже местные национальные элиты, султаны, ханы, эмиры и их придворные, совершеннейшие тираны по отношению к подвластным им народам, превращались раннебольшевистскими историками и публицистами чуть ли не в народных мстителей и заступников.

В книге академика А. П. Окладникова, посвященной присоединению

Бурятии к России, живописуются зверства русских «карателей и колонизаторов». У него однозначно буряты — хорошие, а завоевавшие их казаки — преступники и убийцы. То же самое в книгах того времени — о присоединении Грузии, Средней Азии или Северного Кавказа.

О завоевании Казанского ханства писали примерно в таком же стиле. Например, так расставляет нравственные оценки историк М. Худяков, в книге которого русские из войска царя Грозного изображены кровавыми мясниками, перед которыми бледнеют отборные эсэсовцы. А противостоявшие им казанцы выглядят благородными борцами за независимость.

Но если до середины 1930-х годов «русский имперский колониализм» рассматривался в советской историографии как абсолютное зло, то затем он уже превращался в зло относительное.

При Сталине полагалось отмечать и положительные стороны присоединения народов и стран к Российской империи (говорилось, разумеется, — «к России»).

В 80–90-е годы XX века, в эпоху «парада суверенитетов» и «распада советской империи» многие вернулись к позиции Худякова и Окладникова образца ранних 1930-х годов.

Татарские националисты до сих пор цитируют эти книги.

Они и до 1985 года говорили о «тюрьме народов», но тогда еще применительно к царской России. Теперь объявили «тюрьмой народов» и СССР, закрывая глаза на многочисленные блага, которые принесла Советская власть «инородцам».

Но поскольку Ленин из моды вышел, ссылаться на него перестали.

Реалии же говорят вот о чем: во-первых, не было в XVI веке никакого такого народа — казанские татары. Была казанская империя. Самая настоящая империя, осколок Золотой Орды.

Правили в ней ханы-чингизиды, родственники ханов Средней Азии и Сибири. Примерно 10–15 % их подданных называли себя татарами и считались в этом государстве завоевателями. А народы Поволжья: тюркоязычные башкиры, чуваша и ногайцы и финно-угры: мордва, марийцы — были вассалами татарских ханов.

Не успела пасть Казань, как под данные ее империи добровольно присоединились к Московскому княжеству, присягнули на верность «белому царю».

В 1555 году в Москву прибыли послы от сибирского царя Едигера и обратились к Иоанну IV Грозному с поклоном и добровольным признанием своего вассалитета: «Возьми, Царь, всю Сибирь под свою руку».

Царь, разумеется, согласился и отправил в Сибирь своего посла и сборщика дани Дмитрия Курова. Таким образом и сибирские народы (не только сибирские татары, но и ханты, манси и другие народности Севера) также добровольно вошли в состав русского государства.

Правда, там властвовали и антирусски настроенные местные князьки, среди которых — некий хан Кучум. Только о нем единственном сегодня и вспоминают школьные учебники, когда говорят о приходе русских в Сибирь.

Но Кучум — отнюдь не воплощение духа сибирских народов.

Он вообще никакой не сибиряк.

Хан Кучум — царевич из рода среднеазиатских ханов, «ставленник» узбеков и казахов. В 1563 году Кучум убил законного царя, потомка исконно сибирской династии местных правителей, Едигера (того самого, который ранее добровольно признал себя вассалом Москвы). После этого Кучум разорвал отношения с Москвой и стал совершать набеги на русские земли (Пермский край). Только после этого против него и поднялись русские казаки.

Борьба с Кучумом — это не борьба Москвы с Сибирским царством. Это борьба центрального правительства уже возникшего единого русско-татарского государства против узурпатора трона одной из его провинций.

Борьба метрополии с сепаратистом.

При этом антирусской политикой Кучума в самой Сибири многие были недовольны. Так, он преследовал народы ханты и манси за их лояльность Москве. В русском войске, разгромившем Кучума, были также и татары. Треть населения государства Кучума были русские. Большая часть из них поддерживала законных ханов и вместе с ними — Москву.

Многие исследователи уверены: когда с отрядом из 500 казаков Ермак в 1582–85 годах совершил поход против Кучума, эта операция была инициирована в самой Сибири сторонниками объединения с Московским царством. Вполне нормальное объяснение той взаимной приязни, которую испытывали друг к другу «завоеватели» и местные жители. Становятся понятны и те почести, с которыми коренные обитатели Сибири похоронили погибшего Ермака, и местная мифологизация его личности, сопоставимая с Ильей Муромцем.

Самое любопытное заключается в том, что и у Казанского царства была реальная возможность добровольно войти в состав Московского царства, потому что среди казанских татар было немало сторонников Москвы. О наличии мощной прорусской партии в Казани не упоминают ни зарубежные историки, ни современные татарские шовинисты. Даже в

России, похоже, далеко не все историки знают об этом.

А история любопытная. За несколько лет до завоевания Казани был разработан проект ее мирного присоединения к Москве. Планировалось сохранить полную свободу вероисповедания, оставить местную мусульманскую администрацию, приравнять татарское дворянство к русскому с подтверждением всех прав его состояния. Этот проект был чрезвычайно близок к осуществлению.

Формально он даже осуществился: в 1551 году в Казани состоялся курултай, где большинство высказалось за договор с Москвой. Казань обязалась освободить всех христиан, обращенных в рабство, было создано казанское правительство во главе с огланом Худай Кулом. (В Казанском ханстве было не менее 100 тысяч русских рабов. Это при общей численности населения ханства не более 1 миллиона человек). Это правительство приняло присягу верности русскому наместнику Микулинскому и фактически объявило о мирном вхождении казанских татар в состав русского государства.

Однако в последний момент, когда Микулинский должен был торжественно въехать в Казань, там произошел новый переворот, на этот раз антирусский. Возглавлял его некий протурецки настроенный князь. Заговорщики обманом настроили казанцев против русских, заявив, что стрельцы, войдя в город, собираются устроить резню. На самом деле к Казани двигалась мирная делегация, с участием московских «дипломатических представителей» и непосредственно с главой правительства Худай Кулом.

В результате 180 русских стрельцов, которые уже находились в городе, были самым вероломным образом, в лучших традициях проходящей «параллельно в Европе» французской Варфоломеевской ночи, зверски убиты. Это и стало впоследствии причиной жестокостей московского стрелецкого войска при взятии Казани.

Такое предательство поставило крест на возможности мирного развития событий. Более того, это сослужило плохую службу самим казанцам, поскольку заставило промосковски настроенных татарских аристократов открыто примкнуть к московскому войску, в котором и без того уже были и касимовские татары, и чуваша, и марийцы. Некоторые татары, хотя и не вступали в армию Грозного открыто, проигнорировали призыв Казани к антирусской борьбе, поскольку считали занявшего казанский престол хана Ядигера не законным владыкой, а попросту — «турецким наймитом».

Все это говорит об одном: наивно и неисторично видеть во взятии

Казани и завоевании Казанского ханства войну двух народов: татар и русских. Это глубоко неверный, более того — с учетом современных русско-татарских отношений и многовековых братских связей — глупый, вредительский подход.

Кто же брал штурмом Казань в составе войска московского царя Ивана Грозного? Московиты? Казаки? Как бы не так! Это было многонациональное войско, по составу — практически Красная Армия в 1941 году. Итак, сухая статистика.

В штурме Казани в 1552 году участвовали русские (до 50 тыс.), касимовские татары (30 тыс.), астраханские татары (20 тыс.), московские, нижегородские и казанские татары (10 тыс.), 3 тысячи ногайцев, 5 тысяч мещеряков, 4 тысячи чувашей, от 7 до 10 тысяч мордвинов, 10 тысяч черкесов, 10 тысяч черемисов и вотяков.

Получается — нерусские формирования в войске Ивана Грозного составляли 60 % от общего числа. Кроме того, было немало и европейских офицеров и «военспецов», наемников-немцев, поляков, голландцев и англичан. Татар в войсках Ивана было вообще больше, чем собственно русских.

Со стороны казанцев же была следующая картина: от 30 до 35 тысяч казанских татар, около 3 тысяч ногайцев, 10 тысяч астраханцев, от 10 до 15 тысяч черемисов и вотяков, 1 тысяча турок, 1 тысяча русских. То есть против 40–45 тысяч татар из разных царств, оборонявших Казань, было более 50 тысяч татар на стороне московского войска.

И какова судьба Казани после ее поражения? Ничего похожего на колониальную политику Запада. После войны в Казанский край была назначена русская администрация. Земли протурецких мурз (князей) розданы русским поселенцам, но сами мурзы не были казнены, а со своими семьями и дружинами пленены и увезены в Московию, где и ассимилировались.

Я не в силах представить себе индусскую знать или, еще ярче, — вождей племен гуронов, апачей и могижан в Америке, которых, лишив наследственных земель, вывозят в Британию, чтобы они мирно смешались там с англичанами.

А судьба тех мурз, которые сознательно поддерживали русскую линию, была намного благоприятнее. Фактически они были приравнены к русским аристократам. Их вероисповедные права также были сохранены.

Первоначально татарам-мусульманам в городе жить запрещалось. Но разрешалось в слободах. К концу XVIII века слободы казанских татар слились с городом. Их жители стали центральным ядром возникающей

татарской народности и нации.

Казань сделалась центром огромной территории, столицей восточной части России. Под властью приказа Казанского дворца, учрежденного в Москве после завоевания, находился весь обширный край, начиная с северного Кавказа и кончая Пермью и Башкирией.

«Завоевание» Казани или Астрахани, «покорение» Сибири и других земель Москвой — это действия того же ряда, что и «завоевание» французским королем Бургундии и Анжу. Или завоевание Англией Уэльса. Мадридом — Малаги и Севильи.

Но это никак не покорение англичанами Индии, французами — Индокитая, а испанцами — государств майя и ацтеков.

Как казаки в Индию ходили

О русском завоевании Индии... История Российской империи знает два похода на Индию. Первый — это посылка казаков Павлом I, когда он собирался заключить союз с Наполеоном. До Индии они, правда, не дошли, вернулись обратно.

Второй поход — это 1878 год. Идут переговоры об итогах очередной русско-турецкой войны. Англия страшно давит на нас, заставляя отказаться от всех завоеваний русской армии под командованием «Белого генерала» Скобелева, столь живописно представленных в «Турецком гамбите» Б. Акунина. Тогда для того, чтобы пощекотать Британию, принимается лихое решение направить из туркестанского военного округа полк оренбургских казаков и еще один пехотный полк для ведения военных действий в Индии.

Полки экипируются, солдатам выдается по две пары запасных сапог — как остроумно сказал Леонид Парфенов в блестящем фильме «Триста лет Российской империи», «чтобы было что мыть в Индийском океане».

И марш-марш вперед — дан приказ ему на Дели.

Полки выступают. Не надо думать, что этих сил мало. В Индии очень небольшие гарнизоны регулярных британских войск. Основные военные силы в Индии — это сипаи, а они-то как раз никакой опасности не представляют. Два профессиональных боевых, прошедших туркестанские походы полка русских солдат и казаков — это грозная боевая сила.

К сожалению, история дальше трагическая до абсурда. Пройдя несколько десятков верст, солдаты получают приказ остановиться, затем разворачиваться. Переговоры завершены, угрожать Британии в Индии далее, как посчитали в Петербурге, нет смысла. А начинать с ней войну по-серьезному Александр не готов. И вот там на постое — то ли отравленный колодец, то ли экология, то ли злой рок — начинается эпидемия холеры, и почти все солдаты гибнут.

Наверное, не стоило останавливаться, надо было идти дальше. Возможно, экспансия Российской империи в Индии могла совсем по-другому повернуть мировую историю... Может быть, не было бы революции.

Может быть, солдаты остались бы живы. В общем, так печально закончился второй и последний поход России на Индию — точно так же, как и первый.

Мораль — никогда не надо отменять уже отданный приказ.
Будет хуже.

Рождение Новой России

XVIII век стал для Российской империи веком Причерноморья и всех земель, которые получили выразительное имя — Новороссия.

И действительно, не случайно новым территориям дали название Новой России. Не случайно это официальное название — Новороссия — было принято и в народе. Народ с огромным энтузиазмом поддерживал идею «возвращения» юга. И потому, что считал Причерноморье своим, и потому, что земледельцы буквально видеть не могли Дикого поля — колоссального пространства неосвоенной дикой степи, недоступного из-за набегов татар.

Русские действительно считали эти земли Новой Россией, естественным продолжением «старой» и дополнением к ней. В наше время название Новороссия, если и употребляется, то по отношению к территориям на Кавказском побережье Черного моря, в основном благодаря городу Новороссийску.

А до 1917 года слово «Новороссия» применялось ко всем территориям, приобретенным в конце XVIII века. В XIX веке университет в Одессе так и называли — Новороссийский.

Кстати, это название хоть и созвучно Новой Англии в Северной Америке или Новому Южному Уэльсу в Австралии, но имеет совсем другой смысл. Правильнее всего было бы назвать эти места Сновароссией. Но как-то неблагозвучно.

Единство Новороссии было нарушено большевиками. В марте 1918 года они подписали Брест-Литовский договор с Германской империей, согласно которому немцы имели право войти на территорию Украины.

Но что такое Украина? Националистическая Центральная Рада в Киеве, тогдашняя украинская власть захватски посчитала Причерноморье «своим». С точки зрения украинских националистов и Херсонщина, и Крым, и Донбасс — это украинские земли.

Немцы вскоре свергли Раду и поставили у власти прогермански настроенного гетмана Скоропадского, который подписал с немцами еще один договор, согласно которому они могли ввести свои войска и в Причерноморье, и в Крым, и на Донбасс.

После окончания Первой мировой немцы ушли. Но большевики по странному совпадению почему-то продолжали считать западную часть Новороссии до Крыма, а также Донбасс, т. е. бывшие русские территории,

оккупированные ранее немцами по Брест-Литовскому договору и договору Германии со Скоропадским, — как бы украинской территорией. А после Второй мировой войны Н. С. Хрущев и вовсе формально присоединил Крым к Украине. Украинским стал и город русской воинской славы — Севастополь.

Отметим ради исторической справедливости: с точки зрения и международной практики, и действовавшего на тот момент советского внутреннего законодательства «передача» Крыма и Севастополя из состава РСФСР в Украинскую ССР была произведена правительством Н. С. Хрущева юридически некорректно. Дело в том, что Конституция СССР однозначно требовала: для изменения границ союзных республик необходимо проведение референдума. Его, естественно, не было и в помине. Более того, на момент «передачи» Севастополь уже имел «особый экстерриториальный статус» как закрытый военный город и юридически не входил в состав Крымской области. Соответственно, он и не мог быть автоматически передан Украине, это требовало отдельных решений. Тогда же, в небрежной спешке, о его существовании словно «забыли», и Севастополь ни в одном из решений, связанных с передачей Крыма Украине, отдельной строкой не упоминался вообще. Конечно, глупо винить сегодня Хрущева в том, что благодаря ему Россия лишилась Крыма. Никите Сергеевичу и в кошмарном сне не приснилась бы шизофрения Беловежского соглашения декабря 1991 г. и распад СССР. На тот момент передача территории от одной союзной республики другой была для высшей партноменклатуры абсолютно формальным и символическим шагом, перекладыванием монетки из одного кармана широких штанин — в другой, не более того.

Реальная стопроцентная вина за потерю Крыма лежит исключительно на Б. Н. Ельцине и его команде, проворонившим в пьяном угаре этот вопрос при подписании преступных Беловежских соглашений. Впрочем, на фоне произошедшей тогда катастрофы со всей страной, «крымский эпизод» — так... Можно сказать, пустяки, дело житейское... Как говаривал брат-близнец Бориса Ельцина в части геополитики Иван Васильевич Бунша: «А на кой нам эта Кемска волость... Пусть забирают».

Разный Кавказ

К началу XIX века хорошо известных нам сегодня государств Грузии и Армении не существовало. Вместо Грузии были независимые Имеретинское, Кахетинское, Мингрельское царства. Все они зависели от Персии и особенно от Турции. Не говоря уж о турках, персы были народом очень воинственным. К тому же они гордились своей особой иранской чистотой крови. Само слово «Иран» — от слова «ария», то есть «чистый». Отсюда же идут арии... Как мы видим, претендентов на роль истинных арийцев немало. Помимо Шикельгрубера и писателя Сергея Алексеева к ним можно было бы с определенной натяжкой отнести и аятоллу Хомейни и нынешнего президента Ирана.

А тогда под угрозой набегов и нашествий со стороны Ирана и Турции грузинские княжества платили им дань, «советовались» в международной политике.

Больше всего сблизилась с Россией Кахетия во время правления царя Вахтанга VI. Опасаясь этого сближения, турки пошли на прямую оккупацию Кахетии и Картли. В 1724 году Вахтанг VI с большой свитой уехал из Грузии, эмигрировав в Россию. С тех пор в Москве существует большая грузинская диаспора.

Немного позже царь Ираклий II объединил Картли и Кахети, основав Восточно-грузинское царство. Он нанес несколько поражений туркам, но понимал — сохранить суверенитет своей родины не сможет. Поэтому не раз обращался к России с просьбой помочь единой стране.

Говоря откровенно, Россия не рвалась взять под свое покровительство Грузию. Если бы она стремилась только к территориальным захватам, кто помешал бы еще Елизавете ввести в Грузию русские войска? Реально Россия удовлетворила только 12-ю (!) просьбу Грузинского государства о протекторате. Ведь это Запад захватывал богатые страны и качал из них продовольствие, полезные ископаемые, накопленные исторические сокровища.

В России же знали: с бедной Грузии взять особенно нечего, а если войдем в Закавказье, придется опять воевать с Турцией. В действительности так и получилось.

Грузинские владыки хотели объединения страны и русского покровительства, спасаясь от угрозы мусульманского геноцида.

В 1795 году на территорию Грузии вторглись войска персидского шаха.

Персы сожгли Тбилиси и начали планомерную политику физического истребления грузин. За отказ переходить в ислам убивали и отказавшегося, и всю его семью. Иногда щадили детей, отдавая их на воспитание мусульманам, и молоденьких девушек, продавая их в гаремы.

Последний царь Восточно-грузинского царства Георгий XII (1798–1800) в очередной раз просил Россию принять Грузию под свой протекторат и спасти грузин. В итоге Павел I наконец принял тяжелое решение — о включении Грузии в состав России, но так и не успел его оформить. После «скоропостижной кончины от желудочных колик» отца Александр I опять задумался: а чем грозит России на Кавказе эта ситуация? Нужна ли нам Грузия? Еще полгода колебаний, размышлений, настойчивых просьб грузин защитить братьев-христиан от исламского геноцида, и наконец молодой царь решился: все же издал подготовленный еще Павлом так называемый Манифест о протекторате 12 сентября 1801 года.

Повторим: тем самым он удовлетворил 12-ю официальную просьбу Грузии такого рода.

Вскоре присягу русскому царю принес мингрельский князь.

Чуть позже присоединились Гурия и Абхазия.

Разумеется, результатом этого стали войны с Персией в 1804–13 годах и с Турцией в 1806–12 годах, вызванные собственно присоединением Грузии к России.

В обеих этих войнах принимали участие и отряды армянских добровольцев. Армения также давно уже сама (!) добивалась присоединения к России.

Средняя Азия: один против ста

Продвижение России в Среднюю Азию вызвано было примерно теми же причинами, что и стремление вернуть России Крым.

Весь XVIII век русские на юге только и отбивались от набегов работорговцев из среднеазиатских ханств и от вторжений оттуда кочевых племен.

В книге Е. К. Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару» описано, как 1834 году он добрался до Хивы и Бухары, лежащих в оазисах и отделенных от других стран поясом страшных пустынь.

В этих государствах было немало русских рабов. Впрочем, почему только русских? После взятия генералом Михаилом Скобелевым Хивы среди освобожденных русских рабов оказались люди с именами Фарид и Юсуф, пойманные детьми «где-то на Волге». *«От 500 до 600 русских томятся в рабстве: они были проданы киргизами или туркменами, захватывающими потерпевших кораблекрушение рыбаков на восточном берегу Каспийского моря, или хивинцами».*

Офицер русской службы Егор Казимирович Мейендорф пишет: *«Участь рабов в Бухаре внушает ужас... Я видел одного раба, которому его хозяин отрезал уши, проткнул руки гвоздями, облил их кипящим маслом и вырезал кожу на спине, чтобы заставить его признаться, каким путем бежал его товарищ.*

Большая часть русских невольников... содержались в заключении и работали с кандалами на ногах в продолжение нескольких недель нашего пребывания в этом городе... Я не могу описать бурного восторга десятка русских невольников, которых мы выкупили в Бухаре и во время пути».

Далее Егор Казимирович рекомендует русскому правительству действовать предельно жестко — брать заложников: *«задержать по всей империи хивинцев и бухарцев с их товарами»*, чтобы *«вернуть на родину, в круг родных, к своей вере тысячи людей, исторгнутых из пределов России».*

Этой рекомендации Петербург не принял, брать заложников было не в его правилах: хивинских и бухарских купцов не задержали. Но почему Российская империя стремилась взять контроль над гнездами работорговли, думаю, уже ясно.

При «штурме Самарканда» — писать можно только в кавычках, — одного из древнейших городов Востока, жемчужины Азии и так далее,

ставшего впоследствии самым древним городом на территории СССР, русские войска потеряли **двух человек**. Двух! Факт говорит не только о том, насколько в военно-техническом отношении современная русская армия превосходила тогдашние средневековые среднеазиатские ханства, но и о том, насколько она реально не встречала сопротивления, присоединяя к себе Туркестан.

Заняв Самарканд и потеряв двух человек, русские решили проявить максимальное миролюбие. Они преподнесли старейшинам города подарки и, оставив там символический гарнизон, по-моему, в размере полутора батальонов, **около 600 человек**, двинулись дальше.

И вот тут-то проявилось восточное коварство. Самаркандский эмир собрал огромную армию и внезапно набросился на русский гарнизон. Дальше — удивительное.

В течение нескольких дней, до подхода основных сил эти 600 человек защищали Самарканд. И выстояли, будучи атакованы со всех сторон — на чужой территории, во враждебном городе, противостоя армии численностью 65 тысяч человек.

600 против 65 тысяч.

Где фильмы об этом? Да, кстати, среди защищавших город был молодой офицер Верещагин, будущий величайший художник-баталист.

Я видел как-то франко-голливудский фильм с Жан-Клодом Ван Даммом «Легионер» про то, как солдаты Французского легиона в XIX веке в Алжире героически защищают от превосходящих сил кочевников небольшую крепость. Фильм банальный и тупой, все погибают, крепость сдается.

Остается в живых один Жан-Клод Ван Дамм. Ну, касса, Голливуд, что поделать... Как показала оборона Самарканда, один русский солдат стоил больше, чем сто. Сто никаких не кочевников, не дикарей негритянских, а сто профессиональных солдат Самаркандского эмира. Где на эту тему написанные бестселлеры? Где отснятые телесериалы? Где масштабные батальные кинофильмы? На экранизацию эпохальных битв Ночных дозоров с вампирами из Дневных, ясно дело, деньги найдутся.

На оборону Самарканда, как и еще тысячи и тысячи других ФАНТАСТИЧЕСКИХ примеров РУССКОГО ДУХА И СИЛЫ — один против ста (!) — что, у Минкульта нет средств?

Зато нашлись на совершенно безумный по идее и лживый по содержанию «фильм о Великой Отечественной войне» «Сволочи». Вопрос: кто принял решение дать на это кино

государственных (!) денег? Кто лично? Хочется плюнуть в лицо.

Не могу не сказать в этой связи о нашумевшей «Девятой роте».

В чем минус фильма Бондарчука — а он снял, и очень профессионально, неплохой по замыслу фильм... Дело все в том, что настоящая, невыдуманная воевавшая в Афганистане 9-я рота, как известно, выполнила боевое задание, большая часть людей осталась в живых, и они с честью ушли с боевой позиции. В бондарчуковской «Девятой роте» они не выполнили задания, потому что задание было изначально идиотское, ошибочное и неправильно истолкованное, — и все погибли.

И после просмотра этого фильма вы захотите отдать ваших детей служить в армию? Вы что хотите: чтобы они шли в армию смертников, на бессмысленный убой, или — в армию победителей? Кинофильму, чтобы остаться в памяти поколений, мало быть просто профессионально сверстанным. Надо иметь внутренний стержень. Есть разница между кино идейным и безыдейным. Между «Офицерами» и «Девятой ротой».

Повторюсь: мы совершенно не используем позитивные исторические примеры, которые у нас есть. В Англии, Франции, Америке этих примеров нет, либо они хуже, но зато там выжимают из них все для того, чтобы продемонстрировать величие национального духа. В 1868 году Бухара подписала с Российской империей договор, по одному из пунктов которого Бухарское ханство возвращает в Россию всех русских рабов, не принявших ислама.

Как же реагировала Европа? Европа увидела только одно: Российская империя реально угрожает интересам Британской империи.

Но как же не «угрожать» этим виртуальным интересам, если к тому моменту в интересы Британской империи уже входило 2/3 мира! А тут появилась Россия! В представлении британцев это выглядело как вырывание из-под носа куска, на который уже разинул пасть британский лев. Монополия нарушена. Британия вынуждена признать русские завоевания в Средней Азии.

С Россией приходится договариваться, черт возьми! Пробриться в столицу Тибета Лхасу силой не удавалось пока никому. Далеко, высоко, неизучено, страшно. Правда, британцы с юга уже засылали своих агентов-буддистов, работавших на британскую секретную службу. Они, не спеша, готовили захват Британией Тибета.

Тогда с севера, из Бурятии, в Тибет проник удивительный человек — бурят по этническому происхождению и европейский ученый по призванию, Гомочжаб Цэбэкович Цибикив. Цибикив, будучи и ученым, и

разведчиком, под видом буддиста-монаха успешно собирал стратегическую информацию.

Парадокс, но для Российской империи оказалось очень выгодным иметь хорошие отношения со своими подданными всех вер и народов. Выгодно обучать их и делать частью своего государства. Секретные агенты британцев не учились в Кембридже, не имели военных чинов Британской империи, не владели инструментами и способами измерять расстояния в милях и километрах. Результат их деятельности был куда бледнее результатов Цибикова... А почему? Британцы, право, сами виноваты.

В 1904 году британские войска захватили юг Тибета, но Российская империя, сложно интригуя, «подсовывая» англичанам взаимоисключающую информацию по официальным дипломатическим и разведывательным каналам, спекулируя своим давлением в Средней Азии и т. д., в общем, не без труда, но смогла убедить Британию, что на самом деле Тибет ей совершенно не нужен, пусть он и дальше остается частью Китая.

По Соглашению 1907 года о территориальной неприкосновенности Тибета, британцы вывели свои войска из Тибета, а буряты-ламаисты, русские подданные, получили право паломничества.

А ведь Тибет нависает над «жемчужиной в короне» Британской империи — Индией. Тот, кто владеет Тибетом, легко может двинуться оттуда и в Непал, и в Северную Индию... Не случайно британцы все же так нервно относятся к проникновению туда русских. Опять эти русские...

С 1812 года стало привычным осуждать Россию за любые территориальные приобретения, любые «округления» своей территории. Это при том, что, как я говорил, росла она совершенно по-иному, чем европейские. По мнению европейцев, Российская империя постоянно, на протяжении всей своей истории вела агрессивные войны. Даже если с этим согласиться, помилуйте, но разве их вела одна Россия?! Британия, родина парламентаризма и оплот прав и свобод личности, вела захватнические войны практически непрерывно, порой по нескольку одновременно. Если это не агрессивная политика, и если захват колоний — не есть акт агрессии, то интересно, что же это тогда такое?! У меня в кабинете на стене висит старая карта 1925 года — «Британские владения в мире». Карта черно-белая, владения Британии выделены розовым цветом. Очень показательно взглянуть, чтобы понять: англичане не хвастались, заявляя, что в их империи «никогда не заходит солнце». Полное впечатление, что розовым закрашена ровно ПОЛОВИНА мира.

Кстати, история колониальных империй полна потрясающими случаями внезапного обогащения. Как сказал Валентин Пикуль, «удачи

неожиданной и ослепительной, как ночной выстрел в лицо».

В 1799 году в Индии во время штурма Серингапатама некий солдат 74-го мадрасского батальона сорвал с трупа султана алмазные браслеты. В тот же день он продал их полковому врачу за 1500 рупий. Врач перепродал их за сумму, дававшую годовой доход в 2 тысячи фунтов стерлингов. Оба обогатились, хотя и в разной степени, из чего мораль: некоторых покойников обобрать бывает очень выгодно.

Впрочем, были и другие способы, надежнее. Когда там еще повезет наткнуться на труп султана. Вот полковник Вуд во время англо-мадрасской войны не отдавал своим солдатам выделенное продовольствие, а продавал его противнику. А вы говорите, Чечня, интенданты воруют...

Можно как угодно относиться к капитализму, но поведение более патриархальных, не буржуазных русских «колонизаторов» как-то симпатичнее. Грабили они наверняка тоже, но как-то попримечнее, что ли... «Успех» для русского офицера означал в первую очередь возможность заработать очки на службе, а затем получить от своего официального руководства какие-то материальные блага — пенсию, землю, крепостные души.

К тому же наша колонизация никогда не была реализацией агрессивно-параноидальных царских замыслов подневольными русскими, как это любят представлять некоторые историки. На восток, на юг и на север продвигались в основном «свободные элементы» — казаки, купцы и крестьяне, ищущие воли, да лучшей доли, да собственной выгоды. Нужно быть совсем уж упертым, чтобы в русских первопроходцах и предпринимателях конца XVIII — начала XIX века, осваивавших, скажем, Аляску, видеть подневольных людей, которые руководствуются депешами из Санкт-Петербурга.

Как продавали Аляску

Встречал ли кто-нибудь честного человека, у которого голубые глаза?

Иван IV Грозный, письмо к князю Курбскому

Есть миф о том, что Аляску якобы никто не продавал, а ее отдали в аренду США. Отдали на 99 лет, и теперь пусть американцы ее возвращают. Как в лихой песенке Николая Расторгуева:

Не валяй дурака, Америка,
Не обидим, кому говорят.
Отдавай-ка землицу Алясочку,
Отдавай-ка родимую взад!

Увы, это — не более чем повод для патриотической попсы и политических демаршей в стиле Жириновского. В документах, подписанных 30 марта 1867 года, ни слова об аренде нет. В этот день российский дипломат барон Эдуард Стебль, посланник в Соединенных Штатах Америки, и Государственный секретарь США Уильям Сьюард подписали договор о покупке Соединенными Штатами у Российско-американской компании полуострова Аляска за 7 миллионов 200 тысяч долларов (по 2 цента за акр, т. е. примерно гектар земли).

Многое в этом событии типично для обеих сторон.

Для России — уверенность, что продали и хорошо сделали. Слава Богу. Подписано — и с плеч долой. Все равно ведь никогда бы у нас руки до Аляски не дошли, так бы она вечно и лежала неосвоенной... Что чуть позже «руки дошли» до всего Дальнего Востока и до Севера — это уже так, скучные мелочи. Мифы с такой ерундой, как факты, не считаются.

В те же давние времена продать Аляску очень хотел родной брат императора, великий князь Константин Николаевич. Именно он нашептывал царю, что если мы не продадим Аляску США, то янки скоро все равно присоединят эту территорию к США... Бесплатно! В качестве положительного примера великий князь приводил Францию. В 1803 году Наполеон продал Французскую Луизиану Соединенным Штатам за 15 миллионов долларов.

Почему же тогда мы отдали так «задешево»? Не за 15 миллионов даже, а всего за 7 миллионов 200 тысяч?! К тому же спустя 64 года, как никак — инфляция, и доллар после Гражданской войны в США — никак по своему весу не доллар 1803 года.

Откуда такая цена? Если серьезно, то цифра имела некий обоснованный «научный расчет».

В ходе Крымской войны 1853–56 годов англичане угрожали захватить Аляску, и Российско-американская компания застраховала свою собственность на Аляске именно на эту сумму. Прошло, правда, 10 лет, но цифра осталась прежней. Отсюда и цена — 7 200 000 долларов США. Сегодня это дом на Рублевке с участком соток 25, да и то не самый роскошный. Кстати, и тогда это были «не деньги». Это было всего 2,5 % годового бюджета Российской империи. В общем, гроши за такую громадную территорию.

Редкая бесхозяйственность, и не последнюю роль в этом играет неверие в свои силы и возможности.

Для американцев эта сделка тоже очень типична. В столице русской Америки, Новоархангельске, американцы в 1866-м, за год до сделки, проводили телеграф. Вбивая столбы, они нашли в глубоких ямах где крупницы, а где и самородки золота. Российские власти они, естественно, об этом открытии не оповестили. Уже к 1913 году американцы одного золота вывезли с Аляски на 200 миллионов долларов, других полезных ископаемых — на 100 миллионов, рыбы и пушнины — на 80 миллионов. На грош пятаков.

Выгоднейшее дельце оказалось.

Впрочем, далеко не все в США поначалу понимали, насколько выгодно купить Аляску. В прессе ее называли и «морозильником», и «моржеруссией», и прочими обидными словами. Конгресс Америки пришлось активно уговаривать купить Аляску, а то господа законодатели очень этого первоначально не хотели. Пришлось их убеждать... О методах убеждения много писала пресса. Создали даже специальную Комиссию — для расследования фактов коррупции членов этого уважаемого собрания. Комиссия постепенно приостановила свою деятельность, никто ничего не доказал. И только в 1912 году американские историки нашли преинтереснейшие документы — в том числе конфиденциальную записку госсекретаря президенту США, где были прописаны все имена конгрессменов — «русских лоббистов» и даже некоторые суммы.

Оказалось, «лоббирование» идеи продажи Аляски в Конгрессе обошлось России в 165 000 долларов. Сегодня это называется «откат».

Российская империя продала богатейшие земли, стоимость которых просто невозможно оценить, и получила за это 7,2 миллиона долларов, отдав в виде «отката» 165 тысяч. Итого в остатке — 7 миллионов 35 тысяч долларов.

Еще один миф — что Россия и этих денег не получила. Якобы деньги в Россию везли на английском барке «Оркни», а он взял и утонул в Балтийском море.

Это не так: деньги представители России свободно получили в одном из британских банков.

Более того, ведущий российский эксперт по истории «русской Америки» профессор А. Петров рассказывал мне, что ему удалось отследить по документам, на что были эти 7 млн. долларов потрачены. Не были они ни затоплены, ни разворованы. Оказывается, вложили их в строительство железной дороги на отрезке Москва-Рязань. Так что если вы собрались по есенинским местам в Константиново и из оригинальничания решили прокатиться туда на электричке, знайте: вы едете по самому дорогому железнодорожному полотну в мире. 200 км железнодорожного полотна (как там в детской считалочке? рельсы-рельсы-шпалы-шпалы?) — это эквивалент почти 7600 кв. км золото- и нефтеносящей аляскинской земли... Но хватит о грустном.

Зато хотя бы не отмечено ни одного случая, чтобы государственный совет Российской империи получил «откат», присоединяя территорию к Империи. Есть в этом некая специфика неподкупного «светоча демократии» — самих, страшно произнести, не перекрестившись — **СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ.**

ПОБЕГ В ТЮРЬМУ

Не Рафшан с Джумшутом, а Фриц с Иоганном

Миллионы «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов».

В. И. Ленин

Можно ли представить себе побег из свободы в тюрьму? Если принимать всерьез тезис о России как «тюрьме народов», то именно такой побег совершили многие европейцы в XVII–XIX веках.

В середине XVII века только в Москве на слободе Кукуй жили 20 тысяч европейцев — немцев, голландцев, шотландцев, французов, швейцарцев, итальянцев, датчан, ирландцев.

Правительство Московии стремится привлечь на службу больше иноземцев, и эти «служилые иноземцы» составляют даже особый род войск.

В 1651 году состав вооруженных сил Московии был таким: дворянская конница — 37 596; московские стрельцы — 8122; казаки — 21 124; татары и народы Поволжья — 9113; иноземцы — 7707; рейтары — 1457; драгуны — 8462.

Итак, иностранцы составляют значительную долю русской армии. Правительство посылает специальных эмиссаров для вербовки людей. И они всегда возвращаются с волонтерами, желающими служить Москве.

Поток шотландцев хлынул в «тюрьму» после походов армии Кромвеля. Тогда сторонники английского парламента, естественно англичане, не просто завоевали и оккупировали Шотландию.

Михаил Юрьевич Лермонтов — потомок иностранца-шотландца Лермонта, участника Смоленской войны, приехавшего в Московию при Алексее Михайловиче. В семье Лермонтовых бытовала легенда о происхождении их от знаменитого шотландского поэта XIV столетия Томаса Лермонта. Томас Лермон — личность широко известная в Великобритании, ему посвящена одна из баллад Редьярда Киплинга — «Последняя песня старого Томаса». Так что гены в Михаиле Лермонтове были самые поэтические.

В общей же сложности одних шотландцев в Россию приехало несколько тысяч человек. Странные люди! И что они забыли в «этой

стране», где нет ни демократии, ни рыночной экономики? В «тюрьме народов»? К 1700 году в Московии жило уже до 50 тысяч европейцев.

В ходе Северной войны было пленено 20 тысяч шведских солдат и офицеров.

После 1721 года они все могли уехать домой, но 5 тысяч из них не захотели возвращаться в Швецию. Что за метаморфозы произошли с ними в России?! Финны и немцы, подданные шведов, после Северной войны тоже остались на завоеванных русскими землях, никто не бежал от «русских захватчиков» в Берлин или Стокгольм.

Если Швеция такая цивилизованная, а Российская империя — «тюрьма народов», то чего же они оставались-то?! И позже, в XVIII–XIX вв. происходило то же самое: в Россию все время тек ручеек переселенцев из Европы. То совсем тоненький, то превращавшийся в полноводную реку.

После присоединения Курляндии «трофейные немцы» — до 300 тысяч человек — вполне могли уехать в Германию. Но не уехали, навсегда остались в России и по большей части полностью ассимилировались.

При Екатерине II в Россию въехали еще до 40 тысяч немцев, французов, швейцарцев. Один из них, испанский барон де Рибас (в его честь названа Дерибасовская улица в Одессе), как-то сетовал своей госпоже — урожденной немке Екатерине II, что давно уже ощущает себя полностью русским. Видимо, воздух на Черном море особенный...

Весь XIX век шло переселение поляков, украинцев, белорусов, эстонцев, финнов, латышей, литовцев на восточные территории: в Поволжье, Сибирь, Дальний Восток, в Маньчжурию.

Эти люди тоже выбирали своим местом жительства «тюрьму народов».

Поразительная цифра: 100 тысяч пленных солдат Великой армии Наполеона, имея все возможности вернуться в Европу, остались в России на «постоянное место жительства». До сих пор в России встречаются фамилии Машеров, Машанов, Шевалёв.

Замечу — ехали в Россию жители цивилизованной, богатой, просвещенной, отчасти республиканской Европы. Ехали в «немытую Россию». Из демократии — в «страну рабов, страну господ».

100 тысяч извращенцев? Не думаю. Видимо, было в России что-то привлекательное...

А процесс продолжался. Между 1828 и 1915 годами, по статистике, обобщенной Владимиром Кабузаном, в Россию иммигрировали 4,2 миллиона иностранцев. В основном, из Германии (1,5 млн) и Австро-

Венгрии (0,8 млн). К началу Первой мировой войны наша страна была **вторым после США центром иммиграции в мире** — впереди Канады, Аргентины, Бразилии, Австралии.

Но статистика знает не все. Скажем, неучтенными оказались понтийские греки, въехавшие к нам «самосевом» относительно недавно — в XX веке. Минуя при этом всякий учет и контроль.

И так далее и тому, как говорится, подобное...

Притом отметим: одно дело — англо- или франкоязычному протестанту или католику из Европы перебраться в Соединенные Штаты Америки. Конечно, нелегко бывало, «Титаник» все смотрели, но по крайней мере человек оставался в привычной ему языковой и религиозной среде.

Что для эмигранта — в сто, в тысячу, в миллион раз легче, комфортнее, чем переезжать на Восток, в неведомую иноязычную православную страну.

Но ехали же, всю историю нашей Родины, от «исхода русских литовцев» в Московию и до 1914 года — поток иммигрантов в Россию не ослабевал! Отсюда вывод. Опровергающий самой ПРАКТИКОЙ ЖИЗНИ все басни про «жестокое национальное угнетение» в царской России.

Какая Россия — «тюрьма»? Смешно.

Иммигрантов, тем паче иноверцев и иноязыких, в «**тюрьму народов**» никаким калачом не заманишь.

Армяне — из Турции в Россию

Армяне — потомки населения древнего царства Урарту. После его падения армянские земли оказывались в составе то Персидской, то Римской империи. Армяне привыкли жить в составе «чужих» империй. Часть территории исторической Армении ненадолго стала ядром Армянского царства... Но уже с XIII века вся территория исторической Армении была разделена между Турцией и Персией.

Армянское нагорье неплодородно, почвы бедные. Это заставляло армян с давнего времени перебираться в другие страны, где они оседали в основном в городах.

На территории России в разные исторические периоды было создано множество армянских поселений, особенно в Крыму, на Кубани, на Дону, и эти колонии постоянно пополнялась соотечественниками из Армении. Отметим, что в Российской империи православный армянин мог занимать сколько угодно высокое положение в обществе, в то время как в Персии и Турции христиан официально считали «гяурами» — «неверными».

Поток беженцев в Россию стал меньше, когда после русско-турецкой войны 1806–12 годов и русско-персидской войны 1826–28 годов Восточная Армения вошла в состав Российской империи. Теперь армяне из мусульманских стран переезжали не в Россию, а в саму Армению: точнее, в ту ее часть, которая находилась в составе Российской империи. Называют разное число этих армянских переселенцев — до 90 000 человек.

Заметим: бежали армяне не в Европу, не в Соединенные Штаты, уезжали не в Австралию и в Южную Америку. Они почему-то перебрались в Россию, в «тюрьму народов».

Но и эти десятки тысяч переселенцев кажутся каплей в море по сравнению с лавинообразным потоком беженцев, хлынувших в Россию в XX веке. И опять — именно в Россию побежали армяне, когда в Турции над ними нависла угроза поголовного истребления.

Дело в том, что в турецкой империи титульная нация — турки были в основном земледельцами и воинами. Трудно нам сегодня это представить, но 100–150 лет назад турки считались плохими торговцами-бизнесменами. Эту нишу успешно заняли греки и особенно — армяне. Естественно, процветающие горожане-армяне вызвали раздражение турецких националистов.

Пришедшая с Запада идея национального государства заставляла

турок задумываться: а что делают в «их» стране эти юркие инородцы? Если Турция — страна турок, то все ее богатства — для турок! Эту логику хорошо понимали западные державы: идея национального государства и суверенитета нации была им симпатична. Турецкая империя распадалась, и встал вопрос о создании национального армянского государства. Разница в том, что Россия не только вела беседы об армянском государстве и о защите армян. Она действовала! После поражения Турции в русско-турецкой войне, по Сан-Стефанскому миру 1878 года русские войска должны были оккупировать Армению на срок, необходимый для создания национального армянского государства. Если бы эти планы были реализованы, то никакой резни армян вообще никогда бы не случилось.

Но Британия, а вслед за ней остальные европейские державы боялись усиления России. Ведь получалось: Россия будет защитником христиан в распадающейся Турции! Ее авторитет и могущество неизмеримо возрастут! Не допустим! Спасительное для армян решение о создании их национального государства было отменено в результате угрожающего нажима Британии. В самой Англии эта история прославлялась как величайший дипломатический триумф, принесший «почетный мир».

Турецкие солдаты сгоняют армян в тюрьму. 1915 г.

Что считать «почетным миром», пусть решают сами англичане. Мы же видим: Армения была принесена в жертву на алтарь британской политики сдерживания России любой ценой. Русские вынуждены были уйти, и теперь турецкое правительство могло делать с армянами что хотело.

Таким образом, именно демократическая Британия стала главной виновницей возвращения Армении под владычество турок.

Именно политика британского правительства привела к нескольким армянским бойням в конце XIX века, в 1909 году, и к страшнейшей резне

1915–1922 годов. И после каждой такой бойни армяне бежали в Россию.

Итак — 1909 год. Турецкие власти, приняв решение об уничтожении армян, раздали мусульманам большое количество оружия и боеприпасов, освободили из тюрем несколько сотен преступников-турок.

Жертвами погромов стали около 30 000 человек. Десятки армянских населенных пунктов были разрушены и сожжены.

Спаслись только жители сел и городов, организовавших эффективную самооборону. Многие тысячи армян бежали в Россию.

Но это было только начало.

Вступление Турции в Первую мировую войну в октябре 1914 года дало, по мнению младотурок, уникальный шанс для окончательного решения «армянского вопроса», то есть полного истребления армян. По словам одного из организаторов геноцида, даже само слово «армянин» должно было навсегда кануть в Лету.

Турецкое правительство ввело военное положение. Все правильно, шла мировая война. Пользуясь этим, правительство опять выпустило из тюрем уголовников и бандитов: с условием, что те примут участие в резне в благодарность за освобождение. Армяне-военнослужащие были отчислены из армии.

Днем геноцида армянского населения принято считать 24 апреля 1915 года, когда младотурецкие правители приказали собрать всю армянскую интеллигенцию в Стамбуле и депортировать. Многие были в этот же день убиты. Но речь не о дне или неделе... Преследования армянского населения продолжались вплоть до 1922 года. В течение этих страшных лет погибло свыше 1,5 млн армян. Множество армянских беженцев было рассеяно по всему миру.

Мировые державы опять протестовали... На бумаге. Все они принимали резолюции, гневно осуждавшие геноцид армян.

Однако от гневных резолюций армии не останавливаются, от газетных статей банды погромщиков не расходятся по домам.

Позиция Запада, конечно, благородна, и все сказанное характеризует его с самой лучшей стороны. Но вот ведь какое различие... Россия, эта «тюрьма народов», не только подписывала декларации, но и оказывала армянам самую реальную помощь, пока «светочи демократии» в основном болтали.

По личному приказу Николая II русские войска (Россия, между прочим, была тогда в состоянии войны с Германией и ее союзниками) предприняли ряд мер для спасения армян.

В результате действий нашей армии (оплаченных жизнями русских

солдат) из всего армянского населения Турции почти четверть была спасена, найдя убежище в России. В том числе в той части исторической Армении, которая ранее вошла в состав Российской империи.

По поводу численности армян в России есть неплохой армянский анекдот: *«Встречаются президенты России и Армении.*

— Сколько живет в твоей стране армян? — спрашивает русский президент.

— Миллиона полтора, — отвечает армянский.

— А у меня их живет три миллиона. Так кто из нас президент Армении?!»

Не настаиваю на цифрах... Тут важна идея, а анекдот мне рассказали сами армяне.

Чеченцы — из России в Турцию

После окончания Кавказской войны Россия и Турция договорились о переселении части чеченцев в Турцию. Всего желающих переселиться набралось 22 500 человек.

Переселенцам было разрешено забрать с собой все свое имущество, скот и продовольствие, для чего им русскими властями были даже выделены подводы. По пути следования в российских пределах было дано распоряжение выделять мигрантам бесплатно (!) дрова, пастбища и сено.

Но оказалось, что по факту Турция принять беженцев совершенно не готова. В Турции, в непосредственной близости от границ с Россией, все эти партии переселенцев скопились, образовав огромный стан. Оставшись в открытом поле на целых два месяца, переселенцы страдали от наступивших холодов. У многих из них закончились запасы провианта, заботливо выданные русским правительством.

После длительного бездействия турецкие власти решили отправить переселенцев в заранее оговоренные места в одной своей пустынной провинции. Однако переселенцы отказались следовать по месту назначения до осмотра этих земель их старшинами. Старшины вернулись и объявили, что земля плохая и для земледелия малопригодная. Тогда переселенцы окончательно отказались покинуть свои «лагеря» и, доведенные до отчаяния холодом и голодом, бросились разорять окрестные селения.

Вскоре на российскую границу в районе Арапачая прибыло 200 человек переселенцев с просьбой пустить их обратно в Россию на любых условиях. Постепенно число обратных беженцев, скопившихся на границе, достигло нескольких тысяч человек.

Русское начальство принять обратно переселенцев отказалось и усилило пограничный надзор.

По-своему решили эту проблему и турецкие власти. Они двинули к границе войска и пушечным огнем заставили переселенцев покинуть пограничный район и под конвоем турецких войск отправиться «куда положено». Одновременно было принято решение о разоружении переселенцев. В одних пунктах оружие было сдано без сопротивления; но местами (чеченцы — народ боевой, как известно) сдача оружия произошла только после небольших сражений.

Вкусив досыта турецкого гостеприимства, чеченцы поняли, что стали жертвой чудовищной провокации. Многие из чеченских семейств решают

вернуться на Кавказ любыми путями. Большие партии переселенцев вновь появились на российской границе и стали добиваться своего возвращения на родину. Обращаясь к русскому начальству, они заявляли, что раскаялись и согласны поселиться где угодно, даже во внутренних областях России. Как говорится в известном старом анекдоте «хоть тушкой, хоть чучелом», хоть в Сибири и на Урале, — только бы уехать из Турции.

В общем, рвались, рвались обратно, в «тюрьму народов», из «свободного мира».

Однако и на этот раз, несмотря на бедственное положение просителей, русские власти проявили редкую жесткость и категорически отказали всем.

Про евреев

В национальной политике России были и свои темные стороны. При всей ее толерантности и демократичном отношении к живущим в ней народам, было одно почти единственное исключение: евреи. Точнее, верующие иудеи.

Евреи массово оказались в Российской империи после разделов Польши в конце XVIII века. Поток еврейских купцов и особенно банкиров-ростовщиков хлынул в Москву и Питер.

Русские купцы даже немного ошалели от невесть откуда взявшихся энергичных конкурентов, предприимчивых, хитрых, пронырливых, более того — соединенных некоей внутрикорпоративной спайкой по национальному принципу. Поняв, что они начинают постепенно терять рынки и клиентуру, русские предприниматели не нашли ничего лучшего, как обратиться к государыне-императрице с просьбой оградить их от «жидовско-иудейской» экспансии. Мол, в торговле демпингуют, проценты по кредитам берут немеренные, и вообще всячески над православными измываются. Именно тогда и была введена уникальная для истории России охранительно-протекционистская мера — «черта оседлости». Екатерина II запретила евреям иудейского вероисповедания выезжать за пределы западных губерний империи и селиться в столичных городах — это и называлось «чертой оседлости».

Число иудеев, которые могли учиться в государственных гимназиях и высших учебных заведениях, ограничивалось — действовала так называемая процентная норма.

Иудей не мог поступить на госслужбу, его не производили в офицеры. Только Временное правительство весной 1917 года полностью сняло все ограничения.

Правда, подчеркну еще раз: ограничивали в правах не евреев как народ, — все ограничения распространялись только (!) на лиц, открыто исповедующих иудаизм. Формально никто не мешал евреям выкрещиваться в православие.

На бытовом уровне, конечно, иногда отношение к «выкрестам» «первого поколения» бывало подозрительное. «Жид крещенный, что вор прощенный», как говорит старая русская пословица. Но, подчеркну, официально для иудея переход в

православие означал полное получение всех прав гражданина Российской империи. Со второго же поколения об «иудейском» прошлом уже никто никогда и не вспоминал.

«Выкрест» мог селиться где угодно и заниматься чем угодно. Служить в армии или в министерстве. Например, один из «туркестанских генералов», герой присоединения к России Средней Азии, «крещенный» еврей по фамилии Кауфман. Предки русских поэтов Фета и Ходасевича, Ульянова-Ленина по женской линии (а она, как вы знаете, у евреев главная) — вообще не просто иудеи, а раввины.

Кроме того, иудей, получивший высшее образование, уже не попадал под ограничения: он мог селиться и работать где угодно. Селиться где хочешь, можно было также став купцом первой и второй гильдии. Ограничения не распространялись на отслуживших в армии и т. д., в общем при малейшем желании пересечь «черту оседлости» даже иудею не представляло никакого труда. Под ограничения не попадали и крупные полустоличные города: Киев, Одесса и др., там были большие иудейские общины.

Но, естественно, все равно ограничения вызывали протест. По разным данным, от 1 800 000 до 2 500 000 евреев выехали из Российской империи, в основном в США.

В Белоруссии до сих пор живут близкие родственники недавно умершего американского писателя-фантаста Айзека (Исаака) Азимова. Патологический враг России Ричард Пайпс (Пипер) тоже, кстати, происходит из выехавших из Русской Польши евреев.

Несмотря на эмиграцию, Россия обладала самым большим еврейским населением в мире. И это население постоянно росло. За сто лет, с 1815 по 1915 год — это уже после включения всей Польши со всеми евреями в Россию — число еврейского населения выросло в шесть раз. При этом все население России выросло за это время в четыре раза, несмотря на весь демографический бум.

Так что среди евреев демографический бум был особенный.

Имея самое большое еврейское население, Россия при этом была единственной страной, где подавляющую часть этого населения составляли трудящиеся. Не ростовщики, не посреднический бизнес, не интеллектуалы, как в Америке, а именно сотни тысяч сапожников, кожевников, мелких ремесленников, жестянщиков, скорняков. Было даже небольшое еврейское крестьянство — почти как в современном Израиле.

Россия берегла

Присоединяя к себе земли и включая в себя народы, Россия становилась гарантом их развития и процветания.

Потому Россия так часто не испытывала такого уж громадного энтузиазма от своего расширения, так часто колебалась, расширяться ей дальше или нет. Ведь включив в себя новую область, она тут же брала на себя ответственность за ее дальнейшую судьбу.

Взяв на себя ответственность за судьбу христиан Закавказья, Россия заплатила за это растратой огромных ресурсов, жизнями тысяч и тысяч своих солдат в нескольких войнах. Повседневное управление Грузией вместе с содержанием Отдельного Кавказского корпуса стоило казне больших денег. Издержки — миллионные, прибыли — никакой.

Интересный факт: как-то один крупный русский дипломат (откроем карты — это был не кто иной, как сам Александр Грибоедов) предложил Императору проект создания Российской Закавказской компании по возделыванию тропических фруктов. В качестве образца предлагалось ориентироваться на практику работы знаменитой британской Ост-Индской компании. Этот малоизвестный сегодня бизнес-проект обещал наконец-то сделать Грузию прибыльной для российского бюджета, но...

Николай I отклонил его, и, как было заявлено, по одной-единственной причине — как превращающий Грузию в банальную стопроцентную колонию.

С точки зрения здоровой общепринятой в мире «имперской» логики — совершеннейшая бессмыслица! Но такая вот «ненормальная» империя была эта Россия. Империя, которая не желала (по крайней мере на уровне официальной внешней политики) иметь колоний.

«Российская империя не была империей русского народа, она была империей русского пространства, — пишет публицист Феликс Разумовский. — В этом пространстве империи не могло быть ни чужих, ни изгоев, там все люди — свои, все — братья». Звучит, конечно, излишне патетически, но факты есть факты.

Считается, что Грибоедов погиб во многом из-за поведения своих армянских коллег: армяне и грузины, сотрудники российского посольства в Тегеране 1829 года, вели себя крайне вызывающе. Они смеялись над гаремами и евнухами, обижали высокопоставленных чиновников шаха и даже пытались увезти с собой, дать политическое убежище оскопленным

армянам — собственным евнухам гарема шаха. Естественно, это было совершенно неприемлемо для персов — отъезд высокопоставленных евнухов означал утечку информации самого интимного свойства.

Грузин и армян можно было понять. Давно ли им самим угрожал геноцид? Давно ли их земли были полем охоты на рабов, а персидская армия заходила в их страны, как к себе домой? Ведь эти евнухи — искалеченные соотечественники армян. И сейчас они, как мальчишки из-за спины сильного старшего брата, показывали язык дворовому хулигану, который еще вчера их тиранил.

Легко понять христиан, крутящих у виска при виде гаремов и евнухов; и армян, злобно торжествующих в столице поверженного (а ранее чуть не истребившего их самих) врага.

А вот дипломат Грибоедов был обязан сдерживать своих сотрудников, пусть даже и относясь в душе ко всему происходящему примерно так же, как и они. И заплатил жизнью за их несдержанность.

Россия кормила

Во всех западных империях обычным делом был голод в колониях. В том числе в невероятно богатой Индии, где до британцев голода не было никогда. Несмотря на то, что раджи, так же как и британцы, взимали немалые подати. Вот только размер был разный. Раджи устанавливали размер налога в зависимости от урожая: если урожай богатый, то и сумма побольше. В любом случае, они оставляли народу какую-то часть, хотя бы для того, чтобы можно было протянуть до следующего урожая.

Британцы теоретически не хотели брать больше, чем прежние владыки Индии, что вы! Они просто были по-европейски более «педантичны»: собирали каждый раз такой налог, который раньше полагалось брать только в самые урожайные годы. В результате голод стал обычнейшим явлением. Каждый год британского владычества, с 1850 до 1947 года в Индии умирало от голода около миллиона человек — в среднем.

Джавахарлал Неру приводил примеры и 10-миллионных жертв голода. Голод распространился по Индокитаю, богатейшему острову Ява, по Африке, Мадагаскару и двум Америкам.

Российская империя такого постоянного голода не знала никогда. Иногда неурожай в Великороссии заставлял ввозить хлеб из других областей. Не потому, что русские имеют какое-то особое право на урожай в нерусских провинциях, а потому, что именно сейчас они нуждаются в помощи.

Но гораздо чаще было наоборот: хлеб из Великороссии вывозился в Поволжье, Среднюю Азию, Северный Кавказ или Закавказье.

Нет ни одной «колонизированной» области Российской империи, в которой вспыхнул бы голод после включения ее в состав России. Никогда.

Россия уважала

Завоеванные Российской империей народы не переживали национального унижения. И знать, и простонародье могли жить по своим древним традициям, никто их нравы не «исправлял».

В армию до 1860-х годов брали рекрутов. У некоторых народов рекрутского набора не было вообще. Дворяне, духовенство и представители всех образованных слоев не подвергались набору. Вся местная знать приравнивалась к дворянству и не подлежала рекрутчине. Как и священники всех входивших в империю народов. Если сын буряты, казаха или алеута оканчивал гимназию, он тоже не подлежал включению в рекрутские списки.

Когда ввели призывную систему, представители некоторых народов по-прежнему освобождались от службы в армии. Если система призыва распространялась на данный народ империи, то не служили в армии старшие сыновья и единственные сыновья, а призванные приносили присягу по законам своей веры.

Где-то читал историю о том, как принимали в те годы присягу трое аборигенов из Забайкалья. Специально для них приехал бурятский шаман. Он устроил натуральное камлание — пляску с бубном и вызыванием духов. Причем армейское начальство не смеялось, все было совершенно серьезно. Потом шаман совершил какие-то странные манипуляции над краяхами хлеба, причем привлек к этому действию самого полковника, командира того полка, где предстояло служить сибирским инородцам. Ибо по «языческим» понятиям, видимо, полковник и становился с того самого момента для новобранцев не только «военным начальником», но также отцом, вождем племени и прямым воплощением их бурятского божества на земле, по крайней мере на ближайшие годы службы. Этим и объясняется серьезность отношения к подобным обрядам русского армейского командования. Светская военная присяга, наложенная на языческий ритуал и тысячелетнюю религиозно-боевую традицию, и обеспечивала беспрекословную дисциплину «нацменов» в русской армии.

Собственно, это и было одной из причин того искреннего фанатизма, с коим шли эти дурно говорящие на ломаном русском, порой странно выглядящие татары, башкиры, калмыки, адыги, буряты и т. д. в лобовую, на картечь, на французские батареи.

«Дикая дивизия».

«Дикая дивизия» была полностью сформирована из добровольцев. На наградах, которые вручались подданным-мусульманам, изображения православных святых заменяли двуглавым орлом. Однако горцы потребовали вернуть на орден Георгия Победоносца, которого уважительно называли «джигитом».

Шли умирать за никогда не виданного ими Государя-императора Всея Руси.

Вспомните, какой полусуеверный ужас внушали в 1812–15 годах лощеным европейцам российские национальные части: калмыцкая и башкирская конница, не говоря уже о казаках.

Но вернемся к присяге.

Тогда по указанию шамана полковник накалывал кусок хлеба на саблю. Новобранцы зубами, без помощи рук, снимали эти куски хлеба с конца сабли, съедали их и, подняв правую руку, на своем языке клялись в верности Российской империи. Так выглядел обряд присяги для этих призывников-язычников.

Мусульманин приносил присягу на Коране и с участием муллы. Буддист при участии своего священника и соответствующих атрибутов.

Не могло быть и речи о том, чтобы солдата заставили хоть в чем-то поступиться принципами своей веры. Сама мысль, что мусульманина могут накормить кашей со свиным салом, была для солдата Российской империи совершенно дикой.

Включая новую территорию в Империю, россияне далеко не всегда торопились отменить ее законы. Как правило, Россия старалась эти законы сохранять. Если территория бунтовала, приходилось урезать ее права, но не ликвидировать.

В Польше действовала странная закономерность: всякий раз, как Россия давала ей конституцию, тут же начиналось восстание.

В результате у поляков не стало ни своих денег, ни особого сейма. Но и в этих случаях Виленский и Привисленский края управлялись с учетом местных традиций.

А вот Финляндия ни разу не поднялась против Петербурга, и к 1917 году в ней был свой парламент, действовали свои законы, серьезно отличавшиеся от российских, свои деньги. Официально можно было покупать и продавать как за рубли, так и за местные марки. В университете Гельсингфорса лекционные курсы читались и на русском, и на немецком, и на финском языках. Вообще, напомним базовый принцип финляндского полусуверенитета в составе Российской империи — «НЕ ПЛАТИТЬ И НЕ СЛУЖИТЬ». Нам сегодня трудно даже представить, что целая большая страна входила в состав «тюрьмы народов» на столь потрясающих условиях. Первое, финны не подлежали рекрутскому набору, т. е. служили в царской армии только *добровольно*. Отметим, служили неплохо: вспомните генерала Маннергейма. Второе, финны были освобождены от т. н. современным языком *общефедеральных* налогов, т. е. все, что они платили, — шло только на развитие самого Финляндского княжества. Ну чем не рай на земле? Крепостного права — нет. Расходов на армию — нет. На госбезопасность и международные дела — почти нет. Все это берет на себя «жестокая русская метрополия». Пошлин, налогов, таможи — тоже, считай, нет. Зато есть свой, финский парламент, своя Конституция и полное самоуправление. Живи да здравствуй, а если вдруг посягнет на твои финские права какой злой швед (кто забыл — раньше вообще-то Финляндия была частью Шведского королевства, и там уж платила Стокгольму по полной), то защищать тебя будет опять же русский солдат. Идиллия! Так что не надо удивляться, что в центре Хельсинки на почетном месте стоит памятник, установленный финнами, своему «жестокому поработителю» Императору Александру I Благословенному. Который и присоединил в 1809 году к своему титулу «Государь Великая, Малая и Белая Руси, Царь Польский» приставочку — «*Великий Князь Финляндский*».

Бухарское и Хивинское ханства до начала 1920-х годов оставались вассалами Российской империи. Они не имели права на самостоятельные международные отношения, но вся внутренняя политика велась по-прежнему согласно местным законам и традициям.

Кстати, во всех мусульманских областях сохранялось шариатское право (!), при том, что местные судьи-кадии получали жалованье из

«федерального бюджета», т. е. казны Российской империи.

По законам шариата жила и большая часть Туркестана. Официально суд по шариату был отменен большевиками только в 1927 году.

Мусульманин не только молился в мечети и учил сына на арабском языке в медресе, но и женился по законам шариата, мог иметь положенных в исламе нескольких жен. Он заключал сделки по законам Хивинского ханства и вел деловую переписку на узбекском или арабском языках. Он платил налоги своему хану и мог служить в ханском войске. Законы Российской империи давали ему на то полнейшее право.

Свои права на самоуправление имели армяне и грузины, вплоть до сохранения особых воинских частей, которые находились в оперативном управлении Генерального штаба, но набирались в Грузии, приносили присягу на грузинском языке и шли в бой, повинуюсь приказам на том же языке, под собственными знаменами. Причем в Грузии, например, каждая область имела свои традиции и обычаи, а города Грузии управлялись по разным уставам.

Понтийские греки и армяне имели право на самоуправление во всех городах, где были зарегистрированные диаспоры, вплоть до обучения и ведения документов на родном языке и наличия собственной полиции.

Когда интеллигенция из Петербурга приезжала на курорты Крыма, она сталкивалась с греками, армянами и татарами, которые самоуправлялись по старинным обычаям, и эти местные правила могли довольно сильно отличаться от петербургских.

А на территории Литвы даже действовал кодекс Наполеона.

Какая уж тут «тюрьма народов»...

В 1913 году русский флаг развевался над колоссальной территорией, от Камчатки и Северного Китая до Польши и Причерноморья, от Арктики до Центральной Азии. По переписи 1897 года ее население составляло 128,2 миллиона человек, из них 93,4 — в Европейской России, 9,5 — в Царстве Польском, 2,6 миллиона — в Великом княжестве Финляндском, 9,3 миллиона — в Кавказском крае, 5,8 миллиона — в Сибири, 7,6 миллиона — в Среднеазиатских областях.

Русские составляли всего 44 % населения империи, но именно русский язык был официальным языком делопроизводства, культуры, администрации и науки.

СОВЕТСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Двадцать лет между двумя фотографиями

Вот этот господин в тройке, с щегольскими усами и модно стриженной бородкой — мой прадед.

И на другом старом фото на следующей странице, — он же, а рядом с ним прабабка моя, остзейская немка Августа Фридриховна.

Между этими фотографиями 20 лет.

И то и другое — классические семейные фотокарточки, сделанные соответственно в 1909 и 1929 годах. Но как говорится, почувствуйте разницу!

На предыдущем, снятом сто лет назад, — не буржуин, не дворянин и даже не профессор.

Это — человек, у которого за спиной всего четыре класса церковно-приходской школы. Правда, он выписывал газеты и, по семейному преданию, сам прочитал всего Ключевского и Соловьева. Выбился из рабочих в главные механики сахарного завода в Малороссии. Почти «белый воротничок» — над ним был только управляющий и хозяин.

Этим же главным механиком он и проработал на разных заводах на Украине до самой пенсии. Власть менялась, а толковые механики были нужны всегда. Я думаю, тогда, в 1909-м, это были очень небогатые люди.

Но они шли фотографироваться как на праздник, стремились выглядеть эффектно, одеться в лучшее, может чтобы с гордостью послать фотокарточку родным в село — смотрите, как мы выбились в люди!

Первая жена моего прадеда в длинном выходном платье с белоснежными кружевами... Они выглядят как респектабельные буржуа. Если бы сказали, что на фото директор, я бы не удивился, а ведь это всего лишь квалифицированный рабочий.

Кажется, что вот еще чуть-чуть, и эти люди поедут с круизом по Средиземному морю, в Ниццу. Поработают, подкопят — и поедут. А может, потом и завод этот откупят у хозяина. Мой предок очень хочет стать буржуа, он очень хочет стать главным инженером, пробиться наверх, у него есть цель, мотивация. И он очень гордится тем, чего уже добился.

На втором фото прадед — тот же главный механик сахарного завода. Но здесь все в точности до наоборот. Люди вроде тоже прилично одеты, но какие-то серые мешкообразные платья, прадед — единственный, кто еще как-то хочет выделиться, демонстрируя модный галстук. А остальные — уже все, уже рабочий класс. Это не вопрос следования моде, просто люди перестали мечтать, перестали стремиться зарабатывать деньги, выбиваться в следующий слой социального пирога. Наоборот — не дай бог вылезти, а то раскулачат. Как раз — 1929-й на дворе. НЭПу конец. Коллективизация. Вот и хотят они выглядеть как все, ничем не выделяться, быть похожими на пролетариев на своем же заводе.

На первом фото — внутренне свободные, к чему-то стремящиеся, имеющие мотивацию люди. А на втором — ну нет такого ощущения. Ну сфоткались на память, потом отметили это дело, выпили по рюмке

самогона, а завтра — на завод. Марш, марш, вперед, рабочий народ...

Не хочется впасть в банальности и начинать стенать по России, которую мы потеряли. Но почему-то каждый раз, когда смотрю на эти семейные фото с 20-летним разрывом, грустные мысли приходят в голову...

Последнее прибежище большевиков

Нигде и никогда революционеры не составляют самой здоровой части общества. Но давайте сравним... Может ли читатель представить себе, как Ленин или Троцкий принимают подношения от Николая II или от великих князей? Ведут с ними тайные переговоры, обещают спасти и хапают за оказанные или обещанные услуги? Невероятная картина, верно? Но во времена не менее Великой, чем наша Октябрьская, Французской революции именно такая картина имела место быть. Вскоре после смерти одного из лидеров французской революции, Мирабо, обнаружилось, что он брал взятки от короля. Обещал помочь королю бежать из Парижа, спасти и его, и его семью от казни.

Когда дело открылось, тело умершего Мирабо с позором выбросили из пантеона, в котором хоронили «героев» революции.

Но не один пламенный революционер Мирабо оказался ворюгой. Сказочно обогатился и другой известный герой революции, Дантон. Он обещал спасение приговоренным к смерти аристократам. Он брал у этих несчастных деньги, драгоценности, чеки иностранных банков, а потом все равно отправлял их на гильотину. И их самих, и их родителей, жен и детей. Дантон умудрился получить 30 тысяч экю даже от королевы Марии-Антуанетты — негодяй пообещал спасти каких-то ее друзей.

Спас? Нет, конечно! Не поверите, но он даже начал переговоры со свергнутым и находившимся под домашним арестом королем... От короля «посланцы Дантона» сначала требовали 3 миллиона ливров, и не за что-нибудь, не за банальную организацию побега (для этого «смета» выглядела явно завышенной), а за то, чтобы ни много ни мало поднять восстание и восстановить монархию. Не получилось. И тогда возник заговор с целью... продать Людовика британскому правительству за 2 миллиона фунтов. Тоже не получилось, потому что, как оказалось, судьба короля Франции Британию совершенно не волновала.

Когда Дантона обвинили в коррупции — уже официально — он очень красиво оправдывался, художественно: *«Я продавался не фактически. Люди моего покроя неоценимы, их нельзя купить»*. Или он говорил: *«Я беру деньги, но это не значит, что я куплен»*. За время нахождения на посту министра юстиции Дантон обогатился чудовищно, приобрел множество замков, домов и другой недвижимости.

Вообще же за взятки, в том числе от аристократов и королевского

двора, было осуждено 47 членов Конвента из 720. Вы скажете, что 7 % депутатов-взяточников это не много? Давайте, мол, еще поговорим о Государственной Думе... или более практично — об отстраненных «по этическим соображениям» от исполнения полномочий членов Совета Федерации.

Но, во-первых, 7 % — это те, кто попались с поличным и были осуждены. Сколько еще не попались? Сколько пошли на гильотину и каторгу по другим, «политическим» статьям? Факты коррупции еще надо было доказывать. А если обвинение было «политическим» — коленкор другой, тут главное — пламенно озвученные в нужный момент подозрения.

Во-вторых, мы ведь говорим не о депутатах-бюрократах — косных представителях неторопливой чиновной жизни, изнеженных, умиротворенных и потому подверженных многим соблазнам, а о «пламенных революционерах», народных трибунах, истовых проповедниках разных там «Эгалите, либертэ и фратерните».

На совести русских большевиков много преступлений и крови. Однако представить себе Ленина, берущего деньги от Николая II, чтобы спасти его от казни? Троцкого и Дзержинского, которые пытаются продать Николая и его семью в Британию? Как-то не хватает для этого решительно никакой антикоммунистической профессорской фантазии.

Конечно, наши герои 1917 года тоже были не фунт изюма: фанатики идеи, среди которых — и кровожадные маньяки, и беспощадные убийцы.

Но по крайней мере в одном они оказались приличнее — политическим врагам туда-обратно не перепродавались, да и, придя к власти, поначалу «собственное» «государство диктатуры пролетариата» не обворовывали.

Вот уж чего не было — того не было.

«Патриотизм — последнее прибежище негодяев», — как-то сказал в конце XIX века кто-то из английских политиков, характеризуя британских чиновников, занимавшихся в колониях вещами, мягко говоря, неприличествующими джентльмену. Неумное воровство, обирание местного населения, жестокость и неуважение к обычаям туземцев и так далее — одним словом, мерзавцы они по сути и негодяи. Единственное, что их хоть как-то извиняет, — по крайней мере, они все же в критической ситуации остаются истыми патриотами Британии и Ее Величества. Patriotism is the last retreat of a scoundrel. Такой был изначально смысл этого выражения. Отметим, в этом контексте в эту фразу вкладывался **совершенно** другой смысл, чем мы понимаем ее сегодня.

А правильный перевод сего заезженного афоризма должен звучать так:

*«Патриотизм — последнее прибежище **даже** негодяев».*

Поэтому, немного перефразируя, скажем: *Бескорыстие — последнее прибежище большевиков.*

В. Мономах и т. Зиновьев

Мудрый Владимир Мономах в 1097 году предложил всем князьям Руси собраться на съезд в город Любеч и договориться по-хорошему. На съезде все князья дружно посокрушались, что воюют между собой, а земля от этого оскудевает, раздорами же пользуются для своих набегов половцы. Было договорено: «Есть всего один способ блюсти землю Русскую. Каждо да держать Отчину свою».

Тут надо сразу отметить: эту формулу упоминают далеко не во всех учебных пособиях и популярных книгах по истории.

И даже если она упоминается, то не полностью. «Каждо да держать Отчину свою». Первая половина фразы удивительным образом исчезает.

Почему? Ведь это — важнейшая деталь. Князья не просто делили землю, а заботились все вместе о защите и процветании всей Русской земли.

Странно, согласитесь, что слова «блюсти землю Русскую» выпадают из учебников. И это ощущение странности не будет нас покидать, пока мы не разберемся с происхождением мифа о тотальной нерасположенности России к демократической форме правления. Он имеет сравнительно позднее происхождение. Он — наследие коммунистического режима. «Мы наш, мы новый мир построим» — пелось в официальном гимне СССР. Вплоть до 1944 года им был «Интернационал». Весь «старый» мир, вся история России огульно считалась «проклятым царизмом». Несколько утрируя, но именно так. Слово «патриотизм» долгое время было почти запрещенным, его приравнивали к «шовинизму». Ну а к демократии у большевиков вообще было своеобразное отношение. Мягко говоря.

Процитирую выступление тов. Зиновьева, произнесенное с трибуны XII съезда РКП(б): *«Мы — марксисты, и поэтому мы слышим, как трава растет. Мы видим на два аршина под землей. Сейчас же, если спросить, что у нас растет и что происходит на два аршина под землей, то, как правильно подчеркнул т. Ленин, мы должны сказать: растет великодержавный русский шовинизм... Где бы он ни рос, этот чертополох, он остается чертополохом. Мало того, у нас есть шовинизм великорусский с самым опасным значением, имеющий за собой 300 лет монархии и империалистическую политику, царскую политику, то есть всю ту иностранную политику царизма, о которой еще Энгельс в 1890 году писал, что „всякий, кто в этом отношении сделает хоть малейшую*

уступку шовинизму, неизбежно подаст руку и царизму“».

Ну что было ждать при таком отношении к отечественной истории? К нашему наследию, включая наследие политическое? Только самоубийца мог тут начать расписывать, какие мощные демократические механизмы работали на Руси все время существования нашего государства. Любой позитив, относящийся к эпохе «до 17-го года» в 20-х годах XX века тщательно отфильтровывался. Демократия как часть старорусской жизни просто исчезла из учебников истории.

А вот 1925 год. Стихотворение пролетарского поэта Василия Александровского «Русь и СССР». Опубликовано в «Правде» 13 августа.

Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?
Что же! Вечная память тебе.
Не жила ты, а только охала
В полутемной и тесной избе.
Костылями скрипела и шаркала,
Губы мазала в копоть икон,
Над просторами вороном каркала,
Берегла вековой, тяжкий сон.
Эх, старуха! Слепая и глупая!
Разорил твою хижину внук.

...

Злые гады над дальним болотом
Пусть шипят ему: «Сгинь, изувер!»
Скрепляемый кровью и потом,
Не дрогнет СССР.

Изуверы сгинули несколько позже. Окончательно — только через 60 лет. И все это время культивировалось пренебрежительное отношение к русской истории. Порой, когда это требовалось, на щит поднимались отдельные исторические фигуры — то Иван Грозный, то Петр I. Но в целом тысячелетняя отечественная история рисовалась как века косности и бесперспективности.

Антирусская страна

*На дубу зеленом,
Да над тем простором
Два сокола ясных
Вели разговоры.
А соколов этих
Люди все узнали:
Первый сокол — Ленин
Второй сокол — Сталин.
А кругом летали
Соколята стаяй...*

Песня «Два сокола», перевод с украинского

С начала 1920-х годов большевики начинают планомерно переписывать всю историю предшествующего периода. И переписывают ее так, что просто страшно становится.

Миф об ужасах «допетровской Руси» большевики не отрицали, но дополнили новой порцией сюжетов о Российской империи.

В сущности, они стали относиться к России императорского периода так же, как при Петре — к допетровскому: как ко времени полного мрака, дикости и тупости.

По их версии, политика царизма всегда и во всем была антинародной, преступной и деспотической. «Тиранический царизм» и «реакционное дворянство» только и делали, что душили народ и подавляли малейшие ростки свободомыслия и любые «прогрессивные» идеи.

Это — черный миф «в квадрате». В мрачные тона оказались окрашены не только XVI–XVII века, но, по сути, вся история России от монголо-татарского ига до Николая II. Вот риторика тех лет в описании военных событий: «Генерал взял Ленкорань, положив на стенах несколько сот крепостных мужиков, наряженных в солдатские шинели».

Ни намек на героизм, наоборот, читатель сочувствовал иноземцам и возмущался беспощадности, коварству и жестокости русских солдат. Где, в какой стране вы найдете такое отношение к собственной армии и собственным достижениям?! Ни в какой! И это не самый вопиющий пример.

Академик Покровский в «Кратком курсе истории России» позволял себе называть царей и генералов «негодьями», «идиотами», «скотами» и «уродами». А слуг «проклятого царизма» — в лучшем случае «обманутым стадом».

По Покровскому, Николай I — безграмотный солдафон. Якобы он плохо различал буквы и больше всего любил слушать барабанную дробь — ничто другое его не волновало.

Александра III большевики объявили алкоголиком, Николаю II прочно приклеили кличку «кровавый», и даже победу 1812 года считали ошибкой: ведь и тут оболваненный народ воевал за укрепление власти своих же собственных помещиков.

Отношение к важнейшим вехам национальной истории иллюстрирует отрывок из «Вступления к поэме» пролетарского поэта Джека Алтаузена:

Я предлагаю — Минина расплавить,
Пожарского... Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить,
Их за прилавками Октябрь застал.
Случайно им мы не сломали шеи,
Я знаю — это было бы под стать.
Подумаешь, они «спасли Расею»!
А может, лучше было б не спасать?

До конца 1930-х годов русофобия — часть официальной политики СССР. Луначарский в одном из своих циркуляров по Наркомату народного просвещения пишет коротко и ясно: *«Нужно бороться с этой привычкой предпочитать русское слово, русское лицо, русскую мысль...»* Прямо как в стихах уроженца Житомира А. Безыменского:

Расеюшка-Русь, повторяю я снова,
Чтоб слова такого не вымолвить век.
Расеюшка-Русь, распроклятое слово
Трехполья, болот и мертвеющих рек...

Как же тут не порадоваться, что эта отвратительная страна

Околела? Умерла? Сдохла?

Что же! Вечная память тебе!
Не жила ты, а только охала...

Парадоксально, но в период становления и развития СССР большевики подчеркивали, что русский народ — это имперский народ. Народ-завоеватель. А значит — плохой и порочный.

Вроде бы большевики были интернационалистами и строили общество, в котором угнетение народов невозможно. Но формула, восходящая еще к де Кюстину, довлекла над ними как комплекс вины.

«Россия — тюрьма народов» — от этого комплекса пытались избавиться в Советском Союзе, определяя национальную доктрину СССР так: «...Интернационализм со стороны „великой“ нации должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы то неравенство, которое складывается в жизни фактической». «...Лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить». Обе цитаты из Ленина.

Признаемся себе: основы будущего распада СССР были заложены еще в доктрине «Право наций на самоопределение».

В 14 из 15 Советских Социалистических Республик была своя Академия наук. У всех, кроме Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Все республики имели свои столицы. Кроме РСФСР, столицей которой была общая для всех столица СССР — Москва.

Всякий живший в СССР хорошо помнит, какие сложные чувства испытывал русский, приезжавший из российской глубинки в «республики» — «национальные окраины» — особенно в Грузию или республики Прибалтики.

Путешественника на трассе из Брянской области РСФСР в Сумскую область Украины ждали не менее сильные впечатления: возле скромной таблички «УССР» кончался разбитый проселок и начиналась прекрасная асфальтированная дорога, осененная высокими тополями...

Причина этих явлений проста: Россия, в ущерб своей экономике, стала донором для национальных окраин. Я далек от местечкового шовинизма, но сухая экономическая статистика покажет любому интересующемуся: целые промышленные районы Средней Азии, Кавказа и Казахстана под ключ построены на средства «Центра», то есть России. И руками в первую очередь — русских рабочих.

Мифы о Гражданской войне: Чапай думать будет

Я раз слушал его... как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и, что силы есть, хватъ стулом об пол.

Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?

Н. В. Гоголь, «Ревизор»

Александр Македонский тоже был великий полководец, но зачем же табуретки ломать?

Фурманов в фильме «Чапаев»

Начиная с 1930-х годов, советская историография «слегка» подправила историю партии большевиков и Гражданской войны. Из истории убрали «неудобные» факты: и немецкий plombированный вагон, и систему заложников, и лозунги мировой революции, в которой России отводилась лишь третьестепенная роль «детонатора». Из официальной истории Гражданской войны полностью «изъяли» всю систему ограбления России, всю чудовищную жестокость системы массовых расстрелов, террора и круговой поруки.

Даже создатель Красной Армии Лев Троцкий исчез из официальной истории, а народные вожди типа Щорса или Чапаева были подняты на щит и объявлены образцовыми красными командирами. Эти два покойника уже не могли возмутиться тому, как их превращают в нелепую икону.

Фильм «Чапаев» — пример гениального политического «пиара». Но после его выхода на экраны говорить об истории Гражданской войны в терминах исторической науки уже не представляется возможным. С этого момента начинается новый этап советского мифотворчества. Хотя воздадим дань — этот миф скорее позитивный.

Отмывая кровь и грязь, советские историки творили миф о власти, приход которой означал не гибель исторической тысячелетней Руси-России, а «всего лишь» некий крутой перелом в ее истории.

Фильмы типа «Волга-Волга», «Цирк» и «Кубанские казаки» формировали положительный образ страны. Страны, в которой хорошо и

приятно жить. Устами советских историков «заговорила народная Россия».

Афиша фильма «Волга-Волга».

Любовь Орлова — наша Мэрилин, воплощение «большой советской мечты». Улыбка — Голливуд отдыхает!

«Классические русские историки рассматривали всю историю России с иностранной точки зрения, и 1917 год... явил собою классическое доказательство того, что средний профессор понимал русскую историю хуже среднего крестьянина. Знал ее, конечно, лучше, но не понимал по существу ничего» (Солоневич И. Л. Народная монархия).

Очень точное определение.

Переворот Сталина

*И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить.*

«Песня о Родине» на слова В. Лебедева-Кумача

Для того чтобы осуществить идею «СССР», необходимо было вовлечь народ в процесс строительства государства, сделать этот народ — главным героем, главным действующим лицом великой разворачивающейся драмы. А для этого необходимо было пересмотреть отношение к этому самому народу.

Это означало отказ от идеологии глобальной мировой революции в пользу построения социализма в одной отдельно взятой стране. Такая позиция требовала заменить призывы к интернациональной солидарности трудящихся призывами совсем иного порядка: к солидарности исторической, национальной, религиозной. Сейчас трудно представить себе, насколько глубоко И. В. Сталину удалось видоизменить прежнюю советскую идеологию, внести в нее качественно новые элементы.

В 1936–37 годах совершился громадный по значимости идеологический переворот.

До 1936 года даже имам Шамиль или какой-нибудь племенной вождь кыргызов Кеннесары Касымов, воевавший с Российской империей, объявлялись «прогрессивными» борцами с «тюрьмой народов». С точки зрения ученых школы историка-большевика М. Н. Покровского даже басмачество — это «прогрессивное национально-освободительное движение». Термин Покровского «военно-феодальный империализм» вызывал у Ленина восторг. Книга Покровского «Русская история в самом сжатом виде» вышла с предисловием Ленина, предлагавшего эту книгу перевести на иностранные языки, а в СССР сделать школьным учебником.

До конца 1930-х годов «русский колониализм» рассматривался как абсолютное зло, однако постепенно он превращался в зло относительное, и со временем полагалось уже отмечать «положительные стороны» присоединения народов и стран к Российской империи (говорилось, разумеется — «к России»).

До конца 1930-х годов даже само слово «Русь» считалось контрреволюционным и было фактически запрещено. Придавать слишком

большое значение русской истории, русскому языку, русской культуре, вообще всему русскому стало чем-то недостаточно идейным и очень подозрительным.

Русский народ объявлялся народом-завоевателем, который угнетал другие, завоеванные им народы. В книгах, вышедших в то время, обязательно подчеркивалось, скажем, что буряты были хорошие, а завоевавшие их казаки — преступники и убийцы.

В книге А. П. Окладникова, посвященной присоединению Бурятии к России, живописуются чудовищные зверства «карателей и колонизаторов». То же самое — в книгах того времени о присоединении Грузии, Средней Азии или Северного Кавказа.

«Русский народ с 1918 по самый конец 1930-х годов рассматривался как неполноценный, зараженный великодержавным шовинизмом и подлежащий перевоспитанию. А слова „русопят“ и „кондовая Русь“ стали очень обычными для обозначения всех, кому „интернационализм“ хоть немного не нравился» (Буровский А. М. Крах империи).

«Реабилитация» русских началась с 1936 года и завершилась в конце 1940-х рассказами о «великом русском народе». Происходила эта реабилитация в такой форме: стали объявлять «прогрессивными» не вождей национально-освободительных движений, а собирателей русских земель. Теперь и Александр Невский, и русские цари XVI–XVII веков, и царские военачальники императорского периода объявлялись «прогрессивными».

«Реабилитация» Петра I и Ивана Грозного началась с выхода ставших знаменитыми художественных произведений.

Кадр из фильма В. Пудовкина «Суворов».

Генералиссимус был одинаково эффективен: с турками, французами, восставшими поляками или пугачевцами.

А вспомните целую серию талантливых кинофильмов, «вдруг» вышедших на советский экран в 1930–1940-е годы: «Александр Невский», «Адмирал Нахимов», «Адмирал Ушаков», «Кутузов», «Суворов». Прекрасно скроенные талантливые (а в случае с «Александром Невским» — гениальные) произведения уверенно утверждали новые положительные мифы о выдающихся государственных и военных деятелях дореволюционной России.

На волне этой реабилитации начали появляться книги о тех, кого почти не замечали в царской России: о Лисянском и Крузенштерне, открывателях Антарктиды, об освоении русскими людьми Русской Америки, о Циолковском и Мичурине, о Пржевальском и Кулибине...

Впрочем, нет смысла даже пытаться перечислять все эти книги, ведь речь идет о десятках и сотнях.

Сейчас большая часть этих книг оказалась в спецхранах библиотек, как «морально устаревшие» и «не востребуемые».

А жаль... Вот бы их достать, поправить, убрать из них набившие оскомину советские штампы и коммунистическую идеологию, осовременить, придать им динамику XXI века — то есть по хорошему переписать и — в массовую продажу, в школы — как внеклассное чтение!

Думаю, была бы самая востребованная литература.

В СССР начал создаваться положительный миф о России. Создавали его непоследовательно, коряво, да и слишком откровенно он был привязан к коммунистической идеологии. Но результаты все равно были блестящими.

«Подкидыши» советской эпохи

В эпоху Хрущева и Брежнева «подкинутое сословие» чувствовало себя безопасно и уютно. На своих любимых кухнях оно привольно сочиняло мифы самого разного рода. Охватить многообразие этих мифов о самих себе невозможно и не нужно. Но отметить то, что это был период развития и интерпретаций черного мифа о России, необходимо.

А. С. Пушкин говорил, что государство в России — единственный европеец.

В СССР государство, получается, было единственным патриотом.

Для многих ругать Россию было своего рода способом реабилитироваться — а то ведь, чего доброго, бесталанность кухонного оракула могла стать чересчур уж заметной. Чаще всего критикан становился как бы антисоветчиком. Но не обязательно.

Нередко он становился и русофобом, а как же — «сгубила талант и ум проклятая Рассея».

«Темная, с красными пятнами держава лежала в яме Земного шара. Дымные облака с багровыми брюхами клубились над громадным ее телом. По дну ямы, заросшему древними папоротниками и хвойными породами, топтали коваными сапогами, и медный гул брел по чугунному чреву Земли. По краям ямы густо стояли стражи, и зарево пожарищ кровавило железо, зажатое в их когтистых руках.

Облака дымного пара над державой пылали жадным пожаром.

Это жгли в усобицах друг друга подданные державы, а в перерывы между усобицами горячим огнем жгли охотников глазеть завидующими глазами за края ямы и соблазняться чужим поганым грехом».

Такой видел свою родину петербургский интеллигент Аркадий Викторович Белинков, автор книг про Юрия Олешу и Юрия Тынянова.

Это книга в стиле фэнтези? Нет, все конкретно: «С Восхода обваливались в яму татары, топтали копытами диких кобыл хлеб и мутили воды медленных рек. С Заката обрушивались... поляки, разбрызгивались по могучим просторам, жгли и рубили местных подданных, смеясь и ругаясь, учили изящным танцам и ошеломляющему вину Заката и мерзли в ночи, в снегу, на ветру и морозе... Ухали пушками с севера норманны».

Ну и так далее, все в таком же духе. Много.

Разумеется, не все интеллигенты видели родную страну таким

образом, но были и «подкидыши», готовые последовательно бороться с проклятой «ямой». И создавать подходящие для этого мифы.

«Перестройка» конца 1980-х годов, распад Советского Союза и появление нового государства — Российской Федерации, сопровождались перечеркиванием всего хорошего, что было в истории СССР. Либеральная интеллигенция получила возможность высказываться свободно, без цензуры. Вот она и высказалась...

В 1986–87 годах во всей стране огульно критиковали Сталина и призывали вернуться к «ленинским правовым нормам».

Тогда родился и миф о «неоправданно репрессированных» ангелоподобных «демократах» Якире, Тухачевском и Блюхере.

Якобы были они необычайно талантливыми и хорошими людьми, а злодей Сталин истребил их из зависти к душевному величию и талантам.

Публицисты эпохи перестройки словно соревновались, кто наговорит больше гадостей. Как нанялись...

Не случайно возникало в народе подозрение — а может, перестройщики во главе с Александром Яковлевым и правда — платная агентура Запада? Платная или идейная — но факт остается фактом: с 1986 года шла небывалая активизация ВСЕХ черных мифов о России. Даже очевидные достижения СССР рассматривались как что-то сомнительное и ненужное. Поголовная грамотность? Низкого качества.

Бесплатная медицина? Ее «на самом деле» не было. Гагарин первым в космос полетел? А еще неизвестно, кто первый. Победили в войне? Может, было бы лучше и не побеждать, ведь все равно невероятные потери свели на нет все результаты победы.

И в Российской Федерации совершенно ничего не изменилось.

По крайней мере до 2000 года самая агрессивная русофобия оставалась ведущим мотивом в прессе и на экранах телевизоров.

С телеэкрана в 1997 году прозвучало: «Катастрофа по имени Россия» — автора не запомнил.

Тут же — газетные заголовки: «В кого будет стрелять голодная армия» и «Жизнь в России все больше похожа на зоопарк».

Стали «классикой» высказывания из газет, многие из которых повторялись неоднократно, а отдельные вошли в народный фольклор: «Такое возможно только в России!», «Хотели как лучше — получилось как всегда», «В отличие от цивилизованного мира».

Очень часто иностранные версии черного мифа о России опираются на данные, полученные изнутри страны. Откуда бы еще агентству Рейтер узнать, что двое пьяных рабочих на «заводе икс, к востоку от Урала»

сперли на спор две ядерные боеголовки? (Сообщение от 20.04.1997.) И что из российского военного транспортного самолета упали две украденные коровы. Упали прямиком на японское рыболовное судно и потопили его. (Сообщение от 30.04.1997.) Могли, конечно, и придумать. Но в таких сообщениях прекрасно видно специфическое чувство юмора нашего «подкинутого сословия».

В общем, прессу легко можно было обвинить в попытке вызвать массовую панику и желание бежать из России куда глаза глядят. Тут же сообщалось, что как только россияне получают иностранные паспорта, за первый же год из страны уедут 20 миллионов человек.

Примерно то же самое творилось в кинематографе. Невозможно представить себе, чтобы американское кино выпустило аналог «Старых ключ» и вообще любой из последних фильмов Рязанова о России. Если и выпустит, продюсер разорится, а толпа разнесет съемочные павильоны и забросает камнями артистов.

Складывается впечатление, что русское кино унаследовало от русской классики одну особенность: никогда не писать о хорошем, а исключительно о плохом. А в русской жизни видеть только изъяны и мазохистски противопоставлять «плохую» Россию «хорошему» Западу.

Вроде бы забавная комедия про то, как в Петербурге в некой квартире открылось «окно в Париж», и россияне могут гулять по Парижу, а парижане так же, почти мистическим способом, оказываются в Петербурге.

Так нет же! И в фильме «Окно в Париж» Юрия Мамина четко противопоставляются утонченные парижане с изысканными парижанками и убогие питерские обыватели — дураки и рвачи. Какое все хорошее «там»! Какое все ужасное «здесь»! Кинематограф и в сложные времена рассказывает о любви.

Но... как? В «Курочке Рябе» А. Кончаловского получается, что любить по-русски — это попросту жалеть пьяного да убогого.

Впрочем, «Курочка» — история давняя, а Андрей Сергеевич ярок, плодовит, и каждый новый его фильм сопровождается, согласно правилам раскрутки, острыми, шокирующими интервью.

Фильмы перечислять не будем, послушаем слова, сказанные в разные годы...

«В России сейчас жить хорошо, потому, что из нее можно уехать» («Time-Out»).

«У нас нет потребности ни в свободе, ни в демократии, потому и героя нет» («Известия»).

«...Теперь вообще неясно, выживет ли Россия. Ведь, по мнению многих

ученых, к 2040 году Россия исчезнет как государство» («Независимая газета»).

А вот нечто свеженькое: «В сегодняшнем российском обществе разрыв между богатыми и бедными вырос в десятки раз, но и „внизу“, и там, „наверху“ среди миллионеров, осталось то же хамство и отсутствие всякого уважения к личности, и главное — деньги не сделали людей лучше» («Московские новости», 31 августа 2007 г.).

«Русская женщина отличается от европейской женщины так же, как сегодняшняя европейская женщина отличается от европейской женщины XV века. Русская женщина — это европейская женщина Средневековья. Ничего плохого в этом нет» («Российская газета», 21 марта 2008 г.).

Надеюсь, к умнице-красавице Юле Высоцкой эти слова маэстро не относит? Было бы обидно.

Вообще, кажется, что желание засунуть нас в Средние века для Кончаловского — пунктик.

«Ну-у, хамство в России было всегда. Мы закалены: посмотрите на людей в метро, какие у них иногда агрессивные лица. Эта агрессивность связана с тем, что мы живем в XVI веке, там так и полагается. В Англии XVI века все приблизительно так и было. Только без „Калашниковых“. Были луки, яды и кинжалы». (Тот же старый «Time-Out» от февраля 2005 г.) Вот такой реэмигрант Кончаловский видит нашу страну, ничего с ним не поделаешь.

Интересно, но у его родного брата Никиты получается почему-то все по-другому. Его патриотизм — та основа, на которой стоит могучий художник. Именно по поводу таких фильмов, как «Курочка Ряба» и «Окно в Париж», Никита Михалков как-то заметил: «Какой нормальный человек, посмотрев эти фильмы, захочет посетить Россию?» И разразился блистательным «Сибирским цирюльником».

Тоже миф, но какой! Миф, после знакомства с которым в Россию захочется приехать, а не убежать из нее. Но таких фильмов — единицы, а основная масса, увы, скорее в стиле «позднего Рязанова».

Патологически честные советские люди

Вор должен сидеть в тюрьме!

*В. Высоцкий, он же Глеб Жеглов, из фильма
«Место встречи изменить нельзя»*

В СССР «обналичить» казенные деньги было невозможно, вкладывать было некуда, тратить — негде.

Остап Бендер мог бегать по Москве с чемоданом, в котором лежит миллион. И что? Номер в гостинице дадут не ему, а участнику слета передовиков производства... Контрабандист-«теневик» может заработать немыслимые для советского работника деньги... Но чтобы легализовать машину — и не иномарку, не «мерседес», а простенький «Москвич», герою «Бриллиантовой руки» приходится якобы «найти клад» и сдать его государству (!), получив в качестве вознаграждения лишь 25 % его стоимости!

Вниманию современных предпринимателей! Представьте на мгновение: «легализация дохода» за 75 % от декларируемой суммы. Вам уже плохо? Таковы были жесткие реалии социалистической плановой экономики.

В эпоху «перестройки» очень много говорили, а чаще истерически вопили о «патологической коррупции» советских вождей.

Сколько было крику о воровстве Брежнева! А что получилось в реальности? Ну, было у него несколько красивых автомобилей и ружей... Главе государства делали дорогие подарки.

Причем, в общем-то, не подкупали его таким способом. Выражали уважение в надежде на некоторое ответное личное благорасположение — и только.

Шум шумом, а кончилось-то фарсом, когда наследники Леонида Ильича вернули «присвоенные» Брежневым подарки. Не было у Брежнева ничего, кроме этих подарков, преподнесенных ему как главе государства... Были, конечно, в советские времена случаи масштабного воровства.

Были! После смерти Брежнева возникло пресловутое «дело Николая Щелокова».

Н. А. Щелоков.

Всесильный министр внутренних дел СССР и главный советский коррупционер наворовал на 100–150 тыс. долларов. По нынешним меркам — просто смешно. Не смешно то, что Щелоков застрелился, когда об этом стало известно.

Сам министр внутренних дел Щелоков 13 декабря 1984 года покончил с собой. Как выяснилось, он присвоил 560 тысяч рублей. (Это \$ 100 000–150 000 по тогдашнему «рыночному» — в буквальном смысле слова — курсу). А шуму-то было по всей Руси Великой! Но вы видите сами: масштаб истерии совершенно не соответствует масштабам дела. И доказывает это все только одно: не привыкли. Любое крупное хищение казалось таким невероятным, таким фантастическим, что сразу — и во все колокола! Было «Елисеевское дело» о хищениях директора в государственном Елисеевском гастрономе. Размер, правда, оказался скромнее — десятки тысяч рублей, а больше так: баночки с икрой да шпротами, финская колбаса, ветчинка, дорогие конфеты. Да-а-а... Далеко советским торгашам не то что до Панамы, а даже до самого чахлого подрядчика царских времен.

Демократия в СССР. Возможно ли?!

Когда я вижу эту новую жизнь, эти сдвиги, мне не хочется улыбаться, мне хочется молиться!

И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»

У современного российского школьника, студента СССР чаще всего ассоциируется с «империей зла». С ужасной тиранией, в которой не было и не могло быть демократии и прав человека.

Старшее поколение не согласно с этим мнением. Просто потому, что еще помнит Советский Союз. В СССР действительно не сложилось демократии в западном смысле этого слова: права избираться и быть избранным в органы власти, права гласно выражать свое мнение в печати, права не соглашаться с решениями власти и не участвовать в ее политике.

Не будем впадать в ностальгический самообман — ничего этого в СССР реально НЕ СУЩЕСТВОВАЛО.

Все права граждан, провозглашенные в конституциях, от Конституции 1924 до Конституции 1977 года, оставались на бумаге, и с бумажкой этой никто не считался. Реально правила даже не Советы разного уровня, а Коммунистическая партия, КПСС. На мой частный взгляд, Советская власть в чистом варианте просуществовала в России меньше недели. Дело в том, что, захватывая Зимний и арестовывая Временное правительство, Ленин и Троцкий действовали не от имени партии большевиков. На самом деле Октябрьский переворот инициировал полулегитимный проходивший тогда в Петрограде Съезд Советов.

Советская власть прожила де-факто в стране несколько дней, а де-юре — до подписания Брестского мира и выхода из состава СНК последних левых эсеров. Затем была установлена однопартийная диктатура большевиков.

Точнее, их руководства. Партия это не отрицала: с каждым из ее съездов мы удовлетворенно приходили к выводу, что «руководящая роль партии» в обществе возрастает.

Для молодых читателей, кто не помнит, как во времена «развитого социализма» осуществлялась Советская власть (т. е. власть выборных Советов) на местах, рассказываю классическую схему «народного советского самоуправления» уровня, скажем, района. Итак, заседание

некоего районного Совета (например Н-ского района Н-ской области РСФСР, численность жителей условно 100 000 человек) назначается на понедельник в 14.00.

Все депутаты райсовета работают на общественных началах, но, естественно, на сессию райсовета по сложившейся традиции их отпускают с предприятий на весь день, благо сессии случаются не часто, несколько раз в году.

Райсовет, который должен рассмотреть некие важные вопросы жизни района, обычно собирается в актовом зале здания райисполкома (избираемого Советом на несколько лет исполнительного органа районной власти, по-нашему — администрации района). В этом же скромном административном здании обычно еще находится райком партии и райком комсомола, на соседних этажах, что удобно с точки зрения взаимодействия и экономии. Поэтому, кстати, зал заседаний на все три организации — один. Экономно.

В 10.00 утра того же дня в том же зале собирается конференция районной партийной организации. В президиуме, в центре — первый секретарь райкома, его замы, председатель райисполкома (он всегда член бюро райкома партии «по должности», как председатель райсовета — также обычно член бюро райкома).

В зале — делегаты конференции.

Теперь главное. Среди делегатов конференции уже находится 2/3 участников будущего (через 4 ч) заседания районного Совета. Почему? А как же: партия руководит и направляет, поэтому в любом Совете любого уровня «конституционное большинство» — за членами КПСС.

Удобно, когда заседания идут одно за другим. Предприятие отпустило ценного работника только на день: он до обеда «отработал» на партконференции, после обеда — на заседании Совета.

Начало представления. Первый секретарь райкома, достав на трибуне бумажку, информирует делегатов конференции, что «бюро райкома партии накануне рассмотрело... проработало... и руководствуясь... предлагает конференции принять следующие решения...» Далее следуют подготовленные выступления делегатов и короткая дискуссия (если позволяет характер первого секретаря и хватает времени на обед, а также есть в наличии желающие «критически обсудить вопрос»). Делегаты конференции голосуют.

Антракт.

В 14.00 — второе действие спланированного спектакля. Зал тот же. Публика немного меняется. Часть делегатов партконференции, кто не

депутат, отправились по своим частным делам, но костяк сидит. К нему добавилась 1/3 новеньких — это те из районных депутатов, кто беспартийные и комсомольцы. В президиуме те же самые лица, но первый секретарь райкома и председатель райсовета поменялись местами. На трибуну выходит председатель райсовета (или райисполкома, это вмешательство «исполнительной власти в законодательную» никого не смущает, тем более что нередко — это вообще одно лицо) и зачитывает по бумажке тот же самый текст: «На состоявшемся вчера... рассмотрели, обсудили, проработали»...

Далее идет новелла: «Прошедшая накануне партийная конференция района также рассмотрела... и руководствуясь... решила...» Все согласно кивают. Далее можете продолжить сами...

Предположить, что партконференция (делегаты — ну, почти рядовые члены партии, по крайней мере не получающие напрямую материального вознаграждения) не поддержит полностью и безоговорочно предложения бюро горкома, то есть профессионального аппарата, еще теоретически можно. Говорят, такое иногда бывало. Это всегда — ЧП областного, иногда республиканского масштаба. Но вот предположить, что Совет может не согласиться и не поддержать решение партконференции — уже невозможно даже теоретически. Точнее математически.

Не буду, дорогой читатель, проводить напрашивающихся аналогий с современной действительностью. Как пелось в популярной песенке времен «расцвета застоя»: «Думайте сами, решайте сами... иметь или не иметь». Я, конечно, имею в виду демократию.

Сущность советского строя

До 1917 года у трона стеной стояло дворянство — аристократия. После — в этой роли выступала верхушка КПСС, профессиональные партийные функционеры. Качество, конечно, другое...

Николай Бердяев писал: *«Диктатура пролетариата, усилив государственную власть, развивает колоссальную бюрократию, охватывающую как паутина всю страну и все себе подчиняющую».*

«Эта новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может легко эксплуатировать народные массы. Это и происходит».

Довольно точно определил Бердяев функцию, которую потом назовут номенклатурой. Собственно, вот она та бюрократия, та власть чиновника, которая усилилась Петром, которая нарастала и тысячекратно увеличилась после 1917 года и плоды которой, — невозможность перебороть ее обычными мирными средствами, нереволюционными, — мы и пожинаем сегодня.

Откровенно говоря, на страницах этой историко-публицистической книги мне бы не хотелось углубляться в тему советской бюрократии. Вероятно, это тема отдельного исследования мифологии советского периода. Позволю себе лишь напомнить читателю абсолютно гениальную сказку Джорджа Оруэлла, написанную, по-моему, в военные годы, которая называется «Скотный двор» (или «Ферма животных» — Animal Farm).

Аллегория Оруэлла повествует, как на некоем хуторе животные устроили революцию против господства эксплуатировавших их людей. И сами стали хозяйничать. Однако республика освободившихся домашних животных очень быстро оказалась под властью самых хитрых и жирных свиней. И их свирепых охранников — сторожевых псов.

Уделом же всех остальных зверей стал беспросветный труд, выполнение составляемых свиньями планов пятилеток. Все это обильно сдабривалось свинской демагогией, рассказами о том, что раньше, мол, животные работали на людей, а теперь — на себя.

Так реальными владельцами хутора стали управляющие — свиньи. Любопытно, что люди из соседних селений свиньям завидовали: те смогли создать такой режим, при котором все другие животные работали гораздо больше, а еды получали меньше, чем на хуторах, по-прежнему управляемых людьми. Сказка Оруэлла входила в список злостной

антисоветской литературы и была строжайше запрещена во всех социалистических странах.

Свиньи — новая бюрократия. Новый класс, прорвавшийся к господству после 17-го года, класс партийных управляющих. Если критически рассуждать о засилье чиновничества и бюрократии, Башмачкиных, столоначальников и ревизоров царской России, то мы должны признать — они были, скажем так, профессиональными посредниками, *натягивавшими* на себя некие управленческие функции. После революции, «освободившей» трудящихся, бюрократия стала *единственным правящим* классом в стране Советов.

Кучка людей, присвоивших право распоряжаться страной. Кучка, которая порой сужается до считанных единиц — тех, кто «принимает судьбоносные решения». Скажем, ввод советских войск в Афганистан в 1979 году (т. е. по сути присоединение Афганистана к «большому СССР») с последующей войной с моджахедами — «приговорили», как считается, три человека.

Сравним: присоединение Украины, а затем и войну с Польшей при САМОДЕРЖЦЕ Алексее Михайловиче все-таки «приговаривал» Земский Собор.

Если отвлечься от личных пристрастий и взять в руки томик Аристотеля, то, видимо, советский строй правильнее всего назвать смесью олигархии и бюрократии. С добавлением нескольких щепоток русского национальной специи — «советской демократии». Исключительно для вкуса.

Однако это дополнялось огромными социальными гарантиями и правами человека на местах и в профессиональной сфере.

Социальная защищенность

Всегда считалось: одна из самых больших потерь каждого эмигранта, сбежавшего из СССР, — потеря чувства социальной защищенности.

В Советском Союзе ходила шутка, что «профсоюзы защищают трудящихся даже тогда, когда они не трудятся». Так и было.

Человек приходил на работу, и уволить его не было почти никакой возможности, что бы он ни выделывал. Можно было являться на работу пьяным и ругать начальника матом, можно было в служебное время раскладывать пасьянсы, травить анекдоты и валять дурака множеством других способов.

Не всем эта сторона социальной защищенности была так уж нужна, но она ведь была.

Не говорю уже о неукоснительной оплате больничных листов, декретных отпусков, пособий по болезни и пенсий по старости, стипендий. Житель СССР мог трудиться не особо напрягаясь — свой минимум имели все, кроме разве что бродяг и многодетных мамаш из самых низов общества.

Где бы ни работал подданный СССР, везде была очередь на получение жилья или на право вступить в жилищный кооператив. На богатых предприятиях предлагали подписать договор на несколько лет и призывно позванивали ключами от квартиры. На бедных — человек работал на квартиру и 10, и 15 лет. Но 15 лет — это срок получения бесплатной государственной квартиры. Получил — и кто же тебя из нее выгонит?! Житель Запада тоже мог заработать на жилье. Но он или платил от 25 до 33 % своего бюджета за снятое жилище, или тратил примерно такую же сумму на выплату процентов по ипотечному кредиту. И платил не 10 и не 15, а как правило, 20 или 25 лет.

А ведь многие советские люди получали квартиру гораздо быстрее, чем за 10 лет, особенно в новых городах или у кого были востребованные профессии. Западный человек, если терял работу, платить по кредиту не мог. Болезнь вполне реально могла обернуться тем, что всей семье становится негде жить.

По качеству советское жилье, по крайней мере, на этапе до 1970-х годов было ничуть не хуже западного. Как свидетельствует В. Аксенов, «советские „жилплощади“ тесноваты, но они теплые и удобные», не требующие ремонта. Да и ремонт дома тоже делало государство.

В свое время Марина Влади устроила в Париже выставку привезенного из СССР дамского белья. Лейтмотивом этой выставки было что-то типа: «какой ужас!!!» Действительно, одежда советского производства проигрывала западной. Женщины томились в очередях, чтобы «достать» колготки из ГДР или туфли из Венгрии. Но одежда и обувь всегда были, и всегда по доступной цене.

Советский человек в 1960–70-е годы был хорошо и без особых усилий обеспечен даже сравнительно со средними странами Запада, причем пищей лучше, чем жильем, а жильем лучше, чем одеждой.

Добавьте к тому доступность транспорта и отдыха. Сегодня билет на самолет Москва-Владивосток стоит в 2 раза больше средней месячной зарплаты по России. В СССР он стоил МЕНЬШЕ одной месячной зарплаты по стране. Ездить на поездах могли люди самого скромного достатка. У жителей Москвы и Ленинграда, в том числе у студентов и младших научных сотрудников, была возможность в пятницу сесть в поезд на Таллин или Ригу, погулять по городу день, вечером опять на поезд — и домой.

Многие семьи, в том числе из Казахстана и Сибири, даже с Дальнего Востока, регулярно отдыхали на Черном море. Путевки давал профсоюз — даром или за полцены. Проезд был копеечным.

Добавьте к этому доходящее до абсурда (с современной, но не с советской точки зрения) равенство в доходах. Шофер на Севере, член Академии наук, уникальный специалист — все они могли иметь максимальную зарплату в 800–1000 рублей. При том, что минимальная зарплата составляла 90 рублей, а средняя по СССР — 140–150 рублей.

Разрыв в доходах между самыми богатыми и самыми бедными в СССР мог достигать в 10 раз. Пожалуй, это предел. Наиболее четко эта ситуация видна на примере окладной системы советской армии. Лейтенант — выпускник училища получал в среднем около 220 рублей, это выше, кстати, средней зарплаты по стране.

Полковник, командир полка — около 400. Генерал — от 500. То есть разрыв — в 2–3 раза, не более. И это после 25–30 лет «безупречной» и тяжелой армейской службы. Никому в голову не приходило, что в одном городе могут жить люди с разницей в доходах не в 10, а в 1000 или в 10 000 раз. Что кто-то может ездить на машине, а кто-то способен купить разве что покрышку от ее колеса — если подкопит.

Уже давно, еще в 1960-е годы, за рубежом стали писать, что именно опыт СССР подталкивал Запад к социализму. Ведь если где-то существует царство такой социальной защищенности, приходится волей-неволей на это

царство равняться. Иначе жди неприятностей...

Социальная мобильность

В СССР социальная стратификация была заметно ниже, чем в странах Запада, уже благодаря праву — и фактической возможности — любого человека приобретать какие угодно профессии.

В СССР считалось, что способности и желания талантливой молодежи — нечто почти священное. Ограничивать юношей и девушек в их стремлении учиться и получать профессии казалось совершенно безнравственным.

Доступность лучшего в мире (на 1960–70 гг., оговорюсь) высшего и среднеспециального образования открывала перед всеми рядовыми гражданами Союза **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** равные возможности в развитии.

В этом отношении еще вопрос, где в большей степени было реализовано так называемое общество равных возможностей: у нас или в США. Сразу отмечу: я по убеждениям — совершеннейший антикоммунист и считаю теорию Маркса-Энгельса психологически и экономически ошибочной, а практику Ленина-Сталина преступной.

Но даже мне, честно говоря, кажется, что все-таки в хрущевско-брежневский период СССР имел куда больше прав называть себя **НАСТОЯЩИМ ОБЩЕСТВОМ РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ**, чем, например, Америка.

То же самое касается и вертикальной стратификации, а попросту — социальной карьеры. Пропаганда обрушивала на жителя СССР каскады трескучих фраз про то, что ему открыты все дороги, что он по стране шагает как хозяин и может легко прошагать путь от разнорабочего до министра.

В США тоже родился классический стереотип — от чистильщика обуви до миллионера. Только вот на практике никто не видел миллионера, который начинал бы карьеру с чистильщика сапог.

А в СССР не то что представители элиты, а непосредственно руководители государства начинали именно с разнорабочих, с сельских батраков и грузчиков. Хрущев из шахтеров. Брежнев был землеустроителем — техником-геодезистом. Путь в министры, партийные начальники был принципиально открыт.

Человек, в том числе самого скромного общественного положения, действительно чувствовал себя субъектом права: «народ управляет государством». Субъектом права он, конечно, на самом деле не был, правил

государством не народ, а верхушка партии, но тут важна психология, а не реальное положение дел. Такой человек мог попытаться прорваться наверх. И нередко получалось.

«Выдвиженцы» 1930–50-х годов составили огромный отряд элитной технической интеллигенции в СССР, вплоть до руководства целыми заводами, промышленными округами, министерствами, отраслями экономики.

Конечно же, «выдвиженцев» тщательно проверяли: нет ли у них в роду «классово чуждых элементов», всегда ли они были лояльны к советской власти, и как там у них по части пролетарской идеологии. Но если у «выдвиженца» характер был «нордический» и стойкий, с мозгами и оргспособностями все в порядке, то продвигался он по служебной лестнице без вопросов.

А была область, где и классовое происхождение, и наличие чуждых элементов почти прощались: наука. В директора крупного академического института сына «врага народа» могли и не пустить, но стать доктором наук, профессором, заведовать лабораторией или сектором он мог.

Состояние дел изменилось, когда положение верхушки КПСС окончательно сделалось полунаследственным: в 1970–80-е годы. Эту эпоху называют иногда временем «самозащиты советской власти от пришельцев». И это не грустная ирония, а довольно точное описание того, что происходило в стране. По сути, партия окончательно превратилась из хотя бы плохой, шаткой, но карьерной лестницы в монолитную стену без окон и дверей. Не свой — не пролезешь.

Олигархия бюрократов не могла развиваться: на то она и бюрократия олигархов. Вести страну стало некуда, темпы развития снижались, СССР начал тихо загнивать.

Тогда у некоторых юношей-карьеристов даже появилась мода на своего рода мужскую проституцию: чтобы добиться легкого успеха в жизни, надо было попросту жениться на дочке какого-нибудь партийно-советского бонзы. Поколением раньше в такого рода жертвах не было никакой необходимости: во-первых, сегодня ты «бонза», завтра — «враг народа», а во-вторых, любой парень был убежден, что может и сам добиться почестей и славы.

Так что до эпохи «самозащиты власти от пришельцев» система более-менее развивалась.

Бессмысленно сопоставлять парламентскую демократию и советский строй: это будет сравнением квадратного метра и секунды.

Констатируем факт: советская власть вовсе не была примитивно

тоталитарной и не знающей никаких элементов демократии.

Население СССР жило в своей, советской социалистической демократии — пусть очень своеобразной. Можно сказать — извращенной. Во многом она, конечно, уступает парламентской, но по некоторым пунктам ее превосходит.

«Целились в коммунизм, а попали в Россию»

Большая империя, как и большой пирог, начинает крошиться с краев.

*Бенджамин Франклин, человек со
стодолларовой купюры*

Либеральная советская интеллигенция вполне искренне ждала, что после падения СССР Запад заключит Россию в объятия и примет ее в число равных держав. Наивные! Один из тех, кто определяет политику США, Р. Пайпс, совершенно определенно заявил, что *«не надо разделять СССР и Россию. Надо четко понимать — холодную войну проиграла Россия»*.

После 1991 года не изменилось принципиально ничего... кроме того, что раньше главным объектом мифологизации была Россия как государство Российское, а теперь вровень со своим государством сделался и весь русский народ.

Раньше СССР виделся на Западе своего рода концлагерем, в котором пребывает народ, покоренный коммунистами. Если его освободить — может, что хорошее и получится. А если кто и успел вырваться из СССР, то это хорошо, нашего полку прибыло.

Теперь Россия видится скорее резервацией. Люди из нее частенько уезжают на Запад, привносят в западные культуры свои ценности, составляют конкуренцию коренным жителям.

В США живет до 100 тысяч русских эмигрантов первой и второй волн — потомков тех, кто оказался за границей во время Гражданской войны 1918–22 годов или Второй мировой войны. Некоторые из них сыграли заметную роль в американской науке и в экономике. Питирим Сорокин основал одну из ведущих в мире школ социологии. Василий Леонтьев — школу экономики, более известную, чем пресловутая «чикагская», последователи которой Гайдар и Чубайс делали реформы «по-чикагски». Георгий Вернадский и Герман Пушкарев основали американскую школу славяноведения в Принстонском университете.

Науку и технику на Западе двигали тоже наши. Удачно сложилась научная судьба русских ученых в области самолето- и вертолетостроения (И. Сикорский, Г. Ботезат, М. Грегор, А. Лебедев, А. Прокофьев-Северский, И. Махонин, М. Ваттер, Д. Рябушинский), органической химии

(А. Чичибабин, В. Ипатьев), конструирования приборов (В. Зворыкин, Г. Гамов, В. Жардецкий, Н. Андрусов, В. Анри, Б. Бабкин, П. Вальден, С. Виноградский), физики, математики, геологии, микробиологии, физиологии, почвоведения.

Не хотелось бы утяжелять наше повествование описанием технологий, но о двух наших изобретателях за океаном просто невозможно не рассказать.

Инженер Владимир Зворыкин, родом из Мурома, в 1917 году едва избежал солдатского самосуда. В 1919 году оказался в США. Стал изобретателем электронно-лучевой передающей трубки, которая сделала возможным появление телевидения.

Авиаконструктор Игорь Сикорский на Родине создал самолет «Илья Муромец», положивший начало многомоторной авиации. После революции конструктор эмигрировал во Францию, а затем в США. Создал первый в мире вертолет — единственную винтокрылую машину, использовавшуюся во Второй мировой войне. К Советам, что любопытно, относился довольно лояльно.

Сегодня каждый студент Массачусетского политеха с гордостью скажет вам, что телевидение и вертолет изобрели в США и сделали это «US citizens Mr Zvorykin & Mr Sikorsky».

Точно так же русские ученые в США изобрели еще, например, знакомую каждому микроволновую печь. Этот список можно продолжать и продолжать. Говорят, половина менеджеров высшего звена корпорации «Майкрософт» — русские. Ничего нового в этом нет, но в американских фильмах эти факты не отражены. Никак.

Если говорить о США конца XX — начала XXI века, то в этой стране живут несколько десятков тысяч русских ученых, а примерно два миллиона русских эмигрантов последних лет трудятся в самых разных областях — от трактористов в сельскохозяйственных штатах до самых крутых компьютерщиков.

Но ведь это же факт: ни в одном американском фильме нет образа русского ученого, который просвещает американских студентов. Нет положительного предпринимателя, который вкладывает деньги во что-то полезное для людей, вдохновенного компьютерщика, музейного работника, храброго полицейского.

Кинематограф США политкорректен избирательно.

На экранах мелькают положительные образы хороших, честных, умных негров, индусов, китайцев, поляков, евреев. Исключение одно — русские.

Правильная страна

Русский человек только тем и хорош, что он сам о себе прескверного мнения.

Базаров, из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»

Любую крепость легче всего взять изнутри.

Сталин

Мифы о России... Мифы о «неправильной» стране, в которой вообще жить невозможно. Невозможно уже физически: она для человека ПРИРОДОЙ не приспособлена.

Что и логично: взять за эталон абсолютно любую территорию (ну, Швейцарию, например) — и все, что на нее непохоже, тут же делается «неправильным». Бездарным каким-то.

Один веселый японец как-то «доказал», что в Японии невозможна жизнь человека: крутые склоны, узкие долины между горами, постоянные землетрясения, извержения вулканов и цунами.

В России по этой логике она тоже невозможна: страшные морозы зимой, короткое жаркое лето, громадные расстояния, удаленность от моря, сплошные леса и болота... Россия уже в плане климата и природы — страна глубоко «неправильная»: ведь она сильно отличается от Европы вместе с Америкой и некоторыми другими бывшими британскими колониями.

При таком сравнении Россия и правда получается странной и неправильной по своей общественной психологии, общественному и государственному устройству.

В сравнении со странами «золотого миллиарда» Россия населена каким-то странным, непонятным народом, который и может жить в ней только потому, что невероятно терпелив и приспособлен к любым условиям существования. Этот народ непостижим, потому что руководствуется глубоко иррациональными, ему самому непонятными мотивами. Россия непостижима, невероятна, неправдоподобна. Как у Бабеля: «Россия, невероятная, как стадо платяных вшей...» Эта невероятная страна ведет неправильное хозяйство, и если она нищая, то исключительно по

собственной вине.

Помните у Алексея Толстого: *«За тысячу лет землю пахать не научились».*

Непостижимая и странная Россия управляется жадными, патологически вороватыми чиновниками. При их преступном правлении «эта страна» вообще идет каким-то особым, «своим путем», неизвестно откуда и куда. Страшно представить себе, чем этот непостижимый путь может закончиться.

Конечно, русский народ никак не способен жить «как во всех цивилизованных странах». В самом лучшем случае Россия попросту невероятно отстала от правильно живущей Европы. Здесь хорошо вспомнить Булгакова: *«Люди, которые отстали от Европы по крайней мере на 200 лет и до сих пор не умеют уверенно застегивать собственные штаны!»*

Но и это — только в самом лучшем случае. А очень может быть, здесь и 200 лет отсталости — мало. Совсем мы не туда зашли, и спасет Россию только полная «перековка», полная «перестройка» всех основ и психологии, и экономики, и общественной жизни. Только полное превращение в часть Европы.

Пора поговорить о других мифах, в которых Россия предстает некой «неправильной» страной. Страной, которая, повторюсь, безнадежно отстала от «цивилизованного мира» в культурном и техническом отношении.

Которая бредет, спотыкаясь, своим непостижимым путем в никуда. Но почему историческая мифология любой нации, любой страны в первую очередь замешана на великих примерах героизма и самопожертвования? Первоклассники в итальянских школах проходят историю о том, как некий гражданин Муций Сцевола попал в плен к врагу. Когда ему пригрозили пытками, если он не предаст Рим, он усмехнулся, просто протянул руку к пламени факела и сжег ее, так и оскалившись в улыбке, до паленого мяса.

Потрясенный мужеством враг понял, что пытаться этого римлянина бессмысленно, и отпустил его. Вся последующая жизнь Сцеволы была не менее захватывающей. Командовал римскими войсками, сражался одной рукой... И так в любой западной школе — сразу учат на позитивных примерах! Мы же нашу историю в школе начинаем учить на негативе, воистину с младых ногтей занимаясь самоуничижением.

И у каждого негативного мифа — свой интересант.

Возьмем миф о традиционных покорности и долготерпении русского народа. Он исключительно выгоден для любой власти. Власть очень хочет,

чтобы мужик ждал барина. Очень хочет приехать и за него все рассудить. Власть хочет за нас принимать решения. При всем словоблудии о местном самоуправлении где-то там, наверху, местная власть «на земле» всегда категорически недовольна развитием местного самоуправления и всячески над ним издевается. Естественная, органическая мечта любого назначенного губернатора — душить мэра избранного. Так уж повсеместно складывается. Но и у мэра есть мечта — приструнить избранных руководителей районов. У начальства района — разобраться с округами, которые не им назначены и, соответственно, плохо «управляются».

Но никакая, даже самая идеальная исполнительная власть не может обеспечить того народного уровня понимания проблемы на местах, которое обеспечивается только местным самоуправлением.

Приведу локальный пример. В нашем любимом городе-герое Москве высок рейтинг Лужкова. В целом по заслугам — много хорошего в столице сделано. Московская исполнительная власть считается образцом эффективности. Но в той же Москве практически отсутствует местное самоуправление, депутаты муниципальных собраний — фикция, сидят без возможности контроля за властью, без бюджета, для них это просто дополнительная нагрузка к основной работе...

В стратегическом плане это плохо для Москвы. Ни один даже самый гениальный человек не может думать лучше, чем 15 миллионов жителей столицы. Это физически невозможно. Вот для этого и нужна система местного самоуправления, а ее нет. Это не кивок в сторону именно Москвы — по всей стране ситуация схожая.

Если продолжать вести речь о долготерпении — что нам всегда говорили? Наш мужик все снесет. Над ним можно издеваться. Мы же не в Европе. Вот там стоит повисить стоимость проезда на метро — сразу национальная забастовка и демонстрации. Если говорить об этом с утра до вечера, так оно и будет, люди станут оправдываться: это наследие крепостного права, наш рабский дух, и сам и же начнут в это верить. В эту чушь.

В новой книге читатель видит примеры удивительной стойкости, невероятной предприимчивости, удивительной любознательности и пассионарности русского народа.

Все эти примеры не придуманные — исторические, подкрепленные документами.

Возникает вопрос, почему судьбы этих людей не ложатся в основу сюжетов многосерийных исторических фильмов? Уже обрыдло, извините за выражение, уже телевизор смотреть нет сил: на одном канале — менты,

бандиты, крестные отцы, на другом — «прекрасные няни», на третьем — «блондинки в шоколаде», — ум за разум заходит окончательно. Я, конечно, понимаю, исторические, патриотические сериалы делать трудно, гораздо проще и выгоднее адаптировать американский сценарий, вставив туда русские имена, и снимать по серии в день. А здесь же думать надо, желательно прочитать еще пару исторических книжек.

Но должна же быть какая-то государственная политика на этот счет! Кого мы воспитаем на ворах-ментах-блондинках? Рассуждения телевизионщиков о том, что они снимают то, что смотрит зритель, являются не просто враньем, а враньем вдвойне. Все с точностью наоборот: это зритель вынужден смотреть то, что снимают. Не только вкус определяет выбор продукта, но и сам продукт программирует вкус. Если вы ребенка будете с пеленок кормить бигмаками и кока-колой, то больше ничего иного к 16 годам он есть уже не сможет. Его будет физически тошнить от овсяной каши, черного хлеба и куска мяса.

Эту физиологическую, простите за такую аналогию, мысль вам на пальцах докажет любой собачник. Он-то знает: если с щенячьего возраста давать собаке только «Чаппи» и «Педди гри», то когда щенок вырастет, его будет выворачивать наизнанку, рвать от любой нормальной собачьей еды, включая мясо и косточку. Ибо желудок настроен, организм мутировал — и он уже натуральную пищу не приемлет.

Вы все еще верите рекламным рекомендациям лучших ветеринаров, что «Чаппи» и «Китикэт» полезны вашим любимцам? Ха! Поверьте мне как бывшему рекламщику: никаких врачей и ветеринаров в рекламе нет и никогда не было, это все дешевые актеры из массовки.

А если бы и были, то что? Поймите: ветеринар, посетивший семинар производителя сухого корма где-нибудь в Канаде и получивший недетские гонорары, будет советовать то, за что ему заплатили. Так же как, к сожалению, и врачи, через раз выписывающее вам «современное» дорогостоящее и совершенно бесполезное лекарство. Вы должны понимать: в лучшем случае им просто хорошенько промыли мозги на «научных симпозиумах» в лучших отелях Швейцарии и Управделами Президента. Промыли так, что они сами в это дорогое лекарство поверили.

А в худшем — они просто получают с этого процент.

У собаки — год-два, и организм, кроме этих брикетиков, никакую пищу не примет. Безумный глянец и политика телеоболванивания делают из нашей молодежи собачек, выросших на субпродуктах. Вскормленные на субпродукте андройды не способны ни к какому нормальному процессу, ни мыслительному, ни пищеварительному.

Власть должна следить за духовным здоровьем нации, но у нее почему-то всегда до этого руки не доходят. Хотя... с другой стороны — это полуживотное, потребляющее духовную жвачку, конечно, глупое, не способное к свершениям, и с ним трудно выполнить «план Путина» — он же «план 2020» или уже «3030», или любой другой план... Но у него есть неоспоримый плюс: оно ни о чем не думает и изредка голосует как надо. Предпочитает жевать, чем говорить. Говорить, чем думать и читать. И вообще ему нужно только продолжение «Прекрасной няни» и «Дома-2».

Герои «Дома-2» — вот образцовая молодежь, она поступает так, как надо.

И эта телеаудитория рано или поздно выберет Ксюшу Собчак Президентом России.

Да-да, вне всякого сомнения, через 10–15 лет, если все пойдет, как шло до сих пор, именно Ксюша станет самым узнаваемым, если не единственным узнаваемым героем в обществе. А узнаваемость есть избираемость, это первая аксиома политтехнолога. Хотя, боюсь, и сейчас, при свободном рейтинговом голосовании по узнаваемости и «понимаемости» в определенной возрастной аудитории между Медведевым и Собчак, увы, Дмитрий Анатольевич с разгромом проиграет.

Вот кого ему надо бояться, а не Лимонова с Каспаровым. Вот его реальный конкурент через 10–15 лет.

Увы, мы не в силах снимать фильмы о «Мифах о России» и показывать их по Первому и другим ТВ-каналам в прайм-тайм. Хотя не оставляем надежду, что их руководители эту книгу когда-то прочитают и задумаются. Но мы в силах хотя бы читающей части аудитории, которая у нас осталась, предложить альтернативу. И большие тиражи «Мифов о России», за которые мы очень благодарны нашим читателям, доказывают: наш читатель хочет все-таки чего-то другого, кроме гламурной жвачки.

Духовный чаппи ему осточертел.

Обратите внимание, как часто сейчас произносят это выражение: *мифы о России*, как часто стали говорить о политической и исторической мифологии, — это круги на воде от книги. И мы здесь ни в коей мере не препятствуем использованию брэнда, не цепляемся за авторское право. Пусть больше людей задумаются, что не всему надо верить из написанного в старом школьном учебнике истории. Что надо воспринимать с разумным недоверием любую информацию — в том числе негативную.

Мы привыкли со скепсисом относиться к информации позитивной — годы перестройки выработали у нас эту дурную привычку. Если признаем, что Жуков — гениальный полководец, то должны обязательно добавить: но

солдат не щадил, орал на своих генералов благим матом и бил их прилюдно по щекам. Если говорим, что Гагарин обаятельный умница и герой, то обязательно добавим: ну, вообще-то он случайно стал первым космонавтом, должен был лететь Герман Титов. Но Титов очень нервничал, не мог уснуть, а Гагарин в ночь перед стартом спал как сурок — нервная система крепкая, вот КГБ и решил отправить Гагарина. Королев — гениальный конструктор-ракетостроитель? Обязательно добавим: он сотрудничал с преступным сталинским режимом и присвоил себе немецкие изобретения. Курчатов — гений ядерной физики? Тоже опирался на украденные секреты атомной бомбы. Кто еще? Да, Шолохов — гениальный писатель, лауреат Нобелевской премии? Так-то так, но все равно нехороший человек, спертаки черновики «Тихого Дона» у убитого белогвардейского офицера.

Таков сегодня наш подход — во всем искать гниль.

Раньше искали гниль только в том, что относилось к царско-имперской России. После победы «демократов»-перестроечников мы стали винить себя во всем в принципе. До перестройки мы знали: история царской России — есть история кровавых преступлений царизма. Потом выяснили, что после 17-го года еще хуже — это история кровавых преступлений большевизма.

Так вот, мое кредо — иное.

Скептически надо относиться к настоящему, чтобы тебе не морочили голову. А в истории надо выискивать позитивное. Повторю свою старую мысль. Можно до бесконечности искать причины гибели Чапаева — и пьяный он был, и закололи его штыками прямо на берегу, и охранение забыл выставить, и воевал, говорят, в основном не с каппелевским белым офицерем, а с уральскими казаками да крестьянскими повстанцами... Но зачем? Давайте обо всем этом (даже если это и есть часть правды) специально напишем мелким шрифтом — об этом должны знать специалисты, а люди пусть верят в народного героя Гражданской войны Василия Ивановича Чапаева.

И давайте не будем выяснять, был ли Александр Невский коллаборационистом и зачем он постоянно ездил на поклон в Золотую Орду. Ответим просто: жизнь была такая, любой бы поездил. Зато он страну сохранил и отбил западную агрессию. Между прочим, в совершенно юном возрасте. А после этого 20 лет занимался суперэффективной дипломатией, ибо трезво понимал: хочешь быстрого и гарантированного общерусского, общенародного самоубийства — начинай войну с татарами. Так вот: не хочу я разрушать позитивные мифы, пусть они будут.

И чем больше у нас будет своих 300 спартанцев, Муциев Сцевола и

прочих героев, тем лучше. А хотите, чтобы их судьбы превратились в телепроекты, — пишите письма Добродееву, Эрнсту и Кулистикову. А лучше Президенту. Или Путину.

WE ARE THE CHAMPIONS!

(Вместо заключения)

Увы, даже наши великие историки, признанные классики историографии считали, что освоение бескрайних просторов России — следствие крепостного права. Ну как не вспомнить о том, что «вся история освоения Сибири есть история бегства мужика от крепостничества», ну и так далее... Мол, бежали люди из-под ярма, двигались на Восток, осваивали, завоевывали. И вроде бы есть в этом рациональное зерно. Но только если пытаться разглядеть российские просторы, всматриваясь в окошко своего уютного кабинета в квартире где-нибудь на Фонтанке или Остоженке... Мне тоже, каюсь, раньше так казалось. Пока неожиданно в 2008 году я впервые не оказался в Якутии. К стыду своему, перед поездкой я даже плохо представлял себе, где Якутск находится на карте. Почему-то думал, севернее и ближе к Уралу. А в действительности оказалось — ближе к Магадану.

Для начала — немного о размерах, которые в нашем случае ох как имеют значение! Территория нашей Якутии, то есть одного (!) из субъектов Российской Федерации, сравнима по площади со всей Западной Европой. От восточной до западной границы — три часовых пояса.

Столько же, к слову, от Москвы до Гибралтара, те же три часа.

При этом плотность населения, наверное, самая низкая после Антарктиды. Из миллиона человек 250 тысяч проживает в столице — Якутске, основанном, по-видимому, теми самыми преследуемыми мужиками-казаками, бежавшими от крепостной зависимости. Такими, как Петр Бекетов, Семен Дежнёв, Федот Попов и Иван Москвитин.

Фамилии, как видите, простые, не боярские.

А до основателя Якутска Бекетова на Лене успели побывать и другие отряды — промышленника Пантелея Пянды, казаков Василия Бугора, Мартына Васильева, Ивана Галкина.

Теперь — о «транспортной составляющей».

Дело в том, что в Якутск и сейчас не ведет, считайте, вообще никакая нормальная дорога. Был когда-то туда тракт от Иркутска, и в XIX веке по нему можно было на лошадях проехать, но для автомобилей эта дорога не годится. Сейчас тракт полностью заброшен, хотя постоянно предпринимаются безуспешные попытки построить нормальную

автотрассу. То есть теоретически автодорога есть. Но... Те, кому интересно, могут посмотреть в интернете, что творилось на этой федеральной трассе в 2006 году, когда ее размыло дождями, — там выложена масса чудных фотографий. Ни один КамАЗ проехать не мог.

Даже железной дороги до Якутска нет по сей день.

Можно долететь только самолетом. Или на челне — по Лене.

Теперь о климате.

Разница зимних и летних температур в столице Якутии — подчеркну, не на полюсе холода в якутском Оймяконе, а в самом столичном Якутске — знаете, какая? 100 (!) градусов. В январе-феврале бывает минус 60, в июле — до плюс 38–40. Все дома стоят на сваях. Фундаментов просто нет: в землю можно углубиться только на штык лопаты, дальше — лед, вечная мерзлота.

Город, в котором сейчас живет четверть миллиона человек, основан казаками в XVII веке. Тогда же, кстати, они крестили всех местных жителей, и с тех пор якуты поголовно — Николаи Николаевы и Алексеи Поповы.

Так вот объясните мне, насколько же надо было бояться злого барина в XVII веке, чтобы из Вологды или Твери добраться своим ходом до Якутска? Как это сделал тот же Дежнёв. При том, что крепостное право было, мягко говоря, не совсем то, к которому мы привыкли по рассказам о Салтычихе. А стоило отбежать версты на три от барской усадьбы, и никто тебя в те времена уже никогда не смог бы найти. Всё! Там дальше власти нет — начинается лес.

Но мы зачем-то продолжаем слушать байки, что освоение Сибири — это все мужики, которые бегали от крепостного права.

А вопрос вот в чем: каков же был уровень любознательности, жажды нового, деловой предприимчивости — всего того, что Гумилев в совокупности называл пассионарностью, — у этих русских казаков XVII века, которые на нартах, на телегах, на лодках вот так шли от Вологды до Якутска. Или с Южного Урала. Или с Дона.

Основав город, они двигались еще дальше — и после Якутска появлялись Жиганск, Верхоянск, Зашиверск, Среднеколымск... В местном музее я видел грамоту, написанную с элементами свойственной тому времени уменьшительно-ласкательной стилистики.

«Того ж году сентября в 25 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу, поставил я с служилыми людьми на Лене острог для государева величества в дальней окраине и для государева ясачного збору и для приезду якуцких людей. А преж тово на Лене реке и в

якуцкой земле государева острогу не бывало нигде. А поставил государев новый острожек я, Петрушка, против якуцкова князца Мамыкова улусу».

«Петрушка» — тот самый Петр Иванович Бекетов, который во главе отряда из 30 казаков присоединил к Московскому государству территорию почти всей Восточной Сибири... А он тогда еще даже не был атаманом! В Америке история движения первых переселенцев на Запад, освоения бескрайних прерий — это героическая иллиада, воспетая в тысячах книг и фильмов.

Фронтир, ковбойцы/индейцы, Фенимор Купер, Клинт Иствуд — все дела.

Даже здесь не обошлось без мифотворчества. Хорошие, благородные индейцы — это делавары, могоканы, ирокезы — почти европейцы, только поспортивнее, да еще с благородными чертами загорелого Гойко Митича. Это — те, кто в эпоху движения на Запад и англо-французского противостояния в колонизируемой Америке — были за англичан.

Плохие же индейцы — жадные, жестокие и коварные, с размалеванными какими-то полукитайскими физиономиями — это гуроны и оджибвеи — те, кто был за французов. Плохие и сиу, с которыми воевала армия США. Под этими намертво припечатавшимися масками несчастные коренные жители США и вошли навсегда в историю.

Американцы продвигались с Восточного побережья США в сторону Тихого океана со средней скоростью 30 км/год. Это была не увеселительная прогулочка под зонтиком в зеленом фургончике. Это было движение по бездорожью, пустыням, постоянные стычки с местными, обустройство по пути фортов — крепостей, колоний. Это был путь романтиков-энтузиастов в неизведанное. Движение за лучшей долей — или навстречу смерти, туда, где действительно никогда еще не ступала нога белого человека.

Но почему-то мало кто помнит, с какой скоростью шло освоение нашими предками Урала, Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока. А историки посчитали. Получилось, что русские первопроходцы продвигались к Тихому океану на Восток со средней скоростью 70 км (!) в год.

Получается, что покрепче будем. Тем более погодка-то в Якутске — это вам не Калифорния. Шли наши казачки не через солнечные прерии, а через мерзлую тундру и глухую тайгу. Только вопрос на засыпку: сколько

фильмов наш агитпроп снял о Дежнёве и Атласове? И знает ли сегодня школьник хоть одно имя русских первопроходцев, кроме Ермака? Рассказывают ли вообще в нашей школе о походе тех трех десятков русских охотников-казаков в Якутию? Ведь это они увеличили нашу страну на три с лишним миллиона квадратных километров, причем без всякой крови и геноцида местных якутов-индейцев. Говорят ли на уроках мальчишкам в каждом классе об этом, как о величайшем подвиге? Примере истинно русского мужского характера и истинной службы Отечеству? Даже крестили — не огнем, мечом и инквизицией, а все лаской да уговорами.

О точно таких же грамотах об «острожках», когда огромнейшие участки суши становились вотчинами государя московского, с вытаращенными глазами рассказывали мне и те, кто побывал в музеях Благовещенска, Иркутска... И вопрошали: что же их так вставило, наших казачков, что они дотуда дошли? Там, за тысячи верст от Москвы, как-то сами собой развеиваются мифы о нашем долготерпении, рабском сознании, о лени, о пьянстве... Никогда на пьяную покорную голову да ленивую задницу такого нашим первопроходцам было бы не сотворить.

А эти русские люди шли дальше. Без всякого понуждения. Без всякой военной поддержки. Со всеми стараясь дружить. Семен Дежнёв открыл пролив между Азией и Америкой, Иван Москвитин достиг берегов Тихого океана, уроженец Якутска Владимир Атласов открыл Камчатку... Нет, ничего их не заставляло.

Просто она вот такая — наша Родина.
Россия без мифов.

notes

Примечания

1

Здесь и далее цитатами выделены авторские ремарки (*примеч. оцифровщика*).